

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Том 6

Москва
2023

УДК 93/94

ББК 63.3(0)6-284.6 + 63.3(2)6-362

В 78

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор и редактор-составитель:

Д. С. Панарина, канд. культурологии, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты:

Е. М. Астафьева, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Ю. В. Любимов, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Коллектив авторов:

Н. Н. Аблажей, д-р ист. наук, ИИ СО РАН, А. В. Антошин, д-р ист. наук,

УрФУ, К. Н. Балтабаева, канд. ист. наук, КазНУ им. Аль-Фараби,

Казахстан, М. В. Баканова, Dua Hospital, Пакистан, Г. Т. Гарипова, д-р

филол. наук, РГУ им. А. Н. Косыгина, Т. Н. Загородникова, канд. ист.

наук, ФГБУН ИВ РАН, М. Н. Игнатьева, МГУ им. М. В. Ломоносова,

Г. И. Каневская, д-р ист. наук, ДФУ, М. В. Кротова, д-р ист. наук,

СПбГЭУ, Д. С. Кочетков, ФГБУН ИВ РАН, А. Е. Локшин, канд. ист.

наук, ФГБУН ИВ РАН, А. Я. Массов, д-р ист. наук, СПб ГМТУ,

Е. Н. Наземцева, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН, Е. И. Нестерова, канд.

ист. наук, РГГУ, Н. А. Семенченко, ФГБУН ИВ РАН, Н. С. Скоробогатых,

канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН, Э. Ф. Шафранская, д-р филол. наук,

РГГУ, И. В. Щербаков, Орловский Военный Вестник

В 78 **Восточные** ветви российской диаспоры. Том 6 : коллективная
монография / Ин-т востоковедения Росс. акад. наук [отв. ред.
Д. С. Панарина]. – Москва: ИВ РАН, 2023 – 512 с.

ISBN 978-5-907671-78-2

В книге освещены политические, экономические и социальные аспекты жизни российской диаспоры, её общественно-культурная жизнь, раскрываются проблемы ассимиляции и национальной идентичности, анализируется научное и культурное присутствие русских в странах Востока.

УДК 93/94

ББК 63.3(0)6-284.6 + 63.3(2)6-362

ISBN 978-5-907671-78-2

© Коллектив авторов, 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
--------------------------	---

Страницы истории

Глава 1. Российские военные разведчики в Индии. Поездка по северо-западной Индии подполковника Лавра Георгиевича Корнилова (Загородникова Т. Н.)	20
Глава 2. В Турции – между Парижем и Берлином: Константинопольская группа Партии народной свободы в начале 1921 г. (Антошин А. В.)	59
Глава 3. С.Д. Сазонов vs Н.А. Кудашев и В.Н. Крупенский: полемика о перспективах работы Дальневосточных дипломатических представительств в 1920 г. (Нестерова Е. И.)	71
Глава 4. Благотворительность русских подданных в Китае в период Первой мировой войны (Наземцева Е. Н.)	89
Глава 5. Казахская диаспора и массовая репатриация из Синьцзяна в Казахстан во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. (Аблажей Н. Н., Балтабаева К. Н.)	107
Глава 6. «Русские финны» и российская консульская служба в Австралии во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам Архива внешней политики Российской Империи) (Массов А. Я.)	134
Глава 7. Русская диаспора в Австралии в фондах Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве (Скоробогатых Н. С.)	164
Глава 8. Идейные и организационные принципы сионистского движения 1920-х гг. в Советском Союзе и их экспорт в еврейский ишув Палестины и Государство Израиль (Локишин Е. А.)	211

Современные проблемы российской диаспоры

Глава 9. Цифровизация международного гуманитарного сотрудничества и развития русскоязычных диаспор в странах Востока (Пакистан) (Баканова М. В.).....	278
Глава 10. Наши соотечественники в Израиле: два десятилетия спустя (Семенченко Н. А.)	292
Глава 11. Остров Гуам, российская эмиграция и ограниченное американское гостеприимство (Кочетков Д. С.).....	306

Творчество в эмиграции

Глава 12. «Русская» поэзия Узбекистана: транскультурные перекрестки (Гарипова Г. Т.).....	329
Глава 13. Случай транскulturации: судьба русского художника в Средней Азии (Шафранская Э. Ф.)	360
Глава 14. Творческая активность русскоговорящего населения в странах Океании: XIX – начало XXI века (Игнатьева М. Н., Щербаков И. В.).....	390

Персоналии

Глава 15. Один из многих (к столетию исхода белой армии из России) (Каневская Г. И.).....	404
Глава 16. Семья Ивашкевичей: полвека в Маньчжурии (Кротова М. В.)	420
Abstract	463
Библиография	479

CONTENTS

<i>Introduction</i>	7
---------------------------	---

Chapters of History

Chapter 1. Russian Officers' Intelligence Missions to India. Lieutenant-colonel Lavr Georgievitch Kornilov in North-West India (<i>Tatiana N. Zagorodnikova</i>)	20
Chapter 2. In Turkey, Between Paris and Berlin: The Constantinople Group of the People's Freedom Party at the Beginning of 1921 (<i>Alexey V. Antoshin</i>)	59
Chapter 3. S.D. Sazonov vs N.A. Kudashev and V.N. Krupensky: A Polemic about the Perspective of the Work of the Russian Diplomatic Missions in the Far East in 1920 (<i>Elena I. Nesterova</i>).....	71
Chapter 4. Russian Subjects' Charitable Activity in China during the First World War (<i>Elena N. Nazemtseva</i>)	89
Chapter 5. Kazakh Diaspora and Mass Repatriation from Xinjiang to Kazakhstan in the Second Half of the 1950s – early 1960s (<i>Natalya N. Ablazhey, Kulgazira N. Baltabayeva</i>).....	107
Chapter 6. “Russian Finns” and the Russian Consular Service in Australia during the Late 19th – Early 20th Centuries (on the Materials of the Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire) (<i>Aleksander Ya. Massov</i>)	134
Chapter 7. Russian Diaspora in Australia in the Funds of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Diaspora in Moscow (<i>Natalia S. Skorobogatyh</i>)	164

Chapter 8. The Ideological and the Organizational Principles of the Zionist Movement of the 1920s in the Soviet Union and Their Export to the Jewish Yishuv of Palestine and the State of Israel (Aleksander Ye. Lokshin)	211
--	-----

Current Issues of Russian Diaspora

Chapter 9. Digitalization of International Humanitarian Cooperation and Development of Russian-speaking Diasporas in the Countries of the East (Pakistan) (Marina V. Bakanova).....	278
---	-----

Chapter 10. Our Compatriots in Israel: Two Decades after Immigration (Nina A. Semenchenko)	292
---	-----

Chapter 11. Guam, Russian Emigration and Limited American Hospitality (Dmitrii S. Kochetkov)	306
---	-----

Creative Work in Emigration

Chapter 12. “Russian” Poetry of Uzbekistan: Transcultural Intersections (Gulchira T. Garipova).....	329
--	-----

Chapter 13. Transculturation Case: The Fate of the Russian Artist in Central Asia (Eleonora F. Shafranskaya)	360
---	-----

Chapter 14. Creative Activity of Russians in the Pacific States: 19th – Early 21st Century (Maria N. Ignatieva, Ilya V. Shcherbakov).....	390
--	-----

Personalia

Chapter 15. One of Many (to the Centenary of the Exodus of the White Army from Russia) (Galina I. Kanevskaya)	404
--	-----

Chapter 16. The Ivashkevich Family: Half a Century in Manchuria (Maria V. Krotova)	420
---	-----

Abstract	463
-----------------------	-----

Bibliography	479
---------------------------	-----

Предисловие

Представляем вашему вниманию шестой том много-серийного издания «Восточные ветви российской диаспоры», посвященный истории и современности в жизни россиян в разные временные периоды и в силу различных причин покинувших свою первую родину – Россию – и перебравшихся на постоянное место жительства в одну из стран Востока. Данная работа подготовлена силами коллектива авторов из различных научных и учебных институтов в России и коллег из-за рубежа. Свои исследования в данный коллективный труд предоставили эксперты и ученые из Москвы, Орла, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Владивостока, а также из Алма-Аты (Казахстан) и Исламабада (Пакистан). Работы затрагивают самые разнообразные аспекты: это и исторические события / периоды в жизни российской эмиграции, и современные политические процессы и их последствия для уехавших из России соотечественников, и повествования об отдельно взятых персоналиях, ярко проявивших себя в новой для себя стране, и истории о представителях творческих профессий на чужбине. Тексты, собранные в этом издании, имеют политическую, историческую, культурологическую, филологическую направленность.

Коллективная монография разбита на четыре тематических раздела, неравных по своему объему, и насчитывает в общей сложности 16 глав, а также включает предисловие, библиографию в конце тома и саммари глав на английском языке. Первый, самый большой раздел озаглавлен «Страницы истории», и здесь собраны все авторские исследования исторического плана.

Открывает «Страницы истории» глава **Т.Н. Загородниковой** (ИВ РАН) под названием *Российские военные разведчики в Индии. Поездка по северо-западной Индии подполков-*

ника Лавра Георгиевича Корнилова. Автор анализирует командировки офицеров русской императорской армии в Индию с целью сбора разведывательной информации, как чисто военного, так и общественно-политического характера. Среди разведчиков были такие известные люди как Н.Г. Столетов, А.Е. Снесарев и Л.Г. Корнилов, а также и малоизвестные В.В. Лосев и П.П. Атаев. Это были и полуофициальные поездки под своим именем и воинским званием, и полностью нелегальные, под чужим именем. Военных интересовал район возможного столкновения российской и англо-индийской армий – Северо-Западная Индия. Большинство отчетов об этих путешествиях по возвращении увидели свет в секретных изданиях военного министерства.

Продолжает раздел сюжет авторства **А.В. Антошина** (УрФУ), озаглавленный *В Турции – между Парижем и Берлином: Константинопольская группа Партии народной свободы в начале 1921 г.* Работа посвящена важному периоду в истории Константинопольской группы Партии народной свободы, связанному с ее реакцией на подготовленную в Париже под руководством П.Н. Милюкова записку «Что делать после Крымской катастрофы?». Глава основана на протоколах Константинопольской группы кадетов за январь – начало февраля 1921 г. Автор доказывает, что, поддерживая Белую армию, оказавшиеся в Турции русские либералы выступали за общественный контроль над ней, что не встречало поддержки у военного командования.

В следующей главе *С.Д. Сазонов vs Н.А. Кудашев и В.Н. Крупенский: полемика о перспективах работы Дальневосточных дипломатических представительств в 1920 г.* автор **Е.И. Нестерова** (РГТУ) обращается к сюжету, возможно, не очень значительному с точки зрения макроисторической перспективы, но чрезвычайно важному в контексте микроисторического анализа процессов формирования российской эмиграции. Объектом рассмотрения стала реакция руководителей дипломатических миссий на Дальнем

Востоке В.Н. Крупенского и Н.А. Кудашева на решение министра иностранных дел в эмиграции С.Д. Сазонова радикально сократить количество российских консульств и численность сотрудников, вызванное острым дефицитом финансов, необходимых для содержания загранучреждений. Обсуждая целесообразность распространения предложенных Сазоновым мероприятий на подчиненные им консульства, имевшие достаточно средств для дальнейшего существования, посланники инициировали обсуждение вопроса о необходимости выработки согласованных действий в условиях неминуемого скорого признания Советской России правительствами стран, в которых они работали. Анализ переписки между С.Д. Сазоновым, Н.А. Кудашевым и В.Н. Крупенским показывает, что на индивидуальном уровне понимания ситуации существовала вариативность в вопросе о возможности взаимодействия с советскими дипломатами при передаче дел и недвижимости, принадлежавшей России. Однако, принципы централизма и корпоративного единства, ярко проявившиеся в 1917 г., сохранили актуальность и в 1920 г. Составленная С.Д. Сазоновым инструкция (от 4 марта 1920 г. за № 307) безальтернативно предписывала в контакт с представителями Советской России не вступать. Закрытие российских представительств в Китае и Японии прошло с соблюдением основных положений, изложенных в сазоновской инструкции, а абсолютное большинство дипломатических чиновников, работавших в этих представительствах, остались в эмиграции.

Глава четвертая авторства **Е.Н. Наземцевой** (ИБ РАН) под названием *Благотворительность русских подданных в Китае в период Первой мировой войны* подготовлена на основе не вводившегося ранее в научный оборот архивного материала и рассматривает основные направления и формы благотворительности представителей русской диаспоры в Китае периода Первой мировой войны.

Часть русских подданных в начале войны была призвана в русскую армию и направлена из Китая на фронт. В основном это была охрана и сотрудники российских консульств, КВЖД, а также крестьяне из русских поселений в приграничных с Россией провинциях Китая.

Оставшиеся в Китае стремились облегчить положение русских воинов на фронте, членов их семей в тылу и, собственно, в Китае. Формы благотворительности русской общины в Китае были различными: регулярно устраивались благотворительные балы, встречи, концерты, ярмарки, сборы денежных средств, теплых вещей, собирались подарки для воинов. Члены русских концессий в Ханькоу, Тяньцзине, Шанхае, Харбине собирали пожертвования. Активно жертвовали частные лица.

Передача средств в Россию осуществлялась консулами через Русско-Азиатский банк. Деньги направлялись раненым воинам, семьям в тылу, беженцам из оккупированных территорий, детям, оставшимся без попечения родителей. Значительное количество средств направлялось в Российское Общество Красного Креста. Часть средств направлялась союзникам – в пользу благотворительных учреждений Сербии и Черногории – в распоряжение Сербского, Черногорского Красного Креста. Кроме того, иногда благотворительные акции устраивались совместно с представителями общин союзников – Великобритании, Франции, Бельгии, Сербии.

Кроме того, помощь оказывалась и оставшимся в Китае семьям призванных на войну. В частности, в Синьцзяне российские консулы ходатайствовали перед российскими властями в Петрограде о выделении финансовой помощи семьям Алтайского округа, оставшимся без кормильцев из-за призвания их на фронт.

В целом, подданные Российской империи, проживавшие в Китае в период Первой мировой войны, приняли активное участие в оказании помощи русской армии, родным солдат и офицеров, а также беженцам.

Следующий материал – о *Казахской диаспоре и массовой репатриации из Синьцзяна в Казахстан во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.* подготовлен **Н.Н. Аблажей** (ИИСО РАН) в соавторстве с ее коллегой из Казахстана **К.Н. Балтабаевой** (КазНУ). Как указали авторы, казахский этнос был разделен между Россией и Китаем в результате демаркации границы во второй половине XIX в., вследствие чего территория проживания (кочевков) казахов оказалась значительно шире сложившихся к тому времени национально-государственных границ. Массовое бегство казахов в Синьцзян стало следствием национального восстания 1916 г. и голода начала 1930-х гг.

Проводя репатриацию, власти преследовали экономические и политические цели. Частью послевоенной программы репатриации советских граждан стало возвращение в страну белоэмигрантов, этнических беженцев разных лет и их потомков. Основанием для этого стала кампания по предоставлению советского гражданства выходцам из Российской империи и СССР. Юридическое сопровождение репатриации из Китайской Народной Республики возлагалось на Министерство иностранных дел СССР. Репатриация реализовывалась как плановое переселение в рамках программы освоения целинных и залежных земель. Одним из принимающих регионов стал Казахстан. Репатриация реализовывалась в несколько этапов и осложнила ситуацию в Синьцзяне. Миграция приняла ярко выраженный этнический характер. Репатриация вышла из-под контроля в 1962–1963 гг., приняла формы массового этнического бегства. Суммарно Казахстан принял за 1954–1963 гг. порядка 250 тыс. репатриантов и беженцев. Репатриационная программа имела долговременные последствия как для СССР, так и для Китайской Народной Республики. В частности, она привела к увеличению численности титульной нации в Казахской ССР,

частично нивелировав массовую миграцию в регион русскоязычного населения.

Следующая глава книги *«Русские финны» и российская консульская служба в Австралии во второй половине XIX – начале XX вв.* (по материалам Архива внешней политики Российской Империи) авторства **А.Я. Массова** (СПбГУ, СПбГМУ) переносит читателя в далекую Австралию. Данный научный труд основан на документальных материалах Архива внешней политики Российской империи и освещает работу русских консулов в Мельбурне с российскими подданными-финнами, уроженцами Великого княжества Финляндского, во второй половине XIX – начале XX вв.

Специфика работы с «русскими финнами» состояла в том, что большинство из них попадали в Австралию в качестве моряков торговых шхун, как финских, плававших под русским флагом, так и торговых судов других европейских стран. Консулы занимались вопросами, связанными с помощью морякам, чьи суда потерпели кораблекрушение, содействовали оформлению необходимых документов, нередко помогали матросам материально. Особым направлением работы с финскими моряками стал совместный с австралийскими властями поиск и возвращение на шхуны матросов-дезертиров, которые покидали финские корабли в попытках наняться на суда европейских судовладельцев с более высокой заработной платой. Российскими консулами был предложен ряд мер для противодействия этим побегам. С появлением в начале XX в. первых и не всегда удачных попыток основать поселения финнов в Австралии русские консулы принимали участие в облегчении судьбы финских поселенцев.

Проведенный анализ показывает, что работа с российскими подданными-финнами была одним из значимых направлений деятельности российской консульской службы в Австралии и послужила одним из факторов увеличения консульских представительств России в Австра-

лийском Союзе. Усилия консулов по защите интересов «русских финнов» наглядно свидетельствует о том, что опека и покровительство со стороны консульских представителей России распространялись на всех российских подданных, независимо от их национальности. Эта деятельность служит еще одним свидетельством необходимости и востребованности российской консульской службы в Австралии.

Материал, подготовленный **Н.С. Скоробогатых** (ИБ РАН) о *Русской диаспоре в Австралии в фондах Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве* затрагивает проблему поисков материалов по истории российских диаспор за рубежом в хранилищах Российской Федерации, в частности, в библиотеках и архивах г. Москвы. Основное внимание уделено фондам созданного в 1990-х гг. Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына, где собраны богатые материалы по диаспорам, переданные в Москву потомками эмигрантов из Советской России. Описание и анализ документов, происходящих из Австралии, легли в основу данной главы.

Последняя в историческом разделе работа авторства **А.Е. Локшина** (ИБ РАН) озаглавлена *Идейные и организационные принципы сионистского движения 1920-х гг. в Советском Союзе и их экспорт в еврейский ишув Палестины и Государство Израиль* и посвящена еврейскому вопросу. Для того чтобы релевантно представить общественно-политическую атмосферу и условия, в которых жил ишув – еврейская община в Палестине в 1920–1930-х гг., в котором в ту пору формировались многие идеологические и организационные черты будущего Государства Израиль, автор счёл необходимым обратиться к характеристике сионистского движения в Советском Союзе в 1920-е гг. В главе отмечается ряд особенностей общественно-политических советских реалий того времени. В результате иммиграции еврейской молодежи в Палестину, некоторые из

них были перенесены в Палестину. Это сделали главным образом молодые социалисты-сионисты различных направлений, которым ссылку и тюремное заключение советские власти заменили высылкой в середине 1920-х гг. в Палестину. Процесс «переноса» в Палестину комплекса идеологических, организационных и культурных практик, составлявших в совокупности основу советской политической культуры, не был простым и однозначным. Трансплантация социалистических сионистских идей и организационных принципов повлияла на формирование общественно-политического «лица» ишува, а, впоследствии, и Израиля. Несмотря на то, что идеи русской революции утратили свое первоначальное значение, тем не менее, они оставались элементом, созвучным характерной для Израиля первых десятилетий социалистической риторике, традиции майских парадов, символизму красных знамен, развевающихся рядом с национальными синими белыми флагами. В еще большей степени эта созвучность была свойственна культуре ряда кибуцов, в которых поселились многие участники сионистских социалистических партий из СССР. Интернационал исполнялся при любом подходящем случае, а в день 1-го мая звучал первым, и только после него следовал национальный гимн.

Второй раздел издания, – «Современные проблемы российской диаспоры», –включающий 3 главы посвящен вопросам, актуальным в наши дни. И первый материал, представленный в данном разделе **М.В. Бакановой** (Дуо госпиталь, независимый исследователь, Пакистан) рассказывает о *Цифровизации международного гуманитарного сотрудничества и развитии русскоязычных диаспор в странах Востока (Пакистан)*. Как пишет автор, в настоящее время происходит активное формирование цифровой среды, которая безусловно может стать одним из факторов международного гуманитарного сотрудничества. Развитие цифровизации и продвижения онлайн программ по русскому языку, литературе, российской истории, географии

и прочим дисциплинам гуманитарного характера, а также популяризации русской культуры в настоящее время является весьма актуальным аспектом формирования российского инфополя. Особенно актуальным видится процесс цифровизации для русскоязычной диаспоры стран Востока. Это обусловлено существованием ограниченно свободных стран как в целом, так и по отношению к «русскому миру». Основными направлениями развития цифровизации можно считать: развитие и создание электронных учебников и библиотек, онлайн курсов, мобильных приложений с мини уроками (в том числе – на языках народов России), электронных словарей, образовательных платформ в том числе – научных центров, лабораторий и музеев, контента онлайн игр на основе российской истории, географии, культуры и развитие социальных сетей и блогерских проектов на параллельных языках. Также актуальными являются проекты прямых контактов с МИД, Россотрудничеством, российскими университетами, аналитическими площадками. На примере Пакистана можно рассмотреть большую часть проблем, которые приводят к невозможности полноценного развития и изучения русского языка в оффлайн формате и доказать необходимость активного развития цифровых платформ.

Вторая глава второго раздела, и вторая же работа в издании, посвященная Израилю, подготовлена **Н.А. Семенченко** (ИВ РАН) и называется *Наши соотечественники в Израиле: два десятилетия спустя*. Во второй половине прошлого века наши соотечественники переселялись в Израиль в рамках двух иммиграционных волн. Первая волна относится к советскому периоду, она наметилась после Шестидневной войны 1967 г. Вторая имела место на стыке двух периодов в российской истории: в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. Она получила название «русская алия», хотя среди иммигрантов были представители почти всех республик Советского Союза. Абсорбция и интеграция пере-

селенцев обеих волн проходили по-разному. Иммигранты 1970-х гг. практически полностью интегрировались согласно критериям концепции «плавильного котла». Переселенцы же 1990-х гг. в целом избрали «выборочную интеграцию». В главе рассматриваются их положение и некоторые аспекты интеграции два десятилетия спустя после приезда в Израиль.

Завершает данный тематический блок работа **Д.С. Кочеткова** (ИВ РАН). Авторская работа *Остров Гуам, российская эмиграция и ограниченное американское гостеприимство* посвящена неинкорпорированной территории США – острову Гуам в Марианском архипелаге, который благодаря своему особому статусу стал пунктом назначения для множества людей из разных стран, желающих иммигрировать в США, в том числе путём получения в Америке политического убежища. Есть среди этих людей и выходцы из России. События последнего десятилетия и изменения в международной политике отразились как на количестве россиян, прибывающих на Гуам, так и на отношении к ним со стороны американских властей. Количество россиян на Гуаме и длительность их пребывания там позволяют говорить о том, что на острове формируется русскоязычная диаспора.

Следующие 3 главы объединены в разделе «Творчество в эмиграции», который рассказывает о судьбе творческих россиян в восточных странах. Открывается этот блок двумя главами коллег-филологов **Г.Т. Гариповой** (МГПУ) с ее текстом *«Русская» поэзия Узбекистана: транскультурные перекрестки* и **Э.Ф. Шафранской** (МГПУ) с работой *Случай транскulturации: судьба русского художника в Средней Азии*. В работе Гариповой рассматриваются противоречивые вопросы идентификации современной литературы Узбекистана, написанной на русском языке писателями как принадлежащими русской «диаспоральной» системе, так и не соотносимыми с ней по классическим критериям (на основании национальной непринадлежности к русской

нации). Предпринята попытка описания различных поэтических феноменов этого явления, обозначенного автором как «транскультурная литература» Узбекистана на русском языке. Изложены формальные и содержательные аспекты двух наиболее интересных векторов «альтернативной литературы Узбекистана» на русском языке, представленных Ташкентской и Ферганской поэтическими школами. Анализируются несколько индивидуальных авторских принципов поэтической репрезентации *genius loci*, соотнесенных с метаобразом «сад». Отмечается, что транскультурная составляющая поэзии Узбекистана на русском языке носит мультикультурный характер в силу особой формы полидомности авторов. Понимание мультикультурной составляющей русской литературы Узбекистана как транскультурного феномена дает возможность находить проявления «русского этоса» в совершенно разнонаправленных авторских художественных системах, одновременно являющихся фактами узбекского, русского литературных процессов, а порой и иных «межлитературных общностей».

В свою очередь, глава Шафранской описывает одну из граней (транскультурную) биографии русского художника Александра Васильевича Николаева (1897–1957), который был направлен в 1920 году советским правительством в Среднюю Азию, в Самарканд, для восстановления памятников старины (в «Самкомстарис»). Встреча с другой культурой стала судьбоносной для художника: смена имени на Усто Мумин, появление новых тем в живописи, жизнь до конца в Средней Азии.

Последняя глава 3-го блока, написанная двумя авторами – **М.В. Игнатьевой** (МГУ) и **И.В. Щербаковым** (Орловский военный вестник) – называется *Творческая активность русскоговорящего населения в странах Океании: XIX – начало XXI века* и рассказывает о первых контактах российского человека с миром южной части Тихого океана и жи-

телями его островов, об отношении к Океании и восприимчивости ее русским человеком XIX века. Авторы подробно останавливаются на вкладе в изучение Океании, который сделал известный русский исследователь и путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай. Кроме того, в главе рассматривается также деятельность другого известного россиянина уже эпохи XX–XXI вв. – Мишутушкина Н.Н. – художника и большого любителя Океании, прожившего здесь большую часть своей жизни, который способствовал развитию отношений в области науки и культуры между Вануату и СССР (а впоследствии с Российской Федерацией).

Наконец, заключительный и самый короткий раздел книги – «Персоналии» повествует о судьбах людей. В этом разделе находим материал **Г.И. Каневской** (ДВФУ) озаглавленный *Один из многих (к столетию исхода белой армии из России)*. Как пишет автор, в октябре 2022 г. исполнилось 100 лет со дня исхода остатков Белой армии из России. Одним из участников этого события стал доктор Георгий Фридрихович Натинг (1896–1957), судьба которого, типичная для многих тысяч российских белоэмигрантов, позволяет проследить путь их в зарубежье. Личные документы Г.Ф. Натинга, свидетельствующие об основных вехах этого пути и о жизни в Китае и в Австралии, сохранил его сын Геннадий Георгиевич Натинг. Они и стали для автора основой для написания главы.

Завершающая работа авторства **М.В. Кротовой** (СПбГЭУ) под названием *Семья Ивашкевичей: полвека в Маньчжурии* рассказывает о жизни отдельной семьи. Семья генерала А.В. Ивашкевича была тесно связана с Маньчжурией, начиная с 1898 г., периода строительства, а затем и эксплуатации КВЖД. Каждый член этой семьи был по-своему уникален: жена генерала Анна Кирилловна была журналисткой и писательницей, из ее корреспонденций русское общество знакомилось с жизнью Китая и Японии; сын Борис был известным ученым – лесоводом, исследова-

телем лесов Маньчжурии и Дальнего Востока; дочь Вера была не просто женой писателя Вс.Н. Иванова, но и незаурядной женщиной. Семья Ивашкевичей была и типичной, и уникальной для своего времени. Тесно связанные с Китаем более, чем полвека, Ивашкевичи считали себя «аборигенами» Маньчжурии, хорошо знали ее и ее жителей. Отталкиваясь от истории этой семьи, можно проанализировать разнообразные аспекты как Большой, так и локальной истории: освоение новых территорий Российской империи, особенности колониального быта и службы на окраинах, взаимодействие с местным населением, стратегии выживания в эмиграции, формирование русской идентичности. Работа основана на различных неопубликованных документах – в первую очередь, автобиографиях и личных делах членов семьи из различных архивов – РГИА, РО ИРЛИ, ГАПК, ГАРФ, ГАХК, ЦГИА СПб, а также мемуарах и дневниках эмигрантов, переписке, материалах прессы.

От лица редакции хотим подчеркнуть, что данное издание написано прекрасным научным, и в то же время понятным языком, сопровождается иллюстративным материалом, и с нашей точки зрения может представлять интерес и быть полезно для широкого круга читателей – специалистов в своей области, ученых широкого профиля, студентов вузов, магистрантов и аспирантов и т.д. Выражаем надежду, что 6-й том серии книг «Восточные ветви российской диаспоры» станет очередным, но не последним в данном проекте.

Д.С. Панарина

Страницы истории

Глава 1. РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ РАЗВЕДЧИКИ В ИНДИИ¹. ПОЕЗДКА ПО СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ИНДИИ ПОДПОЛКОВНИКА ЛАВРА ГЕОРГИЕВИЧА КОРНИЛОВА²

Вторая половина XIX в. – время Большой игры в Центральной Азии, соперничества двух империй, Российской и Британской; которая и сейчас привлекает большое внимание историков, как отечественных, так и зарубежных. Записанный на полях письма Киплингу Артуром Конолли этот термин, с одной стороны, достаточно неопределенен как географически, так и хронологически, а с другой стороны, очень ярок и привлекателен. Если раньше география Игры распространялась на собственно Центральную Азию, включая Северную Индию, то теперь ее расширили до территории Кореи³. Нет единства у исследователей этой проблемы и по поводу начала Игры (продвижение России на Кавказе? в Средней Азии?), но, по видимому, окончанием ее все считают заключение договоров между Россией и Великобританией 1907 г. о разделе сфер влияния в Азии, начало союзнических отношений с Англией и формирование Антанты. Вряд ли у кого-нибудь возникнут возражения и по поводу одного из методов ведения Большой игры – разведки предполагаемого

¹ В данной статье автор не ставил своей целью описать все разведывательные миссии российских офицеров в Индию, сюда вошли лишь наиболее интересные и характерные случаи.

² **Сведения об авторе:** Загородникова Татьяна Николаевна, к.и.н., в.н.с. Центра индийских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, email: TNZAG@mail.ru.

³ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1876–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во научн. изданий КМК, серия Сфера Евразии, 2016. 454 с.

противника. Она велась постоянно и всеми доступными средствами, как легальными, так и нелегальными.

Первые командировки российских военных в Индию с разведывательной целью следует отнести, по-видимому, ко второй половине XIX в. Первый известный нам разведчик в Индии был генерал-майор Николай Григорьевич Столетов (1834–1912), который, выдавая себя за профессора в отставке одного из шведских университетов, проживающего в Швейцарии⁴, в 1879 г. проехал по всей северной Индии до Калькутты⁵. Здесь, в столице Британской Индии, он, уже не скрывая своего имени и звания, собирался представиться вице-королю лорду Литтону, но тот уклонился от встречи с ним. Его примеру последовали и другие официальные лица – бенгальский губернатор и командующий войсками⁶. По-видимому, имя генерала Столетова было хорошо знакомо всем этим чиновникам англо-индийской администрации и как участника завоевания Средней Азии и основателя Красноводска, и как главы военно-дипломатической миссии, направленной к эмиру Афганистана в 1878 г. в период подготовки несостоявшегося похода на Индию. Это были события, послужившие предлогом для начала второй англо-афганской войны. В русских военных кругах Н.Г. Столетов считался знатоком Востока, мог более или менее объясниться по-английски (по-видимому, его знания этого языка были ограничены, поэтому он так странно представлялся своим

⁴ Следует заметить, что ведение нелегальной разведки в Индии для европейцев было сопряжено с большими трудностями: любой из них сразу же выделялся из толпы, и следить за ним было очень просто. Но в конце XIX – начале XX в. страну начали посещать все больше праздношатающейся публики из Европы: туристов, любителей экзотики и пр., и при отсутствии здесь паспортной системы существовала возможность «проскочить», остаться незамеченным.

⁵ Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 245.

⁶ Там же. С. 246.

попутчикам: «профессор в отставке одного из шведских университетов, проживающий в Швейцарии»). Выбор его кандидатуры для нелегальной поездки в Индию был не случаен. К сожалению, у нас нет развернутого отчета по его поездке, в архиве сохранилось только его письмо военному министру генералу от инфантерии Д.А. Милютину. Это послание полно уверенностью, что война России и Великобритании неизбежна. Вот его выводы:

- *«I. Трудно представить, до какой степени ненавидят нас индийские англичане.*
- *II. О наших войсках и наших деятелях все европейцы высокого мнения, особенно веско имя генерала Кауфмана.*
- *III. О своих европейских войсках и предводителях англичане отзываются весьма нелестно. Л[орд] Литтон считается человеком ничтожным, лгущим без всякой системы. Общий голос, что в Индии теперь нет способных людей.*
- *IV. Хвалят туземные войска, особенно из сейков и гуркасов, но думают, что на них мало надежды в случае русского вторжения. <...>*
- *VI. В декабре прошлого года, когда была паника, все говорили, что русская политика в афганских делах соображена с полным знанием местных обстоятельств и глубоко обдумана, что только люди, ничего не понимающие, как Л[орд] Литтон и его клика, могут смеяться над этой политикой и называть ее нерешительною.*
- *VII. Думают, что трудно предвидеть конец афганских усложнений, что они продлятся до начала войны с Россией.*
- *VIII. Туземцы убеждены, что война Англии с Россией начнется скоро, надежды на нас огромные во всех классах туземного общества.*
- *IX. Англичане и в европейской, и в туземной прессе употребляют все усилия, чтобы парализовать наше обаяние, рисуя внутреннее и внешнее наше положение в самых мрачных красках: газеты, прибавления и афиши на всех языках по несколько раз в день возвещали наши неудачи в Туркмении, худые, грозящие неизбежной войной отношения наши к*

Германии и, наконец, возрастание и распространение нигилизма в чудовищных размерах. При вкоренившемся в туземцах убеждении, что англичане никогда не говорят и не пишут правды, мне не трудно было в знакомых туземных кружках опровергать газетные сообщения»⁷.

Примерно к таким же выводам пришел и следующий российский военный разведчик. Это был подполковник Николай Яковлевич Шнеур (1848–1894), который отправился в 1880 г. в большую поездку по Западной Европе, Северо-Американским штатам, Китаю, Японии, а на обратном пути, уже в 1881 г., посетил Индию. Цель его поездки формулировалась так: «Посещение Индии для сбора сведений о состоянии страны и о впечатлении, произведенном успехами нашими в Средней Азии»⁸. Он прибыл в Бомбей 10 апреля 1881 г. Оттуда морем он доплыл до Карачи, пересел на поезд и далее посетил Лахор, Дели, Агру и вынужден был вернуться в Бомбей из-за наступившей страшной жары. Он пробыл в Индии недолго, только в больших городах и имел возможность общаться только с англоговорящей публикой, тем не менее, сделал достаточно резкие и однозначные выводы:

- *«1) Население действительно находится под чрезмерным гнетом, нравственным и материальным, и вполне сознает этот гнет.*
- *2) Вследствие этого ненависть населения к англичанам до того сильна, что легко может перейти в открытое восстание по сравнительно говоря ничтожному поводу.*
- *3) Имя России действительно пользуется среди населения громадным почетом, как исконного врага англичан и притом ожидаемого в будущем избавителя от гнета последних.*
- *4) Эффект, произведенный движением нашим в Ахал-теке, рядом с вышеприведенным общим настроением населения, указывает на то, что, вероятно, движение наше далее*

⁷ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 245.

⁸ Там же. С. 251.

вглубь, на Герат, напр., при открытой враждебности к англичанам и при некотором желании с нашей стороны, может вызвать восстание населения в Индии, даже без появления наших войск в пределах Индии.

- 5) При появлении же наших войск в пределах Индии можно рассчитывать как на общее восстание, так и на содействие полунезависимых владетелей и, может быть, даже на измену туземных английских войск. <...>
- 6) Англичане вполне осознают опасности своего положения и не скрывают, что даже дружественное соседство наше с границами Афганистана будет поддерживать в индийском населении такое возбуждение, которое принудит англичан увеличить контингент европейских войск в Индии, что, в свою очередь, угрожает индийскому правительству непосильными финансовыми затратами.
- 7) Это последнее, не скрываемое самими англичанами, сознание превращает "индийский вопрос", который может быть вызван Россией во всякое время и висит над англичанами как Дамоклов меч, в тот рычаг, который позволяет нам, при некотором желании, заставить англичан быть уступчивыми относительно нас по всем вопросам международной политики»⁹. Еще одним результатом поездки Н.Я. Шнеура по Индии является его книга «Военный обзор Индии», которая вышла в 1883 г. в Санкт-Петербурге.

Период 70–80-х гг. позапрошлого века был периодом активной фазы Большой игры, когда с расширением Туркестанского генерал-губернаторства границы Российской империи все более приближались к Индии. Это очень тревожило Великобританию, в российском обществе, особенно в военных кругах, порождало надежды на поход на Индию. Поэтому выводы и Н.Г. Столетова, и Н.Я. Шнеура были созвучны, если подсознательно даже не навешаны, настроениями российского общества.

⁹ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 254–255.

Иван Павлович Минаев (1840–1890), индолог, профессор Петербургского университета, следивший за событиями в Индии, насколько это было возможно из России, не был разведчиком, но тесно сотрудничал с военным ведомством¹⁰. Вот, что он писал по этому поводу в 1886 г.: *«...в минуты более или менее критические, в момент вполне законного раздражения против Великой Британии, русской удали и молодечеству представляется делом возможным и осуществимым даже поход на Индию, или же русский патриотизм возлагает надежды на военную демонстрацию в сторону Индии и уповает, что вследствие такого образа действия оттуда, из Индии, последует законное удовлетворение уязвленному народному самолюбию, всякая помеха со стороны Англии будет устранена и русские вековые задачи наконец-то разрешатся так, как того желает народный гений. Это идеальное, теоретическое воззрение на Индию явилось не вчера, а существует уже давно. <...> Действительно ли в данный момент эти воззрения могут иметь значение в практической деятельности, если же они не более как проявления идеального, народного сентиментальничания»*¹¹.

В свою третью поездку по Индии в 1885–1886 гг. И.П. Минаев был командирован в качестве сопровождающего российских военных на маневры англо-индийской армии, после путешествовал самостоятельно, имел возможность узнать настроения разных слоев индийского общества. В своем отчете он пришел к совершенно другим выводам: *«Более искренно было действие вожжаков общественного мнения: образованная часть с ее возжеланиями политических прав, знающая Россию по английским газетам и писаниям русских нигилистов (Крапоткина, Степняка и т. д.), должна была относиться недружелюбно к русскому движению на Индию. Эти вожжаки и говоруны не любят и не выносят британ-*

¹⁰ Об этом см. Загородникова Т.Н. И.П. Минаев и военное ведомство // Минаевские чтения. Материалы научной конференции. Тамбов: ТГУ. 2010. С. 81–93.

¹¹ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 192.

ского властительства, они боятся, однако ж, быстрой перемены и пока не хотят ее; России они не знают; она им представляется именно такою, какою она изображается в английских русофобских книжках. Многие из них, кроме того, поняли, что настал момент, когда, выставляя на вид свою лояльность, чуждаясь и отkreщиваясь от всяких симпатий к России, они могут добиться большой доверенности со стороны правительства, а вместе с тем и большего участия в администрации»¹².

Внимательно следивший за изменениями в общественном сознании Индии в отношении разных слоев общества к нашей стране И.П. Минаев осознавал недостаточную информированность российских правящих кругов о том, что происходит в Индии. Об этом он писал генерал-адъютанту Н.Н. Обручеву, начальнику Главного штаба и председателю Военно-Ученого комитета: «Я упоминал в своем отчете о том, что в Индии замечается сильное раздражение против России, и англичане готовятся к войне или вернее, к борьбе с нами. Последнее не требует подтверждений: факты, слухи о которых проникли уже в печать, общеизвестны. О первом вывожу заключение не на основании личных отношений ко мне во время моих передвижений по Индии и по Бирме: на это я не имею причин жаловаться. Факт раздражения против России среди английских военных и в кругах финансовых людей должен броситься в глаза всякому беспристрастному наблюдателю; он сказывается в прессе, в разговорах политического характера. О России в Индии англичане говорят много и часто, и всегда недружелюбно. Перейдут ли англичане от слова к делу? Этого я не знаю, но думаю, что России следует знать, и хорошо знать, все, что творится с англичанами в Индии. Но как следить? Недостаточно иметь одних официальных агентов. Положение таковых лиц в Индии, по всей вероятности, будет весьма затруднительно: в глазах англичан они вечно будут заподозрены в интригах, туземцы станут их чуждаться из боязни навлечь на себя неудовольствие собственного правительства, им не будут возбранены переезды

¹² Русско-индийские отношения в XIX в. С. 193–194.

в стране, но бдительный надзор помешает их сближению с туземцами, и поездки окажутся в конце концов бесполезными или очень мало полезными для дела. Мне казалось, было бы в высшей степени важно иметь не только в Индии, но повсюду в Азии, где наши интересы сталкиваются с британскими, неофициальных агентов, людей честных, толковых и преданных служению России, при содействии таких слуг отечеству дело официального агента может быть успешно выполнено»¹³. Иными словами, он говорил о необходимости создания в Азии агентурной сети, но это было очень нелегкой задачей, тем более что и легальных источников информации было крайне мало. В то время в Азии Военное министерство имело только одного военного агента при дипломатической миссии в Пекине и кое-какие военные сведения поступали из Тегерана от русских инструкторов Персидской казачьей бригады¹⁴. Переговоры по дипломатической линии об открытии консульского поста в Индии безуспешно велись с 1875 г., но в 1885 г. к ним подключилось военное министерство. Из письма от 22 июня 1885 г. военного министра П.С. Ванновского министру иностранных дел Н.К. Гирсу: «Я считаю крайне необходимым принять какие-нибудь меры, чтобы обеспечить Военному министерству своевременное получение из Индии нужных ему сведений. До сего времени Главный Штаб довольствовался индийскими газетами, которые получают очень поздно, и разными английскими материалами, которые не дают того, что нам нужно. В этом деле и министерство иностранных дел не может тоже оказать содействие военному ведомству, не имея ни одного консула в Индии. Мне кажется, что в настоящее время нам нельзя обойтись там без консульских агентов. Возбуждать вопрос об учреждении русских консульств в Калькутте и Бомбее теперь может быть неудобно. Но ввиду настоятельной необходимости в русском агенте в Индии я покорнейше просил Ваше Высочайшее соизволение об учреждении русского консульства в Понди-

¹³ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 264.

¹⁴ Там же. С. 346.

шери¹⁵, с тем, чтобы на должность консула и его секретаря были бы назначены офицеры, переименованные предварительно в гражданские чины. Учреждение консульства в Пондишери не встретит затруднений со стороны и не может возбудить неудовольствие Англии, а между тем пункт этот, соединенный с сетью индийских железных дорог, вполне удовлетворяет требованиям военного ведомства, потому что оттуда офицеры в случае надобности могут ездить по всей стране»¹⁶. Несмотря на положительный ответ французского министерства иностранных дел российское консульство во Французской Индии не было открыто, а переговоры с Лондоном затянулись до конца века. Только 11 августа 1899 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Солсбери информировал российского поверенного в делах в Лондоне П.М. Лессара о согласии правительства Великобритании на назначение консула России в Бомбей¹⁷. Это было первое дипломатическое представительство Российской империи в Индии и первым генеральным консулом был назначен Вильям (Василий) Оскарович фон Клемм¹⁸. Главной задачей первого дипломатического представителя России в Индии тоже была разведка. Инструкция МИД под грифом «Весьма секретно» начиналась так: «Важное значение, которое имеет для нас Британская Индия, как страна, близко соприкасающаяся через входящие в сферу ее влияния страны с нашими среднеазиатскими владениями, и необходимость, в силу этого, иметь постоянное и тщательное наблюдение за тем, что в ней происходит, побудили императорское правительство основать в этой британской колонии Генераль-

¹⁵ Пондишери (правильно Путтучерри) – город на восточном побережье Индии, столица французских владений в Индии.

¹⁶ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 346.

¹⁷ Там же. С. 350.

¹⁸ О нем см. Загородникова Т.Н. Вильям Оскарович фон Клемм (1861–1938). Письма русского дипломата-восточника // Восточные ветви Российской диаспоры. Т. 2. Сквозь века и страны. М.: ИВ РАН, 2020. С. 28–53.

ное консульство в Бомбее»¹⁹. То есть целью консула была не защита коммерческих интересов государства и не защита пребывавших в Индии соотечественников, а наблюдение и сбор информации, то есть разведка, а отсюда следовала и задача: «...при первой возможности, завести себе надежных корреспондентов и разведчиков, хотя бы в наиболее важных пунктах северо-западной Индии»²⁰. Во всей почти десятистраничной инструкции лишь несколько строк относятся непосредственно к его обязанностям как консула: «Что же касается собственно консульских Ваших обязанностей, то кроме обычного содействия и покровительства русско-подданным Вы должны, насколько это возможно, способствовать развитию нашей торговли с Индией»²¹. Как бы спохватившись, консулу была направлена дополнительная, всего на трех страницах, инструкция о его задачах по развитию торговли и наблюдению за экономикой Индии²². Примечательно, что в основной инструкции консулу, хотя и говорится о сборе информации об Индии в целом, но упор делается на сведениях военного и политического характера, касающихся главным образом Северо-Западной Индии, Афганистана и Персии; Южная и Восточная Индия не упоминаются.

Пока шли переговоры об открытии дипломатического представительства России в Индии, здесь же в Бомбее началась эпидемия чумы. Официально первый случай чумы в Бомбее был зарегистрирован 23 сентября 1896 г., вскоре она распространилась по Синду и Пенджабу, приближаясь к границам Афганистана и Персии. Появилась реальная угроза заноса этой страшной болезни в пределы Российской империи. Уже в самом начале 1897 г., 8 января, по высочайшему повелению была основана Комиссия о

¹⁹ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература РАН, 1999. С. 29.

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Там же. С. 32.

²² Там же. С. 34–35.

мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой под председательством принца А.П. Ольденбургского, были приняты меры санитарного характера на границе в Средней Азии. Реальная картина продвижения эпидемии была неясной, потому что из Персии пришло сообщение о чуме в Кандагаре, между тем английские власти это отрицали²³. Весна 1898 г. в Бомбее принесла новый мощный всплеск заболеваемости, чума появилась в пределах Российской империи, в Анзобе²⁴, где из 400 человек населения кишлака заболело 250, в живых осталось 13. Ранее в соседний кишлак пришли три бухарских купца из города Гиссар, вскоре 3 жителя скончались от чумы и на их похоронах присутствовали соседи-анзобцы²⁵...

Действительное положение дел с чумой в Индии могла прояснить только разведка на местности. Продолжавшаяся Большая игра диктовала свои правила: миссия должна была быть секретной, поскольку британские власти воспрепятствовали бы появлению русского офицера в Северо-Западной Индии. Было решено послать есаула Уральского казачьего войска Давида Ивановича Ливкина (1862 – после 1917), как человека знавшего несколько восточных языков (в 1892 г. он окончил офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД и там изучал арабский, турецкий, персидский и французский языки, международное и мусульманское право)²⁶ и

²³ Рыженков М.Р. Командировка Д.И. Ливкина в Индию в 1898–1899 гг. // Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1990. С. 160–161.

²⁴ Кишлак Анзоб расположен в Ягнобском ущелье в отрогах Гиссарского хребта, отделявшего Самаркандский уезд Российской империи от Южной Бухары, современный Таджикистан.

²⁵ Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы, в 2 кн. М.: Вузовская книга, 2006. URL: royallib.com/read/supotnitskiy_mihail/ocherki_istorii_chumi_kniga_ii_chuma_bakteriologicheskogo_perioda.html#455284/

²⁶ Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-история, 2018. С. 82–83.

служившего на Востоке. Выбор оказался очень удачным и не только из-за знаний, полученных на курсах, но и из-за «связей, которые я имел в мусульманском мире, – как писал в Отчете Ливкин, – благодаря многолетнему общению с мусульманами»²⁷. По-видимому, по внешности он мог сойти за перса. 29 ноября 1898 г. Д.И. Ливкин отправился за границу. Сначала было решено, что он под видом купца отправиться в Индию через Суэц вместе со своим помощником персидским купцом Мирза-Мехди, но А.П. Ольденбургский изменил этот несколько приземленный, но вполне выполнимый план. По приказу принца Ливкин должен был исполнять роль поверенного в делах князя Г.И. Орбелиани, который направлялся в Мадрас, чтобы получить какое-то мифическое наследство. Эта сложная конструкция была совершенно не продумана и не подготовлена: англичане без труда могли узнать, что никакого наследства не существовало. Поскольку было признано, что путешествовать вчетвером неудобно, то они разделились, и уже в Индии Давид Иванович узнал, что за князем установлена слежка, и встретиться с ним значило бы разоблачить себя и поставить под угрозу выполнение порученной ему миссии. Далее он действовал по первоначальному плану.

Еще в Египте он установил связи с баббитами с тем, чтобы из них завербовать в Индии разведчиков, которые и будут поставлять ему сведения о наличии чумы в Северо-Западной Индии²⁸. Ливкин высадился в Коломбо и далее уже на континенте в Хайдерабаде, встретил двух будущих помощников, кашмирца и афганца. Все вместе они собирались доехать до Мультана, и далее кашмирец ехал в Синд, а афганец – в Пешавар, *«останавливаясь во всех значительных пунктах, куда выходят дороги из Афганистана, и*

²⁷ Отчет есаула Д.И. Ливкина о командировке в Индию // Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1990. С. 174.

²⁸ Там же. С. 178.

расспрашивая местных жителей, особенно же приезжающих в эти местности со стороны Афганистана лиц, не существует ли где болезнь и какие признаки эта болезнь имеет, умирают ли люди от этой болезни и при каких обстоятельствах. Если получатся сведения о существовании какой-либо болезни, характеризующейся частыми случаями смерти, то ехать туда лично и на месте собрать самые подробные сведения о симптомах болезни»²⁹.

Уже с конца января начали поступать первые донесения афганца и кашмирца с одним и тем же выводом «о полном благополучии во всех посещаемых ими пунктах, равно об отсутствии заболеваемости, по собранным ими сведениям, в Афганистане и Белуджистане»³⁰. Сам Давид Иванович проехал всю Индию от Тутикорина до Лахора, отслеживая ситуацию в стране по газетам и расспрашивая попутчиков из разных концов страны. Поскольку у одного из спутников Ливкина была хроническая болезнь ноги, то они, обращаясь к врачам по этому поводу, между прочим, расспрашивали их об эпидемии чумы. Везде ответ был один и тот же: новых случаев болезни не наблюдалось.

В одном из донесений разведчик «доказывал, что за три года существования в Индии чумной эпидемии трудно найти человека, который бы не слышал об этой страшной болезни и не боялся ее; что скрыть появление заболеваемости со смертными случаями в настоящее время невозможно, будь это в пределах Индии, Афганистана или Кашмира, а напротив, можно ожидать обратного, т. е. всякий случай влекущий скорую внезапную смерть мог быть принят за чуму и сделаться предметом оживленных толков о чуме в населении этой и соседних с нею стран»³¹. Напрашивался вывод, что англичане не смогли бы утаить случаи чумы, даже единичные.

Складывалось ощущение, что эпидемия чумы действительно закончилась.

²⁹ Отчет Д.И. Ливкина. С. 182.

³⁰ Там же. С. 184.

³¹ Там же. С. 184.

Более того, проанализировав торговые потоки между Россией и Индией, Ливкин пришел к выводу, что с открытием морского пути через Суэцкий канал и благодаря большим ввозным пошлинам русского правительства и транзитным пошлинам Афганистана и так крайне малый объем товаров индийского или европейского производства из Индии значительно сократился³². Возможность завоза чумы по суше была крайне мала.

Опираясь на сведения и разведчиков, и свои собственные, Д.И. Ливкин сделал вполне аргументированный и обоснованный вывод: *«Следовательно, опасаться эпидемии в северо-западных частях Индии, не объявленной англо-индийским правительством и населением соседних городов и провинций, а равно допустить существование эпидемии в Афганистане, скрываемой правительством этой страны умышленно и по незнанию, положительно невозможно, и, в крайнем случае, такое неведение может длиться очень непродолжительно. Если же допустить существование эпидемии в какой-либо непрístupной местности, не имеющей сообщения с окружающим миром, то при этих условиях существование заразы не представляется столь опасным»*³³.

Отчет Д.И. Ливкина состоял из двух частей. Первая, меньшая по объему, была описанием деятельности самого автора и его разведчиков по выяснению реального распространения чумы в Северо-Западной Индии и Афганистане. Вторая, более обширная, представляла собой его наблюдения за жизнью и настроением населения по мере путешествия по стране, эта часть касается политической разведки. Здесь нет ни описаний достопримечательностей, которые обычно встречаются в записках путешественников-туристов, ни описаний военных объектов, как в отчете Л.Г. Корнилова (см. ниже). *«Пользуясь близостью к туземному населению в принятой мною роли персидского купца, я в*

³² Отчет Д.И. Ливкина. С. 192–193.

³³ Там же. С. 188.

бытность в Индии старался наблюдать настроение умов населения и те условия, при которых можно рассчитывать на активную роль населения в случае иноземного вторжения»³⁴, – дипломатично писал Ливкин, имея в виду русское вторжение. Общие выводы его таковы: «Глухое недовольство масс, которое англичане пока безнаказанно игнорируют, зная свое превосходство в культурном отношении над туземцами, при некоторых условиях может вылиться общим восстанием в долине Ганга и Пенджаба, раз только туземцы, индусы и в особенности мусульмане, получают толчок извне. Таким внешним толчком, несомненно, следует считать и возможный поход России в Индию, чего так сильно боятся англичане, сознавая, что достаточно первого успеха русского оружия, чтобы уже существующее брожение умов усилилось настолько, что престиж Великобритании был бы окончательно подорван и ее владычеству в Индии положен конец»³⁵. В целом Ливкин призывал «исследовать» настроения индийского общества, особенно туземных войск³⁶.

По мере присоединения к Российской империи все новых земель в Туркестане и приближения наших границ к владениям Британии в Индии местные русские власти стали сталкиваться с проблемой общения с индийцами, мусульманами и индусами, жившими и торговавшими во многих городах этой области. Общение с ними и решение каждодневно возникавших вопросов, связанных с их деятельностью, наследованием, взысканием долга, проверкой документов и т. д. и т. п. было возможно только при наличии переводчика, поскольку часто они не говорили на местных языках. Иногда в приграничные области Русского Туркестана пробирались посланцы от индийских князей. Они несли с собой письма к русскому царю, ища у него поддержки в борьбе за освобождение своей страны от

³⁴ Отчет Д.И. Ливкина. С. 196.

³⁵ Там же. С. 226.

³⁶ Там же. С. 226.

англичан³⁷. Это могли быть действительно индийские националисты, патриоты, а могли быть и специально, для провокации, подсланные английские разведчики. Такой возможности нельзя было исключить. В Российской империи преподавали только язык древней Индии – санскрит, но не новоиндийские (разговорные) языки. Поэтому любое общение с такими посланцами проходило в два этапа: сначала шел перевод с индийского, главным образом, с урду, на персидский, с персидского – на русский. Кроме того, на присоединенных территориях Туркестана проживало некоторое количество купцов-индийцев, и для повседневного общения с ними тоже нужны были переводчики с урду.

В письме от 21 июня 1895 г. генерала Н.Н. Обручева, начальника Военно-ученого комитета, министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому прямо говорилось, что *«Государю императору благоугодно было дать Высочайшее указание о необходимости предоставить офицерам Туркестанского военного округа и Закаспийской области изучать индусские наречия»*³⁸. Первым шагом к этому была подготовка преподавателей языка урду из числа офицеров. Александр Иванович Выгорницкий (1868 – после 1921)³⁹, поручик 76-го пехотного Кубанского полка был командирован в Индию в 1896 г. Судя по всему, ему не ставилась задача ведения разведки, но, как человек наблюдательный, прошедший в стране 10 месяцев, переезжавший из города в город и главное – имевший возможность общаться с местным населением на их языке, он со-

³⁷ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 121-128, 139-142.

³⁸ Там же. С. 303.

³⁹ Александр Иванович Выгорницкий с 1897 г. был преподавателем языка хиндустани на Ташкентских курсах. С 1901 г. состоял внештатным переводчиком при российском генеральном консульстве в Бомбее. Прекрасно зная язык хиндустани, он мог не только читать местные газеты, но и более свободно, чем генеральный консул В.О. Клемм, завести знакомства среди индийцев, а также ездить по стране.

ставил Записку о необходимости учреждения генерального консульства в Индии. Здесь он дал характеристику настроений в обществе, отношению к русским⁴⁰. Вслед за Выгорницким в Индию с той же целью усовершенствования знаний хиндустани был послан прикомандированный к штабу войск Закаспийской области штабс-капитан Александр Федорович Гильфердинг (1862 – после 1912). Его рапорт начинался с перечисления того, как проходили занятия хиндустани, потом он перешел к описанию общей обстановки в Индии, отношению к англичанам и русским. Следует особо отметить надписи на полях этих документов. На Записке А.И. Выгорницкого об учреждении консульского поста в Бомбее: *«Сообщить министру иностранных дел. Подкрепить эту записку нашими соображениями, мы ведь давно намечали, правда, не о Бомбее, а о Пешаваре»*.

Ванновский⁴¹.

*Но лучше представить на высочайшее воззрение»*⁴².

Надпись на первой странице Рапорта А.Ф. Гильфердинга⁴³: «Надеюсь, что это только выводы автора, а его наблюдения и размышления будут представлены в подробном виде. Надо экзаменовать Гильфердинга. Можно ли это сделать?» и на третьей странице, напротив замечания о симпатии к русским: «Не надо особенно верить в симпатии к нам. Надо всегда помнить, что мы

⁴⁰ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 307–310.

⁴¹ **Ванновский Петр Семенович** (1822–1904) генерал от инфантерии, в то время военный министр.

⁴² Русско-индийские отношения в XIX в. С. 310.

⁴³ Предполагалось, что Александр Федорович Гильфердинг будет преподавать хиндустани на курсах в Ашхабаде, но несмотря на то, что его командировка прошла успешно, и он составил словарь и несколько пособий по хиндустани, которые потом использовались, что-то не сложилось, и преподавателем был назначен Иван Дионисьевич Ягелло.

лишь средство, а не цель. Куропаткин»⁴⁴. Эти надписи показывают, на каком уровне изучалась информация из Индии.

В конце XIX в. одновременно сразу в двух городах Ташкенте и Ашхабаде, при штабах соответственно Туркестанского военного округа и Закаспийской области, открылись офицерские курсы языка «индустани» (урду). В пункте 8 утвержденного Положения о курсе для обучения офицеров Туркестанского военного округа языку «индустани» (урду) говорилось: *«Офицерам, наиболее успешно окончившим курс, может быть испрашиваем, в виде награды, полугодовой оклад жалованья; кроме того, допускается испрашивать разрешение на командирование в Индию для дальнейшего практического усовершенствования в языке "индустани" ежегодно одного из оказавших лучшие успехи офицеров»*⁴⁵.

«Лучшие успехи» в первом выпуске слушателей Ташкентского курса показал генерального штаба подполковник Александр Александрович Полозов (1864–1908). 15 апреля 1899 г. временно командующий войсками округа генерал-лейтенант Иванов ходатайствовал «о командировании в Индию, для дальнейшего практического усовершенствования в языке индустани, Генерального штаба подполковника Полозова»⁴⁶. В том же году планировалась поездка русских офицеров в Индию в ответ на проезд английских офицеров в Индию через среднеазиатские владения России. Этими офицерами стали подполковник А.А. Полозов и штабс-капитан А.Е. Снесарев (1865–1937). Именно в такой последовательности. Подполковник А.А. Полозов и по званию, и по опыту службы в Туркестане, и по знанию языка хиндустани стоял выше. Выбор пал на А.Е. Снесарева, выпускника Николаевской акаде-

⁴⁴ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) в то время генерал-лейтенант, начальник и командующий войсками Закаспийской области.

⁴⁵ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 14.

⁴⁶ Там же. С. 16.

мии генерального штаба, направленного служить в Киевский военный округ, потому что он был единственным выпускником академии хоть в какой-то степени знавшим английский язык. Условием его командировки была последующая служба в Туркестане.

В какой-то степени эту поездку нельзя назвать успешной, потому что наших офицеров везде сопровождали английские коллеги. Все это подавалось как проявление гостеприимства, но, поскольку побывавший в Русском Туркестане сопровождавший их полковник Мак-Суини был «недоволен результатами своей поездки по России, [он – ТЗ] представил наших офицеров весьма опасными людьми, так как они великие знатоки Индии и командированы для рекогносцировки ее северо-западной границы...»⁴⁷. Если запрещение возвратиться в Ташкент через Кветту и Сеистан можно объяснить изменением уже заранее согласованного маршрута (из Лакхора они должны были проехать до Калькутты далее через Коломбо в Одессу), то «желание» англо-индийской администрации, «чтобы оба наши офицера путешествовали вместе и не останавливались на более или менее продолжительное время в каком-нибудь пункте», а также предписание «местному населению не подходить к нашим офицерам и их слугам, под страхом заплатить штраф 500 рупий за беседу с нашими офицерами»⁴⁸ далеко выходило за рамки приличия. Несмотря на такие жесткие условия, в которых проходило путешествие, они сумели многое сделать. Прежде всего, Полозов побывал в Хайберском и Боланском проходах, осмотрел укрепления Пешавара, исследовал долину Инда⁴⁹. В архивах не обнаружен отчет об этой поездке ни подполковника Полозова, ни штабс-капитана Снесарева,

⁴⁷ Русско-индийские отношения в XIX в. С. 333.

⁴⁸ Там же. С. 333.

⁴⁹ Басханов М.К. «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. СПб.: Нестор-история, 2015. С. 44.

но отчетом по командировке служат их публикации: Полозов А.А. Северо-Западная граница Индии. (Краткое военно-стратегическое описание). Ташкент, Издательство штаба ТуркВО, 1902. (Не подлежит оглашению) и Снесарев А.Е. Северо-индийский театр (военно-географическое описание). В 2 ч. Ташкент, 1903. Основным результатом этой поездки на долгую перспективу было то, что русская армия получила в лице А.Е. Снесарева военного востоковеда, специалиста по Афганистану и Индии.

Из второго выпуска Ташкентских курсов хиндустани 1901 г. в Индию был командирован генерального штаба подполковник Иван Константинович Серебренников (1865 – 30-е гг. XIX в.). Командующий войсками округа генерал-лейтенант Иванов мотивировал свое ходатайство тем, что в штабе округа должен быть офицер, который смог бы контролировать преподавание на курсе хиндустани, а для этого он должен по уровню своих знаний стоять выше преподавателей. Вспоминая поездку подполковника Полозова и штабс-капитана Снесарева, он констатировал, что *«данные командирований офицеров Генерального штаба в Индию служат к установлению совершенно новых взглядов на многие бытовые стороны англо-индийской армии, так как прежде имевшиеся сведения исходили почти исключительно из английских источников»*⁵⁰. Кроме усовершенствования хиндустани И.К. Серебренникову была поставлена задача *«ознакомления с характером и бытом англо-индийской армии, обращая особое внимание на туземные части, а также сбор военно-статистических сведений и данных, характеризующих взаимные отношения англичан и туземного населения»*⁵¹. Подполковник И.К. Серебренников путешествовал не как командированный офицер, а в качестве туриста и, таким

⁵⁰ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 18.

⁵¹ Краткий отчет о поездке в Индию Генерального штаба подполковника Серебренникова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (Далее СМА). Добавление № 8. СПб.: Воен. тип., 1905. С. 91.

образом, мог пользоваться достаточной свободой как в изучении хиндустани, так и по сбору сведений разведывательного характера: мог проникать во внутреннее расположение крепостей и производить крокировку местности и фотографирование⁵². Он высадился в Бомбее 8 декабря 1901 г. и проехал по всей северной Индии от Бомбея до Калькутты, особенно тщательно исследовав северо-западную ее часть: Котри, Сиби, Кветта, Пешавар, Хушальгарх, Джамруд (вход в Хайберский проход), Равалпинди, Лахор. В апреле 1902 г. он покинул Индию.

Выводы И.К. Серебренникова были изложены в отчете, опубликованном в Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии⁵³, в Ташкенте вышла его монография по англо-индийской армии⁵⁴, он выступил с докладом на Индо-афганской комиссии Среднеазиатского отдела Общества востоковедения в Петербурге⁵⁵. *«Английские офицеры, – писал он в Отчете, – хорошо образованы, благовоспитанны и все – большие любители разного рода спорта: интерес к верховой езде и стрельбе у английских офицеров такой, какого, может быть, нет нигде в других армиях. Но у английского офицера нет главного военного качества – любви и интереса к военному делу, он не проникнут военным духом. Это не офицер, а чиновник, который несет военную службу так же добросовестно, как нес бы всякую другую, но не более. Да оно и понятно: английские офицеры не составляют особой корпорации, а живут в среде гражданского общества, его интересами, а потому должны разделять взгляды этого общества. А мы знаем эти взгляды. Достаточно сказать, что появление в обществе в военной форме считается неприличным»*⁵⁶. *«Туземные офицеры, при знаком-*

⁵² Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 19.

⁵³ Краткий отчет Серебренникова. С. 91–130.

⁵⁴ *Серебренников И.К.* Индо-британская армия. Вып. 1–2. Ташкент: штаб ТуркВО, 1903–1908.

⁵⁵ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 65–67.

⁵⁶ Краткий отчет Серебренникова. С. 123.

стве с ними, производят весьма благоприятное впечатление. Они весьма интеллигентны, не в европейском, конечно, смысле, а в восточном; охотно вступают в разговор, очень вежливы, и в то же время держат себя совершенно непринужденно; заметно, что пользуются влиянием и авторитетом со стороны нижних чинов. В то же время военное образование их самое элементарное, так как ограничивается тем, что приобретено ими практически на службе. Не будучи знакомы с английским языком, они не могут пополнять свои военные познания, даже если бы хотели этого. <...> В общем, туземный офицер по своему военному образованию может быть назван не офицером, а скорее хорошим унтер-офицером, знающим строевую службу, но недостаточно подготовленным к самостоятельному руководству в бою такой частью, как рота»⁵⁷. Англичане опасались повышать военную подготовку офицеров-индийцев, поскольку не рассчитывали на их преданность. Многое делалось для того, чтобы сблизить обе группы офицеров, но, поскольку «европейцы и туземцы представляют два совершенно обособленных мира»⁵⁸, окончательное сближение невозможно. Это не вредило престижу и авторитету офицеров-индийцев в глаза их подчиненных, потому что казалось им естественным. Рядовой состав англо-индийской армии понравился подполковнику Серебренникову: «В общем, туземный солдат высокого роста, видный; выправка у всех хорошая. Умственное развитие также оставляет благоприятное впечатление: держат себя непринужденно, дают всегда толковые ответы; заботности незаметно»⁵⁹. Побывав на нескольких маневрах, он сделал вывод, что «тактические действия войск ниже всякой критики»⁶⁰.

Поездка подполковника Серебренникова была признана командованием очень успешной, с его выводами об англо-индийской армии ознакомили военного министра.

⁵⁷ Там же. С. 124.

⁵⁸ Там же. С. 125.

⁵⁹ Там же. С. 127.

⁶⁰ Краткий отчет Серебренникова. С. 128.

На первом листе Извлечения из краткого отчета о поездке Серебренникова он написал: *«Почему не приложена карта, по которой можно было бы следить путь Серебренникова? Прошу озаботиться командированием в Индию в будущем году одного из офицеров Генер. Штаба на время 6–8 месяцев. Надо послать на тех же основаниях, как ездил Серебренников. Куропаткин»*⁶¹. Секретным рапортом от 31 декабря 1902 г. начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Сахаров доложил Главному штабу, что выбор командующего войсками округа остановился на подполковнике Корнилове (1870–1918)⁶². В выпуске Ташкентского курса языка хиндустани 1901–1903 гг. был один офицер генерального штаба – подполковник Александр Михайлович Григоров, который был вполне достоин этой командировки и более подходил по всем требованиям. Впоследствии он стал известен своими военно-статистическими работами по Туркестану⁶³. Возможно, выбор пал на Корнилова, потому что впервые его поездка в Индию планировалась еще в 1899 г., когда велись переговоры о командировании в Индию двух офицеров в ответ на проезд через русские среднеазиатские владения британских военных⁶⁴. Тогда отпускать ценного для округа военнослужащего в сомнительную по значимости ее результатов командировку казалось командующему войсками округа генерал-лейтенанту С.М. Духовскому неправильным. Он прочил Корнилова на учреждаемую должность офицера Генерального штаба при Российском Императорском генеральном консульстве в Кашгаре⁶⁵. Должность вводилась в связи с обострением там обстановки и усилением британских интриг в этом районе.

⁶¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 46. Оп. 2. Д. 127. Л. 2.

⁶² РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 127. Л. 5.

⁶³ Басханов М.К. История изучения... С. 144–145.

⁶⁴ Басханов М.К. «У ворот... С. 21–22.

⁶⁵ Там же. С. 23.

Для получения высочайшего соизволения на эту командировку было испрошено мнение министра иностранных дел графа Ламздорфа, притом указывалось, что Корнилов поедет в качестве совершенно частного лица без особого предварительного уведомления об этом британских властей. 30 января из МИДа был получен положительный ответ и составлено прошение на высочайшее имя. По-видимому, при составлении прошения всплыла формулировка военного министра «на тех же основаниях, как и подполковник Серебренников». Первой целью командировки Серебренникова было совершенствование знаний хиндустани, а в справке канцелярии Военно-Ученого комитета говорилось, что в аттестации Корнилова значится: *«Свободно владеет французским, персидским и тюркским языками, переводит и может объясняться на немецком и английском языках»*⁶⁶. Выход из этого неудобного положения принесла телеграмма начальника штаба Туркестанского военного округа: *«Подполковник Корнилов приступил изучению языка индустани и, хотя настоящее время не может считаться знакомым с ним, но имею ввиду его способности что к осени он усвоит его достаточной степени=Сахаров»*⁶⁷.

Основной целью командировки подполковника была рекогносцировка Нушки-Сеистанской дороги и оценка военного значения этого пути. Англичане начали строить эту дорогу в начале XX в. параллельно границе с Афганистаном для выхода в южную Персию. Подполковнику Серебренникову в свое время было решительно отказано в разрешении проехать по этому пути, поэтому, как писал командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Н.А. Иванов, *«желательно выяснить действительное значение этой дороги и те военные меры, которые, несомненно, принимаются англичанами на этом пути»*⁶⁸. Если

⁶⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 127. Л. 17.

⁶⁷ Там же. Л. 24.

⁶⁸ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 20.

не удастся проехать в Сеистан, то второй целью ставилось осмотреть Пишинский укрепленный лагерь, «в случае же неудачи здесь – ограничиться осмотром оборонительной линии Инда»⁶⁹.

Корнилов выехал из Одессы в первой половине ноября, на некоторое время остановился в Константинополе и 12 декабря прибыл в Бомбей⁷⁰. Он путешествовал в штатском, и в его бумагах не было указано его воинское звание. Уже в Константинополе российский генеральный консул П.Г. Панафидин высказал сомнение в возможности получить разрешение на проезд по Нушки-Сеистанской дороге, а проехать тайно, учитывая строгости в отношении иностранцев, которые ввел главнокомандующий Индийской армией лорд Китченер, будет просто невозможно. Кроме этого, обсуждался вопрос, следует ли скрывать воинское звание Корнилова; решение было отложено до консультаций с генеральным консулом в Бомбее В.О. фон Клеммом⁷¹.

Из Порт-Саида Корнилов плыл на английском пароходе, где во 2-м классе среди пассажиров было человек 15 офицеров. Его выправка («в связи с непривычкой моей к штатскому платью») сначала обратила на себя внимание, а потом и возбудила подозрение. На следующий день на палубе он столкнулся с несколькими офицерами, они познакомились, но вопрос об офицерском звании не поднимался. Вечером к нему подошел еще один офицер, они представились друг другу, и англичанин заявил, что фамилия Корнилов ему известна и что он припоминает русского офицера с такой же фамилией, путешествовавшего

⁶⁹ Отчет полковника Генерального штаба Лавра Георгиевича Корнилова о поездке по северо-западной Индии (Далее Отчет Корнилова) // Русские в Индии в конце XIX – первой половине XX в. Сборник архивных документов и материалов (Далее Русские в Индии). М.: ИВ РАН, 2022. С. 110.

⁷⁰ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 133.

⁷¹ Там же. С. 132–133.

по Хорасану. Все это подтолкнуло его к решению впредь не скрывать своего воинского звания. Он заявил: «Я действительно офицер, взял отпуск с целью познакомиться с Индией и англо-индийскими войсками; что я хотел познакомиться с представителями этих войск тотчас же по прибытии на пароход, но, к сожалению, не мог этого сделать по нездоровью (после шторма, выдержанного в Архипелаге, мне, действительно, сильно не здоровилось и я редко выходил из каюты). После этого отношения ко мне заметно изменились; ко мне отнеслись с большим радушием, многие офицеры пригласили меня в места квартирования своих полков»⁷². Складывается впечатление, что эта небольшая группа офицеров на корабле приняла Лавра Георгиевича в свой круг, как равного, ведь они были наслышаны о его службе в Туркестане. Впоследствии так будет везде в Индии: где бы он ни появился, его приглашали не только на смотры войск или учения, но в казармы, столовые и т. п., исполняли практически все его просьбы. Возможно, что это было проявлением корпоративной воинской солидарности, признание, что он был достойным противником.

Следует особо отметить, что все принимавшие его лица были чрезвычайно внимательны и любезны. Рекомендательные письма, которыми он был снабжен с самого начала, по прибытии в новое место создавали череду офицеров, которые, с одной стороны, приглашали его на эти военные смотры, парады, учения и т. п., а с другой стороны, не выпускали его, таким образом, из поля зрения.

Подполковник Корнилов путешествовал, главным образом, по Северо-Западной Индии, по возможному театру военных действий в случае столкновения двух империй. Поняв, что выполнить поставленную задачу по реконсцировке Нушки-Сеистанской дороги ему не удастся, он решил ограничиться осмотром войск и фортификаци-

⁷² Там же. С. 133.

онных сооружений, расположенных в северо-восточной Индии. Корнилов проехал по маршруту Бомбей – Пуна – Бомбей – Агра – Канпур – Лакхнау – Дели – Лахор – Мианмир – Лахор – Джелум – Равалпинди – Абботабад – Пешавар – Кветта – Бомбей.

По возвращении обратно в Россию он написал подробный с множеством деталей и даже чертежей отчет о своей командировке⁷³. Если он описывал смотр кавалерии, то обращал внимание на породы коней, их физическое состояние, обученность действиям в строю, комплектование конного состава и т. д., а также выправку кавалеристов, слаженность строя, быстроту реакции на команды и т. д. При описании фортов давалось их расположение относительно города или населенного пункта, размеры, конфигурация, характеристика укреплений внутри фортов с размерами и материалами, из которых они построены и т. д. Он вникал и описал многие подробности быта англо-индийской армии: устройство казарм для рядовых-англичан и рядовых-индийцев, в чем их отличие; форму хаки, насколько она удобна при носке и при маскировке на местности; полковую пекарню, сколько печется хлеба в обычной обстановке и на сколько возможно увеличить ее производительность в случае военных действий; устройство движущихся мишеней; резерв армии и волотерские части, из кого формировались, насколько они были боеспособны и многое другое. Особое внимание было уделено обозной части, *«которая организована у англичан на основании широкого пользования опытом их прежних экспедиций и с полным соответствием характеру вероятного театра действий индийской армии»*⁷⁴. В отчете Корнилов анализировал увиденное с учетом проработанных им ранее опубликованных материалов по англо-индийской армии: военно-

⁷³ Отчет о поездке по Индии Генерального штаба полковника Корнилова // Отчеты о поездке по Индии. СМА. Добавление № 8. СПб: Воен. тип., 1905. С. 1–90. Издание имело гриф «Секретно».

⁷⁴ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 136.

го бюджета, военных уставов, статей в газетах, монографий.

Как за каждым иностранцем за Корниловым было установлено полицией наблюдение, но до Равалпинди, пока он следовал обычным туристическим маршрутом, оно было незаметным и не досаждало ему. Далее полиция стала действовать все более назойливо и открыто. В Равалпинди генерал Вудхауз, начальник дистрикта, приветствуя Корнилова заявил, что по сведениям начальника полиции русский офицер был замечен в фотографировании железнодорожного моста через реку Джелум. *«На это я заметил, – писал Корнилов, – что, по моему мнению, фотография Джелумского моста не представляет такой важности, чтобы ради нее рисковать потерей доверия, которое до сих пор оказывалось мне английскими военными властями, тем более что фотография моста продается у фотографа в Лагоре; кроме того, при всем желании посмотреть Джелумский мост я, к сожалению, не мог этого сделать, так как проехал его ночью»*⁷⁵. Из Абботабада в Пешавар подполковника сопровождал английский офицер, специально командированный для этого по распоряжению из Равалпинди⁷⁶. Здесь, в Пешаваре, из запертой комнаты в отеле был украден его чемодан. Полиция нашла его в нескольких шагах от гостиницы, он был вскрыт, вещи и деньги были целы, но пропали фотографии, письма, книги, фотографический аппарат и бинокль (похожий на камеру-бинокль). *«К счастью для меня, – писал Корнилов, – все записные книжки с заметками и вообще все, что могло представлять некоторый интерес для англичан, все это было постоянно при мне и только потому не попало в руки Пешаверской полиции, не без участия которой был произведен наглый грабеж. Все это было проделано, по-видимому, без ведома военных властей Пешавера, так как генерал Барроу и офицеры были непритворно возмущены этим неприятным инцидентом и откровенно высказывали свое негодование по поводу*

⁷⁵ Отчет Корнилова. С. 164–165.

⁷⁶ Там же. С. 174.

его»⁷⁷. По всей видимости, полиция не нашла ничего предосудительного в украденном, и по возвращении в Бомбей Корнилову сообщили, что все пропавшие вещи разысканы.

В Пешаваре Корнилов узнал о начале русско-японской войны, о первых атаках на Порт-Артур. Это известие, а также слух о начале мобилизации в Туркестане изменили отношение военных к русскому офицеру. Ему прямо дали понять о нежелательности его дальнейшего нахождения в пределах Индии. Корнилову ничего не оставалось, как только прервать свою командировку и возвратиться на родину.

Кратко выводы подполковника Корнилова сводились к следующему:

С назначением генерала с большим опытом ведения войн на различных театрах военных действий лорда Китченера главнокомандующим в индийской армии начали проводиться кардинальные реформы, направленные к усилению боевой готовности. Его целью было создание из нее силы, способной вести войну европейского масштаба. Реформированию подвергся как состав армии (значительное омоложение высшего командного состава и офицерства, укрепление престижа офицеров-индийцев), так и материальная часть: перевооружение более современным и подходящим к условиям Индии оружием; переформирование, перекомплектация и концентрация войск в Северо-Западной Индии, где они вероятнее всего могут быть использованы в случае столкновения с Россией.

«В туземных войсках главная масса работы все-таки по-прежнему лежит на туземных офицерах. По своим познаниям они стоят не выше наших унтер-офицеров, но благодаря продолжительной службе из них выработался такой опытный и прочный кадр, каким не обладают европейские армии. Положение туземных офицеров в армии, мне кажется, вполне удовле-

⁷⁷ Отчет Корнилова. С. 182.

творяет их материальным и нравственным запросам. В отношении нижних чинов они пользуются должным авторитетом, который заботливо поддерживается их английскими сотоварищами. Отношение этих последних к туземным офицерам, во всяком случае, нельзя приравнять к отношению англичан вообще к туземцам, какое отличается полным и нескрываемым презрением. В отношениях же английских офицеров к своим туземным сослуживцам замечаются уже признаки товарищества и взаимного уважения, <...> пока же положение туземных офицеров нельзя назвать неудовлетворительным, во всяком случае, оно настолько удовлетворяет их, что звания офицера в туземной регулярной армии добывается молодежь из вполне обеспеченного землевладельческого туземного населения Индии. Это обстоятельство в связи с принимаемым правительством мерами по обеспечению старости офицеров, указывает, что англичане имеют основание рассчитывать на преданность туземных офицеров своей армии. <...>

В настоящее время численность индо-британской регулярной армии определяется в 236 тысяч человек, в том числе 78 тысяч английских войск и 158 тысяч туземных. С волонтерами, резервами туземной армии и войсками имперской службы общая численность вооруженных сил в Индии достигает 300 тысяч человек. <...>

Туземная армия <...> – отличный военный материал. Искусным сочетанием составных элементов этой армии англичане ослабили опасность ее в смысле оружия, которое может обратиться против них же самих. Мерами привлечения на свою сторону офицеров они обеспечили себе до некоторой степени преданность армии, так как преданность ее есть, прежде всего, и, пожалуй, всецело, вопрос преданности туземных офицеров. С другой стороны, разноплеменность армии и отсутствие идеи, которая сплачивала бы ее и могла бы поддержать в минуту испытания, составляют источник ее слабости; но, во всяком случае, осторожнее будет рассчитывать, что до тех пор, пока не будет нанесено тяжелого удара, эта армия останется преданной. <...>

Отдельные вспышки против англичан, конечно, возможны, но трудно сказать, что могло бы объединить 280-ти миллионную массу населения Индии и поднять ее против англичан. Ненависть к англичанам? Об ней мы знаем из рассказов угодливых гидов и людей, личные интересы которых пострадали с водворением английского господства, напр. потомков мелких владельцев. Но еще вопрос, что считает лучшим народная масса: теперешнюю ли зависимость от англичан, правда тяжелую экономически, но обеспечивающую народу возможность предаваться мирным занятиям, или прежний порядок, когда бесконечные и постоянные взаимные счеты и распри мелких владельцев и частые вторжения внешних врагов лишали индуса всякой уверенности в завтрашнем дне. С этой точки зрения можно думать, что население Индии в борьбе нашей с Англией будет играть, во всяком случае, второстепенную роль; вернее, борьба решится без его участия. <...>

В общем, приходится заключить, что, если напряженное положение, вызванное в Средней Азии событиями на Дальнем Востоке, поведет к столкновению нашему с англичанами, нам придется иметь дело с противником, который настойчиво и энергично готовился к войне»⁷⁸.

Последовавшие за Корниловым командированные в Индию офицеры во многом повторили его путь, но каждая из этих поездок имела какие-то свои особенности.

Из выпуска 1905 г. офицерских курсов хиндустани в поездку по Индии был командирован подпоручик 1-й Туркестанской артиллерийской бригады Владимир Владимирович Лосев (1885 – после 1915)⁷⁹. Перед ним были поставлены совершенно грандиозные задачи. В Инструкции из 15 пунктов в дополнение к совершенствованию языков и выяснению вопросов чисто разведывательного характера значилось:

1. «3) Вопрос об изучении английского языка туземцами и туземных языков англичанами.

⁷⁸ Отчет Корнилова. С. 200–210.

⁷⁹ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 187–188.

2. 4) Изучение англичанами русского языка.
3. 5) Касты и их значение в настоящее время.
4. 6) Род службы (помимо военной) и должности, на которые допускаются туземцы.
5. 7) Типы мусульманина и индуса в связи с их религиозными верованиями и степени преданности существующему порядку управления»⁸⁰.

Лосев высадился в Бомбее в декабре 1905 г. и сразу столкнулся с усиленной и достаточно наглой слежкой со стороны полиции. Он связал это с неудачно закончившейся русско-японской кампанией. Власти в Индии опасались, что теперь Россия обратит свое внимание на Средний Восток. В сложившихся условиях Лосев решил донести свой опыт путешествия по стране в условиях постоянного надзора, чтобы он был использован теми, кто впоследствии получит командировку в Индию. «Особенно эти данные необходимы тем офицерам, которые будут посланы в Индию в качестве негласных агентов»⁸¹, – писал он. Отсюда в его Отчете такие разделы, как «Организация выслеживания русских, едущих в Бомбей», «Значение велосипеда в Индии», «Круговые билеты», «Костюм туземцев», «Способы выслеживания русских, приезжающих в Индию»⁸².

Отчет двадцатилетнего подпоручика В.В. Лосева значительно отличается от Отчета тридцати трехлетнего подполковника генерального штаба Л.Г. Корнилова, это скорее путевые заметки обо всем увиденном. Заметно, что ему самому все было интересно и обо всем хотелось рассказать: и о своей лекции в обществе трезвости, и о покупке секретных карт и справочников, и о взяточничестве полицей-

⁸⁰ Там же. С. 188–189.

⁸¹ Отчет о поездке в Индию в 1905–1906 гг. 1-й Туркестанской артил. бригады поручика Лосева // СМА. Добавление № 9. СПб.: Воен. тип., 1908. С. 1.

⁸² Там же. С. 5, 9, 16, 82–84.

ских⁸³, и о многом другом. Сам себя он показал прожженным разведчиком, с помощью своего помощника, мусульманина-хозяина гостиницы, с легкостью распознававшим подосланных тайных агентов англичан. Яркую характеристику дал ему Сергей Виссарионович Чиркин, секретарь Российского Императорского генерального консульства в Бомбее:

«Клемм⁸⁴ пригласил нас всех завтракать в местном яхт-клубе, и Веселкин⁸⁵, только что познакомившись с Посевым, спросил его, к какому роду оружия он принадлежит. Посев остолбенел. "Посмотрите на вязку вашего галстука, – сказал Веселкин, – Всякий поймет, что вы русский офицер, никогда не носивший статского платья". Действительно, галстук Посева был завязан каким-то фантастическим узлом. Посев был очень юн и симпатичен и таинственно говорил о своих наблюдениях в Кветте и на северо-западной границе, где, наверное, была за ним правильная слежка. <...> Посев представлял собой фигуру очень легко расшифровываемого "разведчика"...»⁸⁶.

Тем не менее, он хорошо запомнил предписанные ему задачи по военной разведке. В его отчете есть описание и винтовок, и организации стрельб, и конструкции мишеней, и седел для мулов и т. п. В соответствии с данным ему заданием, он приводит данные о недавно открытой Академии генерального штаба, которая первоначально располагалась в Деоляли: сколько человек обучается, какие экзамены сдавались при поступлении, кто были преподаватели и т. п.⁸⁷. Так же обстоятельно он привел данные и о Кадетском корпусе для туземных принцев

⁸³ Отчет Посева. С. 54, 61, 69.

⁸⁴ **Вильям Оскарович фон Клемм** (1861–1938) был российским генеральным консулом в Бомбее в 1900–1906 гг.

⁸⁵ Лейтенант Веселкин проезжал через Бомбей в Россию с Дальнего Востока.

⁸⁶ Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. С. 136.

⁸⁷ Отчет Посева. С. 20–24.

(один из его попутчиков оказался выпускником корпуса)⁸⁸. Он приводит свои наблюдения о кастах, хотя здесь он, по видимому, путает кастовую принадлежность с религиозной⁸⁹.

Сам подпоручик Лосев, безусловно, осознавал, что после данных, добытых подполковниками генерального штаба Серебренниковым и Корниловым и опубликованными в их отчетах, он вряд ли сможет сказать что-то новое. Тем не менее, его Отчет, в целом, оказался достаточно оригинальным и интересным, он увидел свет в 9-м Дополнении к СМА. Лосев сосредоточился на обосновании необходимости для России иметь в Индии негласного агента, на особенностях его работы в Индии. Его рекомендации очень во многом совпали с командированием штабс-капитана Петра Петровича Атаева (1873 – после 1922).

Командировка П.П. Атаева носила совершенно другой характер. Он окончил Ташкентский курс хиндустан в том же, что и Лосев, 1905 г. и мог свободно объясняться с местным населением. Он был армянином по национальности и не раз в этой поездке опирался на поддержку своих соплеменников. В Персии они поспособствовали ему в получении паспорта. Его яркая восточная внешность и персидский паспорт помогли ему перевоплотиться в купца-армянина, который 2 апреля 1907 г. прибыл в Калькутту⁹⁰. Отсюда он выехал в Лахор, где открыл лавку, торговавшую предметами роскоши из Японии, прогорел, но зато приобрел прочное положение лахорского купца. В кратком промежуточном отчете, который он послал через русское консульство в Бомбее⁹¹, он писал: «Я ... мало-

⁸⁸ Там же. С. 43–45.

⁸⁹ Там же. С. 91–94.

⁹⁰ Русские в Индии. С. 245.

⁹¹ По воспоминаниям С.В. Чиркина, когда Атаев явился в российское генконсульство, «консульский сипай доложил мне, что меня спрашивает какой-то “туземный господин” (native gentleman)» / Чиркин С.В. Указ. соч. С. 136.

помалу начал объезды ближайших мест, для чего каждый раз брал товару с собой, а с начала текущего года я начал дальние поездки по Пенджабу, и таким образом до сего времени я объехал весь Пенджаб и осмотрел все форты и укрепления, укрепленные железнодорожные станции и все более или менее значительные мосты с их укреплениями. По окончании этого объезда я снова вернулся в Лагор, продал с аукциона остаток товара и 7-го апреля снова приехал в Бомбей»⁹². Судя по его отчету, он исколесил всю Северо-Западную Индию, останавливался, где хотел, заводил знакомства с попутчиками, с железнодорожниками, с прохожими на улице, и ни у кого не вызывал особого подозрения. Из его характеристики, данной С.В. Чиркиным: «Он сносно болтает и по-английски, и по-индийски, осторожен в высшей степени. Ни отелей, ни особо интеллигентного общества не держался, а ютился когда у армян, когда у полубелых, выдавая себя за мелкого купца, персидского армянина (обзавелся персидским паспортом), ездит больше в *intermediate class* (ниже второго), экономен, может быть принят за кого угодно, только не за русского, так как его природная чернота усугубилась еще под здешним солнцем...»⁹³. Атаев объехал все мало-мальски важные населенные пункты Северо-Западной Индии, составил отчет, который в переработанном виде был напечатан без упоминания автора в СМА⁹⁴. Если сравнить два отчета, Корнилова и Атаева, то они в чем-то дополняют друг друга, но видны и повторения, они неизбежны, поскольку эти офицеры посещали одни и те же места хотя и с небольшим промежутком времени. В командировке Атаева интересно другое: он выехал из Ташкента в декабре 1906 г.⁹⁵, т. е. тогда, когда

⁹² Русские в Индии. С. 246–247.

⁹³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 485. Д. 951. Л. 7 и об.

⁹⁴ Полный отчет П.П. Атаева см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3709. Л. 1–99. В деле указано, что он был напечатан в Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 87. СПб., 1914. С. 1–122.

⁹⁵ Русские в Индии. С. 245.

полным ходом шли переговоры по заключению соглашений с Великобританией о разграничении сфер влияния в Азии⁹⁶, соглашений, развернувших нашу внешнюю политику здесь на 180 градусов. Из соперников наши державы превращались в союзников. Эти соглашения были подписаны 18/31 августа 1907 г., Атаев возвратился на родину в 1908 г. Политика политикой, разведка шла своим чередом.

И все же поездок русских военных с чисто разведывательными целями в Индию больше не предпринималось. Второй российский генеральный консул в Бомбее Александр Александрович Половцов (1867–1944) проводил политику дружественного сближения, Россия и Великобритания стали союзниками. Брат А.А. Половцова, Петр Александрович (1874–1964), был кадровым военным в звании капитана генерального штаба. Он хотел стать военным агентом в Индии, но в штате генерального консульства в Бомбее такой должности не было, а в период сближения и строительства дружеских отношений создавать такую должность в штате генконсульства было бы неправильным. Петр Александрович не оставил мысли побывать в Индии и взял отпуск «в Россию и за границу сроком на 11 месяцев»⁹⁷. По-видимому, он решил совместить полезное с приятным и в хорошей компании, лейб-гусара поручика графа Остен-Сакена и конногвардейца поручика графа Беннигсена, отправился поохотиться на слонов на Цейлон⁹⁸. После удачной охоты все они переехали в Индию, откуда Остен-Сакен и Беннигсен отправились домой морем, а Половцов решил ехать сушей через Каракорум, Памир в Туркестан. Его сопровождал секретарь А.А. Половцова Михаил Степанович Андреев⁹⁹. Уже одно то, что им было дано разрешение на этот маршрут (один

⁹⁶ Там же. С. 225.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 183444. Л. 65об.

⁹⁸ Чиркин С.В. Указ соч. С. 152.

⁹⁹ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 221, 231.

из них был известен как офицер генерального штаба, а второй имел прямое отношение к генконсульству) было свидетельством потепления в отношениях наших стран. Ложкой дегтя был прикрепленный к ним в качестве сопровождающего английский офицер, которому было разрешено русским правительством проехать через Памир и Туркестан – места, через которые обычно не позволялось ехать иностранцам, особенно военным.

Отчет капитана Половцова о поездке по Индии наряду с уже затронутыми темами в прошлых отчетах (железные дороги в Северо-Западной Индии, академия генерального штаба в Кветте и др.) поднял новые вопросы, например, об армиях князей. Он сам наблюдал и беседовал с английскими офицерами в княжествах Майсур и Кашмир и поставил очень низкую оценку боеспособности этих формирований. Его наблюдения в Майсуре: «У дворца махараджи я увидел часового, имевшего в руках ружье с отвинченным курком. Кавалерия по снаряжению схожа с туземными уланскими полками индийской армии, вооружена только пиками и саблями без огнестрельного оружия»¹⁰⁰. В традиционном для всех отчетов разделе о железных дорогах он не дает подробного описания состояния рельсового пути, фортификационных построек и т. п. (как у Корнилова), это общее представление о системе передвижения и возможностях ее использования¹⁰¹. Говоря об академии генерального штаба, он пишет о высоких требованиях, предъявляемых при вступительных экзаменах, о большем внимании к практическим занятиям¹⁰². При описании армии он уделил внимание не ее вооружению, слаженности действий и т. п., а ее религиозному и национальному составу, как это регулировалось англича-

¹⁰⁰ Отчет о поездке в Индию генерального штаба капитана Половцова // СМА. Дополнение № 9. СПб.: Воен. тип., 1908. С. 167.

¹⁰¹ Там же. С. 146–149.

¹⁰² Там же. С. 173–174.

нами¹⁰³. Капитан Половцов остановился на Афганистане, как буферной зоне между Индией и Россией, на взглядах англичан на эту территорию, на местные вооруженные силы и их вооружение¹⁰⁴. Несмотря на уже явный разворот внешнеполитического курса России в сторону Великобритании весь отчет составлен в духе предстоящей войны в этом регионе. В целом видно, что он построен на собственных наблюдениях и проработке большого пласта литературы¹⁰⁵.

В 1911 г. в Индии побывал генерал-лейтенант Николай Сергеевич Ермолов (1853–1924), военный агент (военный атташе) в Великобритании. Его поездка носила «совершенно гласный, но неофициальный характер»¹⁰⁶. Это означало, что официально о визите в Индию военного атташе Российского Императорского посольства в Великобритании не было объявлено по дипломатическим каналам, но он путешествовал по стране 5 месяцев везде представляясь первым должностным лицам англо-индийской администрации в своем звании и должности. Судя по его отчету, *«Военное начальство в Индии, начиная с главнокомандующего, во все время пребывания там г.-л. Ермолова оказывало ему большое внимание и было очень любезно, видимо, желая и ища большего с нами военного сближения на основании и в дальнейшем развитие англо-русского соглашения 1907 года. Желание это среди военных в Англо-Индии (среди высших военных лиц) было постоянно заметно, <...> Гражданское начальство Англо-*

¹⁰³ Отчет Половцова. С. 163–165.

¹⁰⁴ Там же. С. 153–157.

¹⁰⁵ Весной 1910 г. капитан генерального штаба П.А. Половцов совершил второе путешествие по Индии. Он запросил разрешения у англо-индийского правительства на проезд из Кашмира в Россию через Гилгит, Килик, Ташкуртан. Ему было отказано, несмотря на ходатайство генерального консула Б.К. Арсеньева / Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 332. По-видимому, эта поездка не позволила собрать сколько-нибудь значительную информацию, поэтому отчета о ней не появилось в печати.

¹⁰⁶ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 336.

Индии выказывало то же желание дальнейшего сближения с Россией в гораздо меньшей степени и потому относилось к ген.-лейт. Ермолову гораздо сдержаннее и холоднее...»¹⁰⁷. Судя по отчету генерала Ермолова, он имел продолжительные беседы со многими высокопоставленными военными англо-индийской армии и администрации, многие из них были настроены на сближение России и Великобритании в Азии. Впервые в его отчете появились сведения о положении на восточной границе Индии, о проникновении Китая в Бирму¹⁰⁸. По возвращении в столицу Ермолов составил отчет, но в то время сочли не целесообразным его печатать даже в таком секретном издании, как Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, и сегодня все материалы по этой поездке хранятся в РГВИА¹⁰⁹.

По-видимому, генерал-майор Н.С. Ермолов был последним офицером русской императорской армии, побывавшим в Индии с целью сбора сведений об англо-индийской армии и о возможном театре военных действий в северо-западной ее части. Вероятность войны на этом театре считалась все менее реальной как британской, так и российской стороной. Первая мировая война и последовавшие события 1917 г. свели на нет такой сценарий.

¹⁰⁷ Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. С. 337.

¹⁰⁸ Там же. С. 340–342.

¹⁰⁹ См. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3712. Подробнее о поездке генерал-лейтенанта Ермолова см.: Кожекина М.Т. Миссия генерала Н.С. Ермолова в Индию (1911 г.). Предварительный анализ секретных документов // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 72–85; Она же. «Для Англии ... несомненно выгоднее ... иметь соседом великую державную Россию». Итоги разведывательной миссии генерал-лейтенанта Н.С. Ермолова в Индию в 1911 году // Военно-исторический журнал. 2000. № 4. С. 3–11.

Глава 2. В ТУРЦИИ – МЕЖДУ ПАРИЖЕМ И БЕРЛИНОМ: КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ ГРУППА ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ В НАЧАЛЕ 1921 г.¹

В данной главе автор продолжает изучение проблематики истории деятельности русских либералов в Турции в начале 1920-х гг., которое было начато им в предыдущем томе серии «Восточные ветви российской диаспоры»². В ноябре-декабре 1920 г. эвакуированные из Крыма вместе с частями Белой армии деятели Конституционной демократической партии – Партии народной свободы (кадеты) старались хоть как-то обустроиться на новом месте, найти себе какое-нибудь пристанище в Константинополе (как они всегда называли Стамбул). Очевидно, они довольно быстро осознали тот факт, что побежденная в Первой мировой войне, оккупированная державами Антанты Турция не может стать местом их постоянного проживания. Русскому интеллигенту было крайне сложно (если вообще возможно) интегрироваться в исламское общество, столь непохожее на привычный ему мир дореволюционной России. Первоначально, очевидно, многие оказавшиеся в Константинополе представители русской интеллигенции надеялись на то, что эвакуация из Крыма была временной мерой, и вскоре при помощи Франции и других стран Запада им удастся вернуться в Россию,

¹ **Сведения об авторе:** Антошин Алексей Валерьевич, д.и.н., профессор кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: alex_antoshin@mail.ru

² См.: Антошин А.В. Русские либералы в Турции после Крымской катастрофы: Константинопольская группа кадетской партии в конце 1920 г. // Восточные ветви российской диаспоры. Т. 5. Из прошлого в настоящее: коллективная монография. / Ин-т востоковедения Росс. акад. наук, Лаб. по изуч. рос. диасп. в странах Востока [отв. ред. Д. С. Панарина]. М.: ИВ РАН, 2022. С. 108–120.

чтобы продолжить вооруженную борьбу против большевизма.

Однако, совершенно иного взгляда на события придерживался многолетний вождь русских либералов П.Н. Милюков. Его позиция была изложена в знаменитой записке Парижской группы кадетов «Что делать после Крымской катастрофы?», принятой 21 декабря 1920 г. Ключевым для авторов данного документа стал тезис: «Борьба с большевизмом не может продолжаться в прежних формах»³. *«У нас больше нет территории, – подчеркивали П.Н. Милюков и его соратники. – Не может быть и тех форм власти, которые неразрывно были связаны с периодом фронтовой борьбы – и даже для нее оказались непригодными <...> В силу уже международных правил армия не может сохраняться на чужеземной нейтральной территории как организованная боевая единица»*⁴. Одновременно парижские кадеты заявляли о необходимости более радикального решения аграрного и национального вопросов, а также вопроса о форме правления. Подразумевалось решить аграрный вопрос «в интересах крестьянства», «удовлетворить новые требования отделившихся от большевистской России народностей», а также заявить о необходимости построения в постбольшевистской России демократической республики⁵. Реализация этих положений требовала, по мнению П.Н. Милюкова, тесного сотрудничества не с консервативными и праволиберальными кругами русской эмигрантской общественности, а с умеренно-социалистическими группировками, прежде всего, с Партией социалистов-революционеров (эсеров).

Такой решительный разрыв П.Н. Милюкова с теми политическими практиками, которые были характерны

³ Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. Май 1920 – июнь 1921. М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1996. С. 76.

⁴ Протоколы заграничных групп... С. 78–79.

⁵ Там же. С. 79–80.

для многих организаций кадетской партии в период Гражданской войны, безусловно, был весьма неоднозначно воспринят как современниками, так и историками. Практически ни один советский исследователь, обращавшийся к проблематике истории белой эмиграции, не мог обойти вниманием записку «Что делать после Крымской катастрофы?». Так, отмечая, что П.Н. Милоков проявил «недюжинное упорство», авторы обобщающего труда советских историков *«Непролетарские партии России: Урок истории»* заявляли, что его платформа была «контрреволюционной»⁶. Более основательный анализ позиции П.Н. Милокова был предпринят в монографии ведущего советского исследователя истории белой эмиграции Л.К. Шкаренкова. Он отмечал призыв кадетского лидера к «освобождению от “белого догматизма”», к «отказу от старых, не оправдавших себя методов борьбы». По замечанию Л.К. Шкаренкова, П.Н. Милоков неоднократно критиковал тех, кто «уповал только на “белые штыки”»⁷. В труде Л.К. Шкаренкова подчеркивалась тактическая гибкость кадетского вождя, который лучше, чем большинство его товарищей по партии, чувствовал политическую конъюнктуру момента. Как было показано, в частности, в труде известной исследовательницы жизни и деятельности П.Н. Милокова американского историка Мелиссы Стокдейл, умение реагировать на изменившуюся политическую ситуацию, адаптировать к ней свои взгляды и тактические установки всегда было характерно для кадетского вождя⁸.

Безусловно, исследователи постсоветского периода иначе, чем советские историки, расставляли акценты, анализируя «новую тактику» многолетнего лидера русских

⁶ См.: *Непролетарские партии России: Урок истории* / Под общ. ред. И.И. Минца. М.: Мысль, 1984. С. 542.

⁷ См.: *Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции*. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 47.

⁸ См.: *Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1996. 378 pp.

либералов. С.А. Александров подчеркивал, что речь нужно вести о том, что позиция П.Н. Милюкова по отношению к Советской России претерпела «резкое, коренное изменение»: *«Он призывал теперь отказаться от вооруженной борьбы с советской властью в любых ее формах, так как большинство народа России будет против нее. Милюков решительно также отмежевался от монархических и реставра-торских тенденций в эмигрантских кругах»*⁹.

Впрочем, на протяжении долгой жизни П.Н. Милюкова не раз бывало так, что резкое изменение им своей позиции не находило поддержки даже у большинства его единомышленников и оставляло вождя русского либерализма в полном одиночестве. Так, современный исследователь А.С. Пученков отмечает, что переход П.Н. Милюкова летом 1918 г. на германофильские позиции, его ставка в антибольшевистской борьбе на интервенцию Германии оказалась для него фатальной и «во многом обусловила конец российского этапа его политической карьеры»¹⁰.

Эмигрантский этап карьеры П.Н. Милюкова фактически начала именно записка «Что делать после Крымской катастрофы?». Ее идеи нашли отражение в «новой тактике» П.Н. Милюкова, которая стала основой идеологии пошедшей за ним части членов Парижской группы Партии народной свободы.

Однако эта позиция была сразу же резко негативно воспринята значительной частью русских либералов, оказавшихся в разных странах мира. Уже 9 января 1921 г. в ответ на записку парижан были приняты «Замечания» Берлинского комитета кадетской партии. Возглавляемые

⁹ Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М.: АИРО-XX, 1996. С. 31.

¹⁰ Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 гг.). СПб.: Владимир Даль, 2021. С. 778.

старыми деятелями партии В.Д. Набоковым, И.В. Гессеном и А.И. Каминкой, берлинские кадеты, прежде всего, подчеркивали, что главной задачей является «воссоздать новую Россию как единое целое, как государственный организм». Для этого, полагали они, необходимо, прежде всего, восстановление «власти и порядка». «Восстановление разрушенной России потребует напряжения всех народных сил, участия всех культурных элементов»¹¹, – заявляли они. В целом, Берлинская группа Партии народной свободы занимала подчеркнуто патриотическую позицию, полагая, что вряд ли целесообразно активное сотрудничество с теми радикальными группировками, которые сыграли заметную роль в крушении российской государственности в 1917 г. и в значительной мере способствовали приходу к власти большевиков. Впрочем, такая позиция не спасла берлинских кадетов от выпадов в их адрес со стороны правых радикалов, которые были достаточно активны в среде русского эмигрантского сообщества в Берлине. В конечном итоге эти действия привели к убийству монархистами В.Д. Набокова, которое произошло 28 марта 1922 г. во время выступления П.Н. Милюкова в зале Берлинской филармонии. В результате стрельбы в зале были ранены 7 человек, в том числе видные деятели Берлинской группы кадетов А.И. Каминка и Л.Е. Эльяшев¹².

Во многом промежуточную позицию между линиями Парижской и Берлинской групп занимали те русские либералы, которые оказались в столице Турции. Во главе этой группы кадетов были видные деятели партии – князь П.Д. Долгоруков, Н.В. Тесленко, П.П. Юренев и др. Близость к армии, тесная связь с ее командованием приводили к тому, что лидеры Константинопольской группы кадетов

¹¹ См.: Протоколы заграничных групп... С. 102.

¹² См.: *Сперкач А.И.* Кадеты в столице Германии и террор против них // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.* М.: РОС-СПЭН, 1999. С. 549.

не могли принять ту точку зрения, которую выдвинул П.Н. Милюков. Записка Парижской группы была обсуждена на состоявшемся 18 января 1921 г. заседании, которое было провозглашено Совещением членов ЦК Партии народной свободы в Константинополе. В выступлениях всех его участников содержалась резкая критика взглядов П.Н. Милюкова. Намекая на профессиональную принадлежность кадетского вождя, П.П. Юренев даже заявил: «Стремление провести резкую грань между старым и новым – крупная методологическая ошибка, непростительная в особенности для историков»¹³. По мнению Н.В. Тесленко, «истекший период борьбы, в котором Париж склонен каяться, одна из почетнейших страниц в истории нашей партии, освященных кровью многих наших единомышленников»¹⁴.

В целом константинопольские кадеты полагали, что фактически многие положения записки «Что делать после Крымской катастрофы?» означали предательство армии, которая в течение нескольких лет вела борьбу против большевистского режима. «Ради кого и чего принесена в жертву здоровая мысль хранить армию как самое ценное, что у нас осталось?»¹⁵, – вопрошал тот же Н.В. Тесленко.

Особенно важно то обстоятельство, что оказавшиеся в Турции русские либералы не ограничились лишь критикой тех положений, которые содержались в записке парижских кадетов. Они постарались разобраться и в причинах того, почему среди проживавших во французской столице русских либералов существовали совсем иные настроения, чем у их товарищей в Турции. Интересную версию выдвинул П.П. Юренев, заметивший: «Разница между психологиями Парижа и Константинополя вызывается, по всей вероятности, тем, что из Парижских членов

¹³ Протоколы заграничных групп... С. 104.

¹⁴ Там же. С. 105.

¹⁵ Там же. С. 105.

группы к.д.¹⁶ никто, кроме Демидова и Гронского, не принимал активного участия в борьбе против большевиков на Юго-Востоке»¹⁷. Впрочем, громче звучал голос тех, кто выдвигал иное объяснение причин такого резкого изменения позиции П.Н. Милюкова. Как известно, вождь русских либералов всегда имел очень тесные связи с политическими кругами стран Запада. Вполне возможно, полагал, например, В.Ф. Зеелер, что «новая тактика» была обусловлена именно этим. Допуская это, он заявлял: «Если даже соглашение с с.-р.¹⁸ обуславливалось требованием Европы, то мы не можем ценой таких жертв идти за европейским общественным мнением и подлаживаться под него»¹⁹.

В концентрированном виде позиция оказавшихся в Турции русских либералов была изложена в их «Соображениях», принятых на заседании Константинопольской группы 20 января 1921 г. Данный документ обращал внимание на то обстоятельство, что записка «Что делать после Крымской катастрофы?» сразу же ухудшила ситуацию в русской эмигрантской колонии, проживавшей в Турции. *«Армия, вывезенная из Крыма и несомненно до сих пор существующая, оставлена без достаточного общественного внимания и сочувствия, что вызывает в ее среде недружелюбное отношение к политическим деятелям и партиям и производит впечатление, что в минуту несчастья от нее поспешили отвернуться»*²⁰, – указывали константинопольские кадеты. Одновременно они фиксировали и изменившееся в худшую сторону отношение к Русской армии со стороны влиятельных западных кругов, что также было следствием публикации записки П.Н. Милюкова и его соратников. *«Те иностранные правительства, которые могли бы поддержать*

¹⁶ Конституционных демократов – членов Конституционно-демократической партии.

¹⁷ Протоколы заграничных групп... С. 105.

¹⁸ Социалистами-революционерами (эсерами).

¹⁹ Протоколы заграничных групп... С. 107.

²⁰ Там же. С. 113.

существование армии хотя бы в скрытой форме, не только не встретились с указаниями русских общественных кругов Парижа на необходимость ее сохранения, но, наоборот, увидели с их стороны желание поскорее распустить армию и обратить ее в толпу эмигрантов»²¹, – замечали авторы «Соображений» 20 января 1921 г.

Утопичными и политически ошибочными представлялись П.Д. Долгорукову и его товарищам и попытки парижских кадетов опереться в борьбе с большевиками на идею Учредительного собрания. По мнению оказавшихся в Турции русских либералов, данная идея за годы Гражданской войны была скомпрометирована в сознании русского народа. В целом, подчеркивали они, неверно называть провозглашенную в декабре 1920 г. позицию П.Н. Милюкова и его соратников некой «новой тактикой». Реально записка «Что делать после Крымской катастрофы?» означала возвращение к той линии Партии народной свободы, которая была характерна для нее в 1917 г.: *«То же подчинение туманной фразеологии партии с.-р., то же изображение на бумаге радикальнейшей государственной системы, приближающейся к политической утопии, неосуществимой в русских условиях, и то же неумение защитить государство от действительных его врагов и создать какую-либо власть»*²². Повторение прежних ошибок в новых условиях вызывало лишь «полное недоумение» и, по мнению оказавшихся в Турции русских либералов, свидетельствовало о том, что «доподлинно не перевелись еще люди, которые ничего не забыли и ничему не научились»²³. Заметим, что данная точка зрения разделялась и советским историком Л.М. Спириным, который писал, что «новая тактика» П.Н. Милюкова возвращала кадетов «к тактике и политике периода 1917 – первой половины 1918 гг., но уже в других условиях, когда они мало что могли сделать, ибо фактиче-

²¹ Протоколы заграничных групп... С. 113.

²² Там же. С. 116.

²³ Там же. С. 116.

ски утратили влияние на военных руководителей “белого движения”»²⁴.

Константинопольская группа кадетской партии полагала, что русским эмигрантам необходимо не следовать за теми установками, которые имелись в кругах европейских политических элит, а более активно указывать на внешние факторы, которые привели к трагедии русской революции. *«Не вправе ли мы, русские, – вопрошали авторы «Соображений», – с гордостью указать европейскому общественному мнению, что революционный пожар, охвативший Россию в результате событий европейской войны и разросшийся под влиянием ошибок наших союзников, вот уже три года локализуется усилиями самих русских, изнемогающих в международной борьбе против третьего интернационала, но защитивших старую культуру и европейскую цивилизацию ценой гибели и самопожертвования лучших из наших соотечественников?»*²⁵.

Однако, все вышесказанное не означало того факта, что оказавшиеся в Турции русские либералы полностью солидаризовались с точкой зрения берлинских кадетов, которые, как уже отмечалось, находились в непримиримой оппозиции к «новой тактике». Ряд видных деятелей Константинопольской группы, решительно поддерживали Белую армию, при этом оставались приверженцами реформаторского политического курса. Поэтому, например, П.П. Юренев, полагал, что мнение берлинских кадетов о невозможности проведения социально-политических реформ в условиях войны «весьма ошибочно»: «реакционные администраторы и при Деникине, и при Врангеле чаще всего прикрывались изложенной формулой»²⁶. С ним был солидарен А.Г. Безрадецкий, который критиковал тезис берлинских кадетов о неизбежности военной

²⁴ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. С. 289.

²⁵ Протоколы заграничных групп... С. 115.

²⁶ Там же. С. 120.

диктатуры в России. Он подчеркивал: «Мнение, что можно продолжать борьбу без ясных и понятных народу лозунгов, что можно победоносно двигаться вперед без установления гражданского правопорядка и главнейших реформ – заблуждение»²⁷. Член Константинопольской группы Партии народной свободы В.М. Бухштаб также полагал, что ряд положений «Замечаний» берлинских кадетов «не менее опасны по своим последствиям, чем новая тактика Парижа»²⁸.

Эти высказывания оказавшихся в Турции русских либералов были глубоко симптоматичны. Протоколы заседаний Константинопольской группы кадетов показывают, что постепенно, в первые месяцы 1921 г., среди ее членов появлялось разочарование позицией, которую занимало командование Русской армией. Лидеры либералов начинали ощущать, что генерал П.Н. Врангель и его окружение не были заинтересованы в общественном контроле над своей деятельностью, стремились всячески отгородиться даже от той части либеральной интеллигенции, которая выступала за активное взаимодействие с армией. Это делало положение русских либералов в столице Турции исключительно сложным²⁹.

Данная ситуация ярко проявилась уже в конце января 1921 г., когда произошли совещания генерала П.Н. Врангеля с представителями русской эмигрантской общественности. Как вспоминал член врангелевского правительства известный либерал-консерватор Н.В. Савич,

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 121.

²⁹ Антошин А.В. В Турции – между Парижем и Берлином: Константинопольская группа Партии народной свободы в начале 1921 г. // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023, Москва / Ин-т востоковедения РАН. С. 24. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezhdunarodnaiaamezhinstitutskaianauchnaiakonferentsiiarossiiskaiadiasporavstranakhvostok.pdf>

речь шла о проекте создания некоего «парламента беженства для обсуждения всякого рода мероприятий по обслуживанию нужд беженства и по вопросам финансового и политического характера». При этом Н.В. Савич отмечает: *«По существу, такая организация могла только связать Врангеля и его аппарат, не давая ему взамен ничего существенного, ибо моральное и политическое значение константинопольского беженства было в глазах иностранцев почти равно нулю»*³⁰. Поэтому результат указанных совещаний оказался отрицательным: как было отмечено на заседании константинопольских кадетов 3 февраля 1921 г., *«Главкомандующий заявил, что в данное время привлечение представителей общественных организаций к гражданскому управлению с правом решающего голоса признается невозможным ввиду, главным образом, заведомо отрицательного отношения к этому привлечению со стороны армии»*³¹.

Это заявление П.Н. Врангеля было крайне болезненно воспринято Константинопольской группой кадетской партии. Как свидетельствуют протоколы ее заседаний, руководство группы прекрасно понимало: в случае окончательной неудачи попытки сформировать структуру, которая осуществляла бы общественный контроль над руководством Белой армии, вставал вопрос о том, на чем основывалась позиция оказавшихся в Турции русских либералов в их споре с П.Н. Милюковым и его сторонниками. Фактически, как это ни парадоксально, заявление П.Н. Врангеля укрепляло позицию Парижской группы кадетов, полагавших, что реальный компромисс между либералами и командованием Белой армии невозможен. В результате та часть либеральной эмигрантской общественности, которая выступала за поддержку Белой армии, оказалась в крайне сложной ситуации. Обстановку, сложившуюся в русской эмигрантской общине Турции к

³⁰ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.: Изд-во «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. С. 442.

³¹ Протоколы заграничных групп... С. 125.

февралю 1921 г, ярко характеризует выступление члена Константинопольской группы кадетов В.М. Знаменского, который заявил: *«Положение общественных кругов тяжелое, среди беженцев наших единодушия нет, в армии агитировать в пользу Константинопольской платформы нельзя, так как даже от такого толчка армия при теперешних условиях может развалиться. Поэтому давление на Врангеля оказать трудно, тем более что мы не знаем, кем его заменить, если бы вообще на это решились. Без войны не может родиться новый вождь, генерал Врангель – последняя ставка умеренных течений: без него нас захлестнет черный большевизм, не менее страшный, чем красный»*³².

Таким образом, начало 1921 г. стало чрезвычайно непростым и одновременно исключительно важным периодом для той части русских либералов, которые после эвакуации армии П.Н. Врангеля прибыли в Константинополь. Следовавшая за Белой армией часть русской общест-венности постепенно во многом прониклась теми же психологическими и ценностными установками, что и солдаты и офицеры, боровшиеся против большевизма. Лидер Константинопольской группы кадетов князь П.Д. Долгоруков и его соратники не могли принять позицию находившегося далеко от армии, в Париже, П.Н. Милюкова, решительно выступили против его «новой тактики». Однако, оказывая поддержку армии, русские либералы полагали, что необходим общественный контроль над ней, что не встречало понимания у генерала П.Н. Врангеля. В этих условиях вставал вопрос о том, обладала ли эмигрантская либеральная общественность серьезными рычагами влияния на военное командование и в целом на политическую ситуацию, связанную с пребыванием русских беженцев в Турции в начале 1920-х гг.

³² Там же. С. 127.

**Глава 3. С.Д. САЗОНОВ VS
Н.А. КУДАШЕВ И В.Н. КРУПЕНСКИЙ:
ПОЛЕМИКА О ПЕРСПЕКТИВАХ РАБОТЫ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ В 1920 г.¹**

После Октябрьской революции большинство сотрудников министерства иностранных дел отказалось сотрудничать с новой властью. В ноябре 1917 г. чиновники центрального аппарата МИД объявили бессрочную забастовку. В ответ 26 декабря 1917 г. первый советский нарком по иностранным делам Л.Д. Троцкий, недавно назначенный на эту должность, издал приказ об увольнении всех дипломатических представителей со своих постов «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»². Мидовцы приказ Троцкого проигнорировали, но «в феврале 1918 г. у ведомства иссякли средства на поддержание бастовавших. На последнем общем собрании сотрудников центрального аппарата МИД был снят запрет на работу в советских учреждениях, однако чиновники добровольно приняли на себя обязательство не работать по специальности»³.

Помимо центрального аппарата, существовал значительный по численности заграничный корпус сотрудников российских посольств, миссий, консульств: до Первой мировой войны насчитывалось 433 штатных заграничных

¹ **Сведения об авторе:** *Нестерова Елена Ивановна*, к.и.н., доцент кафедры истории и теории культуры РГГУ, Москва, Россия, e-mail: blb1@mail.ru.

² *Миринова Е.М.* «Мы, признанные союзниками представители России...». Деятельность русской небольшевистской дипломатии в период гражданской войны (1917 – конец 1920 г.) // Россия XXI. 2015. № 1. С. 115.

³ Там же. С. 123.

должности – 159 дипломатических и 274 консульских⁴. Во время войны численность заграничного корпуса претерпела некоторые изменения, но порядок цифр остался тем же. После Октябрьской революции и приказа Троцкого люди, занимавшие эти должности, формально оказались не у дел. Однако в условиях непризнания советского государства зарубежными державами, сложилась уникальная ситуация – консульские и дипломатические учреждения несуществующего государства продолжили работу. Еще удивительнее, что они продолжали свою работу и годы спустя.

В 1920 г., несмотря на революционные потрясения 1917 года; радикальные изменения формы государственного правления в стране; распад и исчезновение с политической карты мира Российской империи, возникновение и уход в небытие буржуазной республики, гражданскую войну, утрату контроля за территориальной целостностью и возникновение и одновременное существование нескольких правительств, за рубежом продолжали существовать и действовать российские дипломатические и консульские представительства, созданные при старом режиме и не признавшие советскую власть⁵.

Для координации их действий в ноябре 1917 г. был создан консультативный орган, призванный вырабатывать согласованную политику – Совет послов. Возглавил Совет послов российский посол во Франции

⁴ АВПРИ. Ф. Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Оп. 840. Д. 38. Л. 214–226. / Цит. по: Антибольшевистская Россия (1917–1947). Диск. / Сост. и редактор С.В. Карпенко. РГГУ, 2004. URL: https://www.antibr.ru/reader/ah_prav_k.html

⁵ *Нестерова Е.И.* С.Д. Сазонов vs. Н.А. Кудашев и В.Н. Крупенский: полемика о перспективах работы дальневосточных дипломатических представительств в 1920 г. // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», Москва, 18 мая 2023 г. / Ин-т востоковедения РАН. С. 25. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezhhdunarodnaiamezhinstitutskaianauchnaiakonferentsiiarossiiskaiadiasporavstranakhvostok.pdf>

В.А. Маклаков, важнейшую роль в создании и работе Совета играл посол в Италии М.Н. Гирс.

На процесс самоорганизации дипломатического корпуса за границей существенно повлияло окончание Первой мировой войны и созыв Парижской мирной конференции. Понимание необходимости защиты русских интересов на переговорах, оформлявших конфигурацию послевоенного мира, вызвало к жизни в декабре 1918 г. такой орган, как Русское политическое совещание (РПС)⁶, созданное в результате объединённых усилий дипломатов и Омского правительства. Активную роль в формировании «дипломатического ядра», из которого в начале 1919 г. выросло русское представительство на Парижской конференции сыграли, в том числе и те, кто создавал Совет послов – М.Н. Гирс и В.А. Маклаков⁷. До конца июля 1919 г. РПС играло ведущую роль в координации действий «старого» дипломатического корпуса.

⁶ 4 января 1919 г. «В.А. Маклаков сообщил на имя Верховного правителя о создании в качестве “официального представителя на конференции” Русской политической делегации в составе: Г.Е. Львов (бывший председатель Временного правительства), С.Д. Сазонов (министр иностранных дел Омского и Екатеринодарского правительств), Н.В. Чайковский (председатель правительства Северной области), В.А. Маклаков (посол во Франции). <...> В первые месяцы 1919 г. состав РПС в сравнении с первоначальными наметками обновлялся, казалось, приобретая сбалансированную, приемлемую для западных политиков политическую конфигурацию. Наряду с известными дипломатами: Б.А. Бахметевым, В.А. Маклаковым, М.Н. Гирсом, И.Н. Ефремовым, К.Н. Гулькевичем (посланник в Швейцарии) в него вошли бывшие царские министры иностранных дел С.Д. Сазонов и А.П. Извольский, бывшие премьер-министр и министр Временного правительства Г.Е. Львов и А.И. Коновалов, П.Б. Струве от кадетского Национального центра, от левых групп революционер-народник Н.В. Чайковский, от Союза возрождения России – С.А. Иванов и А.А. Титов, Н.С. Долгополов (член Кубанского Краевого Правительства), Б.В. Савинков. Главой организации стал Г.Е. Львов. Новые кандидатуры согласовывались с Омском». / Листиков С.В. Мир без России: представительство белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО. 2009. № 1. С. 17.

⁷ Листиков С.В. Указ. соч. С. 16.

Для участия в Версальском конгрессе во Францию приехали некогда влиятельные фигуры российской политики, в том числе в начале 1919 г. прибыл С.Д. Сазонов, с 1910 по 1916 гг. возглавлявший внешнеполитическое ведомство Российской империи, после революции курировавший дипломатическую деятельность при правительствах А.В. Колчака и А.И. Деникина. С.Д. Сазонов вошел в состав РПС, а с начала января 1919 г. занял должность министра иностранных дел. Дипломатический корпус заграницей это назначение признал.

Вопросом жизни и смерти для заграничного корпуса был вопрос финансирования. В Российской империи содержание заграничных представительств осуществлялось путем перечисления нескольких траншей в год. «Последнее регулярное поступление денежных средств из центра было получено посольствами в виде сентябрьской трети 1917 года»⁸, поэтому приходилось изыскивать ресурсы – использовали оставшиеся финансы, делали займы, получали доходы от консульских услуг.

Е.М. Миронова отмечает, что *«большие надежды руководители Совета послов возлагали на русские средства, хранившиеся за рубежом, и помощь союзных правительств. Однако отказ советских властей выплачивать долги своих предшественников привел к тому, что в феврале 1918 г. союзники секвестировали русские счета в своих банках»*⁹. Учреждения заграничного корпуса оказались в очень неравноценной ситуации, т. к. единая система финансирования не сформировалась. В некоторых странах представительства оказались в бедственном положении, в других государствах (США, Франции, Великобритании, Китае и Японии) проблема с деньгами разрешилась более-менее благоприятно. Правительство США позволило перевести деньги со счетов посольства на личный счет российского посла Б.А. Бахметева. Во

⁸ Миронова Е.М. Указ. соч. С. 124.

⁹ Там же. С. 124.

Франции и Великобритании переговоры о выделении средств на содержание представительств с правительствами этих стран увенчались относительным успехом. Правительства «согласились выделить заем на обеспечение сильно урезанных смет посольств, находившихся на их территории»¹⁰. Посольство в Японии располагало значительными суммами, которые были отпущены в годы Первой мировой войны министерством финансов коммерческому атташе, военному и морскому агентам для закупки в Японии военного снаряжения и боеприпасов для русской армии¹¹.

Кроме того, посольства в Пекине и Токио имели доступ к «боксерским деньгам» – *«руководство Русско-Азиатского банка подтвердило свое согласие продолжить выплату доли денежной компенсации, причитающейся России в качестве возмещения убытков, понесенных во время восстания ихэтуаней в 1900–1901 гг.»*¹².

В конце 1918 г., казалось бы, появился свет в конце тоннеля – 27 ноября 1918 г. правительство А.В. Колчака приняло на себя все возложенные на государственную казну обязательства, однако реальные деньги были отпущены лишь в начале лета 1919 г.¹³ Таким образом, финансирование загранкорпуса осуществлялось из разных источников, но стабильность и регулярность внешних поступлений в значительной степени была связана с ситуацией на фронтах Гражданской войны. Однако начало 1920 г. ознаменовалось катастрофой, *«громадные пространства Восточной Сибири и Дальнего Востока в результате обвала белого фронта оказались раздроблены на несколько государственных образований. В Забайкалье сохранялась диктатура атамана Г.М. Семёнова, легитимность которого была подкреп-*

¹⁰ Миронова Е.М. Указ. соч. С. 124.

¹¹ Подалко П.Э. Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918–1924 гг. // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 66.

¹² Там же.

¹³ Миронова Е.М. Указ. соч. С. 125.

лена указом А.В. Колчака от 4 января 1920 г. <...> 16 января того же года в Чите было объявлено о создании правительства Российской Восточной Окraiны <...>. В Приморье, после от- решения от власти главного начальника Приамурского края генерала С.Н. Розанова, 31 января 1920 г. функции областного правительства приняла на себя местная земская управа. <...> 6 апреля 1920 г. Учредительным съездом трудящихся Забайкалья [была провозглашена – Е.Н.] Дальневосточная республика (ДВР)»¹⁴. Надежда на поступление денег из России стано- вилась все призрачнее.

Для того, чтобы дипломатические представительства могли функционировать в условиях жесточайшей нехват- ки финансов, требовалось что-то предпринять. В январе 1920 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов проводит ряд достаточно болезненных мероприятий, призванных укрепить ведомство. Рассмотрим реакцию на действия С.Д. Сазонова посланников в Японии и Китае – В.Н. Крупенского и Н.А. Кудашева, инициировавших дискуссию о своевременности и целесообразности этих мер. Исследование позиций этих дипломатов интересно по ряду причин.

Во-первых, важна временная координата – по сути, статус и Н.А. Кудашева, и В.Н. Крупенского, и С.Д. Сазонова не определен, т. к. они еще не являются эмигрантами. Но и государства, чьими подданными, а за- тем гражданами они были – уже нет. Гражданская война не закончилась, и на значительной части территории Рос- сии, территориально близкой к странам, в которых Кудашев и Крупенский возглавляют миссии, советской власти нет. Борьба продолжается, есть ощущение, что проигран- ное можно еще отыграть, хотя бы не во всем объеме, по- этому для дипломатов очевидна важность сохранения им-

¹⁴ Попов Ф.В. Закрытие российского посольства в Китае в контексте по- литико-идеологической борьбы на Дальнем Востоке России (1920) // История: факты и символы. 2016. № 4(9). С. 123.

перских дипломатических структур и оказание помощи сопротивлению.

Во-вторых, для значительной части соотечественников, вынужденно оказавшихся за рубежом, посольства и консульства являются единственными учреждениями, способными оказать поддержку и помощь в решении их многообразных и разноплановых проблем. Сохранение максимально широкой сети консульских учреждений, так долго и трудно выстраивавшейся в имперский период, для дипломатов принципиально важно.

В-третьих, 1920 г. – это время начала прорыва дипломатической блокады Советской России, заключения первых международных договоров, появления диппредставительств новой России, и, как следствие, закрытия старых.

Для членов старого дипломатического корпуса именно это – исчезновение места службы – означало необходимость выбора: либо переход в советский дипломатический корпус, либо возвращение на родину, либо эмиграция.

В-четвертых, переписка показывает нам существовавший среди дипломатов спектр мнений - о будущем России, о границах возможного сотрудничества с новой властью, о первоочередности задач, нацеленных на выживание людей, оказавшихся за границей и т. п.

Итак, 28 января 1920 г. в российские посольства, миссии и дипломатические агентства за подписью Сазонова направляется циркуляр за номером 55.

Начинается он с констатации незавидного положения *«ввиду недостаточности имеющихся в распоряжении Правительства за границей средств и невозможности, при нынешних обстоятельствах, рассчитывать на скорое пополнение их*

из России, российская делегация в Париже вынуждена была выработать ряд мер, в том числе и по МИДу»¹⁵.

В циркуляре отмечалось, что экономия может быть достигнута двумя способами:

«Уменьшением окладов, и без того не соответствующих условиям теперешней жизни, при сохранении существующего личного состава заграничных учреждений, который при этом не мог бы искать дополнительного заработка;

Сокращением личного состава, при сохранении существующих окладов, за исключением посольского и посланнического, каковая мера дала бы возможность временно освобожденным от исполнения своих обязанностей служащим озаботиться приисканием себе иных источников существования»¹⁶.

Далее сообщалось, что делегация на заседании 15 января 1920 г. остановилась на втором варианте и постановила в отношении интересующего нас региона: отпустить средства на содержание Миссии в <...> Пекине (в составе Посланника, первого секретаря, второго секретаря, первого и второго драгоманов); отпустить средства на содержание консульских установлений, в числе не более четырех в Китае <...>, не более трех в <...> Японии. Кроме того, предусматривался отпуск средств на канцелярию и прочее.

Чтобы был понятен масштаб предполагаемых сокращений, напомним, что в 1916 г. в Китае и Японии находилось две российские миссии (одна в Пекине, другая в Токио) и 34 консульства (24 консульства в Китае, 10 (включая Дальний и Корею) в Японской империи)¹⁷.

В отношении сотрудников заграничного корпуса делегация рекомендовала: «всем штатным служащим, коим согласно приведённым выше положениям после 1 февраля 1920 г.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 11.

¹⁶ Там же. Л. 11-12.

¹⁷ Ежегодник министерства иностранных дел. 1916 год. Петроград, 1916. С. 75-81.

содержание производиться не будет, надлежало бы выдать единовременное пособие в размере трехмесячного содержания, но всего не выше 150 фунтов ст., а нештатным в размере месячного содержания»¹⁸.

Циркуляр взбудоражил членов дипломатического корпуса, и, в числе прочих, два посланника на Дальнем Востоке – Н.А. Кудашев¹⁹ (Пекин) и В.Н. Крупенский²⁰ (Токио) вступили в переписку с С.Д. Сазоновым.

Следует отметить, что Н.А. Кудашев и В.Н. Крупенский были хорошо знакомы и неоднократно работали вместе. Почти четверть века назад, на заре дипломатической карьеры, им довелось совместно трудиться

¹⁸ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 13.

¹⁹ **Кудашев Николай Александрович** (1868–1921), князь, камергер, действительный статский советник. Окончил Пажеский корпус. С 1888 г. служил в МИД, помощник секретаря, второй секретарь посольства в Турции, первый секретарь посольства в Токио (1902–1905); в 1905 г. – член российской делегации на мирной конференции в Портсмуте. Первый секретарь и советник посольства в Вашингтоне (1906–1912), Вене (1912–1914). В 1914–1916 гг. – директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего, осуществлявшей координацию деятельности Ставки и МИД. Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пекине (9.06.1916 – 23.09.1920). 2.01.1921 г. уехал из Пекина в Париж. / *Крылов-Толстикович А.* Придворный календарь на 1915 год. Комментарии. М., 2015. С. 361; *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке Владивосток: ДВФУ, 2000. С. 174.

²⁰ **Крупенский Василий Николаевич** (22.08.1869–05.04.1945), камергер, действительный статский советник. Окончил с золотой медалью Императорский Александровский лицей в (1889). Поступил на службу в МИД в 1889 г. Помощник секретаря, второй секретарь посольства в Константинополе (1893–1898). Первый секретарь российской Миссии в Пекине (1899–1902) и посольства в Берлине (1902–1906); советник посольства в Вашингтоне (1906–1910), Вене (1910–1912). Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае (1913–1916). В мае 1916 г. назначен послом в Японию. В 1921 г. уехал в Рим к брату. В 1931 г. переехал во Францию. Награжден многочисленными российскими и иностранными орденами. / *Крылов-Толстикович А.* Указ. соч. С. 357–358; Ежегодник министерства иностранных дел. 1899 год. СПб., 1899. С. 112.

в российском посольстве в Константинополе²¹. Сначала оба занимали позиции помощника секретаря посольства, затем их повысили: в 1898 г. оба – вторые секретари посольства²². Позже, под началом Р.Р. Розена, служили в российском посольстве в Вашингтоне: В.Н. Крупенский был советником, а Н.А. Кудашев – первым секретарем²³. В 1913 г. Н.А. Кудашев сменил В.Н. Крупенского на должности советника посольства в Вене²⁴, а затем на должности посланника в Пекине. Видимо, давнее знакомство, многолетняя совместная работа и схожесть положения вверенных им миссий приводят к тому, что при обсуждении ситуации, возникшей после издания циркулярного письма № 55, В.Н. Крупенский и Н.А. Кудашев поначалу пытаются координировать совместные действия: между ними идет постоянный обмен мнениями, они ставят друг друга в копию при отправке телеграмм С.Д. Сазонову в Париж.

Так как оба посланника имели доступ к «боксерским деньгам», то для них финансовые проблемы стояли не так остро, как для многих других глав дипломатических представительств. Н.А. Кудашев сообщил С.Д. Сазонову (телеграмма 13.02.1920 № 133), что не может исполнить его распоряжение, т. к. «всему русскому представительству на Дальнем Востоке уже выплачено содержание до 1 мая (по смете 1 января 1917 г., последней утвержденной Государственной Думой)»²⁵.

Гораздо сильнее посланников на Дальнем Востоке взволновали два других вопроса: сокращение консульских

²¹ Ежегодник министерства иностранных дел. 1897 год. СПб., 1897. С. 122.

²² Ежегодник министерства иностранных дел. 1898 год. СПб., 1898. С. 104.

²³ Ежегодник министерства иностранных дел. 1907 год. СПб., 1907. С. 37.

²⁴ Ежегодник министерства иностранных дел. 1912 год. СПб., 1912. С. 35; Ежегодник министерства иностранных дел. 1913 год. СПб., 1913. С. 35.

²⁵ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 17.

учреждений и алгоритм действий в случае признания Советской России и открытия советских дипломатических представительств в странах их аккредитации.

И Н.А. Кудашев, и В.Н. Крупенский выступили категорически против сокращения консульских представительств в Китае и Японии. Кудашев в той же телеграмме № 133 писал: *«По местным политическим соображениям считаю невозможным частичную ликвидацию русских учреждений на Дальнем Востоке, и нахожу, что нам всем без исключения необходимо оставаться на местах до последней крайности, т. е. до признания дальневосточными державами той власти в России, которая нас перестанет считать своими представителями. В частности, в Китае иной образ действий вызывает анархию среди 300-тысячного русского населения и погубит здесь русское дело»*²⁶.

По сравнению с Китаем в Японии община российских эмигрантов была не столь многочисленна, «здесь насчитывалось несколько сотен человек, осевших преимущественно в крупных городах, таких, как Токио, Иокогама и Кобе»²⁷, однако их положение было неопределенным, и консульская помощь была необходимой.

В тот же день, что и Кудашев – 13 февраля 1920 г. – Крупенский отправляет телеграмму Сазонову, в которой просит телеграфировать кем, и на каких основаниях принято решение, изложенное в циркуляре № 55. Кроме того, он отмечает: *«Сохранение трех консульств по моему выбору с закрытием остальных без того, чтобы мне была дана возможность предварительно высказать мои соображения создает на практике крайние затруднения и осложнения вплоть до открытых столкновений и неповиновения персонала»*²⁸. Задаёт он

²⁶ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 17 об.

²⁷ Подалко П.Э. Указ. соч. С. 70.

²⁸ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 18. Этой же позиции Крупенский будет придерживаться и в дальнейшем. В июне 1920 г. он сообща-

и возникающие вопросы: «Зачем закрывать консульства, способные покрывать расход консульскими сборами? Как организовать охрану и содержание зданий закрытых консульств?»²⁹.

Решение вопроса о дальнейшем существовании консульств на Дальнем Востоке заняло чуть больше недели. Уже 21 февраля 1920 г. (телеграмма № 238) С.Д. Сазонов объясняет Н.А. Кудашеву, что решение о временном сокращении штатных расходов принято исключительно по экономическим соображениям. «Если некоторые учреждения имеют самостоятельные источники средств, они могут продолжать существовать, но не рассчитывать на присылку денег, пока обстоятельства не изменятся»³⁰.

Второй вопрос оказался более дискуссионным. Еще 11 февраля 1920 г. В.Н. Крупенский отправил С.Д. Сазонову личную телеграмму (№ 43), поставив в копию Н.А. Кудашева, в которой предлагал определить порядок действия всех российских представительств в случае признания Советской России: *«В виду угрожающей нам возможности признания Державами большевистского правительства и формального принятия ими к себе большевистских представителей, что положило бы конец нашей деятельности, я считал бы крайне желательным, чтобы на этот случай между нашими Посольствами и миссиями был установлен однообразный образ действий»*³¹. С точки зрения Крупенского необ-

ет Н.А. Кудашеву, что не считает возможным изменять порядок, заложенный сметой 1917 г. и сокращать представительства в Японии, «результатом коего был бы полный раскол и разложение в нашем представительстве в Японии. Жду вашего ответа и лишь после его получения буду телеграфировать в Париж». / АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 52. Об этом же он писал М.Н. Гирсу в июне 1920 г. / Подалко П.Э. Указ. соч. С. 69.

²⁹ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 18.

³⁰ Там же. Л. 28.

³¹ Там же. Л. 26.

ходимо было разработать инструкцию, в которой нашли бы отражение следующие вопросы: допустимо ли сдавать в обычном порядке должность большевистскому агенту, хотя бы признанному местным правительством в качестве официального представителя России; как поступить с казёнными средствами, шифрами, секретными архивами, недвижимостью; за какой срок можно выдать жалование авансом; какие инструкции дать консулам относительно продолжения или прекращения деятельности вообще³².

Спустя десять дней Н.А. Кудашев высылает В.Н. Крупенскому проект телеграммы С.Д. Сазонову для ознакомления, где излагает свое видение решения тех проблем, которые сформулировал В.Н. Крупенский в телеграмме от 11 февраля 1920 г.

Н.А. Кудашев считал, что передача дел дипломатических и консульских учреждений представителям советской России возможна. Причем в зависимости от местной обстановки и по усмотрению начальника учреждения не должна исключаться возможность сдачи документов через посредничество местного правительства, декана или другого представителя дружественной державы.

Высказываясь по поводу документов и имущества, он считал, что секретный архив и шифры лучше не сдавать, пока не признают советской власти великие державы и приграничные с Россией страны. Временно архивы можно передать местным властям, в крайнем случае оформить как частный депозит в банке или даже уничтожить. Вопрос о дальнейшей службе новому режиму, с его точки зрения, зависит от личного усмотрения каждого служащего³³.

Вариант, который был утвержден С.Д. Сазоновым и разослан 4 марта 1920 г. за № 307 во все российские миссии, был гораздо жестче и бескомпромисснее: продолжа-

³² АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 26.

³³ Там же. Л. 27об.

лась линия, намеченная центральным аппаратом МИД в 1917 г. – никакого сотрудничества с советской властью. Инструкция не предназначалась для широкого круга лиц, так как содержала помету: «Прошу расшифровать лично. Весьма доверительно».

Министр иностранных дел рекомендовал посланникам: *«В случае признания большевистского правительства, правительством при котором Вы аккредитованы. Необходимо: закрыть вверенные вам учреждения, отказавшись от непосредственной передачи их большевикам; уничтожить наиболее секретный архив последних лет, если невозможно его сокрытие; шифры уничтожить; передать казенное, недвижимое и движимое имущество по описи Правительству, при котором аккредитованы, а в Китае, Персии, Турции одному из иностранных дипломатических или консульских представителей. Чиновникам, не перешедшим к большевикам, выдать по возможности шестимесячное содержание. Остальные деньги в Вашем распоряжении сберечь в надежном месте для передачи русским организациям, продолжающим борьбу против большевиков, или, в крайнем случае, русским организациям, помогающим беженцам. Денежную отчетность за последние года сохранить. Известить о порядке действий консулов. По наступлении вышеозначенных обстоятельств стараться поддерживать связь с правительством генерала Деникина и со мною, а в случае своего к тому времени отъезда, со старшим послом М.Н. Гирсом, для получения дальнейших указаний и объединенных действий. Настоящий циркуляр уничтожить как могущий дать большевикам ценные указания»³⁴.*

После получения инструкции посол в Токио запрашивает Пекин, «сообщено ли Вами Сазонову о несогласии с его циркуляром»³⁵. На что Н.А. Кудашев отвечает, что нет, не сообщено. Одна из причин промедления – эфемерная надежда на выработку общей с Крупенским позиции и по этому вопросу. «Если бы удалось с Вами устано-

³⁴ Там же. Л. 33–33об.

³⁵ Там же. Л. 46.

вить единообразие, результат мог быть представлен в Париж. Думаю, однако, что единообразие в силу различья обстановки особенно в сравнении с Европой достигнуто все равно быть не может, равно как ликвидация учреждений не произойдет всюду одновременно»³⁶.

Однако не только разность условий препятствовала согласованию позиций. В.Н. Крупенский, активный борец с советской властью, также, как и С.Д. Сазонов, не допускал варианта, предусматривавшего сотрудничество с советскими дипломатами³⁷. *«Я принципиально не согласен со взглядами, изложенными Вами в частном письме, и, разделяя позицию Сазонова, намерен по возможности придерживаться образа действий, намеченного в циркуляре 307, когда наступят соответствующие обстоятельства. Таким образом, единообразие будущих действий между нами, к сожалению, установить не представляется возможным и нам остается каждому сообщить в Париж о своей точке зрения»*³⁸.

Как и предсказывал Кудашев, закрытие российских представительств в разных странах действительно произошло в разное время. Китайское правительство, не признав Советскую Россию, в сентябре 1920 г. решило закрыть действовавшие миссию и консульства. Этому предшествовало объявление в августе 1920 г. о прекращении выплаты «боксерских» денег³⁹, составлявших в известной мере ос-

³⁶ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 46.

³⁷ Как отмечает П.Э. Подалко: «Посольство в Токио <...> с первых дней включилось в организацию и подготовку свержения советской власти и восстановление прежнего режима». / Подалко П.Э. «...новые поколения поднимут факел, выпавший из наших рук». Д.И. Абрикосов штрихи к портрету // Известия Восточного института. 1997. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-pokoleniya-podnimut-fakel-vypavshiy-iz-nashih-ruk-d-i-abrikosov-shtrihi-k-portretu>

³⁸ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 50.

³⁹ Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920-1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 21.

нову фундамента относительного благополучия дальневосточных дипломатических представительств. «8 сентября 1920 г. Н.А. Кудашев был приглашён Хуйцзином на аудиенцию, в ходе которой министр иностранных дел в дружеском тоне уведомил посла о том, что деятельность российской миссии больше не имеет под собой оснований. Послу и консулам запрещалось отныне шифровать свои сообщения»⁴⁰.

Получив официальное уведомление о прекращении деятельности российских дипломатических учреждений, Н.А. Кудашев информирует об этом консульских представителей в Китае и Маньчжурии. В разосланном им письме, он в общих чертах предлагает придерживаться сазоновской инструкции: «Под влиянием агитации агентов Советской власти (в конце августа 1920 г. в Пекин для переговоров прибыла делегация ДВР во главе с заместителем военного министра И.Л. Юриным – Е.Н.) китайское правительство внезапно объявило мне, что оно намерено прекратить признавать Миссию и консульские установления официальным русским представительством в Китае; Министр Иностранных дел вместе с тем просит меня сообщить ему предположительно о том, как обставить переход к новому, имеющему наступить положению наименее болезненным для русских интересов путем. Миссия над этим работает, предварительные предложения таковы: нужно привести в порядок архивы, шифры и секретный архив, кроме частей, представляющих лишь исторический интерес, надо будет перед закрытием сжечь, составив о том надлежащие акты; составить описи движимого и недвижимого имущества, выдать паспорта сотрудникам на проживание в Китае и проезд в Россию и за границу, выдать жалование»⁴¹.

Российский посланник в Пекине пытался решить проблему и на другом, более высоком уровне, надеясь при помощи М.Н. Гирса, старейшины Совета послов, обеспе-

⁴⁰ Попов Ф.В. Указ. соч. С. 126.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 1. Л. 66.

чить участие бывшего союзника – Франции, в судьбе многочисленных русских в Китае.

На следующий день после аудиенции Н.А. Кудашев отправляет М.Н. Гирсу телеграмму, в которой предлагает разные варианты помощи, которые можно обсудить с правительством Франции: от сохранения деятельности российских консулов под эгидой Франции до взятия на себя французским правительством охраны архивов⁴² и российской недвижимости⁴³. Забегая вперед, отметим, что эти надежды оказались беспочвенными, Франция ответила отказом.

23 сентября 1920 г. китайское правительство издало указ о закрытии российских представительств. В результате закрытия миссии и консульств в Китае были уволены 54 дипломатических и консульских сотрудника, большинство из которых осталось в эмиграции⁴⁴.

Российское представительство в Японии просуществовало несколько дольше, до 1925 года. Его ликвидацией пришлось заниматься преемнику В.Н. Крупенского на посту посла – Д.И. Абrikосову. Осенью 1924 г. он был проинформирован японским МИДом о готовящемся признании Советской России. В полном соответствии с инструкцией С.Д. Сазонова Д.И. Абrikосов привел в порядок ар-

⁴² Возможно, часть архива миссии в Пекине была передана на хранение В.В. Граве. В АВПРИ сохранилось частное письмо, адресованное некоему Владимиру Владимировичу. Неустановленный корреспондент пишет: «Наш бывший посланник в Пекине М.Н. Гирс указал мне на вас как на хранителя нашего архива». / АВПРИ. Ф. 324. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке. Оп. 894. Д. 49. Ч. 2. Л. 115. Учитывая положение В.В. Граве в российской Миссии в Пекине, занимавшего должность первого секретаря, его кандидатура как хранителя архива представляется наиболее вероятной.

⁴³ Попов Ф.В. Указ. соч. С. 126.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Коллекция документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. Оп. 840. Д. 38. Л. 226–231. / Цит. по: Антибольшевистская Россия (1917–1947). Диск. / Сост. и редактор С.В. Карпенко. РГГУ, 2004. URL: https://www.antibr.ru/reader/ah_prav_k.html

хив, часть его уничтожил, здание посольства и все постройки передал японским властям, не вступая ни в какие контакты с советскими дипломатами. По этой же схеме действовали и российские консулы в Японии. Общая численность уволенных сотрудников колеблется в диапазоне 30–35 человек, при чем около половины жили и работали в Токио⁴⁵. Финансовое положение посольства позволяло предложить консульским работникам выбор – остаться в Японии или воспользоваться оплачиваемым проездом в Америку или Европу⁴⁶. Как установил П.Э. Подалко: «никто из российских консулов не перешел на службу новой власти, все сохранили тем самым лояльность прежнему режиму»⁴⁷.

⁴⁵ Подалко П.Э. Деятельность российских дипломатов... С. 66.

⁴⁶ Там же. С. 79.

⁴⁷ Там же.

Глава. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ПОДДАННЫХ В КИТАЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Благотворительность в период военных конфликтов свидетельствует о развитии основных составляющих гражданского общества, возможностях его консолидации в чрезвычайных обстоятельствах и перспективах дальнейшего развития конкретной цивилизации. Тема благотворительности в Российской империи неоднократно поднималась в научных исследованиях дореволюционного², меньше – советского³ периодов. Подробно исследуется она в современной российской исторической науке⁴.

¹ **Сведения об авторе:** Наземцева Елена Николаевна, д.и.н., в.н.с. Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, в.н.с. Отдела истории Русского зарубежья, Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия, e-mail: nazemtsevaelena5535@gmail.com

² Баранцевич Е.М. Значение общества Патронат во время войны и народных бедствий. Томск: тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1915. 112 с.; Гогель С.К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1908. 145 с.; Духовский М.В. О личной деятельности в общественной благотворительности. М.: Б.и., 1887. 12 с.; Кафтанов Н.Н. Общественная благотворительность в России к 1889 г. М., Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1888. 80 с.; Максимов Е.Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения. СПб., 1895. 105 с.; Мушинский К.А. Устройство общественного призрения в России. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1862. 64 с.; Петербургское славянское благотворительное о-во. Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1883–1893 гг. / [В. Аристов]. СПб.: С.-Петерб. слав. благотвор. о-во, 1893. 560 с. и др.

³ Абросимова Е.А. История законодательного регулирования создания и деятельности российских благотворительных организаций // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 89–94; Блок Г.Э. В старой Москве: как хозяйничали купцы и фабриканты: материалы и документы. М.: Моск. рабочий, 1939. 287 с.; Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 187 с.; Власов П.В. Обитель милосердия. М.: Московский рабочий, 1991. 301 с. и др.

⁴ Адаменко Е.А. Благотворительность и милосердие: рубеж XIX–XX вв. СПб.: Лики России, 2000. 247 с.; Аронов А.А. Золотой век русского меценатства. М.: Изд-во Московского государственного института культуры,

Значительное количество работ в постсоветской историографии посвящено благотворительности в годы Первой мировой войны⁵. Однако несмотря на довольно внушительный список исследований по истории русской благотворительности, благотворительная деятельность

1995. 112 с.; *Афанасьев В.Г., Соколов А.Р.* Благотворительность в России: историографические аспекты проблемы. СПб.: Нестор, 1998. 102 с.; *Бабаян А.В.* Благотворительность в отечественном образовании середины XIX – начала XX вв. Ульяновск: Зебра, 2015. 168 с.; *Баумтдинов Г.А.* Морозовы: предприниматели и благотворители. М.: Журнал Аполло, 2017. 151 с.; *Занозина В.Н.* Благотворительность и милосердие в России: страницы истории. СПб.: Проект-2003, 2015. 272 с.; *Николаева Н.И.* На благо страны и общества: зарождение и развитие благотворительности в России. М.: ЭСКО, 2018. 272 с.; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1999. 510 с.; *Она же:* Благотворительность в Российской империи: XIX – нач. XX в. М.: Наука, 2005. 402 с. и др.

⁵ *Климанова Е.С.* Благотворительность в российской провинции в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Столетие Первой мировой войны: итоги, уроки, перспективы: материалы конф. Вязьма: Филиал Московского государственного индустриального университета в г. Вязьме, 2013. С. 64–68. *Куцкова И.В.* Благотворительность интеллигенции в годы Первой мировой войны // Ученые записки Российского государственного социального университета: Проблемы развития отечественной культурологии: сб. ст. М.: Б.и., 2005. Вып. 1(45). С. 120–124; *Лебедев В.В.* Благотворительная деятельность Омского Епархиального Братства во время Первой мировой войны // Этнокультурные процессы в Сибири, роль русского этноса: история и современность: сб. ст. Ханты-Мансийск, 2005. С. 163–170; *Лихачева Т.Н.* Вклад Великой княжны Татьяны Романовой в благотворительность в годы Первой мировой войны // Династия Романовых: 400 лет в истории России: материалы конф. СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (СПГУТД), 2013. С. 191–194; *Мамбеева Н.Л.* Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во Московского государственного открытого университета (МГОУ), 2004. 106 с.; *Нарежный А.И., Пятикова М.В.* Благотворительная деятельность ведомства путей сообщения в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: материалы конф. М.: Изд-во Международного независимого эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ), 2016. С. 357–367 и др.

представителей русской диаспоры за пределами Российской империи в этот период остается за рамками исследований. Между тем, русские подданные, находившиеся во время Первой мировой войны за рубежом, также активно оказывали помощь русскому фронту и своим соотечественникам в России.

Наиболее многочисленным к началу Первой мировой войны было сообщество русских подданных в Китае – несколько тысяч человек – сотрудники российских консульств, представители торгового сословия, крестьянства, духовенства и т. д. В основном они были сосредоточены в крупных провинциях и городах страны – Маньчжурии, Синьцзяне, Ханькоу, Харбине, Тяньцзине, Шанхае.

Часть русских подданных в начале войны была призвана в русскую армию и направлена из Китая на фронт. Оставшиеся в Китае стремились облегчить положение русских воинов на фронте, членов их семей в тылу и, собственно, в Китае. Формы благотворительности русской общины в Китае были различными: регулярно устраивались благотворительные балы, встречи, концерты, ярмарки, сборы денежных средств, теплых вещей. Передача средств в Россию осуществлялась консулами через Русско-Азиатский банк⁶.

Одной из наиболее активных в этом плане оказалась русская диаспора в Ханькоу. К этому времени здесь проживало небольшое число выходцев из Российской империи, однако было много представителей торгового сосло-

⁶ Наземцева Е.Н. Благотворительность русских подданных в Китае в период Первой мировой войны // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023 г., Москва / Ин-т востоковедения РАН. С. 38. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezhdunarodnaiamezhinstitutskaianauchnaiakonferentsiiarossiiskaiadiasporavstranakhvostok.pdf>

вия, так как через Ханькоу осуществлялась важная для России торговля чаем и другими товарами⁷.

Уже в сентябре 1914 г. русская колония в Ханькоу собрала пожертвование на помощь раненым и семьям убитых на войне в размере 3 000 рублей. Оно было распределено следующим образом: 1 500 рублей направлено на помощь раненым и столько же на помощь семьям убитых воинов⁸. 23 сентября 1914 г. состоялось заседание Общественного Совета русской концессии в Ханькоу, на котором присутствовали В.Ю. Григорьев, С.В. Унженин, Э.К. Блазер, А.С. Вершинин, В.П. Голиков и др. На заседании в числе прочих вопросов было заслушано письмо московского Городского главы от 15 сентября 1914 г. «с выражением благодарности Общественному Совету за щедрое пожертвование на помощь раненым и семьям убитых на войне»⁹.

В последующем члены русской концессии собирали пожертвования и в 1915, 1916, 1917 гг. Так, из протокола заседания Общественного Совета русской концессии в Ханькоу от 10 ноября 1915 г. следует, что Совет концессии единогласно нашел возможность отчислить из бюджетных сумм в пользу беженцев в России 500 лан и перевести эту сумму в распоряжение Всероссийского Союза городов¹⁰.

Протокол заседания Общественного Совета русской концессии в Ханькоу от 26 апреля 1916 г. также свидетельствует о том, что *«согласно постановлению Общего Собрания*

⁷ Подробнее см.: Шаронова В.Г. Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Русское Зарубежье: История и современность. Сборник статей. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 153–159; Она же: Провинция Цзянси в русско-китайских торговых отношениях в конце XIX – начале XX вв. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII / Сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 363–375.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 395. Л. 93.

⁹ Там же. Л. 93.

¹⁰ Там же. Л. 163.

выборщиков 4/17 марта с.г. отчислено 1 000 лан на помощь воинам или их семьям, каковая сумма и переведена в распоряжение г[осподина] председателя Всероссийского Союза городов М.В. Челнокова. Сумма эта по курсу 238 составила 2 380 рублей»¹¹.

Средства жертвовали и частные лица. Так, например, члены той же русской колонии в Ханькоу – владельцы синемаатографа Рошковский и Соболев – еженедельно по вторникам, начиная с 23 июня 1915 г. добровольно отчисляли половину сбора в пользу вдов и сирот детей русских воинов, павших на поле брани. Российский генеральный консул в Ханькоу А.Т. Бельченко направлял эти средства переводом в Русско-Азиатский банк, который в свою очередь, перечислял их в распоряжение Комитета по призрению вдов и сирот воинов, павших на войне. Уже за первые два месяца сумма составила 164 доллара 80 центов или 173 рубля 47 копеек¹².

Спустя месяц А.Т. Бельченко сообщал в четвертый политический отдел МИД о том, что он вновь направил от владельцев синемаатографа Рошковского и Соболева перевод Русско-Азиатского банка на 152 руб. 52 коп. для передачи средств в распоряжение Комитета по призрению вдов и сирот воинов, павших на войне¹³.

Русские артисты – пианист А. Мирович и скрипач М. Пиастро, совершая артистическое турне по Дальнему Востоку, дали три концерта в Ханькоу, причем с последнего концерта отчислили в пользу русского и сербского Обществ Красного Креста 94 доллара, составившие по курсу 104 руб. 45 коп. Сумма была передана в распоряжение Сербского Общества Красного Креста на нужды армии и Российскому Обществу Красного Креста¹⁴.

¹¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 395. Л. 226.

¹² Там же. Д. 388. Л. 245. Цит. по: Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 38–39.

¹³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 388. Л. 248.

¹⁴ Там же. Л. 252.

Кроме того, с началом войны возник вопрос о помощи беженцам, вынужденным вследствие военных действий бросать свои насиженные места и без всяких средств к существованию бежать в местности, менее подверженные возможности вторжения неприятеля. В октябре 1915 г. русская колония в Ханькоу «горячо отозвалась на призыв императорского консульства принести свою лепту на облегчение положения несчастных», была собрана сумма в 2 758 долларов – 3 143 руб. 3 коп. по курсу 1915 г. Перевод был направлен Русско-Азиатским банком в Ханькоу в распоряжение учреждения, ведающего помощью беженцам. Наибольшую сумму собрали Торговый Дом «С.В. Литвинов и К^о» и его представители С.В. Унженин и Х.М. Бензема, пожертвовавшие 1 000 и 500 долларов, о чем А.Т. Бельченко упоминал с особой благодарностью в своем очередном донесении в четвертый политический отдел МИД¹⁵.

Спустя две недели Бельченко направил еще один перевод через местное Отделение Русско-Азиатского банка на сумму 60 рублей, дополнительно собранных русской колонией Ханькоу в пользу беженцев¹⁶.

Средства собирали не только для русских, но и для сербских беженцев. Например, по инициативе консульства среди местной русской колонии была открыта подписка в пользу сербских беженцев. Было собрано 352 доллара¹⁷, составивших при переводе на рубли 488 руб. 89 коп. Средства эти также переводным билетом местного отделения Русско-Азиатского банка были направлены Комитету помощи сербским беженцам, во главе которого находилась супруга Российского Посланника в Греции С.И. Демидова¹⁸.

¹⁵ Там же. Л. 255. Цит. по: Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 39.

¹⁶ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 388. Л. 265.

¹⁷ Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 39.

¹⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 388. Л. 309.

Самой масштабной подпиской стала подписка на русский внутренний военный краткосрочный 5,5% заем 1915 г. в Пекине, Тяньцзине и Шанхае. Английская газета *North China Daily Mail*, издающаяся в Тяньцзине, сообщала, что эта подписка дала в общем свыше миллиона рублей¹⁹.

Как указывал в своем очередном донесении в четвертый политический отдел МИД А.Т. Бельченко, «Ханькоу в этом отношении не отстал от указанных городов». Объявление о подписке в Русско-Азиатском банке было размещено в издающейся в Ханькоу газете *Central China Post* 14 ноября 1915 г., в первые дни ноября было оформлено подписок на сумму свыше 30 000 рублей. В последующие дни подписка шла также очень успешно. Она была закрыта 20 ноября и «дала всего 345 800 рублей», причем большая доля приходилась на русских подписчиков. Из них самые большие – М.С. Оверин и две его дочери. Не остались в стороне и, собственно, китайцы, которые подписались на 20 000 рублей, приблизительно в таком же размере подписались и другие иностранцы²⁰.

А.Т. Бельченко отмечал энергию доверенного местного отделения Русско-Азиатского банка В.И. Люгебия, «приложившего все усилия к большему привлечению подписчиков». Кроме того, газета *Central China Post* в лице издателя J. Archibald'a²¹, «относящегося к русским весьма сердечно», со своей стороны широко разрекламировала этот заем. По достоверным данным, вся подписка в Китае дала 2 540 000 рублей²².

В марте 1917 г. русская концессия в Ханькоу пожертвовала в капитал на воспитание детей увечных воинов

¹⁹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 388. Л. 298.

²⁰ Там же. Л. 298.

²¹ **Жюль Франсуа Арчибалд (Jules François Archibald)** (14 января 1856 – 10 сентября 1919), австралийский журналист и издатель, был совладельцем и редактором *The Bulletin* в дни его наибольшего влияния на австралийскую политику и литературную жизнь.

²² АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 388. Л. 298.

1 000 лан, что составило 16 400 рублей. Деньги были препровождены в распоряжение Главноуполномоченного Всероссийского Союза городов М.В. Челнокова. Кроме этого, среди членов Русского Клуба в Ханькоу была собрана сумма в 2 253 руб. 07 коп., посланная Министру-Председателю Временного Правительства князю Г.Е. Львову для нужд Земского Союза²³.

2 апреля 1917 г. в российские консульства был разослан доверительный циркуляр Российской Миссии в Пекине за № 119 о принятии всех возможных мер к распространению «Займа Свободы 1917 года» среди местного населения и, в частности, среди русской колонии. Подписка на заем на собрании русской колонии в Ханькоу сразу составила 130 550 руб.²⁴.

Популярными были благотворительные базары, спектакли. Например, 1 и 2 марта 1915 г. в Харбине состоялся большой благотворительный художественный базар в пользу раненых, который, как отмечал генеральный консул Российской империи в Харбине В.В. Траутшольд «прошел с громадным успехом и дал свыше 10 000 рублей чистого сбора»²⁵. В целом, по мнению Траутшольда, русское население Харбина «широко и охотно жертвует на нужды войны», устраивая бесконечные сборы пожертвований, подарки для воинов, благотворительные вечера. Российский консул также обращал внимание на *«деятельное участие китайцев и особенно японской колонии под личным руководством супругов Сато. Японцы выписали для своего киоска из Японии товаров на более чем тысячу рублей и дорогие костюмы для местных гейш, исполнявших на базаре национальные танцы»*²⁶.

Активную роль в благотворительности харбинской общественности в этот период играла жена управляющего

²³ Там же. Л. 242, 245.

²⁴ Там же. Д. 389. Л. 253.

²⁵ Там же. Д. 218. Л. 77. Цит. по: Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 39.

²⁶ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 388.

КВЖД Камилла Альбертовна Хорват²⁷. Она являлась председателем Харбинского благотворительного общества и местного управления Российского Общества Красного Креста, попечительницей Общины сестер милосердия.

В декабре 1915 г. в Харбине на пристани открылась благотворительная кофейня под названием «Чашка чаю». Инициатива этого предприятия принадлежала местной еврейской колонии, которая оборудовала кофейню на свои пожертвования. Многие русские дамы приняли участие и вошли в дежурство в кофейне. Но, как отмечает Траутшольд в своем донесении в Петроград, «непреодолимая рознь между Новым городом и Пристанью немедленно сказалась»: некоторые русские дамы-патронессы не желали работать вместе с евреями и не могли «переварить», что инициатива принадлежала красивой еврейке – госпоже Окунь – жене разбогатевшего бывшего каторжника А.Л. Окуня. Они решили открыть свою кофейню в Новом городе. Однако узнав об этом, евреи грозились бойкотировать последнюю и вообще все благотворительные начинания русской колонии²⁸.

4 февраля 1916 г. там же, в Харбине «с большим успехом» прошел устроенный генералом Г.К. Дорианом²⁹ концерт инвалидов, гвоздем которого было выступление

²⁷ Хорват Камилла Альбертовна (в девичестве Бенуа) (1878–1959) – дочь художника Альберта Николаевича Бенуа. Получила домашнее образование, была одинаково одаренной в изобразительном искусстве, музыке и литературе. Организатор и с 1912 г. – первый председатель Харбинского художественного общества. Профессор Пекинской консерватории. В 1930-е устроила несколько персональных выставок в Шанхае. В 1933 г. участвовала в благотворительной выставке русских художников-эмигрантов в здании шанхайского театра «Париж». Покинула Китай в 1947 г. Умерла в Канаде.

²⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 218. Л. 456.

²⁹ Дориан Георгий Карлович – начальник Заамурской железнодорожной бригады пограничной стражи.

певицы Поликарповой, «очаровавшей всех своим дивным голосом и новыми патриотическими песенками»³⁰.

Участвовала в благотворительных акциях и русская колония Шанхая. Так, 17 апреля 1915 г. в Шанхае по инициативе местного английского драматического кружка был дан спектакль в пользу благотворительных учреждений России, Сербии и Черногории. Вся прибыль в сумме 2 145 руб. 72 коп. была направлена: в распоряжение супруги министра иностранных дел Российской империи – А.Б. Сазоновой – 1 140 руб. 72 коп., в распоряжение Ее Королевского высочества княгини Елены Петровны для нужд Сербского красного креста – 500 руб. и в распоряжение Черногорского Красного Креста – 505 руб.³¹.

14, 15 и 16 мая 1915 г. по инициативе представителей русской, английской, французской, бельгийской и японской колоний при широком участии местного населения, в Шанхае состоялся благотворительный базар «в пользу раненых и пострадавших на войне с Германией, Австрией и Турцией». Первоначально было предложено предоставить чистый доход от этого базара благотворительным учреждениям России, Англии, Франции и Бельгии, а впоследствии дамский Комитет присоединил также Сербию и Черногорию. Комитет препроводил вырученные деньги, в сумме 50 000 долларов, в распоряжение генеральных консулов России, Англии, Франции и Бельгии для распределения дохода между союзными государствами. По единогласному решению консульских представителей, распределение состоялось следующим образом: России – 10 000, Англии – 10 000, Франции – 10 000, Бельгии – 15 000, Сербии – 2 500 и Черногории – 2 500 долл.³².

³⁰ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 219. Л. 52–53. Цит. по: Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 39.

³¹ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 357. Л. 555. Цит. по: Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 40.

³² АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 357. Л. 557, 559. Цит. по: Наземцева Е.Н. Указ. соч. С. 40.

Кроме того, в своем донесении от 18 июля 1915 г. начальнику четвертого политического отдела МИД Г.А. Казакову генеральный консул Российской империи в Шанхае В.Ф. Гроссе отмечал, что в течение первого года войны, при непосредственном участии и содействии местной русской колонии, собраны помимо вычетов из жалованья и отправки вещей и посылок следующие суммы: в Союз Городов в Москве – 1 596 руб.; в Главное Управление Общества Красного Креста – 2 676 руб. 86 коп.; в Склад министерства иностранных дел – 1 140 руб. 72 коп.; в распоряжение Ее Королевского Высочества Княгини Елены Петровны для нужд Сербского Красного креста – 500 руб.; в распоряжение Черногорского Красного Креста – 505 руб.; в склад Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны – 12 230 руб. 40 коп.; а всего – 18 648 руб. 98 коп.³³.

Русское общество отдаленной от центра Китая провинции Синьцзян также стремилось оказать посильную помощь фронту. В декабре 1915 г. русская общественность г. Чугучака собрала 132 посылки с шубами для действующей армии, в г. Кульджа собрали белье³⁴. Правда до фронта эти вещи так и не дошли, а в 1919 г. были розданы русским беженцам Гражданской войны, находившимся в Сюмбинском беженском лагере на российско-китайской границе недалеко от Чугучака³⁵.

Кроме того, российские консулы в Синьцзяне старались оказать помощь русским семьям, чьи мужья и отцы были призваны на фронт. Так, еще в мае 1915 г. российский консул в г. Шарасумэ (Алтайский округ провинции

³³ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 357. Л. 560.

³⁴ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 429. Л. 103.

³⁵ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 176. Подробнее см.: Наземцева Е.Н. Миграционный кризис на российско-китайской границе в 1917–1920-х гг.: региональный аспект глобальных миграционных процессов XX века // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2021. № 2. С. 96–112.

Синьцзян) М. Кузьминский обратился в Российскую миссию в Пекине с ходатайством о помощи семьям мобилизованных, проживающих в округе. Но ему первоначально было отказано в этом. Циркулярным предписанием от 13 мая 1915 г. за № 527, Императорская Миссия направила Кузьминскому руководящие пояснения, согласно которым выдача казенного пайка семьям призванных на военную службу запасных, согласно положению 25 июня 1912 г. (Собр. Узак. и Расп. Ст. 1198) производилась лишь семьям запасных нижних чинов, проживающих в Империи, «при том без различия, состоят ли члены их в частях войск русских или союзных армий». Проживающие же за границей семьи запасных русских подданных могли получить паек только по возвращении на родину³⁶.

Однако обращения за помощью от семей мобилизованных крестьян, проживающих в округе, продолжились. В ноябре 1915 г. М. Кузьминский вновь направил в Российскую Миссию в Пекине ходатайство о необходимости оказания помощи, *«в виду неоднократных обращений заинтересованных лиц и бедственного положения проживающих в Китайском Алтае многих семей русских крестьян, работоспособные члены которых призваны на войну»*. Консул просил *«сделать для находящихся в Китайском Алтае русских крестьян исключение и распространить на семьи проживающих в Китайском Алтае призванных по мобилизации крестьян предоставленные проживающим внутри империи семьям призванных на военную службу льготы по выдаче казенного пайка и других пособий»*, так как *«некоторые успели уже смертью запечатлеть свою преданность Царю и отечеству»*³⁷.

Российский Посланник в Пекине В.Н. Крупенский поддержал это ходатайство, *«так как означенные крестьяне являются пионерами русского дела на Алтае»*, и 16 де-

³⁶ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3389. Л. 2.

³⁷ Там же.

кабря 1915 г. направил его в четвертый политический отдел МИД³⁸.

Консул в Шарасумэ считал помощь семьям мобилизованных настоятельной необходимостью, обосновывая это вызванным войной «общим кризисом», который «не мог также не отразиться на жизни и развитии русских поселков в Китайском Алтае», а также особенностями российской политики в центральноазиатском регионе: *«в настоящее время в виду обстоятельств военного времени и юридической неопределенности вопроса о возможности колонизации земель Алтайского округа русскими крестьянами, деятельность Императорского консульства в означенном вопросе направлена лишь к поддержанию существующего положения и устранению недоразумений между нашими новоселами и местным населением»*³⁹.

В дополнение к ходатайству и письму Посланника М. Кузьминский направил в Петроград сведения о настроении и нуждах русских крестьян в Алтайском округе, собранные переводчиком консульства Кобековым во время его командировки в гг. Кабу и Бурчум в декабре 1915 г.

Согласно собранным Кобековым сведениям, солдатки-жены крестьян, мобилизованных в русских поселках в Алтайском округе, заявляли: *«наши мужья хотя и жили за границей, исправно платили подати и повинности, своевременно отправились на службу, между тем нам солдаткам не идет пособия по неизвестным для нас причинам, кто же будет иметь присмотр, кто же окажет содействие и покровительство осиротевшим семьям солдат, наши мужья пошли на войну за Отечество и за царя биться на поле с ненавистными врагами, остающиеся солдатки в пределах России получают пособие, почему же мы не получаем. Кругом мы окружены китайскими подданными – киргизами, которые могут нас ограбить, сжечь наши дома, очень затруднительно заниматься хозяйством, ес-*

³⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3389. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 7.

ли нам, солдаткам, не будет оказано пособие и содействие от Правительства. Мы же солдатки, не знаем, как обратиться к г. консулу, как ходатайствовать перед Царем Императором и Главнокомандующим, дабы они вошли бы в наше положение и сделали бы снисхождение. Все мужья наши с охотою и с повинною головою отправляются на войну тотчас по объявлении им мобилизационных распоряжений г. консула, подати, повинности, государственные и общественные сборы ежегодно платим, живя за границей, точно исполняем приказания и распоряжения правительства, если нам, солдаткам, никакого пособия ни откуда не будет, то нам весною предстоящего года даже невозможно сеять хлеб, косить сено и управиться с хозяйством»⁴⁰.

Некоторые крестьяне объясняли Кобекову, что проживающим за границей солдаткам отказано губернаторами в выдаче пособий «в виду неосновательных и неверных донесений о том, что будто бы за границей укрываются и там поселяются лица, уклоняющиеся от военной службы и от уплаты податей»⁴¹. В действительности таких лиц среди крестьян не было.

Согласно данным Кобекова, некоторые солдатки, за неимением средств для пропитания своих детей, были вынуждены сами в зимнее время ездить из поселка в поселок, в лес за дровами и возить сено. В 1915 г. в 11 русских поселках Алтайского округа провинции, состоящих из 160 домохозяев, почти одна третья часть находилась на войне, а оставшиеся домохозяева, большая часть которых старики, с трудом могли работать на земле. Невозможность жен мобилизованных нанимать рабочих ставила под угрозу весенний сев. Как отмечал сам Кобеков, «если означенные причины не будут устранены, то весною 1916 года в русских поселках Китайского Алтая количество обрабатываемой русскими крестьянами площади земли, вероятно, уменьшится почти на половину по сравнению в 1915 году, одновременно уменьшится заселение свободных земель русскими крестьянами

⁴⁰ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3389. Л. 10.

⁴¹ Там же.

в этом крае». Кроме того, по этим причинам «во всех поселках хмурое и жалостное впечатление от солдатских семей и вялая и недвижимая картина»⁴².

Обращаясь к Кобекову, крестьяне даже предлагали образовать за границей отдельную самостоятельную волесть, «ибо неудобно платить повинности по месту приписки и ездить в пределы России по делам», что вызывало, по мнению крестьян, «большие затруднения», тем более что у крестьян за границей имелись свои поселки, общины и общественные расходы⁴³. Некоторые крестьяне заявляли: *«зачем разрешают селиться за границей, раз земля не отошла к русским»*, так как у них, *«проживающих в китайских пределах, крестьян остаются одни жены-солдатки и дети, а пособий им ни откуда не идет, их могут ограбить киргизы...»*. Кобеков и переводчик, объявили им распоряжение консульства о необходимости ограничить свои постоянные переселения и заявили, что крестьянам, желающим селиться далее на восток, за Чонкур, нельзя этого делать, а необходимо закрепиться на уже выбранных местах, *«образуя как следует русское селение на прочном фундаменте»*. Кобеков обосновывал это тем, что для отечества было бы лучше, если бы крестьяне постоянно жили на одном месте, образовали бы многолюдный русский поселок вместо того, чтобы *«постоянно передвигаться вперед и селиться где угодно»*⁴⁴.

Часть крестьян даже намеревалась бросить свои хозяйства в Китае и переселиться в пределы России, рассуждая, что они, крестьяне, *«платят подати и повинности, с удовольствием и охотою являются на службу и, живя за границей, никогда не отказываются от уплаты таковых»*, между тем их семьи остаются незащищенными от местного насе-

⁴² АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3389. Л. 10.

⁴³ Там же. Л. 11.

⁴⁴ Там же.

ления: *«лучше поселиться обратно, чем оставлять солдаток с детьми за границей среди киргиз»*⁴⁵.

Во всех поселках крестьяне просили об освобождении проживающих в Алтайском округе крестьян от повинностей и сборов, требуемых с них волостными и сельскими правлениями в пределах России на местах их причислений, где оставленными земельными долями, по словам крестьян, пользовались живущие там крестьяне, которые и должны бы платить повинности за оставленные ими в пределах России в их пользовании земельные участки⁴⁶.

К концу Первой мировой войны положение русских подданных в Китае значительно ухудшилось. Резкое падение курса рубля и политическая нестабильность в стране не позволяли в таком же объеме собирать средства. Количество благотворительных акций постепенно сокращалось.

Таким образом, подданные Российской империи, проживавшие в Китае в период Первой мировой войны, приняли участие в оказании помощи русской армии, родным солдат и офицеров, а также беженцам. Благотворительность русской диаспоры показала высокую консолидацию русских подданных, проживавших в Китае, их сопричастность к проблемам Родины. В то же время она показала ряд проблем выходцев из Российской империи, в частности, неурегулированность их правового положения и, в связи с этим, его уязвимость на территории китайского государства⁴⁷.

⁴⁵ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 3389. Л. 11.

⁴⁶ Там же. Л. 12.

⁴⁷ Наземцева Е.Н. Благотворительность русских подданных... С. 41.

Глава 4. Благотворительность русских подданных
в Китае в период Первой мировой войны

+

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКАГО ОБЩЕСТВА
КРАСНАГО КРЕСТА,
состоящаго
подъ высочайшаго покровительства
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

Вз. 4-й кв. Офиц. 12
108

25. АПР 1916
ОТД. О ВОЗРАЖЕНИЯХ

Милостивый Государь

Владимиръ Антоновичъ.

"29" Апрѣля 1916 г.
№ 11978

Петроградъ, Инженерн. 9.
Телефонъ № 488—80.

не чит. 18

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, АВГУСТѢЙШАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА РОССИЙСКАГО ОБЩЕСТВА КРАСНАГО КРЕСТА, по всепреданнѣйшему докладу моему о поступленіи въ распоряженіе Главнаго Управленія 1858 р. 37 коп. /1207 мек. дол. 94 цен./ изъ вырученныхъ отъ устроеннаго госпожею Морлингъ 11 марта с.г. въ Тяньцзинѣ дѣтскаго спектакля въ пользу потерявшихъ зрѣніе воиновъ союзныхъ державъ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ повелѣть соизволила благодарить жертвователей отъ АВГУСТѢЙШАГО ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Имени.

Его Превосход-ству
В.А.
А р ц и м о в и ч у.

Объ изложенномъ имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству на письмо отъ 5 сего апрѣля за № 8957, для объявленія по принадлежно-

105

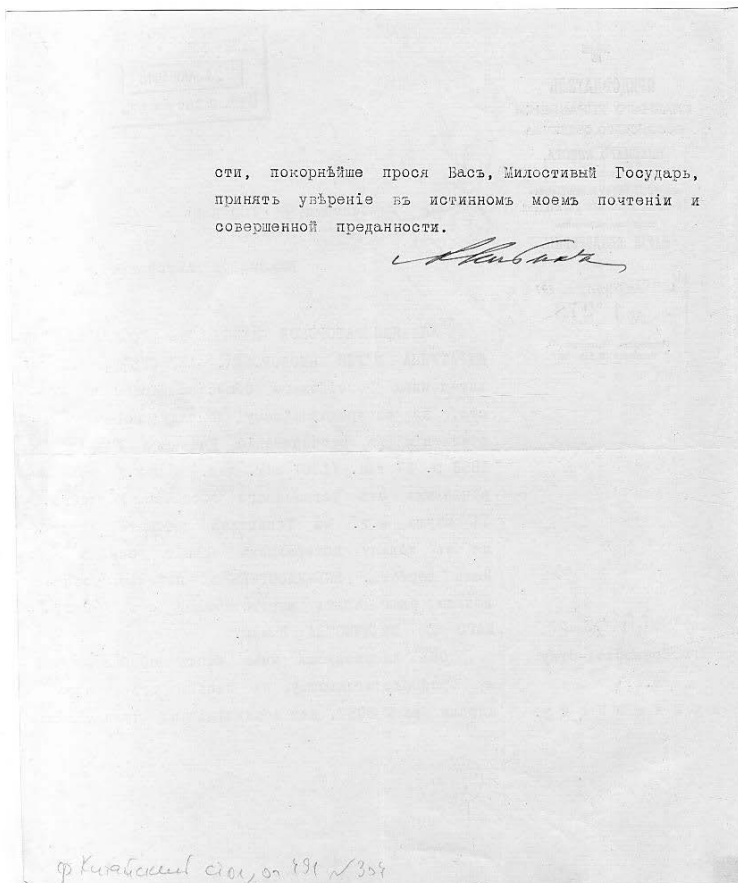

Рис. 1. Фото благодарственного письма⁴⁸ председателя Главного управления Российского общества Красного Креста гофмейстера Императорского двора А.А. Ильина, направленного от имени покровительницы Российского общества Красного Креста императрицы Марии Федоровны товарищу министра иностранных дел Российской империи В.А. Арцимовичу в ответ на пожертвование средств от детского благотворительного спектакля в пользу потерявших зрение воинов союзных держав, проведенного в Тяньцзине 11 марта 1916 г.

⁴⁸ АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491 Д. 304. Л. 107, 107об.

Глава 5. КАЗАХСКАЯ ДИАСПОРА И МАССОВАЯ РЕПАТРИАЦИЯ ИЗ СИНЬЦЗЯНА В КАЗАХСТАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х - НАЧАЛЕ 1960-х гг.¹

Казахский этнос был разделен между Россией и Китаем в результате демаркации границы, оформленной серией демаркационных протоколов и договоров: Пекинским (1860 г.), Чугучакским (1864 г.), Хобдинским (1869 г.), Тарбагатайским (1870 г.), Ливадийским (1879 г.) и Петербургским (1881 г.). Последние два из них заключены были в те годы, когда Илийский (Кульджинский) край находился под властью Российской империи и подчинялся военному губернатору Семиреченской области, в канцелярии которого было создано Специальное управление по делам этого края.

В Китае казахи компактно проживали в урочищах гор Тарбагатай и Алтай, ряде районов в бассейне реки Или, а также на обширных пространствах к северо-востоку и востоку от г. Урумчи. Небольшие группы проживали также в предгорьях Тянь-Шаня (к югу от Гашуньской Гоби). Первые оценки численности казахов на территории Западного Китая относятся к середине 80-х гг. XIX в., тогда в границах Синьцзяна проживало 137,6 тыс. казахов². Приблизительно в 50 тыс. человек оценивалось число кочевавших в Илийском крае³. Маятниковая сезон-

¹ **Сведения об авторах:** Аблажей Наталья Николаевна, д.и.н., в.н.с., Институт истории Сибирского Отделения РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: ablazhey@academ.org.

Балтабаева Кулгазира Нурановна, к.и.н., Исполнительный директор Ассоциации выпускников, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: kulgazira_777@mail.ru

² Астафьев Г.В. Казахи Синьцзяна: (этногенез, история, заселение, родовой состав, положение в период русско-китайского разграничения и в 50-е годы XX в.). М.: Наука, 1971. С. 141.

³ Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже //

ная миграция кочевого населения приграничья составляла основу хозяйственного уклада. Кочующие в приграничье казахи, в большинстве своем, хотя и имевшие российское подданство, фактически были двоеданцами. Высокая миграционная мобильность казахского населения приграничья была обусловлена переселенческой политикой Российской империи в Восточном Туркестане. К 1911 г. численность казахов в приграничных Алтайском, Илийском и Тарбагатайском округах составила уже 225 тыс. человек⁴.

Причинами массовой эмиграции казахов в Синьцзян стали сначала колониальная и переселенческая политика Российской империи в Восточном Туркестане. Самые массовые откочевки казахов в Синьцзян стали следствием национального восстания 1916 г. и голода начала 1930-х гг. При переходе границы беженцев часто грабили и убивали. Бедственное положение спровоцировало голод, фиксировались случаи продажи в рабство детей и женщин⁵. Специалистам пока не удается в полном объеме оценить динамику и масштабы эмиграции 1916 г. Поэтому вопрос об эмиграционных потерях остается открытым. После эмиграционной волны 1916 г. в Алтайском округе насчитывалось около 100 тыс. казахов, в Тарбагатайском – 60–70 тыс., в Илийском – более 100 тыс. чел.⁶. С нашей точки

Маев Н.А. Материалы для статистики Туркестанского края / Туркестанский статист. комитет. СПб., 1873. Вып. 2. С. 357; Баранова Ю.Г., Джандусов А.У. О вынужденной миграции и переходе в российское подданство различных групп мусульманского населения Кульджинского края Синьцзяна // Туған Өлке – Родной край. Историко-краеведческий и архивный журнал. 2006. № 1 (6). С. 80.

⁴ Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. Алматы: Ғылым, 1997. С. 83.

⁵ Государственный архив Алматинской области (ГААО). Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

⁶ Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: Очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы: Институт развития Казахстана, 1994. С. 87.

зрения, суммарно эмиграция казахов, вызванная восстанием 1916 г., могла составлять около 100 тыс. чел.

Первые попытки решения беженского вопроса относятся к периоду работы Временного правительства. Но организовать возвращение стало возможным только после установления к 1920 г. на большей части территории Казахстана советской власти. Регистрацией возвращающихся беженцев из Китая ведали Хоргосская, Джаркентская и другие уездные комиссии, деятельность которых с февраля 1920 г. координировалась из Ташкента Особой Комиссией ЦИК Туркестанской АССР по делам и устройству беженцев-киргиз Семиреченской области⁷. В мае 1920 г. Особая комиссия ТуркЦИКа была включена в состав Семиреченского областного ревкома на положении отдела, а при Совнаркоме Туркестанской АССР создана комиссия по устройству беженцев, в которую вошли представители заинтересованных ведомств. Ей было ассигновано 50 млн руб.⁸. Массовое возвращение началось с весны 1921 г. Одновременно голод и военно-политическая нестабильность стимулировали эмиграцию. Анализ миграционной активности населения приграничья в первой половине 1920-х гг. показывает наличие встречных миграционных потоков. В 1927 г. на территории Синьцзяна остались проживать около 10–11 тыс. участников восстания 1916 г., в основном зажиточные скотоводы⁹.

Новая волна эмиграции в Китай обозначилась в конце 1920-х гг. В обзоре политико-экономического состояния

⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Киргизии (1917–1920 гг.): документы и материалы. Фрунзе: Киргосиздат, 1957. С. 264–265.

⁸ Туркестанское восстание 1916 г.: история в документах и современные мифы. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12094374@cmsArticle>.

⁹ Лысенко Ю.А. Процесс возвращения беженцев – участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в. // Народы и религии Евразии. 2020. № 4(25). С. 121. DOI: 10.14258/nreur(2020)4-08

Казахстана за август 1928 г. Полномочное Представительство ОГПУ констатировало об организованном бегстве казахов в Китай, влекущем столкновения с пограничной охраной, с наличием жертв¹⁰. Массовый характер откочевки за границу приняли весной 1930 г., а своего пика достигли в конце 1930 г. – первой половине 1931 г., когда почти все территории Казахской республики были поражены голодом. Общие оценки потерь за счет эмиграции республиканскими властями оценивались в 83 тыс. хозяйств¹¹, что могло составить цифру в 332 тыс. – 415 тыс. чел. при среднем расчете 4–5 едоков в одной крестьянской семье. Подтверждением могут служить данные о возвращении из Китая до 1963 г. включительно 355 тыс. человек¹².

Казахстан стал миграционным донором для Синьцзяна, и можно уверенно отметить существенный рост численности казахского населения в провинции не столько за счет естественного прироста, сколько за счет миграции казахов с территории России в 1916–1921 гг. и в начале 1930-х гг. С 1932 г. в Казахской республике начинается реализовываться программа по приему возвращающихся из Западного Китая. Новая волна возвратной миграции становится относительно массовой только в 1933–1936 гг. Власти отмечали бедственное положение реэмигрантов, что усугубляло ситуацию в принимающих регионах¹³.

Данные о численности казахского населения в Синьцзяне за 1920–1930-е гг. отрывочны и противоречивы. Только материалы локальной переписи 1944 г., проведенной правительством провинции Синьцзян, дают первую сводную демографическую статистику по национальным

¹⁰ СГА КНБ РК. Ф. 1. Оп. 28. Арх. № 201. Л. 1.

¹¹ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 719. Оп. 4. Д. 84. Л. 6.

¹² Туленбаев Б., Осипов В. С точки зрения исторической действительности // Социалистический Казахстан. 1989. 14 января. С. 3. (на каз. яз.).

¹³ Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГВАО). Ф. 788. Оп. 1. Д. 91. Л. 41.

меньшинствам. По материалам указанной переписи, в Синьцзяне насчитывалось 438,6 тыс. казахов, или 11% от общей численности населения провинции. В приграничных округах (Алтайском, Илийском и Чугучакском) проживало 383,6 тыс. казахов, что составляло более 50% от общей численности населения в данных округах. В уезде Баркуль, районе компактного проживания казахов, перепись зафиксировала 4,9 тыс. казахов, что составляло 29% от общей численности населения уезда; в уезде Мурэ (Мори) – 4,1 тыс. (38%). В Кульдже (Инин), центре Илийского округа, проживало около 23 тыс. казахов¹⁴. Для сравнения укажем, что в 1946 г. в Синьцзяне ханьцы (китайцы) составляли не более 5% населения¹⁵.

Согласно официальным китайским статистическим ежегодникам, на момент провозглашения КНР в Синьцзяне проживало почти 443,7 тыс. казахов, что составляло 10,25% от численности населения провинции¹⁶. Ряд исследователей считает, что эти цифры завышены и на 1949 г. численность казахов в Китае составляла более 420 тыс., в том числе около 418 тыс. – в Синьцзяне, а также в провинциях Ганьсун и Цинхай – около 3 тыс. человек¹⁷.

В 1949 г. Синьцзян вошел в состав КНР. В 1955 г. провинция Синьцзян была трансформирована в Синьцзян-Уйгурский автономный округ (СУАР). С 1952 г. началась работа по организации национальных автономий. В ноябре 1954 г. на территории трех специальных районов (Алтай, Или и Тачэн) был образован Илийский автоном-

¹⁴ Benson L. The Ili Rebellion Muslim Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949. Armonk: New York; London, 1990. P. 44.

¹⁵ Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. С. 6, 238.

¹⁶ Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: Дайк Пресс, 2003. С. 134; Синьцзян няньцзянь, 1990. С. 87–88.

¹⁷ Сыроежкин К.Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 1998. С. 1.

ный округ (он же Или-Казахская автономная область или Или-Казахский автономный округ) с центром в Кульдже (Инин). Казахские округа появились не только в Синьцзяне. В апреле 1954 г. в провинции Ганьсу был образован Аксай-Казахский автономный округ. В западной части провинции Цинхай в 1954 г. один из округов был трансформирован в Хайси-Монгольско-Казахский автономный район, в 1955 г. преобразованный в автономный округ. В 1953 г. в КНР проживало 504,5 тыс. казахов, причем в Алтайском и Тарбагатайском округах они составляли большинство населения¹⁸. По данным Первой Всекитайской переписи населения численность казахов в Китае достигла 509 375 чел.¹⁹.

После окончания Второй мировой войны СССР, в рамках реализации репатриации перемещенных лиц, инициировал проведение реэмиграционной программы по возвращению в страну белоэмигрантов, этнических беженцев разных лет и их потомков²⁰. Основанием для этого стала кампания по предоставлению советского гражданства выходцам из Российской империи и СССР. Президиумом Верховного Совета СССР 10 ноября 1945 г. был принят указ о предоставлении в упрощенном порядке советского гражданства эмигрантам и их потомкам²¹. Действие этого Указа в конце октября было распространено сначала на Северо-Восток Китая (Маньчжурия), а по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 ноября 1945 г. – на лиц, проживавших в Синьцзяне.

¹⁸ Брук С.И. Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // Советская этнография. 1956. № 2. С. 91–92.

¹⁹ Zhongguo 2010 nian Renkou pucha fen minzu renkou ziliao. Beijing: Publishing House of Nationalities, 2013. P. 3–4.

²⁰ Подробнее см.: Аблажей Н.Н. Реэмиграционная программа СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Пермского университета. 2018. № 3(42). С. 116–124.

²¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. 12 ноября.

Указ Верховного Совета СССР, в соответствии с которым лицам из числа подданных бывшей Российской империи, проживающим на территории Синыцзяна и утратившим советское гражданство, предоставлялось право его восстановления, датируется 20 января 1946 г.²² Первоначально планировалось, что кампания по пролонгации гражданства на территории Синыцзяна займет один год, но в связи со сложной военно-политической обстановкой она несколько раз продлевалась и фактически завершилась только в 1949 г. Процесс советизации эмиграции в Синыцзяне, совпал с нарастанием в регионе сепаратизма, провозглашением и ликвидацией Восточно-Туркестанской республики.

Основной объем работы был проведен в 1947–1948 гг. Как свидетельствуют материалы советского консульства в Кульдже, в течение 1946–1949 гг. поступило 86 524 ходатайства о восстановлении советского гражданства. Вместе с детьми до 16 лет численность советской колонии составила 147 728 чел.²³, что существенно превосходило число не только русских, но и русскоязычных жителей провинции. Костяк советской колонии, помимо эмигрантов периода Гражданской войны, составляли беженцы Первой мировой войны, а также выходцы из СССР, эмигрировавшие в годы коллективизации и массового голода.

Советизация в Синыцзяне проводилась в ускоренном порядке, позднее выяснилось, что более половины ходатайств так и не было рассмотрено, или заявителям не были выданы документы советского образца. По данным Дальневосточного отдела МИД СССР, относящимся уже к 1953 г., в Синыцзяне в течение второй половины 1940-х гг. подали заявления о приеме и были восстановлены в гражданстве 94 977 человек (без учета несовершеннолетних де-

²² Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. 30 января, 30 апреля.

²³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 122–125.

тей)²⁴. Таким образом, уже в ведомственной МИДовской статистике расхождение в оценке численности подавших заявление на гражданство составляет 8,5 тыс. человек (86 524 и 94 977 чел.). Спустя почти десятилетие, во второй половине 1950-х гг., при перепроверке консульских материалов выяснилось, что из 86 524 ходатайств, относящихся к периоду 1946–1949 гг., было удовлетворено только 38 411 (без уточнения, как это было сделано – по решению Верховного Совета СССР или консульской комиссией по восстановлению гражданства). При этом советских заграничных видов на жительство было выдано в общей сложности около 10 тыс. Некоторые заявители получили на руки лишь временные удостоверения, а более 46 тыс. заявлений остались не рассмотренными²⁵.

В документах МИД СССР особо подчеркивалось, что при советизации населения Синьцзяна во второй половине 1940-х гг. вне поля зрения консульств осталась значительная часть выходцев из Российской империи, откочевавших в Китай в 1916 г., и беженцев из СССР начала 1930-х гг., которые также настаивали на получении советского гражданства. Руководство Казахской ССР, например, утверждало, что треть населения северных районов Синьцзяна составляют выходцы из Казахстана²⁶.

Советизация эмиграции и этнических беженцев давала возможность провести в ближайшее время массовую репатриацию, но массового выезда из Китая так и не случилось. С Северо-Востока Китая удалось вывезти только 6,5 тыс. русских²⁷. Затягивание с началом репатриации привело к росту числа перебежчиков из Синьцзяна в Ка-

²⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 58.

²⁵ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 122–125.

²⁶ Там же. Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 35.

²⁷ См.: *Аблажей Н.Н.* С Востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 179.

захскую ССР²⁸. На рост нелегальной миграции оказала влияние сложная военно-политическая обстановка и экономическая нестабильность.

В начале 1950-х гг. КНР и СССР вернулись к обсуждению вопроса о репатриации. В декабре 1951 г. вопрос о возможности репатриации советских граждан из КНР в 1952 г. дважды обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), но решения принято так и не было²⁹. Решение по проведению репатриации в СССР было согласовано к весне следующего года.

В начале 1953 г. китайское руководство само выступило с инициативой ускорить решение вопроса о статусе лиц из числа выходцев из Российской империи и СССР, постоянно проживавших на территории КНР, через их окончательную натурализацию либо через репатриацию³⁰. В отношении русскоязычного населения китайская сторона придерживалась линии на репатриацию, обосновывая это тем, что в противном случае будет вынуждено провести переселение граждан СССР как иностранцев из режимных и пограничных областей КНР; помимо этого, говорилось о невозможности предоставить им избирательные права и гарантировать трудоустройство. Подчеркивалось также наличие тенденции к отказу от советского гражданства и выезду в капиталистические страны, что объективно не могло соответствовать интересам СССР. Китайская сторона предполагала, что за два-три года в СССР выедет все русскоязычное население (русские,

²⁸ СГА ДКНБ РК по Павлодарской области. Ф. 9. Оп. 40. Арх. № 1948. Л. 1.; Арх. № 1960. Л. 1–6; Арх. № 1964. Л. 1–10 об.; Арх. № 2070. Л. 1–6 об.; Арх. № 2088. Л. 1–2.

²⁹ Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док. В 2 т. Т. 2: Друг и союзник нового Китая / сост. Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев; под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2010. С. 129–130. Ссылка на: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1259. Л. 132–133.

³⁰ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 5.

украинцы, евреи и татары). О необходимости массового выезда лиц без гражданства из числа других национальностей не упоминалось.

На уровне министерств иностранных дел были проведены консультации, закончившиеся подписанием министрами Чжоу Энлаем и А.Я. Вышинским предварительного соглашения по данному вопросу. Репатриация предполагала проведение учета советского населения и вывоз из КНР лиц, восстановленных в гражданстве после Второй мировой войны. Весной 1953 г. на основании соглашений, достигнутых на уровне министерств иностранных дел обеих стран, в СССР и КНР началась практическая реализация договоренностей о репатриации советских граждан. В марте 1953 г. ЦК КПСС принял постановление о создании особой комиссии по проработке вопросов, связанных с будущей репатриацией³¹.

За несколько месяцев до начала массовой репатриации по линии МИД СССР и других советских министерств и ведомств в основном были согласованы масштабы репатриации, территории вывоза и схема предварительного расселения будущих репатриантов. Активные межведомственные контакты имели место и в дальнейшем на протяжении всей репатриационной кампании. В частности, проведение репатриации потребовало от консульских учреждений СССР в Китае активного взаимодействия с китайскими государственными учреждениями: городскими и региональными органами власти, отделами безопасности и внутренних дел, комиссиями и отделами по делам репатриации, пограничной службой.

Юридическое сопровождение массовой репатриации из КНР ложилось на МИД СССР. Для реализации возвращения было увеличено число консульских учреждений. С 1955 г. на территории СУАР действовали пять советских консульств, образовавшие консульские округа: кульджин-

³¹ Там же. Л. 8.

ский (Кульджа), кашгарский (Кашгар), алтайский (Шара-Сумэ), тарбагатайский (Чугучак) и урумчийский (Урумчи). Советское население приграничного с Казахской ССР Или-Казахского автономного округа СУАР обслуживалось консульствами в городах Шара-Сумэ (ныне – Алтай), Чугучак и Урумчи. Свой объем работы по репатриации проводил также МИД Казахской ССР, но в его компетенции оказались не столько вопросы въезда на постоянное место жительства в республику, сколько натурализации реэмигрантов.

Решение о начале репатриации в СССР было принято ЦК КПСС 15 марта 1954 г. Решение о содействии поэтапной репатриации советских граждан было принято и Госсоветом КНР. Постановление Совета министров СССР с грифом «Секретно» за № 751-329с от 18 апреля 1954 г. разрешало въезд в СССР на постоянное жительство 4 тыс. семей, изъявившим желание покинуть КНР и въехать в СССР для работы на целине³². В СССР стартовала программа по освоению целинных и залежных земель, поэтому репатрианты должны были стать дополнительной рабочей силой³³. Именно поэтому Казахстан рассматривался как основная территория для расселения репатриантов из Китая.

Идеолого-пропагандистская кампания 1954–1955 гг. по мобилизации людей на освоение целины приобрела грандиозный размах не только в СССР, но и в некоторых странах народной демократии (в первую очередь в Китае), откуда планировался массовый вывоз советского населения. Зарубежным соотечественникам предоставлялась возможность вернуться, но исключительно в рамках программы освоения целинных и залежных земель. Фактически въезд в СССР на постоянное место жительства был

³² РГАЭ, Ф. 7803. Оп. 7. Д. 335. Л. 105.

³³ СГА ДКНБ РК по Павлодарской области. Ф. 9. Оп. 40. Арх. № 01916/46. Л. 1–340; Арх. № 01916/16. Л. 1–181.

возможен только в регионы, ориентированные на экстенсивное развитие сельского хозяйства.

Первоначально ставка делалась на вывоз из Китая преимущественно русскоязычного населения. Первые партии репатриантов прибыли в СССР, в том числе в Казахстан, в начале лета 1954 г. Республика приняла 2,5 тыс. семей репатриантов³⁴. Планировалось, что в 1955 г. массовая репатриация будет идти не только с Северо-Востока (Маньчжурия), но и с Северо-Запада (Синьцзян). Постановлением Советом министров СССР № 238-143 от 15 февраля 1955 г. в страну должны были въехать 13 тыс. семей. Первоначальные планы по количеству репатриантов были выполнены уже к середине 1955 г. Это стало основанием для принятия правительством СССР в июне и августе 1955 г. дополнений к февральскому постановлению, которые обеспечили увеличение числа въехавших³⁵.

Всего из Синьцзяна в 1955 г. выехало 65 тыс. чел. По данным Переселенческого управления Казахской ССР в республику въехало 55,8 тыс. человек, в том числе 17,8 тыс. казахов³⁶. Вывоз из Синьцзяна шел через пограничный Хоргос. Транспортировка репатриантов проводилась грузовиками «Автовнештранс». С 1955 г. стали использовать водный коридор – по реке Или. В связи с ростом потока были задействованы пограничные переходы Бахты, Сумбе, Катон-Карагай и другие.

Власти Синьцзяна крайне настороженно восприняли репатриацию. Однако руководство КНР продолжило реализацию программы по выезду советских граждан на родину. Поддерживая выезд русских и татар, оно противодействовало репатриации казахов и уйгур. Еще до начала массовой репатриации 1955 г. власти Илийского округа СУАР сделали заявление, что сложившаяся тяжелая хозяй-

³⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 12.

³⁵ Аблажей Н.Н. С Востока на восток... С. 201.

³⁶ АП РК. Ф. 708. Оп. 30. Д. 1663. Л. 9.

ственная ситуация в округе является следствием подготовительного этапа репатриации. Кроме того, было подчеркнуто, что известие о проведении в 1955 г. репатриации в СССР привело к росту слухов и миграционных ожиданий. Резкая реакция властей СУАР несколько скорректировала точку зрения официального Пекина. В мае 1955 г. китайское руководство в рекомендациях министерствам иностранных и внутренних дел предписывало рассматривать всех рожденных на территории страны казахов и уйгур как граждан Китая. В разгар репатриации в июле 1955 г. помощник министра иностранных дел КНР Хэ Вей в беседе с Временным поверенным в делах СССР в КНР Я.М. Ломакиным заявил, что китайское правительство просит при проведении репатриации русскоязычного населения не призывать к выезду казахов и уйгур, не имеющих советского гражданства; более того, из его слов следовало, что Китай вообще не заинтересован в выезде в СССР казахов и уйгур, поскольку они составляют основное население Синьцзяна³⁷. Несмотря на позицию китайской стороны в отношении массовой советизации и репатриации приграничного населения, советские консульства в СУАР в течение 1955 г. продолжили работу по восстановлению и пролонгации советского гражданства, учету и регистрации советских граждан.

Рост миграционных настроений среди казахов был вызван комплексом причин. Начала набирать обороты дискриминационная политика в отношении национальных меньшинств. В отношении казахов, участвовавших в повстанческом движении, начались репрессии, как и в 1943 г.³⁸. Пекин стал реализовывать политику по массовому переселению ханьского населения в Синьцзян. В сельском хозяйстве Китая стартовали социалистические преобразования. Для многих казахов, беженцев 1916 г. и нача-

³⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 210.

³⁸ АП РК. Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 6. Л. 228–229.

ла 1930-х гг. только репатриация давала возможность вернуться на родину. Власти Казахстана с самого начала репатриации обозначили свою безоговорочную поддержку политики возвращения в республику казахов, эмигрировавших в Синыцзян в разные годы.

Советские консульства в Чугучаке и Шара-Сумэ столкнулись с большими сложностями при советизации казахской диаспоры в приграничной Или-Казахской автономной области СУАР. В 1955 г. стали поступать коллективные заявления на выезд. Однако вопрос о коллективном въезде не был нормативно урегулирован. Из Москвы не было и четких инструкций относительно возможности возвращения тех, кто эмигрировал в период массового голода. В 1955 г. за советским гражданством к Генеральному консулу СССР по Тарбагатайскому консульскому округу обратились сразу два казахских рода, один из которых откочевал на территорию Китая еще в XIX веке, а другой – во время голода начала 1930-х гг. Положительное рассмотрение этого вопроса могло повлечь единовременный выезд в СССР более 30 тыс. человек. Глава рода Тогас просил о репатриации в Зайсанский район Восточно-Казахстанской области 500 семей вместе с 35 тыс. голов скота. От казахов-кереев в генконсульство обратился начальник Керейского уездного правительства и член КПК Максутхан с просьбой разрешить репатриацию 22 тыс. казахов. Настаивая на выезде в Казахстан в ближайшее время, пусть не единовременно, но укрупненными семьями, глава рода указывал, что казахи «считают родиной СССР, несмотря на то что род откочевал в Китай более 100 лет назад», поэтому «готовы уйти в Казахстан и нелегально»³⁹. По оценкам генконсульства СССР, в Тарбагатайском округе СУАР численность казахского населения, ранее откочевавшего в Китай из Семипалатинской и

³⁹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 166. Там же. Л. 143.

Восточно-Казахстанской областей, оценивалась в 11,5 тыс. семей.

Ситуация с репатриацией казахов оставалась крайне неоднозначной, так как вопрос о коллективном выезде не был нормативно урегулирован, а относительно массовой репатриации лиц, эмигрировавших в период голода, никаких разъяснений МИД вообще не поступало. Кроме того, казахи настаивали на вывозе в СССР принадлежавшего им скота, что противоречило условиям репатриации и вызывало крайне негативную реакцию китайской стороны. По информации Тарбагатайского консульства, в собственности 90 тыс. казахов было 700–800 тыс. голов скота⁴⁰. В этой связи Тарбагатайское консульство, оценивая перспективу массового возвращения на родину казахов, откочевавших в Синьцзян в начале 1930-х гг., просило МИД СССР нормативно урегулировать порядок упрощенного коллективного въезда в страну, предусмотрев перегон в СССР также скота резмигрантов⁴¹.

Несмотря на сложности, Тарбагатайскому консульству в 1955 г. удалось отправить на родину более 13 тыс. казахов⁴². В разгар репатриации в 1955 г. был зафиксирован факт нелегального перехода границы казахами именно в Чугучакском уезде Синьцзяна, причиной которого была подготовка к массовому переходу границы и перегону скота. Это было тревожным фактом, говорившим о том, что в случае обострения ситуации в Синьцзяне репатриация казахов грозит стать массовой и неконтролируемой. Советские консульские работники уже в середине 1950-х гг. понимали, что бегство казахов теперь уже из Китая в СССР в любое время может приобрести лавинообразный неконтролируемый характер. Во избежание обострения отношений с властями Синьцзяна советская сторона все-

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 167.

⁴¹ Там же. Л. 158.

⁴² Там же. Л. 149.

таки не разрешила коллективный въезд, тем не менее в ходе репатриации широко применялась практика формирования укрупненных семей. Так, Алтайское генконсульство СССР в Шара-Сумэ в одном из июньских отчетов 1955 г. сообщало, что дополнительно к лимиту готово оформить документы на выезд в Казахстан более чем 3 тыс. человек, многие из которых объединены в очень крупные семьи⁴³.

В 1956 г. планировался въезд репатриантов в Казахстан и республики Средней Азии. Согласно Постановлению Совета министров СССР от 11 января 1956 г. № 37-26с, в страну должны были въехать 10 тыс. семей, преимущественно мигранты из Синьцзяна⁴⁴. Но из-за роста напряженности в связи с репатриацией советская сторона была вынуждена приостановить ее проведение в Синьцзяне. Советские консульства даже приостановили свою работу в местах компактного проживания казахов. В 1956 г. китайская сторона в одностороннем порядке фактически приостановила репатриацию по всей стране. Власти СУАР предприняли шаги, направленные на ограничение выезда и перелом миграционных ожиданий у населения пограничья, считая их главной причиной роста напряженности в регионе. В вопросе о массовой репатриации казахского населения в СССР сдержанную позицию занимало и руководство Или-Казахской автономной области, которое, со своей стороны, предпринимало усилия к консолидации казахского населения в границах казахской автономии в СУАР и резко выступало против массированного заселения приграничного Илийского округа этническими китайцами.

Между тем эмиграционные настроения подстегивала экономическая и политическая ситуация в стране. В 1956–1957 гг. на территориях компактного проживания казахов

⁴³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 49.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 392. Л. 12, 71.

началось обобществление индивидуальных скотоводческих хозяйств, в том числе пастбищ и скота, и создание кооперативов. Несмотря на то, что здесь создание кооперативов шло по национальному и родовому признаку, преобразование отношений собственности не могло не трансформировать традиционную родовую структуру. С 1958 г. началась коллективизация. Помимо этого, по Или-Казахскому автономному округу прокатилась волна преследований «националистов». В сложившейся обстановке для многих представителей казахской элиты выезд в СССР становился единственным способом избежать политических преследований и репрессий.

В мае 1958 г. МИД СССР информировал китайскую сторону о желании продолжить репатриацию советского населения. В начале июня Пекин ответил согласием на проведение репатриации в 1958 и 1959 гг., требуя при этом учета специфической ситуации в СУАР⁴⁵. В связи с задержкой переговоров о возобновлении репатриации соответствующее постановление Совета министров СССР вышло только 25 сентября 1958 г. За 1958–1959 гг. планировалось репатриировать более 46 тыс. человек, в том числе более 39 тыс. переселенцев должен был принять Казахстан⁴⁶.

Оспаривание китайской стороной численности колонии побудило советскую сторону в 1959 г. пойти на пересмотр документации советского консульства в Кульдже по этому вопросу. Было сделано заключение, что из 150 тыс. взрослых советских граждан, проживавших в Китае и восстановленных в советском гражданстве во второй половине 1940-х гг., 110 тыс. были казахами⁴⁷. Отмечалось, что ввиду сложной военно-политической обстановки в Синьцзяне часть готовых документов не была выдана за-

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 123.

явителям, а еще 46 тыс. заявлений не было рассмотрено. Поэтому в докладной записке Дальневосточного отдела МИД указывалось, что объявленные ранее данные о численности советской колонии сильно занижены, так как имеют существенные погрешности и не учитывают статистику по Или-Казахскому автономному округу⁴⁸. На 1959 г., согласно справке МИД, в Синоцзяне насчитывалось более 43 тыс. советских граждан, в том числе 28 тыс. детей и 3 тыс. лиц из числа близких родственников, не имеющих совзагранвидов. Еще 200 тыс. выходцев из России и СССР квалифицировались как «лица без гражданства»⁴⁹. По косвенным свидетельствам можно утверждать, что советские консульства, в частности, Кульджинское, именно в это время проводили массовую выдачу совзагранвидов образца 1946–1948 гг.⁵⁰.

В начале 1959 г. советские консульства зафиксировали всплеск обращений за советским гражданством, в первую очередь казахов. Только за январь–март в Верховный Совет СССР поступило 50 коллективных заявлений от 3,9 тыс. семей и еще 3,2 тыс. заявлений от глав семей из числа лиц, эмигрировавших в Китай в период голода 1930-х гг., с ходатайством о восстановлении в гражданстве⁵¹. Такие же заявления поступали в Верховные советы Казахской и Киргизской ССР. Заявители предупреждали, «что в случае отказа удовлетворить просьбу о возвращении нелегально перейдут границу, как они это делали в 1930–1933 гг.»⁵². Возросло количество обращений этнических лидеров к советским пограничным службам с просьбой организовать условия для массового (читай – нелегального) перехода границы. Заметим, что с 1959 г. для въезда стали оформляться и групповые визы.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 123.

⁴⁹ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 14.

⁵⁰ Там же. Л. 63.

⁵¹ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 21.

⁵² Там же.

Репатриация, будучи в значительной степени этнической по характеру, не могла не спровоцировать цепную реакцию, вызвав заметный рост числа вызовов на въезд от родственников, как постоянно проживавших на территории СССР, так и недавно въехавших по репатриационной программе в Казахстан и Киргизию.

Ответственные работники консульского управления МИД КНР в Синьцзяне в беседах с советскими дипломатическими работниками неоднократно ссылались на точку зрения Председателя народного комитета СУАР С. Азизова, что в СССР поедут только те, у кого на руках совзагранвиды, а владельцы временных удостоверений советского образца останутся в Китае. Особо подчеркивалось, что власти не поощряют выезд детей советских граждан старше 16 лет. Первые лица СУАР вновь четко заявили об этом 3 февраля 1959 г. в советском консульстве в г. Урумчи⁵³.

В 1959 г. китайские власти категорически отказались содействовать репатриации в СССР. В октябре 1959 г. Синьцзянское бюро КПК вынесло постановление о запрещении местным китайским организациям покупать у репатрируемых советских граждан имущество, равно как и репатриантам не разрешалось его продавать и передавать, а также уничтожать скот⁵⁴. В рамках кампании борьбы с «правыми элементами и местными националистами» парткомом Или-Казахского автономного округа была создана специальная комиссия по вопросам репатриации в СССР с целью выяснить национально-гражданский статус всех специалистов и кадровых работников казахской автономии, которые высказывали намерение выехать из страны⁵⁵. Самым решительным шагом китайской стороны по сокращению советизации населения китайского пригра-

⁵³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 14; Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 12.

⁵⁵ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 12.

ничья и недопущению массовой репатриации казахов стало требование, сформулированное до начала репатриации, о закрытии советских консульств в Чугучаке и в Шара-Сумэ, в юрисдикции которых находилась почти вся территория Или-Казахского автономного округа. Советское население, проживавшее в ликвидированных консульских округах, было передано первоначально в ведение советского консульства в Кульдже, а затем – в Урумчи⁵⁶.

В 1958–1959 гг. в Казахстан въехало почти 60 тыс. человек, в том числе 57,3 тыс. человек из СУАР, из них казахов – почти 40 тыс., уйгур – около 9,5 тыс. человек⁵⁷.

21 октября 1960 г. Совет министров СССР принял очередное постановление о репатриации советских граждан и членов их семей из Синьцзяна⁵⁸. В отличие от предыдущих решений, в данном постановлении не указывалось точное количество семей, которые должны были въехать в СССР; упрощался порядок подачи ходатайств на въезд, а решения о въезде с октября 1960 г. стали принимать отделы МИД Казахской и Киргизской ССР⁵⁹. Благодаря данному решению в СССР в конце 1960 г. и в 1961 г. смогло въехать 7,5 тыс. человек. С этого времени репатриация из Западного Китая окончательно перешла в компетенцию принимающих республик. В развитие решения союзного правительства Совет министров Казахской ССР 10 декабря 1961 г. принял постановление, которым предусматривалось продолжение репатриации в течение двух ближайших лет, что позволило еще 15 тыс. человек, преимущественно казахам и уйгурам⁶⁰, легально выехать из Синьцзяна.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 4.

⁵⁷ Там же. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 21.

⁵⁸ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 8.

⁵⁹ Там же. Оп. 54. П. 470. Д. 32. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 8; Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19.

С начала 1960-х гг. миграция из Синьцзяна, в первую очередь казахов, стала приобретать неконтролируемый характер, что крайне обострило двусторонние отношения. Пик нелегальной миграции пришелся на период с 20 апреля по 29 мая 1962 г. Пока детально не представляется возможным реконструировать события, связанные с переходом границы, но известно, что беженцев принимали приемные пункты: Панфиловский – в г. Панфилове (ныне – Жаркент), Нарынкольский – в селе Сумбе Алма-Атинской области, Маканчинский – в селе Бахты Семипалатинской области и Зайсанский – в селе Майкапчагай Восточно-Казахстанской области. На приграничной территории были оборудованы беженские лагеря, в которых нелегалы содержались до конца июня, после чего начался их массовый вывоз к местам вселения. Советские исследователи оценивали масштабы миграции апреля-мая 1962 г. в 67 тыс. человек⁶¹. Причем речь идет о казахах и уйгурах⁶². Эта цифра совпадает с данными МИД СССР, согласно которым в этот период нелегально перешло границу 66,8 тыс. человек⁶³. По данным республиканского переселенческого управления при Совете министров Казахской ССР, за апрель-май без визы, в неорганизованном порядке, на территорию Казахстана прибыло 16,6 тыс. семей, или 71,8 тыс. человек⁶⁴.

В течение лета 1962 г. китайской стороной были выданы выездные документы всего 550 семьям⁶⁵. Но в сентяб-

⁶¹ См.: *Борисов О.Б.* Некоторые вопросы истории советско-китайских отношений: Доклад на науч. конф. в Ин-те Дальнего Востока АН СССР (ноябрь 1978 г.). URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/politologiya/39-pekin>.

⁶² Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 1955. Оп. 2 пр. Д. 569. Л. 30.

⁶³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 55. П. 484. Д. 29. Л. 10.

⁶⁴ АП РК. Ф. 708. Оп. 36. Д. 1508. Л. 23; *Мендикулова Г.М., Атанатаева Б.Ж.* История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг. Алматы: СаГа, 2008. С. 209.

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 1.

ре 1962 г. МИД КНР заявил, что Китай готов разрешить в упрощенном порядке выезд на синьцзянском участке границы всем, кто этого добивается. 6 октября 1962 г. СССР ввел безвизовый въезд для советских граждан и членов их семей на период с сентября по 25 декабря 1962 г.⁶⁶. С 15 октября 1962 г. советские погранчасти начали массовый прием мигрантов по спискам, представленным китайской стороной. Ежедневно границу переходило 350–400 человек, и уже к двадцатым числам ноября границу перешло 11,4 тыс. человек⁶⁷. Погранслужбами формировались именные списки. Выезжавшие лишь частично были документированы. Совзагранвиды имело всего около четверти мигрантов и только треть – документы на выезд. Вообще без документов были переданы 190 человек⁶⁸. По официальным данным, до конца года в организованном порядке в Казахскую ССР было переселено еще 5 766 семей, или 26 643 человека⁶⁹. Таким образом, всего за 1962 г. Казахстан принял 22 372 семьи (96 439 человек)⁷⁰, что подтверждает данные Т.Р. Рахимова, оценившего численность нелегалов в 100 тыс. человек⁷¹.

В 1963 г. прием шел с января по май, что позволило перейти границу с Казахстаном еще 1 830 семьям, или 20 487 людям⁷². В документах встречается и несколько меньшая цифра прибывших – 19 700 чел.⁷³. Суммарный въезд в Казахстан за 1962–1963 гг. республиканскими властями был оценен в 118 926 чел.⁷⁴. Но даже после закрытия в мае 1963 г. казахско-синьцзянского участка границы, в течение несколь-

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 55. П. 484. Д. 29. Л. 12.

⁶⁷ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 4.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ АП РК. Ф. 708. Оп. 36. Д. 1508. Л. 23.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Рахимов Т.Р. Судьбы неханьских народов в КНР. М.: Мысль, 1981. С. 81.

⁷² АП РК. Ф. 708. Оп. 36. Д. 1508. Л. 24.

⁷³ Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). Ф. 652. Оп. 2. Д. 67. Л. 70–71; Мендикулова Г.М., Атантаева Б.Ж. История миграций между Казахстаном и Китаем. С. 208.

⁷⁴ АП РК. Ф. 708. Оп. 36. Д. 1508. Л. 24.

ких лет в республику шел приток нелегалов, что было вызвано также преследованиями во время развернувшейся в СУАР «культурной революции» (1966–1976 гг.).

В период конфронтации между двумя странами, экономическое и гуманитарное сотрудничество казахов СССР и КНР было свернуто, репатриационное движение прекратилось⁷⁵. Резкое ухудшение советско-китайских отношений в 1960-х гг. не позволило решить на межгосударственном уровне проблему разъединенных семей. Не всем мигрантам, прибывшим в начале десятилетия в Казахстан, удалось вывезти с собой семьи. Только по Зайсанскому и Тарбагатайскому районам Восточно-Казахстанской области 398 эмигрантов-беженцев прибыли без близких, из них 74 человека жили в одном совхозе «Чиликты». Репатрианты-казахи особо заостряли эту проблему перед советскими властями, отмечая, что разлука с родными, «тоска по семье», оставшейся в Китае, является тяжелой психологической проблемой; со своей стороны, они имеют «твердое желание и стремление во что бы то ни стало добиться от правительства содействия в возвращении их семей в СССР»⁷⁶. Власти, однако, сознательно шли на сокращение межгосударственных контактов населения приграничья, чтобы не усугублять напряженность на границе.

В Казахстане реализовывалась широкомасштабная программа государственной поддержки репатриантов. Поскольку государство поддерживало и стимулировало переселение, переселенцам и принимающим их организациям были декларированы необходимая материальная поддержка, помощь в обустройстве и адаптации новоселов в местах вселения, их интеграции в местное сообщество. Прием репатриантов курировали ЦК Компартии Казах-

⁷⁵ Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. 2 изд., испр. Новосибирск: Б. изд., 2015. С. 126.

⁷⁶ ЦГА РК. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 280. Л. 32.

стана, Совет министров республики, Главное управление переселения и организованного набора и областные власти.

Финансовые условия репатриации в целом можно оценить как довольно привлекательные. Льготы для репатриантов регламентировались распоряжением Совета министров СССР, принятым в августе 1954 г., и постановлением от 25 сентября 1958 г., они распространялись как на самих репатриантов, так и на принимающие хозяйства. Государство брало на себя расходы по переезду в СССР и оказывало помощь по переселению в целинные районы. Репатриантам гарантировался бесплатный проезд и провоз багажа до места вселения, они освобождались от оплаты таможенных пошлин на личное имущество, получали денежную компенсацию за ликвидацию хозяйства и невозможность вывоза в СССР крупного рогатого скота (не во всех случаях), единовременное безвозвратное денежное пособие в размере 300 руб. на главу семьи и 60 руб. на каждого члена семьи и суточные за время следования в пути из расчета один рубль в сутки на человека. Помимо наделения приусадебными участками, репатриантам предоставлялись кредиты на строительство и приобретение скота с частичным погашением за счет государства. В июле 1956 г. союзное правительство расширило список льгот для переселенцев из КНР, прибывших на постоянное жительство в Казахскую ССР, в частности, освобождение от сельхозналога было продлено на 15 лет. В мае 1962 г. на нелегальных мигрантов из КНР были распространены те же льготы, что и на прибывших по официальной репатриационной программе. В июне 1962 г. решением Совета министров Казахской ССР беженцам были произведены единовременные выплаты и выделена гуманитарная, в первую очередь, продовольственная помощь. На протяжении почти десятилетия государство оказывало значительную материальную помощь переселенцам.

Достаточно оперативно удалось провести тотальный учет прибывших и частичную паспортизацию репатриантов. Что касается трудоустройства, то в силу уровня аграрного производства и спроса на тяжелый физический и малоквалифицированный труд проблем с трудоустройством не было. Большинство репатриантов казахов составляли сельские жители, ранее занятые в животноводстве. Структура их занятости в основном не изменилась после прибытия в Казахстан. Так как расселение было плановым, то власти старались обеспечить оседание переселенцев и не допустить «перетока» из одного региона в другой. Первоначальная ставка была на заселение целинных районов Северного Казахстана. Несанкционированные переезды на соединение с родственниками и в районы прежнего жительства до ухода в Китай начались с октября 1955 г.⁷⁷. Так, 1 143 семьи казахов самовольно прибыли в Восточно-Казахстанскую и Семипалатинскую области из Киргизии⁷⁸. Русскоязычные репатрианты старались выехать в РСФСР. В целом из Северного Казахстана выехало около 66% от числа репатриантов, прибывших в 1954–1955 гг. Всего 11% репатриантов осталось в Актюбинской области по состоянию на 27 декабря 1965 г.⁷⁹. *«Многие граждане обращались в облисполком за разрешением на переезд в другие области республики. Облисполком в выезде отказывал, тогда многие семьи коллективно, самовольно уехали ночью»*⁸⁰, – подчеркнуто в Справке о состоянии культурно-бытовых условий граждан, прибывших из КНР в Кызыл-Ординскую область, от 10 августа 1965 г. К этому времени в области осталось всего 197 человек из 3 349 репатриантов. Для казахов главным миграционно привлекательным регионом в Казахстане стала Алма-Атинская область. По данным областного Управления охраны общественного порядка на июнь 1966 г., в Алма-Атинской области проживало более 129 тыс. репатриантов, из них были признаны гражданами

⁷⁷ Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник... С. 163.

⁷⁸ Подсчитано по: ГАВКО. Ф. 1–П. Оп. 1. Д. 7260. Л. 19–20; АП РК. Ф. 708. Оп. 29. Д. 355. Л. 6, 13.

⁷⁹ ЦГА РК. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 280. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Л. 22.

СССР 69 276 человек⁸¹, что составляет 53,7%. В Нарынкольском районе советскими гражданами были признаны 89,4% от числа прибывших в 1954–1970 гг.⁸². Значительная часть переселенцев вновь осела в приграничных с Китаем районах (Кегенский, Панфиловский, Уйгурский, Чиликский) Алма-Атинской области.

Остро стояла жилищная проблема, хотя власти и предпринимали значительные усилия по размещению всех прибывших. В случаях, когда реэмигранты возвращались в родные места (откуда они, собственно, и эмигрировали в Китай), остроту жилищного вопроса на первых порах удавалось снимать за счет размещения их у родственников. В первой половине 1960-х гг. были проведены кампании по ликвидации неграмотности и малограмотности. Для детей репатриантов, поступивших в советские школы, основными проблемами стали овладение казахской письменностью на основе кириллицы и форсированное изучение русского языка.

Репатриационная программа имела долговременные последствия как для СССР, так и для КНР. В СССР была выработана соответствующая нормативно-правовая база, проработаны механизмы приема, расселения, натурализации, трудоустройства и культурной адаптации переселенцев, обеспечен легитимный путь консолидации казахского народа. Власти реализовали широкомасштабную программу по адаптации переселенцев из Китая.

В Казахской ССР ввиду массовой миграции русскоязычного населения численность титульного этноса составила менее 30% от общей численности населения, и процесс возвращения репатриантов во многом способствовал росту численности титульной нации за счет вернувшихся, частично нивелировав массовую миграцию в регион русскоязычного населения. Репатриация способствовала также сохранению казахского языка и национальной самобытности. Китайские власти, благодаря репатриации из СУАР, сумели изменить этническую структуру населения,

⁸¹ ЦГА РК. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 266. Л. 17.

⁸² Подсчитано по: ЦГА РК. Ф. 1955. Оп. 2. Д. 345. Л. 17.

увеличив удельный вес ханьцев, а также ускорить интеграцию Синьцзяна в состав КНР⁸³.

Взаимодействие Казахской ССР с Китаем возобновилось подписанием в Москве межправительственного соглашения между СССР и КНР от 15 июля 1988 г. о взаимных поездках граждан. Сменилось одно поколение, прежде чем были восстановлены родственные, культурно-гуманитарные, экономические связи с казахской общиной после закрытия государственной границы летом 1963 г.

Репатриация казахов из Китая возобновилась в начале 1990-х гг. Для Казахстана репатриация стала важным элементом современной миграционной политики. Суммарно с 1991 г. Казахстан принял 1,1 млн переселенцев, в том числе из Китая – почти 200 тыс. чел.⁸⁴. Численность этнических казахов зарубежья составляет около 4–4,5 млн чел., из которых 1,5 млн проживает в Китае.

⁸³ Аблажей Н.Н. Казахская диаспора Синьцзяна: история и перспективы этнической миграции в Казахстан // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 50.

⁸⁴ Подробнее см.: Аблажей Н.Н., Балтабаева К.Н. Репатриационная политика России и Казахстана (1991–2014 гг.) // ЭКО. 2016. № 4. С. 165–172.

**Глава 6. «РУССКИЕ ФИННЫ» И РОССИЙСКАЯ
КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА В АВСТРАЛИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)¹**

После открытия в 1851 г. золота и начала золотой лихорадки в Австралии начинается период бурного развития австралийских переселенческих колоний Великобритании. Быстро развиваются их экономика и внешняя торговля – прежде всего экспорт золота, шерсти и хлопка, стремительно растет численность населения. В политическом плане австралийские колонии получают самоуправление, начинает развиваться федералистское движение, итогом которого становится провозглашение в 1901 г. Австралийского Союза как нового доминиона Британской империи. Повышение роли Австралии как торгового партнера, появление среди ее населения выходцев не только из Англии или Ирландии, но и эмигрантов из других стран, побуждает иностранные государства учредить в британских владениях на антиподах свою консульскую службу. В ее задачу, наряду с наблюдением за процессами социально-экономического и политического развития Австралии, входило содействие расширению торговых связей и – в первую очередь – защита интересов подданных «своего» государства. Не стала исключением в этом отношении и Россия. В 1857 г. в Сидней и Мельбурн – столицы двух самых развитых колоний Австралии Новый Южный Уэльс и Виктория, были назначены нештатные русские

¹ **Сведения об авторе:** *Массов Александр Яковлевич*, д.и.н., профессор кафедры истории и культурологии, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет; профессор магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона» факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: amassov@gmail.com

вице-консулы. В 1875 г. их статус был повышен до нештатных консулов, а с 1894 г. русское консульство в Мельбурне было преобразовано в штатное, которое отныне возглавлял профессиональный дипломат, чиновник российского министерства иностранных дел. В 1902 г., вскоре после образования Австралийского Союза российское консульское представительство в Мельбурне было преобразовано в Императорское российское Генеральное консульство в Австралийской Федерации и Новой Зеландии². Всего с момента учреждения консульского представительства в Австралии в 1857 г. и до разрыва отношений Австралии с Россией после победы там большевистской революции 1917 г. консульские должности занимали 8 человек. В Мельбурне с 1857 до 1894 г. должность нештатного консульского представителя России занимал местный коммерсант Дж. Деймион, в Сиднее с 1857 по 1913 гг. нештатным консулом служил также австралиец, предприниматель Э.М. Поль. В течение 11 месяцев 1894 г. до своей скоропостижной смерти проработал в Мельбурне первый штатный консул России А.Д. Путята. Барон Р.Р. Унгерн-Штернберг занимал свой пост с 1895 по 1898 гг. Следующий российский консул Н.П. Пассек прибыл в Мельбурн только в 1900 г. и проработал там до 1902 г. С 1902 г. (фактически с 1903) по 1906 г. уже в ранге генерального консула представительство России в Мельбурне возглавлял М.М. Устинов. В марте 1908 г. в Мельбурн прибыл новый генеральный консул М.М. Геденштром, которого в 1910 г. сменил последний генеральный консул Российской империи в Австралийском Союзе А.Н. Абаза. Он вынужден был оставить свой консульский пост в конце 1917 г.³

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1076. Л. 90.

³ См. Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. (Сборник документов). М.: Международные отношения, 2014. С. 21–37.

С самого начала работы русских консульских представителей на пятом континенте именно решению конкретных вопросов, связанных с пребыванием российских подданных в Австралии, уделялось основное внимание. Следует подчеркнуть, что контингент выходцев из России составляли не только и даже не столько русские, сколько евреи, поляки, выходцы из прибалтийских губерний и финны из Великого княжества Финляндии, являвшегося в то время автономной частью Российской империи. Независимо от своей национальной принадлежности все подданные России могли рассчитывать на помощь и в случае необходимости получали ее со стороны российской консульской службы. В настоящее время документальные материалы о работе российских консулов в Австралии хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). В данной главе на основе архивных документов рассматривается деятельность консульских представителей России по защите интересов российских подданных – выходцев из Великого княжества Финляндского⁴.

Работа с «русскими финнами», также как и с выходцами из Царства Польского имела свою специфику. Польские резиденты в Австралии нередко проявляли свою нелояльность по отношению к Российской империи, что особенно было заметно в годы Польского восстания 1863–1864 гг.⁵. Что касается финнов, то до самого конца XIX в.

⁴ Часть документов, характеризующая многогранную деятельность русских консулов в Австралии, опубликована в уже упомянутом сборнике «Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг.». Однако документы, связанные с пребыванием русских финнов на пятом континенте, в этом сборнике представлены явно недостаточно. Чтобы не было путаницы при цитировании, все ссылки на документы, в том числе уже опубликованные, в данной главе даются на архивные дела из АВПРИ.

⁵ Массов А.Я. Польское восстание 1863–1864 гг. и проявление антирусских настроений в Австралии // Роман с Клио. Сборник научных статей и юбилейных материалов, посвященный 60-летию С.Н. Полторака. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2016. С. 124–133.

финская эмиграция в Австралию была минимальной. Можно отметить разве что золотоискателей – по разным данным от 200 до 400 человек с 1851 по 1869 гг. отправились в поисках обогащения на пятый континент, при этом далеко не все из них в итоге остались на жительство в Австралии⁶. Финны, однако, были владельцами, а также составляли подавляющую часть экипажа шхун, которые ходили под русским коммерческим флагом и во второй половине XIX в. осуществляли перевозки грузов между европейскими портами и портами Австралии⁷. Финны служили матросами и на торговых судах других европейских государств. С конца XIX в. и вплоть до Первой мировой войны по мере становления собственно русско-австралийской торговли, так и не достигшей, впрочем, сколько-нибудь значимых размеров, финские шкиперы наряду с грузами из Европы доставляли в Австралию русский лес и керосин, а также ряд других товаров русского производства. И хотя количество финских шхун, посещавших австралийские порты, было невелико – по данным российских консулов, от одной-двух в год в конце 50-х – 60-е годы XIX в. до примерно 20 в год в первые полтора десятилетия XX в.⁸ – именно финские моряки доставляли больше всего хлопот и требовали самого пристального внимания со стороны русских консулов.

⁶ См.: *Koivukangas O.* Finns in the Southern Hemisphere – A Comparative Approach // *Scandinavian and European Migration to Australia and New Zealand: Proceedings of the Conference Held in Stockholm, Sweden, and Turku, Finland, June 9–11, 1998.* Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy, 1999. P. 186; *Watson G.J.* Finnish Emigration in Australia: A Bitter-Sweet Decision // *Siirtolaisuus-Migration.* 1997. No 3. P. 4.

⁷ Как указывает исследователь из университета Йонссуу Г. Дж. Уотсон, в 1860 г. примерно 11 000 финнов работали матросами на финских торговых судах. См.: *Watson G.J.* Op. cit. Pp. 3–4.

⁸ См. АВПРИ. Ф. 256 (Генконсульство в Лондоне). Оп. 555а. Д. 1104. Л. 9; Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 779. Л. 63–65; Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 951. Л. 250; Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1355. Л. 14.

Поскольку парусные шхуны финских шкиперов были достаточно скромными по своему размеру и водоизмещению и не всегда могли выдержать сильные штормы, консулам приходилось заниматься вопросами, связанными с последствиями кораблекрушений. Так, в 1860 г. около острова Кенгуру при входе в залив Сент-Винсент к югу от Аделаиды потерпела крушение и затонула финская шхуна «Фидес». Погибли капитан судна Ф. Аспланд и значительная часть экипажа, спастись удалось только помощнику капитана судна и четырем матросам⁹. Нештатный российский вице-консул в Мельбурне Дж. Деймион принял самое активное участие в определении судьбы спасшихся. Вместе с Й. Скогбергом, капитаном другой финской шхуны – барка «Отто», зашедшего в это время в австралийский порт Джилонг, было решено, что спасшиеся помощник капитана и матросы будут приняты в состав экипажа «Отто». Выяснив, что спасенные матросы находятся в Аделаиде и на первое время они обеспечены едой и одеждой, Дж. Деймион обратился к премьеру колонии Южная Австралия Т. Рейнолдсу с просьбой помочь матросам с «Фидеса» добраться до Мельбурна. Русский консул лично побеседовал с ними об обстоятельствах крушения и отослал собранную информацию «по инстанции» в российское генеральное консульство в Лондоне. Из документов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) следует, что часть этой документации была переслана в канцелярию Российского губернатора Великого княжества Финляндского¹⁰. Позднее консул сообщил, что некоторые грузы с «Фидеса» удалось спасти и при непосредственном участии русского консульского представителя они были проданы за 500 фунтов стерлингов. Проданы, также при участии Дж. Деймиона, были и останки

⁹ См. The Loss of the Fides // The South Australian Advertiser. 9 June 1860. P. 3; The Wreck of the Fides // South Australian Register. 9 June 1860. P. 3.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 256 (Генконсульство в Лондоне). Оп. 555а. Д. 1146. Л. 13.

корпуса шхуны. Сопроводительные и денежные документы по этим сделкам Дж. Деймион переслал российским представителям в Лондоне¹¹.

Впрочем, крушения кораблей были, к счастью, явлением не частым. В документах АВПРИ встречается еще одно упоминание об участии российского генерального консула в Мельбурне А.Н. Абазы в расследовании крушения финско-российского барка «Гленбанк» в феврале 1911 г.¹². В ходе этой катастрофы из 24 членов экипажа смог спастись только один матрос, финн А. Китала¹³.

Приходилось российским консулам заниматься и проблемами пребывания финских моряков непосредственно в Австралии. Нередко это был разбор обстоятельств и оформление документов, связанных со смертью матросов во время их пребывания в том или ином австралийском порту и решение вопросов о распоряжении имуществом умерших. Нештатный вице-консул Дж. Деймион, например, в 1859–1860 гг. вел переписку с должностными лицами колонии Виктория, выясняя обстоятельства смерти в результате несчастного случая финского моряка и российского подданного Ф. Энберга, служившего матросом на британской шхуне «Зулейка». Помимо юридического оформления факта смерти надо было распорядиться имуществом умершего и выяснить адрес в Финляндии, по которому оно должно было быть отправлено его родным¹⁴. В 1862 г. Дж. Деймион пытался найти хоть какие-то документы Дж. Финна, моряка, умершего в мельбурнском госпитале. Поиски были безуспешными, и, получив оставшиеся от Дж. Финна деньги в размере 20 шиллингов, консул отдал их домовладельцу, у которого Дж. Финн

¹¹ Там же. Л. 24–25, 27–28.

¹² АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1274. Л. 9.

¹³ См. Barque Glenbank Wrecked // Daily Commercial News and Shipping List. 11 February 1911. P. 4; How the Glenbank Capsized // The Sun. 13 February 1911. P. 2.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 256 (Генконсульство в Лондоне). Оп. 555а. Д. 1146. Л. 17–21.

проживал и которому задолжал плату за квартиру¹⁵. О разбирательствах, связанных с определением судьбы имущества умерших финских моряков, сообщает консул Р.Р. Унгерн-Штернберг¹⁶. Консул М.М. Геденштром принимал участие в разрешении ряда денежных проблем, которые возникли после размещения в госпитале и смерти в августе 1908 г. от малярии заболевшего финского моряка, шестнадцатилетнего А. Линдберга¹⁷.

Нередко финские моряки сами обращались в русское консульство в Мельбурне, например с просьбой отправить на родину письма или выяснить, не пришли ли на адрес русского консульства письма для них¹⁸. Часть финских моряков по завершении их контракта на службу матросами на той или иной шхуне обращались в консульство с просьбой помочь найти новое место работы. Как отмечал в 1897 г. Р.Р. Унгерн-Штернберг, «иностранцу, плохо знающему английский язык, почти невозможно заработать себе куска хлеба», и тем из матросов, «которые являются в консульство», оно, «конечно, никогда в помощи и пособии не отказывает»¹⁹. В другом своем донесении того же 1897 г. Р.Р. Унгерн-Штернберг сообщал, что «безместные» из числа финских моряков, кто обратился к русскому консульскому представителю «все без исключения» (подчеркнуто Р.Р. Унгерн-Штернбергом – А.М.) получили помощь от консульства и за сим были приняты по ходатайству же консульства... на службу»²⁰. Консул М.М. Устинов также сообщает о том, что ему пришлось

¹⁵ АВПРИ. Ф. 256 (Генконсульство в Лондоне). Оп. 555а. Д. 1191. Л. 20–20об.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 820. Л. 139об.

¹⁷ Там же. Д. 1314. Л. 3об.; Death at Hospitals // The Advertiser. 7 August 1908. P. 9. См. также: Anarchists in Australia // Examiner. 3 June 1909. P. 3.

¹⁸ См., например, об этом в донесении Унгерн-Штернберга от 14/26 февраля 1897 г.: АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 859. Л. 41. Все даты на донесения консулов даются по новому стилю.

¹⁹ Там же. Л. 123об.

²⁰ Там же. Л. 41об.

«оказывать содействие к отысканию мест и занятий» для финских матросов, «когда они оставались на берегу в бедственном положении»²¹. М.М. Устинову в должности генерального консула пришлось, кроме того, участвовать в освидетельствовании и помещении в больницу «душевно-больного шкипера», а также в попечении со стороны консульства и возвращении на родину нескольких заболевших матросов²².

Однако главной проблемой и головной болью российских консулов в работе с русскими подданными-финнами были матросы-дезертиры. Речь идет о матросах финских шхун, которые по прибытии их судна в Австралию отказывались от продолжения работы и попросту сбежали. Такое поведение объяснялось стремлением беглецов наняться матросами на какое-нибудь английское торговое судно или на торговый корабль любой другой европейской державы. Дело в том, что заработная плата на английских или, скажем, немецких судах была намного выше, чем на финских. В составе экипажа своего нового корабля беглец незамедлительно покидал пятый континент. Так, например, из четырех матросов, сбежавших с финской шхуны «Фенния» в феврале 1897 г., трое сразу же устроились в качестве матросов на немецкое судно и вскоре покинули Австралию²³. Такого рода побегі были более чем распространенным явлением. Так, по данным Р.Р. Унгерн-Штернберга за два месяца 1897 г. только в портах Южной Австралии сбежало со своих кораблей 17 человек, причем с судна «Винефред» (порт приписки Раумо) дезертировало сразу 8 матросов²⁴.

О проблемах с дезертирством финских моряков писали в своих донесениях все российские консулы в Мель-

²¹ АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1355. Л. 14об.

²² Там же. Л. 14.

²³ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 859. Л. 60.

²⁴ Там же. Л. 109, 116.

бурне. Консул Н.П. Пассек, например, отмечал в мае 1900 г., что «капитаны русско-финских судов <...> постоянно обращаются ко мне письмами и телеграммами за содействием в поимке дезертиров»²⁵. О нескольких десятках беглецов, содействие в поимке которых оказало русское консульство, упоминает в своем отчете генеральный консул М.М. Устинов²⁶. Более деликатно об этой проблеме в 1908 г. писал генеральный консул М.М. Геденштрот: *«Довольно часто... возникают обстоятельства, требующие личного участия или содействия со стороны русского консула. Случаи эти, главным образом, касаются матросов или капитанов плавающих под русским флагом финляндских судов»*²⁷. Последний российский консул в Мельбурне А.Н. Абаза, говоря о разнообразии выполняемой им консульской работы, отдельным пунктом выделяет «переписку с местными властями по поводу дезертиров с русских судов». «Команды приходящих сюда финляндских парусных судов, – жаловался в мае 1914 г. А.Н. Абаза, – ...почти всегда дезертируют»²⁸.

Русские консулы опасались, что дезертирство может стать препятствием для развития финского судоходства и тем самым затормозить развитие русской торговли с Австралией – как посредническое, так и непосредственно товарами из России. *«Надо надеяться, – писал в одном из своих донесений в апреле 1897 г. Р.Р. Унгерн-Штернберг, – что побеги эти не отвратят наших капитанов от посещения австралийских портов, где в последнее время им открылся весьма обширный круг доходной деятельности»*²⁹.

Дезертирство матросов ставило капитанов финских судов в сложное положение. Некоторые, как например, капитан уже упоминавшейся шхуны «Фенния» Ф. Лайн,

²⁵ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 951. Л. 111–111об.

²⁶ АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1355. Л. 14.

²⁷ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1314. Л. 2.

²⁸ АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1274. Л. 9, 6об. – 7.

²⁹ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 859. Л. 109об.

так и не дождавшись поимки беглецов, нанял других матросов и покинул Аделаиду³⁰. Капитаны, естественно, обращались за помощью к российским консулам, а те, в свою очередь, прилагали энергичные усилия, чтобы обеспечить поимку и возврат дезертиров. Р.Р. Унгерн-Штернберг стал первым из российских консульских представителей, кто со всей присущей ему энергией вынужден был вплотную заняться налаживанием совместных действий с австралийскими властями и полицией по розыску и возвращению бежавших финских матросов на их корабли. Столкнувшись с пассивностью полиции, представители которой никак не отреагировали на просьбу консула активизировать поиски беглецов с «Феннии», Р.Р. Унгерн-Штернберг в марте 1897 г. специальным письмом «довел до сведения премьера Южной Австралии» Ч. Кингстона факт «о несодействии» полицейского начальства³¹. Ч. Кингстон ответил российскому представителю, что *«немедленные действия были предприняты нашей полицией по Вашей телеграмме... Курс, который Вы проводите, совершенно правильный, и мы будем весьма рады предоставить необходимую Вам дополнительную информацию»*³². Письмо консула, очевидно, возымело действие. В апреле того же года, когда стало известно о бегстве матросов шхуны «Винефред» в Аделаиде, Р.Р. Унгерн-Штернберг вновь телеграммой обратился к полицейскому начальству с просьбой обеспечить поимку дезертиров. На этот раз полицейские действовали гораздо активнее и довольно быстро нашли шестерых из восьми сбежавших³³.

Пытаясь облегчить капитанам шхун поимку и возвращение беглецов, Р.Р. Унгерн-Штернберг согласовал с австралийскими властями право требовать выдачи задержанных моряков-дезертиров. На этом основании он выда-

³⁰ Там же. Л. 60об.

³¹ Там же. Л. 61.

³² Там же. Л. 111.

³³ Там же.

вал от имени российского консульства капитанам шхун документы, позволявшие капитанам производить арест на своем судне пойманных и возвращенных беглецов³⁴. И эта мера применялась на практике. В своем донесении от 17 июня 1897 г. Р.Р. Унгерн-Штернберг сообщил (эти сведения, однако, пока не удается проверить по австралийским источникам), что в июне 1897 г. моряки, пытавшиеся сбежать с «Винефреда» в Аделаиде, вновь попытались совершить побег во время стоянки шхуны в Ньюкасле, были пойманы полицией и повторно возвращены на корабль. Капитан судна В. Фагерхольм приказал посадить их под арест на корабле, закованными «в железа». Информация об этом вызвала возмущение общественности, расценившей столь жестокое обращение с матросами недопустимым. Ненужная огласка, как посчитал консул, может создать проблемы для капитана судна. Р.Р. Унгерн-Штернберг немедленно обратился к российскому нештатному консулу в Сиднее Э.М. Поллю и попросил его вмешаться в ситуацию. Э.М. Поль связался с представителем союзной России Франции консульским агентом этой страны в Ньюкасле Ч.Ф. Стоксом и при его посредничестве инцидент был улажен: В. Фагерхольм беглецов расковал и взял с них подписку, что больше предпринимать попытки бегства они не будут³⁵. Унгерн-Штернберг, однако, этим не удовлетворился. Он обратился со специальным донесением в Петербург, в Департамент торговли и мануфактур российского министерства финансов. *«По этому случаю, – писал он, – и в виду того, что наши корабли, по счастью, стали все более и более посещать австралийские порты, где побеги матросов составляют единственное препятствие весьма выгодному и полезному развитию нашего мореплавания в сих дальних водах, я ходатайствую о выяснении вопроса: имеет ли капитан, хоть с разрешения консула, право в австралийских*

³⁴ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 859. Л. 152.

³⁵ Там же. Л. 122–122об.

водах держать в железах матросов», которые пытались совершить побег и нарушить тем самым подписанный ими контракт? Сам консул считает, что такое право у капитанов должно быть. Аргументация Р.Р. Унгер-Штернберга сводилась к тому, что подобная мера могла стать действенным средством, способным остановить попытки дезертирства матросов, а в случае ее применения без излишней огласки «особых столкновений с толпою, вообще враждебною ко всякой строгости, или с местными властями – очень внимательными к толпе, ожидать нельзя»³⁶.

О бегстве матросов (как и о других инцидентах, в которых были замешаны уроженцы Финляндии) консулы, как правило, информировали канцелярию генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. В сообщениях консулов обрисовывалась не только фактическая сторона произошедшего, но и содержались предложения по исправлению ситуации (о чем будет сказано далее). Так, Р.Р. Унгерн-Штернберг 29 апреля 1897 г. направил подробное письмо в Гельсингфорс о бегстве матросов с «Винефреда», 16 сентября того же года очередное письмо содержало информацию о бегстве матросов с финского судна «Антония», пришедшего в порт Фримантл в Западной Австралии³⁷.

Разумеется, приходилось российским консульским представителям участвовать и в уголовных процессах, связанных с судебным преследованием моряков за пьяные драки и другие преступления. По доступным нам источникам можно выделить два таких процесса, причиной которых стало поведение моряков из числа российских финнов. Правда, роли в этих процессах у их фигурантов были более чем различными. Оба процесса вызвали общественный резонанс в Австралии, в обоих участвовали русские консульские представители. Один из них – процесс

³⁶ Там же. Л. 123–123об.

³⁷ Там же. Л. 109–111; 162.

1898 г. против российского подданного матроса английского барка «Натал Квин» финна Ю. Андерсена, обвиненного в убийстве члена экипажа этого судна англичанина Дж. Ли. Второй – процесс 1908 г. в связи с убийством в пьяной драке матроса английского парохода «Оушен Монарх» русского финна Х. Стендера. Убийцей, как выяснилось, поневоле, стал другой матрос «Оушен Монарх», также российский подданный, уроженец Киева и, видимо, грек по национальности А. Зафиридис.

25 декабря 1897 г., во время стоянки барка «Натал Квин» в Аделаиде произошла драка между матросами-членами интернационального экипажа судна. Поводом стало оскорбление финна Ю. Андерсена, которого на корабле считали русским. В пылу начавшейся ссоры другой член экипажа «Натал Квин», английский матрос Дж. Ли заявил, что даже двое русских не стоят одного англичанина. На защиту Ю. Андерсена бросился его приятель, португалец Й. Педро. Он пырнул ножом Дж. Ли, рана оказалась смертельной. Полиция арестовала всех участников драки. В ходе расследования было установлено, что Ю. Андерсен в потасовке не участвовал и никого не убивал, однако жюри присяжных признало его подстрекателем, и русский финн, также как и убийца Й. Педро в конце февраля 1898 г. был приговорен к 10 годам каторжных работ. Процесс широко и подробно освещался в прессе Южной Австралии³⁸.

Узнав о произошедшем из газет, российский консул в Мельбурне Р.Р. Унгерн-Штернберг посчитал приговор

³⁸ См., например: Affray at Port Adelaide. A Seaman Killed. An Arrest Made // Chronicle. 1 January 1898. P. 21; Charge with Murder. A Port Adelaide Case. Details of the Crime. Seaman Arrested in Newcastle // Newcastle Morning Herald and Miners' Advocate. 18 January 1898. P. 5; The Port Stabbing Fatality. Johann Andersen Committed for Trial // The Advertiser. 1 February 1898. P. 7; Supreme Court – Criminal Sittings. Charges of Murder // South Australian register. 24 February. P. 7. В этой последней статье даже помещен портрет Ю. Андерсена.

чрезмерно жестоким, а вину финского моряка недоказанной. Он немедленно начал энергичные действия по защите российского подданного³⁹. Прежде всего. Р.Р. Унгерн-Штернберг связался с премьер-министром Южной Австралии и, получив от него меморандум с подробностями дела Ю. Андерсена, обратился к эксперту-криминалисту в Мельбурне. Изучив документы, эксперт в своем заключении подтвердил подозрения российского консула о недоказанности вины Ю. Андерсена. Опираясь на это заключение, Р.Р. Унгерн-Штернберг в конце марта 1898 г. обратился к генерал-губернатору Южной Австралией Ф. Бакстону с просьбой о пересмотре дела⁴⁰. Параллельно с этим консул обращается в Российское императорское посольство в Лондоне с просьбой выдать ему своего рода карт-бланш на действия, направленные на защиту и освобождение Ю. Андерсена⁴¹. Ф. Бакстон в своем ответе русскому консулу фактически отказался что-либо делать. Как сообщал в своем донесении от 20 апреля 1898 г. в российское посольство в Лондоне. Р.Р. Унгерн-Штернберг, губернатор Юной Австралии, *«руководствуясь мнением своего ответственного министерства, не счел возможным собственною властью освободить Андерсена из каторжной тюрьмы»*. *«Я вынес тяжелое впечатление, – негодует русский консул, – что в этих дальних краях российский подданный страдает невинно»*⁴².

В апреле 1898 г. Р.Р. Унгерн-Штернебр покинул Мельбурн, отправившись в Европу, и в июле получил повышение. Он был назначен российским генеральным консулом в Лондоне. Однако российское посольство в Лон-

³⁹ См. АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 890. Л. 14об.

⁴⁰ Там же. Л. 18–23.

⁴¹ Там же. Л. 16–16об. Соответствующее разрешение, предоставлявшее консулу свободу рук, было получено Р.Р. Унгерн-Штернбергом в начале мая 1898 г. См.: АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 890. Л. 17.

⁴² Там же. Л. 24–24об.

доне и министерство иностранных дел в Петербурге продолжили борьбу за освобождение Ю. Андерсена. Эпопея с попыткой добиться пересмотра приговора российскому подданному заняла более двух лет, а переписка по этому вопросу насчитывает почти сто страниц документальных материалов в Архиве внешней политики Российской империи⁴³. В разбор «Дела Андерсена» были вовлечены не только представители политической элиты Южной Австралии, но и политики Лондона (в том числе премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании лорд Солсбери). В конечном итоге усилия, начало которым положил российский консул в Мельбурне, принесли результаты. В марте 1900 г. лорд Солсбери сообщил российскому послу в Лондоне Е.Е. Стаалю, что «Дело Андерсена», наконец, пересмотрено и после «тщательного изучения губернатор Южной Австралии даровал амнистию русскому моряку»⁴⁴.

Другим шумевшем уголовным процессом, который касался российских подданных и в котором в 1908 г. пришлось принимать участие генеральному консулу России в Мельбурне М.М. Геденштрому, стал процесс по делу А. Зафиридиса. Команда парохода «Оушен Монарх», на котором служил этот 24-летний матрос, как и большинства торговых судов того времени, была интернациональной, в ее составе были и выходцы из царской империи. В ночь на 19 апреля 1908 г. во время пребывания парохода в порту Аделаиды в ходе ссоры А. Зафиридис застрелил другого матроса, 21-летнего русского финна Х. Стендера.

⁴³ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 890. Л. 1–98.

⁴⁴ Там же. Л. 98. Впрочем, в австралийской историографии встречается мнение о том, что австралийцы уступили требованиям России только потому, что их настоятельно попросили об этом из Лондона. При этом не исключено, что англичане пошли на освобождение Ю. Андерсена в обмен на готовность России выпустить в Канаду русских духоборов и их лидера П.В. Веригина. См. рукопись статьи: *Mezhvinsky A. Prisoner Andersen*. 2003. Личный архив А.Я. Массова. Р. 3.

Стрелявший был сразу же арестован, власти провели следствие, и в июне 1908 г. в Аделаиде состоялся суд. Обстоятельства преступления, следствие и судебные заседания, как это всегда имело место в Австралии, подробно освещались в прессе⁴⁵.

Свидетелей убийства было много, и никаких сомнений в вине А. Зафиридиса не было. Однако в ходе расследования выяснился ряд обстоятельств, смягчавших вину обвиняемого. Оказалось – и это было неопровержимо доказано в ходе следствия, – что инициатором драки был пьяный и разбушевавшийся Х. Стендер. А. Зафиридис был трезв и ко времени начала конфликта спал. Х. Стендер разбудил его и начал оскорблять, облил водой из ведра и первым полез в драку. Обвиняемый пытался прекратить начавшуюся ссору и урезонить дебошира, но тот не унимался и под конец спровоцировал А. Зафиридиса применить оружие. По мнению австралийских следователей, речь в данном случае могла идти о непредумышленном убийстве⁴⁶. Свидетели случившегося, члены команды «Оушен Монарх», все как один положительно отзывались о А. Зафиридисе и его отношениях с командой и крайне отрицательно характеризовали погибшего. По их словам, Х. Стендер в пьяном виде становился агрессивным и неуправляемым буяном⁴⁷.

Для участия в судебном процессе в Аделаиду прибыл российский генеральный консул в Австралии и Новой Зеландии М.М. Геденштром. Для этого ему пришлось прервать свою ознакомительную поездку в Новый Южный Уэльс, из Сиднея консул поспешил в столицу Южной Австралии⁴⁸. Присутствуя на судебных заседаниях,

⁴⁵ См., например, публикации в прессе Аделаиды, появившиеся по горячим следам: *Easter Morning Tragedy* // *The Advertiser*. 20 April 1908. P. 5; *Tragedy at Port Adelaide* // *The Register*. 20 April 1908. P. 4.

⁴⁶ *Port Adelaide Tragedy* // *The Express and Telegraph*. 21 April 1908. P. 4.

⁴⁷ *Port Adelaide Shooting Case* // *The Observer*. 6 June 1908. P. 36.

⁴⁸ *Concerning People* // *The Register*. 4 June 1908. P. 4.

М.М. Гедештром сразу заметил, что перевод на русский язык осуществляется некачественно. Консул немедленно обратил внимание судьи на это обстоятельство и выразил обоснованное опасение, что скверный перевод может мешать обвиняемому правильно понимать происходящее. М.М. Гедештром даже предложил свои услуги в качестве переводчика. Формально права переводить он не получил, но российскому консульскому представителю было разрешено не только присутствовать на судебных заседаниях, но и вести записи, чтобы в случае необходимости иметь возможность высказать претензии⁴⁹.

По результатам процесса присяжные признали А. Зафиридису виновным в непредумышленном убийстве, однако подсудимый, по их мнению, заслуживал снисхождение вплоть до помилования, ибо убийство стало результатом злостной провокации со стороны убитого финна⁵⁰. В итоге судья вынес достаточно мягкий приговор – 12 месяцев тюрьмы. М.М. Гедештром, однако, предпринял попытку совсем избавить российского подданного от отбывания наказания. По инициативе консула и при его участии была подготовлена и отправлена генерал-губернатору Южной Австралии петиция с просьбой освободить осужденного досрочно и вернуть его на корабль. Петиция была подписана М.М. Гедештромом и группой «торговцев, коммерческих агентов и представителями общности Южной Австралии»⁵¹. В этой связи, упоминая в своем консульском донесении в июне 1908 г. о деле А. Зафиридиса, М.М. Гедештром считал необходимым особо отметить помощь и услуги одного из представителей общности Аделаиды, «весьма уважаемого» в столи-

⁴⁹ Port Adelaide Shooting Case // The Observer. 6 June 1908. P. 36.

⁵⁰ The Ocean Monarch Tragedy // Kalgoorlie Western Argus. 9 June 1908. P. 30.

⁵¹ The Case of Zaphiridis. Petition to the Governor // The Evening Journal. 16 June 1908. P. 1.

це Южной Австралии врача-хирурга У. Джайльса⁵². Правда, несмотря на все предпринятые усилия добиться досрочного освобождения российского моряка не удалось⁵³.

Заметным препятствием для работы консулов, особенно в начальный период деятельности российской консульской службы в Австралии, стали узкие рамки их экзекватуры. Со времени появления штатного консульства в Мельбурне полномочия его главы распространялись только на колонию Виктория. Это порождало сложности в случаях, когда требовалась осуществлять защиту интересов российских подданных, в том числе, разумеется, и русских финнов, в других самоуправляющихся колониях Австралии. Власти этих колоний далеко не всегда были готовы рассматривать консула в Мельбурне в качестве полномочного представителя России на своей территории. Первым на данную проблему обратил внимание Р.Р. Унгерн-Штернберг. В 1896 г. он отправил во II Департамент и в Департамент личного состава и хозяйственных дел российского МИД ряд донесений, где жаловался на сложности, возникшие при оформлении наследства умершего финна Г. Стенберга и неготовность, в частности, правительства Западной Австралии сообщить российскому консулу сведения об умерших русских подданных⁵⁴. В донесении в Департамент личного состава и хозяйственных дел от 17 февраля 1896 г. Р.Р. Унгерн-Штернберг предложил «для пользы службы» рассмотреть вопрос о расширении экзекватуры русского консула в Мельбурне на

⁵² АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1314. Л. 3об.

⁵³ Массов А.Я. Дело А. Зафиридиса: российская консульская служба и судебный процесс российского моряка в Аделаиде в 1908 г. // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023 г., Москва / Ин-т востоковедения РАН. С. 57–59. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezh-dunarodnaiamezhinstitutskaianauchnaiakonferentsiiarossiiskaiadi-aspovavstranakhvostok.pdf>

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 820. Л. 64об. – 65.

остальные переселенческие колонии Великобритании в Австралии и на Новую Зеландию. *«Мера сия, – писал консул, – оказывается желательною по двум причинам. Во-первых, из-за нежелания других колоний признавать официальный статус российского представителя в Виктории и, во-вторых, в виду немалого числа русских уроженцев, живущих в Австралии. Эти люди, преимущественно финляндцы или латыши, бежавшие с английских кораблей, в большинстве случаев зарабатывают здесь хорошие деньги... В случае смерти, если они не оставляют семейства в Австралии же, их имущества... поступают в доход колониальной казны. Консул в Виктории, имея экзекватуру и относительно других колоний, мог бы... посредством запросов и официальной переписки сохранить во многих случаях права живущих в России наследников»⁵⁵.*

В Петербурге эту аргументацию сочли убедительной, и после проведения необходимых процедур между российским посольством в Лондоне и британским Форин-офисом экзекватура российского консула в Мельбурне была расширена. В ноябре 1896 г. Р.Р. Унгерн-Штернберг был официально признан российским консульским представителем в Виктории, Южной Австралии, Западной Австралии, Квинсленде, Тасмании и Новой Зеландии⁵⁶. В январе 1897 г. сообщение об этом появилось в официальном органе правительства Виктории⁵⁷. В начале апреля 1897 г. уже в качестве консула для всех британских колоний в Австралии Р.Р. Унгерн-Штернберг вновь вступил в переписку с правительством Западной Австралии по поводу наследства Г. Стенберга. Столкнувшись с новыми попытками австралийцев затянуть рассмотрение дела из-за существующего в этой колонии «обычая уклоняться от выдачи наследства людям, умерших без завещания», российский представитель особо подчеркнул в своем донесении

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 820. Л. 139-139об.

⁵⁶ Там же. Л. 126.

⁵⁷ Consul for Russia // Victoria Government Gazette. 22 January 1897. P. 150.

возможность и желательность довести данное дело до конца. Вопрос этот, как замечает Р.Р. Унгерн-Штернберг, может быть, не слишком важный, но «принципиальный с точки зрения консульского дела»⁵⁸.

С похожей проблемой столкнулся и следующий российский консул, Н.П. Пассек. Очевидно, по недосмотру чиновников в соответствующих документах он был обозначен только как консул в Мельбурне. Н.П. Пассек получил их в мае 1900 г., уже находясь в столице Виктории. Он незамедлительно обратился в российское посольство в Лондоне с просьбой расширить его экзекватуру на все австралийские колонии. Будучи консулом в Мельбурне, то есть только в колонии Виктория, писал Н.П. Пассек, меняется *«мое официальное положение по отношению к другим... колониям, и они будут вправе отказывать мне в моих законных требованиях, что не может быть желательно для интересов развития нашей торговли и для интересов... русских подданных, которые проживают в других колониях»*. Точно также, по мнению консула, ограничение его полномочий только колонией Виктория повредит работе с капитанами финских шхун – *«сейчас таковых семь, пребывающих в разных портах Western Australia, Victoria, Queensland, Tasmania and New Zealand»*⁵⁹. Российское посольство в Лондоне согласилось с доводами Н.П. Пассека. Поскольку к этому времени уже было известно, что переселенческие колонии Австралии объединяются в федерацию, которая станет новым доминионом Британской империи, Н.П. Пассек в августе 1900 г. в соответствии с новой экзекватурой стал официально именоваться *«консулом России в Австралийской Федерации и Новой Зеландии»*⁶⁰.

Сложность работы с финскими моряками, равно как и с финскими шкиперами заключалась еще и в том, что

⁵⁸ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 859. Л. 68–69.

⁵⁹ Там же. Д. 951. Л. 111–111об.

⁶⁰ Там же. Л. 152–152об.

консулам было непросто получить точную информацию о приходе в австралийские порты финских шхун и составе их команд, о ввозимом или вывозимом грузе. Между тем сбор такого рода сведений входил в их должностные обязанности. Консулы по мере сил собирали информацию о судах, но она не могла считаться исчерпывающей. Так, Р.Р. Унгерн-Штернберг и Н.П. Пассек жаловались, что им приходится собирать сведения о финских шхунах в портах Австралии по газетам и из материалов таможенных служб австралийских колоний. «Ни один из капитанов не известил консульство о своем прибытии, как это предусмотрено в Консульском Уставе», – писал, например, Р.Р. Унгерн-Штернберг в своем донесении от 26 февраля 1896 г. о посетивших Австралию в 1896 г. финских судах под российским флагом⁶¹. Н.П. Пассек, в свою очередь, в ноябре 1900 г. отмечал, что по публикациям в газетах определить принадлежность судна очень трудно, ибо по иностранным именам, «которые имеют наши финские суда и их капитаны... нет возможности... распознать их происхождение». Это обстоятельство не только препятствует «уяснению действительного положения нашей торговли в здешних водах», но и не позволяет должным образом оказать содействие капитанам в решении проблем, возникающих во время пребывания финских судов в портах Австралии. Вместе с тем, завершает свои рассуждения Н.П. Пассек, «было бы крайне желательно иметь возможность их контролировать»⁶².

С целью более полного контроля, точного учета и оказания помощи финско-русскому судоходству в австралийских водах была выдвинута идея создания специального агентства, которое бы курировало российскую торговлю с Австралией. Раньше других подобную мысль высказал еще в октябре 1894 г. первый штатный российский

⁶¹ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 859. Л. 40об. – 41.

⁶² Там же. Д. 951. Л. 250–250об.

консул в Мельбурне А.Д. Путята после беседы с капитаном зашедшей в Мельбурн финской шхуны «Винефред»⁶³. Более детально эту идею разработал и предложил реализовать в своем донесении в Департамент торговли и мануфактур Российского министерства финансов Р.Р. Унгерн-Штернберг. *«Ввиду развивающегося в австралийских водах русского мореплавания..., – писал 31 июля 1897 г. российский представитель в Мельбурне, – было бы полезно поручить... одной из крупнейших здешних фирм, имеющих отделения во всех главных портах Австралии, Агентство русского судоходства»*. Такое Агентство поможет решать капитанам финских судов вопросы, связанные с фрахтом грузов, облегчит решение проблем с дезертирами и – *«что... может быть, самое главное, – этим путем со временем откроется нашим судам возможность прибывать сюда с русским грузом»*. Словом, *«цель и задача предполагаемого агентства состояла бы в оказании помощи капитанам во всех случаях, когда они в ней нуждаются»*⁶⁴. Р.Р. Унгерн Штернберг провел предварительные переговоры с австралийским филиалом влиятельного английского Торгового дома Дальгети, у которого были свои филиалы во всех крупных портах Австралии. Дом Дальгети охотно согласился взять на себя выполнение функций русского Агентства. Идея Р.Р. Унгерн-Штернберга была одобрена в российском министерстве финансов, глава министерства С.Ю. Витте признал создание Агентства весьма желательным⁶⁵. В июне 1898 г., уже будучи в Лондоне, Р.Р. Унгерн-Штернберг заключил договор с Торговым домом Дальгети, предусматривавший целью *«оказывать нашим капитанам в австралийских и тихоокеанских портах защиту и помощь в судебном, полицейском и особенно фрахтовом отношении»*⁶⁶. Однако реализовано это соглашение не было. Р.Р. Унгерн-Штернберг, как уже отме-

⁶³ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 692. Л. 178–178об.

⁶⁴ Там же. Д. 859. Л. 152–153об.

⁶⁵ Там же. Д. 779. Л. 192–192об.

⁶⁶ Там же. Л. 192. Текст соглашения см. там же. Л. 193–194.

чалось, получил новое назначение – генеральным консулом России в Лондоне, и в Австралию не вернулся.

Следующий российский консул Н.П. Пассек начал свою работу в Мельбурне только в 1900 г. и сразу же вернулся к предложению своего предшественника. В донесении от 25 ноября 1900 г., том самом, в котором Н.П. Пассек жаловался на невозможность контроля за финскими судами, он пишет: *«По моему крайнему разумению было бы желательно в главных портах Австралии, Новой Зеландии и Тасмании иметь нештатных торговых агентов, которые могли бы: первое – следить за пребывающими в их порте русскими (финляндскими) судами, во вторых, в случае надобности или какого-либо недоразумения оказывать им свое содействие и, в третьих, собирать и сообщать мне нужные для меня сведения как по справкам о торговле, так и по статистике»*. Н.П. Пассек приводит также весьма обширный список австралийских портов, где «по имеющимся у меня данным чувствуется... необходимость» в таких агентах⁶⁷. Как и Р.Р. Унгерн-Штернберг, Н.П. Пассек предлагал использовать для этих целей сотрудников Торгового дома Дальгети, и даже провел новые переговоры с представителями Дома Дальгети в Мельбурне. Однако и на этот раз инициатива по созданию в Австралии Агентства русского судоходства практических последствий не имела.

Генеральный консул М.М. Геденштром, отметив в 1908 г. необходимость постоянно решать вопросы, связанные в том числе с пребыванием в Австралии финских торговых судов и финских моряков, предложил другой путь контроля за ситуацией, а именно расширить российскую консульскую службу в Австралийском Союзе⁶⁸. По его предложению в ноябре того же года были назначены не-

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 951. Л. 250об. – 251, 251об. – 252.

⁶⁸ Там же. Д. 1314. Л. 2–2об.

штатные консулы России в Брисбене и Аделаиде⁶⁹. Преемник М.М. Геденштрома на посту российского генерального консула в Мельбурне А.Н. Абаза пошел еще дальше. В 1914 г. в специальном письме директору Второго департамента МИД России А.К. Бентковскому он предложил расширить сеть штатных консульств России на все главные города Австралии⁷⁰. Предложение А.Н. Абазы не было отвергнуто в Петербурге, однако его полной реализации помешала начавшаяся Первая мировая война. И хотя единственным штатным консульским представительством России в Австралийском Союзе по-прежнему оставалось генеральное консульство в Мельбурне, нештатные консулы, назначаемые из числа местных коммерсантов к 1916 г. работали также в Сиднее, Аделаиде, Брисбене, Хобарте, Дарвине, Ньюкасле, Перте, Порт-Пири и Фримантле⁷¹.

Интересно, что при наличии в АВПРИ довольно большого количества материалов о деятельности российских консульских представителей в связи с пребыванием в Австралии финских моряков, в архиве пока удалось обнаружить совсем немного документов о контактах российских консулов с финскими поселенцами на пятом континенте. В первую очередь это касается второй половины позапрошлого века. Можно упомянуть только один факт такого рода. Вице-консул в Мельбурне Дж. Деймион в 1861 г. переслал Российскому генеральному консулу в Лондоне Ф. Гроту вексель, который Дж. Деймион получил от российского подданного, финна по национальности, занимавшегося поисками золота на приисках Виктории. Золотоискатель просил переслать вексель своей сестре

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 951. Л. 3об. См.: Циркуляр по ведомству Министерства иностранных дел от 24 ноября 1908 г. АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1314. Л. 12об.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1274. Л. 2об.

⁷¹ Олтаржевский В.П. Первые постоянные представители России в Австралии и Новой Зеландии // Россия и страны Востока в середине XIX – начале XX вв. Иркутск: ИГПИ, 1984. С. 51.

А. Ньемела в Финляндию. Поскольку, как жаловался консул, проситель говорил «только на своем родном языке и на ломаном английском», не удалось узнать ни его имя, ни точный адрес его сестры. Дж. Деймион смог выяснить и сообщить Ф. Гроту лишь то, что сестра финна-золотоискателя живет «в области или деревне под названием Пасила Хаапаниеми» около Фридрихсгама и выразил надежду, что при пересылке векселя из Лондона в Финляндию собранные сведения «позволят Вам обнаружить ее местонахождение»⁷².

Малое количество документов, свидетельствующих о контактах русских консулов с финнами-поселенцами, не удивительно: как уже отмечалось, систематической эмиграции из Финляндии в Австралию до конца XIX в. не существовало. Но и с началом XX в. она не приняла скольконибудь существенных размеров. По данным специалиста по истории финской эмиграции в Австралию, директора Финляндского института миграции в Турку О. Койвукангаса финское население Австралии к началу Первой мировой войны может быть оценено не более, чем в 2 000 человек⁷³. Российские консулы, впрочем, немедленно заметили наличие среди выходцев из России переселенцев-финнов. Оценивая в 1914 г. национальный состав русской колонии в Австралийском Союзе, генеральный консул в Мельбурне А.Н. Абаза писал: «Господствующим элементом являются коренные русские <...> затем в порядке постепенности евреи, поляки, финляндцы, латыши, эстонцы, немцы Прибалтийского края и кавказцы»⁷⁴. В Австралии финнов привлекали высокие зарплаты и прогрессивное рабочее законодательство, создавшее этой стране ре-

⁷² АВПРИ. Ф. 256 (Генконсульство в Лондоне). Оп. 555а. Д. 1191. Л. 1-1об. Современное финское наименование Фридрихсгама - Хамина.

⁷³ См.: *Koivukangas O. Sea, Gold and Sugarcane. Attraction versus Distance: Finns in Australia, 1851-1947* // *Annales Universitatis Turkuensis. Ser. B. T. 173. Turku: Turun yliopisto, 1986. P. 101.*

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1274. Л. 7.

путацию «рая для рабочих». Были среди эмигрантов и те, кто покинул родину по политическим мотивам, не приемля отсутствия политических свобод в России и политике русификации, проводившуюся царским правительством. Молодые мужчины-финны уезжали из-за нежелания служить в царской армии⁷⁵.

В материалах АВПРИ пока удалось обнаружить одно, но весьма показательное свидетельство о вовлеченности российских консулов в проблемы финских иммигрантов в Австралии. Речь идет о группе из 175 финнов, прибывших в Квинсленд во второй половине 1899 – начале 1900 гг. по призыву финского социалиста и общественного деятеля М. Курикки⁷⁶. В планах переселенцев было создание коммуны «Калеван канса» («Народ Калевы»), члены которой в условиях справедливости, равенства и братства займются сельским хозяйством. Правительство Квинсленда обеспечило бесплатный проезд эмигрантов до столицы Квинсленда города Брисбен и обещало обеспечить вновь прибывших работой. Предполагалось, что, накопив необходимую сумму денег, коммунары с помощью своего руководителя М. Курикки купят землю в северной, тропической части Квинсленда и начнут вести собственное хозяйство. Однако этот утопический план сразу же дал трещину. Работа, которую коммунары смогли найти по прибытии, оказалась невероятно тяжелой: большинство прибывших под палящим солнцем изготавливали шпалы для строительства железной дороги. Работодатели платили незнакомым с австралийскими условиями жизни иммигрантам мизерную по австралийским меркам зарплату – меньше, чем рабочим-китайцам. Чтобы не голодать и подзаработать хоть какие-то деньги для себя и доверившихся

⁷⁵ Koivukangas O. Finns in the Southern Hemisphere. Pp. 188–189, 200.

⁷⁶ Koivukangas O. An Attempted Finnish Utopian Settlement in Queensland // Journal of the Royal Australian Historical Society. March 1972. Vol. 56. Pt. 1. P. 56.

ему людей, М. Курикка по вечерам играл в пабах на пианино⁷⁷. Незнание вновь прибывшими английского языка, разница в темпераменте и менталитете финнов и белых австралийцев привела к тому, что финские переселенцы заслужили у местных жителей репутацию высокомерных, вечно всем недовольных, людей и ленивых работников⁷⁸. Сказывались также опасения австралийцев, что финны собьют цены на рынке труда Квинсленда. Полной неудачей, причем уже на начальной стадии, закончилась и попытка коммунаров основать сельскохозяйственную колонию в районе залива Карпентария. М. Курикка, будучи пламенным оратором и харизматичным лидером, умевшим привлечь и повести за собой людей, оказался крайне непрактичным предпринимателем и плохим администратором. Все завершилось уже к середине 1900 г.: восхищенный поначалу свободной Австралией, М. Курикка быстро разочаровался в ней, и в августе 1900 г. он и, позднее, часть его сподвижников отправились в Канаду, где рассчитывали возобновить свой социалистический эксперимент⁷⁹.

Российский консул Н.П. Пассек, который прибыл в Мельбурн и занял свой пост в конце марта 1900 г., разумеется, ничего не знал о попытке финского социалиста организовать коммуну в Австралии, но довольно быстро получил информацию о сложившейся ситуации и проблемах группы финских эмигрантов. Во время ознакомительной поездки в Сидней, Н.П. Пассек встретился с российским нештатным консулом в Новом Южном Уэльсе Э.М. Полем, который передал ему письмо, полученное в

⁷⁷ *Koivukangas O.* An Attempted Finnish... P. 57.

⁷⁸ *Koivukangas O.* Sea, Gold and Sugarcane. Pp. 87–88.

⁷⁹ *Ibid.* P. 91. О канадском этапе истории «Калеван канса» см.: *Salo A.H.* The Kalevan Kansa Colonization Company, Limited: A Finnish-Canadian Millenarian Movement in British Columbia. A Thesis... for the Degree of Master of Arts. Univ. of British Columbia. Vancouver, 1978. URL: <https://open.library.ubc.ca/soa/cIRcle/collections/ubctheses/831/items/1.0094444>

русском нештатном консульстве в апреле 1899 г. и написанное на финском языке. Перевести его на английский Э.М. Поль не смог и, не зная, что делать, передал письмо Н.П. Пассеку. Н.П. Пассек, хотя и не сразу, сумел найти в Мельбурне переводчика с финского языка на английский и смог ознакомиться с содержанием письма.

Поданное Э.М. Полю и попавшее теперь в руки Н.П. Пассека послание представляло собой жалобу группы российских финнов, прибывших в Квинсленд, но не получивших ни обещанных правительством Квинсленда льгот, ни достойной работы, ни возможности приобрести пригодную для обработки землю. В письме говорилось, что иммигранты голодают, а часть из них, которая по-прежнему живет в распределительном пункте для вновь прибывших, находится под постоянной угрозой выселения. Подписавшая письмо группа финнов «очень хочет вернуться домой, но не может это сделать, потому что у них нет денег». «Мы были жестоко обмануты» но «мы доверяем нашему уважаемому консулу» и просим «помочь нам, как можно скорее»⁸⁰. В тексте письма нет прямых указаний, что 8 человек, подписавшие его, принадлежат к группе иммигрантов, попытавшихся переселиться в Австралию по инициативе М. Курикки. Однако детали этого послания о характере найденной работы и условиях жизни не оставляют сомнений, что авторы – члены так и несостоявшейся коммуны «Калеван канса».

Дополнительную информацию о попавшей в беду группе финнов в Квинсленде Н.П. Пассек сумел получить от барона К.Ф. Альфтана – сына бывшего российского губернатора Улеаборгской и Ньюландской провинций Великого княжества Финляндского, который путешествовал по Австралии в качестве туриста. Он побывал в том числе в Квинсленде, где имел случай встретиться с финскими пе-

⁸⁰ Английский перевод письма группы финнов см. АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1004. Л. 5-7.

реселенцами и узнал об их бедственном положении. Обо всем этом К.Ф. Альфтан рассказал Пассеку, когда явился в российское консульство в Мельбурне для продления своего заграничного паспорта. К.Ф. Альфтан попросил также (и получил) денежную помощь от консула, поскольку он «остался без средств только потому, что ему пришлось принять участие в 2–3 семействах, дав им возможность и средства вернуться на родину»⁸¹.

От своих соотечественников К.Ф. Альфтан узнал и сообщил об этом Н.П. Пассеку, что группа финнов была вовлечена в авантюру с эмиграцией «каким-то финляндским анархистом», обещавшим им золотые горы и возможность избежать службы в российской армии. Теперь же они находятся в безвыходном положении и расклинаются в своем легкомыслии и доверчивости⁸².

Получив эту информацию, Н.П. Пассек отнесся к ней со всей серьезностью и в конце сентября 1900 г. написал и отправил официальное письмо российскому генерал-губернатору Великого княжества Финляндского Н.И. Бобрикову. Вместе с ним консул переслал генерал-губернатору подлинник письма отчаявшихся финских переселенцев. К вопросу об истоках финской эмиграции Н.П. Пассек постарался подойти с позиций строгого государственника. Пересказав историю с письмом группы финских поселенцев и обрисовав их положение со слов К.Ф. Альфтана, Н.П. Пассек дает понять своему высокопоставленному визави, что считает необходимым прежде всего выяснить, кто ведет агитацию среди финнов, «обдуманно приглашая по большей части людей рабочих, обремененных большими семействами», тем самым «делая их возвращение на родину более затруднительным, если и совсем невозможным»⁸³. Агитация проводится «по-

⁸¹ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1004. Л. 8об.

⁸² Там же. Л. 9.

⁸³ Там же. Л. 8об.

видимому, агентами с политической подкладкой», и это обстоятельство «дает основание к расследованию вопроса о политической агитации в Финляндии»⁸⁴. Что касается попавших в беду и застрявших в Квинсленде русских подданных из числа финнов, то, как считает императорский российский консул, было бы желательным изыскать нужные суммы для возвращения этих переселенцев домой. Такое возвращение, заключает Н.П. Пассек, «было бы, как мне кажется, лучшим исходом для десятков семейств русских подданных, которые по возвращении на родину служили бы живым примером опасности покидать родину, несостоятельности агитации и лживости оболыщения»⁸⁵.

К сожалению, по материалам АВПРИ пока не удалось проследить, последовала ли какая-либо реакция на это обращение российского консула со стороны финляндского генерал-губернатора, и какова судьба пожелавших вернуться в Россию финнов.

В заключение еще раз подчеркнем, что работа с российскими подданными-финнами была одной из значимых сторон деятельности российской консульской службы в Австралии, а разрешение вопросов, касавшихся русских финнов, стало одной, хотя, разумеется, не единственной причиной расширения количества консульских представительствах России в Австралийском Союзе. Финны, и, в первую очередь финские моряки, были, пожалуй, наиболее активной и, если можно так выразиться, проблемной частью оказавшихся в Австралии выходцев из России. Усилия императорских российских консулов по защите их интересов наглядно свидетельствуют о том, что опека и покровительство со стороны консульских представителей России распространялась на всех российских подданных, независимо от их национальности. Эта деятельность служит еще одним свидетельством необходимости и востребованности российской консульской службы в Австралии.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1004. Л. 9.

⁸⁵ Там же. Л. 9–9об.

Глава 7. РУССКАЯ ДИАСПОРА В АВСТРАЛИИ В ФОНДАХ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМ. А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА В МОСКВЕ¹

Поиск материалов по истории зарубежных диаспор в РФ ставит перед историком извечную проблему: поскольку возможности полевых исследований ограничены, где взять источники? Ведь командировки в далекие страны, где проживают представители русского рассеяния, где в архивах и библиотеках хранятся их семейные архивы, где можно найти уникальные материалы о русских иммигрантах, не всегда возможны.

Отчасти выручают публикации и труды коллег-источниковедов, составивших своего рода лоции по фондам Австралийского Союза (АС). В этой связи следует упомянуть статью сотрудников Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела о документальном наследии русской диаспоры, хранящемся в АС. Ее авторы самым внимательным образом проработали коллекцию известных австралийских ученых Т. Пула и Э. Фрида по истории русской иммиграции в Австралии и привели ее подробное описание. Помимо архивов и библиотек, материалы о россиянах находятся также в мемориалах и музеях по всему АС: начиная с Национальных архивов в Канберре и заканчивая собраниями в столицах штатов. «Говоря о сохранении наследия русско-австралийского зарубежья, нельзя не отметить и деятельность русскоязычной прессы Австралии», – подчеркивали авторы, упомянув журналы «Берега» (Мельбурн), «Заря» (Сидней), «Русский в Австралии»

¹ **Сведения об авторе:** *Скоробогатых Наталья Сергеевна*, к.и.н., с.н.с. Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: arhip2212@yandex.ru

(Сидней), «Сполох» (Мельбурн) и др.². Ныне нам доступны и сайты австралийских русскоязычных СМИ, которые охотно публикуют интервью и биографические статьи о членах русской диаспоры, а также и их воспоминания.

Канву исторического пути эмигрантов можно проследить по работам коллег-соотечественников, опубликованных в СССР/РФ и хранящихся в фондах московских библиотек: Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки России, Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, ИНИОН, чья допожарная коллекция была особенно полна. Там же имеются и публикации документов и мемуаров³.

Интересные материалы о жизни русских за рубежом хранятся в государственных архивах РФ: это, главным образом, фонды документов по связям с Австралией. В первую очередь, это архив МИД и Русский заграничный исторический архив в составе ГА РФ, а также бывший Центральный партийный архив – теперь Российский государственный архив социально-политической истории.

² Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Архивная Россия в Австралии. Начало XIX–XXI вв. // Вестник Архивиста. 8 февраля 2014. URL: <https://www.vestarchive.ru/2013-2/2610-arhivnaia-rossika-v-avstralii/>.

См. также: Массов А.Я. Коллекция документальных материалов по истории русской иммиграции в Австралии в библиотеке Квинслендского университета // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 11–12. СПб., 2009. С. 6–69.

³ См., к примеру: Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австрал. истории. М.: Наука, 1991. 191 с.; Российские моряки и путешественники в Австралии: [Сборник] [Сост. Е.В. Говор, А.Я. Массов]. М.: Наука: Восточная литература, 1993. 301, [1] с.; Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб.: Б.и., 1998. 239 с.; Каневская Г.И. «Я – бездомный, но зато на воле...»: русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток: ДВФУ, 2005. 232 с.; Когда мир был широк: российские моряки и путешественники в Австралии: документы, письма, воспоминания / Ред. и сост. Е. Говор и А. Массов. Канберра: Алчеринга, 2007. 315 с.; Крайцов А.Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 303 с.

Но доступ к их хранилищам всегда был серьезно ограничен для сторонних исследователей. Кроме того, подбор документов регламентировался профилем самого архива: внешняя политика в фондах МИД, коммунистическое движение в РГАСПИ и т. п.

В данном контексте особый интерес и ценность представляют фонды библиотеки и архива Дома Русского зарубежья (ДРЗ) им А.И. Солженицына в Москве, собрания которого стали своего рода отдушиной для всех тех, кто интересуется историей русского зарубежья. Их основу составили именно материалы по диаспорам, собранные и переданные в Москву потомками эмигрантов из Советской России. Первый шаг в деле организации в Москве специального центра изучения и сохранения наследия эмиграции был сделан в сентябре 1990 г.: Библиотека иностранной литературы представила большую выставку книг старейшего издательства зарубежной России «УМСА-Press». «В основе создания нынешней Библиотеки-фонда лежит идея самой эмиграции о централизованном собирании, накоплении, сбережении архивных материалов, литературного, исторического наследия Зарубежья. Русские изгнанники немало сделали для осуществления этого замысла, передав на хранение в Москву свои богатые собрания»⁴. При знакомстве с электронным каталогом ДРЗ я нашла там некоторые публикации и – самое главное – несколько архивных фондов, исходящих из рядов диаспоры в АС, которые пока еще широко не использовались в нашей стране.

Практически в открытом доступе – непосредственно в читальном зале библиотеки – можно ознакомиться с материалами австралийской русскоязычной **периодики**. В первую очередь это подшивка русской еженедельной газеты «Единение» в бумажной версии (до 16 стр.), которая с

⁴ Адрес официального сайта Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына: URL: <https://www.domrz.ru/about/history/>

1950 г. издавалась в Сиднее представителями послевоенных волн иммиграции. В наличии имеются экземпляры с 1990-х по 2019 гг. (далее газета перестала поступать в ДРЗ). Она издается и ныне – как в бумажной, так и в электронной версии, но в интернете можно найти лишь, по сути, дайджест, составляемый ее редактором и основным корреспондентом Владимиром Кузьминым. На страницах «Единения», помимо перепечатки статей из прессы РФ и переводов из новостных агентств АС и других стран, публикуются фрагменты воспоминаний, интервью, исторические статьи; освещается текущая жизнь русской диаспоры.

Любопытен и «нравственно-образовательный журнал для семьи и молодежи» «Русская Лампада», издаваемый в Брисбене его главным редактором Людмилой Ларкиной, которая аттестует себя как «член Союза Писателей России, член Международной Гильдии Писателей, член Ассоциации Австралийских Авторы». В год выходят четыре выпуска, журнал распространяется в РФ, АС, Болгарии. Имеется и электронная версия «Australian Lampada», которая рассказывает о жизни русской общины в Квинсленде, публикует исторические статьи, воспоминания и т. п. Л. Ларкина пишет стихи и печатается с детства. У нее «обыкновенная, доперестроечная биография: закончила медицинское училище, университет, работала в литературных и исторических музеях, писала статьи по этнографии, растила детей». Когда «грянули девяностые годы с их голодным беспределом», она «не опустила руки» и в 2003 г. переехала в Австралию, «райскую чудо-страну», где вместе с семьей получила статус постоянного жителя. Хотя у нее к тому времени уже вышли пять персональных поэтических сборников в России, она, по собственной ее оценке, «состоялась, как писатель именно здесь, в Австралии». Ныне проживающая в Брисбене Ларкина – автор нескольких книг, в том числе и по истории русской диас-

поры⁵. В мае 2009 г. она создала музыкально-поэтический салон «Лампада», чьи двери «открыты для всех: зрелых литераторов и молодых, пишущих свои первые репортажи, для художников и музыкантов, для фотографов и мечтателей». Объединить в работе салона мастеров живописи, фотоискусства, музыки, художественного слова – одна из главных его целей, как, впрочем, и у нравственно-образовательного журнала «Австралийская Лампада»⁶.

В библиотеке ДРЗ хранятся также выпуски журнала «Австралиада. Русская Летопись», издававшегося в Сиднее с 1994 по 2014 гг. и публиковавшего материалы по русской истории и мемуары иммигрантов. Среди его авторов и создателей – активисты русской общины АС из послевоенной волны иммиграции: Татьяна Гартунг, Наталья Анатольевна Мельникова, Галина Кучина и др. Очень активно и подчеркнуто акцентируется пророссийская позиция редколлегии: так, например, в свое время на титульном листе одного из номеров этого журнала крупным шрифтом в полстраницы было напечатано поздравление сборной России «за выигрыш в Олимпиаде 2014 года». Внизу же, чуть не петитом, добавлено: «гордимся успехом наших Австралийских олимпийцев»⁷. В последнем выпуске, подводя итоги многолетней работы, Н. Мельникова отметила: «Миссия журнала “Австралиада” выполнена», – имея ввиду завершение сбора материалов о жизни русской общины за предшествовавшие 50–70 лет⁸. Своего рода обобщающим итогом трудов авторов и корреспондентов этого журнала стали четыре тома основательно проработанного

⁵ См., например: *Ларкина Л.Л.* Уральские казаки в Квинсленде. Брисбен: Австралийская лампада, 2011. 376 с.

⁶ Каждой ночью мне родина снится – незабывтый, тревожный сюжет... // Единение. 24.12.2010. URL: <https://www.unification.com.au/articles/806/>

⁷ Австралиада. Русская Летопись. № 79, апрель 2014 г. Сидней, Австралия. С. 1.

⁸ Там же. № 80, декабрь 2014 г. Сидней, Австралия. С. 50.

издания «Австралиада. История русских в Австралии»⁹. Их отличает определенная систематизация материала, они снабжены справочным материалом и особенно ценны отрывками из воспоминаний. Все эти публикации также хранятся в читальном зале ДРЗ и находятся в открытом доступе.

При самой активной поддержке МИД РФ увидел свет прекрасно оформленный исторический справочник «Русские в Австралии», составленный редакцией журнала «Австралиада» и украшенный портретом С.В. Лаврова на первых страницах. По сути дела, авторы пошли по стопам первого историографа русской диаспоры в АС К.М. Хотимского, но в отличие от его скромного труда, их альбом вышел в роскошном глянце, с множеством фотографий¹⁰.

Такое тесное сотрудничество объясняется самым пристальным интересом внешнеполитических инстанций РФ к российской диаспоре АС. К примеру, Татьяна Сергеевна Гартунг награждена Почетным знаком соотечественника и Почетным дипломом Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР), возглавляемой С.В. Лавровым. В свою очередь она выразила свою глубокую признательность властям РФ: «Во-первых, я очень благодарна российскому МИД за то, что отметили мой скромный вклад в общественную работу на протяжении последних 30 лет. Во-вторых, хочу сказать, что эта награда принадлежит не одной мне, а всей моей семье и многим, многим моим единомышленникам и соратникам, с которыми я работала и работаю». Гартунг всячески подчеркивала, что «несмотря на то, что моя семья с папиной стороны выехала из России 115 лет тому назад, а мамина

⁹ См.: Австралиада. История русских в Австралии. Т. I. Сидней, 2004. 297 с.; Т. II. Сидней, 2008. 271 с.; Т. III. Сидней, 2010. 287 с.

¹⁰ Русские в Австралии / Составители И.Л. Аполлонова, Т.С. Гартунг, Г.П. Косичин и др. Сидней: Австралиада, 2008. С. 228. Ее же описание в каталоге ДРЗ: Русские в Австралии. Сидней, Австралия: Изд-во Copiworld, 2008. 230 с.

97 лет, мы с сестрой всегда воспитывались в любви к нашей Родине, России». В 1990-е гг. она возглавляла комитет по сближению России и Австралии в рамках Русского этнического представительства штата Новый Южный Уэльс (НЮУ); с 2007 г. стала членом редколлегии «Австралиада. Русская летопись» и принимала участие в благотворительной работе «Православного дела – Сидней»¹¹. Гартунг – частая гостя во Владивостоке, где ее всегда радушно принимали, так как история ее семьи непосредственно связана с этим городом. В 1976 г. она вышла замуж за Игоря Ивановича Гартунга, который родился в Шанхае в семье офицера Белой Армии, попал в Китай, а оттуда в АС. Прадед И.И. Гартунга со стороны матери, Аксель Вальден в XIX в. прибыл из Финляндии на Дальний Восток и был одним из основателей города Владивостока. В тамошний музей им. В.К. Арсеньева чета Гартунг безвозмездно передала в дар архив семьи Вальденов. Они – «прекрасный пример поистине благородных людей, свято хранящих память о давно минувших днях, людей, с которых нам с вами, жители Владивостока, стоит взять пример», – отмечали представители принимающей стороны¹².

С 2004 г. Т.С. Гартунг сотрудничала с организацией «Русское возрождение», основанной ее племянником Николаем Олеговичем Максимовым. По его инициативе регулярно проводился ежегодный кинофестиваль русского кино «Русское Возрождение». Организаторы сумели за это время создать Фестивалю прекрасную репутацию. У него появились постоянные спонсоры: Министерство культуры РФ, киноконцерны Мосфильм, Ленфильм. Кинофестиваль был успешен и охватывал не только Австралию, но и Новую Зеландию, и планировалось продвинуть его в Гонг

¹¹ Татьяна Гартунг получила награду России // Единение. 23.07.2019. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1563423530/>

¹² Из Австралии с любовью. 17.06.2008. URL: <https://www.msun.ru/ru/news/id-2098>

Конг. За эти годы в его рамках в АС побывали многие выдающиеся мастера российской киноиндустрии: К. Шахназаров, В. Тодоровский, Н. Лебедев и многие другие; было показано 270 художественных фильмов и количество зрителей посетивших фестивали превысило 18 тыс. «Таким образом, кинофестиваль является эффективной стратегией, для укрепления позитивного имиджа России в Австралии. Фестиваль также играет важную роль в маркетинге новых российских фильмов для австралийских дистрибьюторов и предоставляет возможность австралийским зрителям увидеть лучшие фильмы российского кино, которые иначе они могли не увидеть».

Рис. 1. Т.С. Гартунг ¹⁴.

За свою общественную работу Н.О. Максимов не раз получал благодарственные грамоты от Генерального консульства России, Совета российских соотечественников в Австралии, Министерства культуры РФ. В 2018 г. в Сиднее посол России в АС Г.С. Логвинов, от имени президента России В.В. Путина, наградил его государственной медалью Пушкина «за плодотворную деятельность по сближению и взаимообогащению культур наций и народностей»¹³.

¹³ Путь к успеху. История кинофестиваля «Русское Возрождение» в Австралии // Русское географическое общество – Общество изучения Амурского края. 18.03.2019. URL: <http://оиа.рф/news/2019-03-18/putk-uspekhu-istoriya-kinofestivalya-russkoe-vozzrozhdenie-v-avs>

¹⁴ Австралиада. История русских в Австралии. Т. IV. Сидней, 2013. С. 101.

Таким образом, исторические обиды вынужденных некогда покинуть родину людей давно забыты их потомками, которые перешли на позиции самого тесного сотрудничества с властями РФ.

Библиотечный **книжный фонд** ДРЗ по рубрике «Русские в Австралии» не велик, в основном это публикации справочного характера или исследования, проводившиеся либо русскими иммигрантами и их потомками, либо нашими соотечественниками, так или иначе побывавшими там. Редкими для нашей страны, конечно, являются публикации, исходящие из среды российской диаспоры и увидевшие свет в АС.

Классикой и в определенном смысле путеводной звездой для всех его последователей (включая и нынешних) стало раритетное ныне издание: опубликованная в 1957 г. тоненькая и ветхая от времени брошюра Константина Михайловича Хотимского. В ней он, опираясь на опросы современников, очертил главные вехи и тематику исследований по диаспоре¹⁵. Достаточно подробно его биография изложена в статье прекрасного специалиста, библиографа библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета П. Полански. К.М. Хотимский (1915–1990) родился в Томске в семье армейского офицера, погибшего в рядах Белой гвардии. Его мать с детьми переехали в Китай. В Тяньцзине Костя закончил школу в 1932 г., работал бухгалтером, а во время японской оккупации Маньчжурии уехал в Шанхай. Он эмигрировал в Австралию в 1939 г., работал клерком и бухгалтером, в годы Второй мировой войны служил в армии, а в 45 лет начал академическую карьеру. В этом ему помог доктор А. Осборн, впоследствии глава Фишеровской библиотеки Сиднейского университета, который хотел пополнить русскую коллекцию и попросил Хотимского помочь в этом. Впоследствии Хотимский нашел работу в Мельбурнском университете и

¹⁵ Хотимский К.М. Русские в Австралии. Мельбурн: Единение, 1957. 33 с.

вместе с Осборном они собрали превосходную научную коллекцию по русским иммигрантам. Затем Константин Михайлович попытался основать Русский эмигрантский архив в Австралийском национальном университете в Канберре, закончил магистерскую диссертацию, и в 1970 г. его избрали полным профессором. Различные американские и канадские университеты приглашали Хотимского читать лекции по библиографии, книготорговле, о русских исследователях и книжной цензуре. В 1980 г. профессор Хотимский вернулся в Австралию, где вышел на пенсию, а его коллекция была куплена Сиднейским университетом. После его смерти материалы, находившиеся у него дома, попали в библиотеку Байлью. *«Константин Михайлович был симпатичным русским джентльменом. Его английский был превосходным, кроме этого, он знал французский. Он был всегда щедрым со своим временем и полезным в советах. К.М. Хотимский является пионером в области славянского библиотековедения и отцом работ о русских в Австралии и на Тихом океане»*¹⁶. Вследствие наличия такого научного и практического багажа, его маленькая брошюрка – донныне ценный источник по истории русской иммиграции в АС, а ее автор вошел в историю как «известный библиограф эмигрантской литературы в Китае и Австралии»¹⁷.

¹⁶ Полански, Патриция. Библиотековедение на побережье Тихого океана: собиратели русских материалов о Дальнем Востоке. // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. 2002. № 3. С. 60–72. URL: https://library.by/portalus/modules/libraries/readme.php?subaction=showfull&id=1532438856&archive=&start_from=&ucat=&; см. о нем также: Австралиада. Русская Летопись. История русских в Австралии. Том IV. С. 149.

¹⁷ Кравцов А.Н. Русская Австралия. С. 278. О Хотимском см. также: Австралиада. Русская Летопись. История русских в Австралии. Том IV. С. 149; Петриковская А.С. Культура Австралии XIX–XX вв. М.: Восточная литература, 2007. С. 232.

Продолжили его дело Нина Михайловна Кристесен и ее коллеги из Мельбурна¹⁸. Память этой выдающейся женщины и в наши дни весьма почитаема в русской общине: люди вспоминают, что она общалась с Корнеем и Лидией Чуковскими, знала Анну Павлову, А. Керенского, А.И. Солженицына, Виктора Некрасова, Мстислава Ростроповича и других знаменитых и менее известных людей. Родившаяся в 1911 г. в Благовещенске Н.М. Кристесен (урожденная Максимова) была дочерью капитана одного из судов Амурского общества пароходства и торговли. Она стала основательницей русистики на Пятом континенте, куда она попала вместе с семьей через Харбин в 1925 г. Окончив университет, Нина работала в школах и стала президентом Ассоциации средних школ. Даже со своим будущим супругом Клемом Кристесеном, известным австралийским журналистом, писателем, художником, основателем и редактором литературного журнала «Миэнджин», Нина Михайловна познакомилась, став его частным учителем. В 1945 г. Кристесены переехали в Мельбурн, где прожили вместе до конца своих дней. Нина Кристесен преподавала русский язык и литературу во французском отделении Мельбурнского университета, а с 1949 г. она руководила им 30 лет до самого выхода на пенсию. Книги из ее домашней библиотеки положили начало русской библиотеки этого австралийского университета. По отзывам студентов, Нина Михайловна была прекрасным, очень любящим и хорошо знающим свое дело преподавателем. Она и сама непрерывно продолжала учиться

¹⁸ О ней см., например: *Петриковская А.С.* Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX века). М.: ИВ РАН, 2002. 199 с.; *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: ДВФУ, 2010. 372 с.

в европейских университетах, где преподавался русский язык – в Оксфорде, Кембридже, Сорбонне. Русское отделение, которым руководила Кристесен, стало территорией русской культуры и русской речи. При отделении был создан студенческий клуб, устраивались вечера, на которых студенты наряжались в русские национальные костюмы, накрывали столы с угощениями и отмечали русские праздники. Своих студентов и преподавателей отделения Нина Михайловна приглашала к себе в гости в Элтам – район, который студенты называли между собой «австралийским Переделкино»¹⁹. В 1987 г. в День Австралии Н. Кристесен была удостоена Ордена Австралии «в знак признания заслуг в образовании, в частности, в изучении славянского языка и культуры»²⁰. Именно по ее инициативе и под ее редакцией было издано немало справочных публикаций – как, например, хранящиеся в ДРЗ выпуски многотомника «Русские женщины в Австралии»²¹.

Рис. 2. Н.М. Кристесен (2000 г.)²².

¹⁹ Дочь амурского капитана основала русское отделение в университете Австралии // Амурская правда. 26.05.2020. URL: <https://ampravda.ru/2020/05/26/096308.html>

²⁰ Колода, Яна. Русский язык на пятом континенте // Единение. 06.07.2020. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1594025650/>

²¹ См.: Русские женщины в Австралии = Russian Women in Australia: [Сб.] / Ред. серии N. Christesen. Вып. 1.: / Сост. О.С. Коренева-Кулинич; вступ. слово от сост.-ля. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1992. 47 с.; Русские женщины в Австралии = Russian Women in Australia: [Сб.] / Ред. серии N. Christesen. Сб. 2. Серия: Russians in Australia. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1994.

Уместно отметить, что особенно активно материалы по диаспоре стали публиковаться в конце прошлого века. Хотелось бы выделить очень емкие, хорошо проработанные справочные издания – в первую очередь, это три выпуска «Русские харбинцы в Австралии» 1998, 1999 и 2000 гг.²³. Ими, в качестве основы для своих выступлений, охотно пользуются и нынешние руководители диаспоры при своих поездках в РФ²⁴.

Составители справочников – сами члены диаспоры, хорошо знакомы с тем, о чем пишут. Так, Наталья Анатольевна Мельникова (урожденная Грачева) родилась в Харбине, в 1955 г. окончила среднюю школу, в 1957 г. уехала в Австралию, училась в Сиднейском университете, Университете НЮУ и Институте русского языка в Москве, в 1979 г. получила степень магистра, стала преподавателем и автором ряда учебников русского языка. Целых 20 лет она отдала работе в Св. Николаевской школе и в 1998 г. была награждена

Рис. 3. Н.А. Грачёва-Мельникова.

²² Калашиникова, Вера. Triple anniversary of Nina Mikhailovna Christesen // Единение. 09.11.2021. URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1635747485/>

²³ См., например: Русские харбинцы в Австралии: Юбилейный выпуск к 100-летию основания города Харбина 1898–1998 КВЖД / Под общ. ред. Н.А. Мельниковой. Сидней: Б.и., 1999. 93 с.

²⁴ См. например: Белкина М.С. Русские харбинцы в Австралии: сохранение традиций и связь с молодым поколением соотечественников // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: Материалы Второй межд. науч.-практич. конференции, посвященной русской истории города Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. Харбин, 18–20 сентября 2020 г. / Отв. ред. Ли Яньлин. Харбин, Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2022. С. 40–50.

епархиальной медалью, в 2010 г. медалью от Совета соотечественников в Австралии, награждена епархиальной медалью, в 2010 г. медалью от Совета соотечественников в Австралии, а в 2012 г. Почетным дипломом от лица министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова. Она активно публиковалась в периодических изданиях России и русской Австралии, 19 лет была главным редактором журнала «Австралиада» и автором сборника очень хороших стихов, активно участвовала в благотворительности²⁵.

К слову, потомки харбинцев – пожалуй, самая активная часть исторической российской диаспоры и, в отличие от своих родителей, весьма охотно сотрудничают с Посольством РФ в Канберре. В 2017 г. торжественным обедом в сиднейском Русском клубе в Стратфилде более 280 человек отметили 60-летний юбилей приезда в Австралию большой группы китайских русских. Несмотря на прошедшие с тех пор годы, любовь к молодости в Китае сохранилась у них на всю жизнь. Многие родились в русском Харбине и его окрестностях, другие в Шанхае, Трехречье или иных местах, где в первой половине прошлого века жили более сотни тысяч русских людей, оказавшихся там либо во время строительства КВЖД, либо ушедших вместе с Белой армией из Сибири и Дальнего Востока в Китай после Гражданской войны. После Второй мировой войны, русским пришлось покинуть эти места, и большую группу беженцев приняла Австралия. Присутствовавший на встрече посол РФ в АС Г.С. Логвинов оценил большой вклад харбинцев в развитие русской общины: «Через год после приезда, познакомившись с вами, вашей жизнью и историей, я понял, что произносить и писать это слово, харбинцы, здесь нужно с большой буквы. Для меня теперь харбинец – это синоним высоты духа и

²⁵ Наталья Грачёва-Мельникова // Единение. 05.12.2014. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1151/>. См. о ней также: Австралиада. Русская Летопись. История русских в Австралии. Том IV. С. 114.

русского патриотизма в его исконном понимании и значении, которое не подразумевает автоматической лояльности тому или иному политическому режиму». Организаторами этой встречи стали Т.С. Гартунг, Н.А. Мельникова, присутствовали известные представители диаспоры: долго работавшие на дипломатическом поприще Мара Мустафина, Ольга Прокопович (в замужестве Уинн), и многие другие²⁶. Все они – регулярные гости на приемах в генеральном консульстве РФ в Сиднее²⁷. В мемуарах, вышедших из-под их пера, тяга к нашей стране мотивирована в первую очередь любопытством к исторической родине, корням их отцов и дедов, а также открывшейся возможностью побывать у нас, где их принимают весьма гостеприимно, порой можно найти даже дальних родственников и обрести именитых знакомых²⁸.

В электронном ресурсе библиотеки ДРЗ есть и подробные справочники, и работы обобщающего характера. Любопытен сборник кратких биографий русских австралийцев, подготовленный и опубликованный Ольгой Стефановной Кореневой-Кулинич²⁹. Музыкант и поэтесса Кулинич (в замужестве Коренева) родилась и выросла в Харбине, с 1962 г. жила в Австралии, в Сиднее закончила кон-

²⁶ См.: Харбинцы и их друзья отмечают 60-летие прибытия в Австралию. Посольство Российской Федерации в Австралии. URL: <https://australia.mid.ru/harbincy-i-ih-druz-a-otmecaut-60-letie-pribytia-v-avstraliu>; Кузьмин, Владимир. Харбинцы и их друзья отмечают 60-летие прибытия в Австралию // Единение. 12.09.2017. URL: <https://www.unification.com.au/articles/3862/>

²⁷ См., например: Прием в Генеральном Консульстве России в Честь Празднования Нового Года и Рождества Христова // Сводно-казахская станица в Австралии. URL: <http://cossack.net.au/en/news/priem-v-general-nom-konsul-stve-rossii-v-chest-prazdnovaniia-novogo-goda-i-rozhdestva-khristova/>

²⁸ См.: Кучина Г.И. Минувшее разворачивает свиток. Рассказ о жизни русской австралийки из Китая. СПб.: Нестор-история, 2007. 478 с.

²⁹ Коренева-Кулинич О.С. Русские женщины в Австралии. Сборник первый. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1992. 42 с.

серваторию, была успешным музыкантом-исполнителем, имела учеников. Выпустила сборники своих стихов (1984) и путевых заметок (1993), а также сотрудничала как журналист в газете «Единение», редактировала журнал «Политехник». Интервью с ней можно прочитать в журнале «Австралиада» № 49 за 2006 г. В нем она подробно рассказала о себе и своей помощи в издательской деятельности ее супругу, Борису Николаевичу Кореневу, который был «редактором и душой “Политехника”», объединившего выпускников Харбинского политехнического института. *«Идея принадлежала моему мужу, ему же и пришлось воплощать ее в жизнь. Это просто чудо, как удавалось выпускать журнал на протяжении стольких лет. Ведь все это было сделано без платных сотрудников, с помощью добровольцев в личное время после основной работы <...> Потом примкнули и другие лица – кто стал “писателем”, кто художником, кто техническим работником. И редакция, и типография были у нас дома и в гараже <...> В каждом журнале было в среднем 150 страниц (не считая юбилейного – где было 288), тираж выпуска 600 экземпляров. Это девяносто тысяч страниц – было выпущено 16 номеров журнала <...> Журнал имел хорошую репутацию и пользовался большим успехом. Нам посылали статьи из Америки, России, Бразилии. И читатели также были не только в Австралии, но и в других странах – в Европе, Израиле, Америке»,* – рассказала она³⁰. Последний номер «Политехника» вышел в 2007 г.; но пока в АС живут выпускники этого вуза, есть возможность собрать дополнительные материалы. Отдельные выпуски этого издания также можно найти в фондах библиотеки ДРЗ.

В электронном ресурсе можно обнаружить и еще одну любопытную публикацию, написанную М.Д. Фроловой на материалах ее дипломной работы на кафедре этнографии исторического факультета МГУ (1994 г.) и изданную в

³⁰ Кузьмин, Владимир. Всегда стараюсь узнать что-то новое // Единение. 16.02.2009. URL: <https://www.unification.com.au/articles/67/>

АС при непосредственном участии Н.М. Кристесен³¹. Во многом повторяя фундаментальную монографию А.Ю. Рудницкого, автор использовала также материалы, полученные от своих многочисленных информаторов: от известного в АС священника Михаила Протопопова до Н. Кристесен, которая выступила как редактор этой монографии. Ценно и использование автором фондов архивов Австралийского национального и Мельбурнского университетов. Но структура труда М. Фроловой, к сожалению, неравномерна: последние по хронологии главы весьма схематичны и кратки: по 5–7 обычных машинописных страниц. Тем не менее, это не помешало автору сделать пусть и не научную, но вполне качественную карьеру, став начальником Пресс-службы ООО «Газпром энергохолдинг», и ООО «Газпром межрегионгаз»³².

В этом же электронном ресурсе размещено и солидно оформленное, фактически популярное изложение истории Австралии. Его автор, бывший преподаватель советского вуза Н. Кузнецов, безжалостно критиковавший перестройку, уехал в 1992 г. в АС вслед за дочерью и ее мужем. Во Введении он весьма пространно изъяснялся в благодарности австралийскому правительству за «право жить в этой благодатной стране». Далее следует история Австралии в авторском переложении, и на последней странице автор просит дать отзыв об «этой большой, разнотрановой и познавательной книге»³³.

³¹ Фролова М.Д. Русские в Австралии: История и современность / Предисловие О.А. Донских; вступ. слово автора / Ред. Серии N. Christesen. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1996. 215 с. На обл. и тит. л.: Russian in Australia; Фролова М.Д. Русские в Австралии: история и современность // Russians in Australia. № 20. University of Melbourne, 1996. 215 с.

³² Мария Фролова: URL: <https://theoryandpractice.ru/presenters/21945-mariya-frolova/seminars>; Фролова Мария Дмитриевна: URL: <https://www.eprussia.ru/epr/experts-archive/1995/>

³³ Кузнецов Н. Австралия – далекая и близкая. Все об Австралии 1788–2002. Мельбурн: Тип. State Library of Victoria, 2002. С. 7.

Но наибольший интерес для исследователей представляют, несомненно, материалы **архива**, где можно найти хотя и небольшие, но крайне любопытные персональные собрания: подлинные документы, фотографии, личные вещи и машинописные копии воспоминаний. Большинство архивных фондов – это материалы, исходящие от представителей до- и после военной иммиграции, то есть поколения отцов и дедов нынешних активистов диаспоры. Находящиеся здесь автобиографические заметки – взгляд на события жизни их авторов и перипетии российской истории в самые трудные ее моменты: революции начала XX в., Гражданскую и Вторую мировую войны. Эти люди не смогли смириться и ужиться с Советской властью, и их исповедь – объяснение причин такого неприятия.

Самые полные собрания, относящиеся к русской диаспоре в АС, можно найти в двух фондах. **Фонд № 91** содержит личные документы военного летчика Дмитрия Николаевича Коровникова, воспоминания его сватки М.А. Алексеевой и документы, связанные с деятельностью ее мужа Г.А. Алексеева в РОА в 1945 г.³⁴ Эти материалы оказались в АС благодаря его сыну – М.Д. Коровникову (1922–2006), русскому скауту и зятю М.А. Алексеевой. Все они были переданы в ДРЗ в 2009 г. О.А. Райт (Австралия)³⁵. Д.Н. Коровников родился в 1886 г. в Петербургской губернии в семье мещан, происходивших из Ковенской губернии. Его отец был военнослужащим и к моменту рождения сына имел чин штабс-капитана. Общее образование Дмитрий получил во Втором кадетском корпусе, который в 1906 г. он окончил. Затем два года обучался в Павловском военном училище, откуда был выпущен в 8-й сапер-

³⁴ См.: Архив ДРЗ. Ф. 91. Каталогный номер: 0091. Ф. 91. Оп. 1. 7 ед. хр.; 1916–2007. 7 документов.

³⁵ Архив ДРЗ. Ф. 91. Коровников Дмитрий Николаевич. Алексеева Марина Анатольевна: URL: http://www.bfrz.ru/?mod=arhiv&fond_id=407

ный батальон в звании подпоручика. В 1910 г. последовало окончание Офицерской воздухоплавательной школы Санкт-Петербурга и в 1911 г. произведение в чин поручика. Годом позже Коровников был командирован в Авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы, который окончил в 1913 г., получив звание военного летчика, а вскоре после этого стал исправляющим должность начальника отряда. Принимал участие в воздушных боях Первой мировой войны, был произведен в чин штабс-капитана и назначен на командные должности поочередно в 11-м, 2-м, 7-м и 8-м авиационных дивизионах. С 28 июня 1917 г. он командир 8-го авиационного дивизиона.

С 1913 по 1917 гг. Дмитрий Николаевич был удостоен целого ряда наград: орденов Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 3-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, и мечами и бантом к имеющимся орденам Св. Анны 3-й ст. и Св. Станислава 3-й ст. Интересная деталь: к ордену Св. Владимира, полученного «за отличие в период боев под г. Люблин с 13 по 19 августа 1914 г.», через два года добавилось и георгиевское оружие. Им его наградили за то, что он в тех боях «с явной опасностью для жизни, восстановил утраченную связь между важными по боевым обстоятельствам отрядами, чем способствовал согласованности действий указанных отрядов»³⁶.

После Октябрьской революции Д.Н. Коровников присоединился к Белому движению, служил в Донской и Добровольческой армиях в составе созданных в 1919–1920 гг. Вооруженных сил Юга России (ВСЮР). Авиация ВСЮР состояла из 10 авиаотрядов и на 5 октября 1919 г. имела 72 самолета. Коровникова назначили в комиссию по объединению и организации авиации и прикомандировали к Управлению авиации ВСЮР. В том же году он занял

³⁶ Коровников Дмитрий Николаевич: URL: https://руни.рф/index.php/Коровников_Дмитрий_Николаевич

должность штаб-офицера для поручений управления начальника авиации. В начале 1920 г. он был эвакуирован из Новороссийска на судне «Владимир» на греческий о-в Лемнос, однако уже 16 октября того же года выехал в Крым на корабле «Херсон». После прибытия на место и вплоть до эвакуации служил в авиации Русской армии Врангеля. По состоянию в декабре 1920 г. вместе в 1-й ротой Авиационного батальона Технического полка оказался на Галлиполийском полуострове, был произведен в полковники и командовал 2-м Донским самолетным отрядом. После поражения Белого движения с 1920 г. жил в эмиграции в Турции и Югославии, скончался в 1936 г. в Загреббе, оставив жену, Ксению Дмитриевну, с которой они воспитали двух сыновей³⁷.

В фонде можно познакомиться с личными документами. Коровникова начала XX в.: его паспортной книжкой и документами сербского периода; фотокопией личных документов Кс. Коровниковой; выпиской из протокола Объединенного общего собрания Управления VIII Авиационного дивизиона и 2-й подвижной авиационной базы (от 29 августа 1917 г.). По большей части документы самого Коровникова и членов его семьи – очень ветхие бумаги, чудом сохранившиеся до наших дней: масса бумаг, датированных 1930–1950-ми гг., на немецком и сербском языках. Это и удостоверение от 28.III.1917 г. военного летчика капитана Коровникова, его паспортная книжка, визитная карточка и пропуск в вагон Штаба Донской Армии. Редким для этого собрания являются подлинный документ, выданный ему в Константинополе, и фото Коровникова в возрасте 34 лет с этого очень ветхого, буквально распадающегося на части, документа, написанного на французском языке³⁸.

³⁷ Коровников, Дмитрий Николаевич.

³⁸ См.: Архив ДРЗ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хран. 1. Л. 3, 32, 34.

Рис. 4. Д.Н. Коровников³⁹.

В том же фонде № 91 представлен еще один блок документов, связанных уже со следующим поколением этой семьи, событиями Второй мировой войны и деятельностью мужа М.А. Алексеевой в РОА. Весьма любопытна составленная Петербургской судной казной опись серебряных ценностей, предназначенных для генерала П.Н. Врангеля, которые в 1945 г. были выделены в помощь генералу А.А. Власову. Дополнением к ней служат телеграммы и другие документы, относящиеся к пересылке этих драгоценностей, пожертвованных «Народной помощью» в 1945 г.; инструкции для работы комиссии по управлению имуществом, принадлежавшим А.А. Власову. Кроме того, в фондах хранятся и музейные артефакты: десертная тарелка (знаменитый кузнецовский фарфор) и планшет Д.Н. Коровникова.

Очень интересны воспоминания его сватки, правнучки «фарфорового короля» России М.С. Кузнецова, М.А. Алексеевой «История одной русской семьи» (воспоминания М.А. Алексеевой). Марина Анатольевна Алексеева (1915–2010) была видным деятелем австралийского отдела Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР), членом скаутского движения с 1927 г. Она родилась в 1915 г. в Москве, в семье А.И. Туркова – служащего крупной закупочной фирмы. В 1927 г. вместе с семьей выехала в Германию, в 1933 г. переехала в Латвию, где вступила в скаутскую русскую дружину. В 1936 г. вышла замуж за Г.А. Алексеева, который в годы Второй мировой войны стал начальником Русского комитета в Риге, а позже

³⁹ Там же. Л. 34.

возглавил отдел «Народная помощь» Комитета освобождения народов России (КОНР). В 1944 г. М.А. Алексеева уехала с семьей в Австрию, затем в Австралию, где установила связь со скаутской организацией М. Плеханова в Сиднее, была начальником сиднейской дружины. С 1953 г. она – помощник скаут-мастера, а с 1958 г. – скаутмастер, начальник дружины «Новгород» (Сидней) и начальник отряда «Святая Ольга»⁴¹.

Рис. 5. М.А. Алексеева⁴⁰.

Воспоминания М.А. Алексеевой были написаны в 2001–2002 гг. в Австралии, в ДРЗ хранится машинописная копия: 92 листа под заголовком: «История одной русской семьи». Это очень интересный источник по многим темам: от русской генеалогии до жизни русских в АС и на Тайване. Все это дано глазами непосредственного и непредвзятого свидетеля, насколько это допускает сам жанр мемуаров. Текст написан очень живо, читается как авантюрная повесть. Наряду с семейной хроникой, в нем можно найти интереснейшие и уникальные порой сведения по

⁴⁰ Австралиада. История русских в Австралии. Т. IV. С. 127.

⁴¹ См.: Архив ДРЗ. Ф. 91. Коровников Дмитрий Николаевич (1886–1936) – военный летчик; его сватья Алексеева Марина Анатольевна (1915–2010) – деятель австралийского отдела Организации Российских Юных Разведчиков (ОРИОР), член скаутского движения. URL: <https://www.domrz.ru/collection/guide/fond-91-korovnikov-dmitriy-nikolaevich-1886-1936-voenny-letchik-ego-svatya-alekseeva-marina-anatole/>. О последней см. также: Австралиада. Русская Летопись. История русских в Австралии. Том IV. С. 127.

истории России начала XX в. и СССР до НЭПа включительно⁴². Очень познавательно повествование о русских эмигрантах в Германии 1920–1930 гг., куда выбралась семья после всех передряг революции и большевизма, встреча в 1927 г. в школе с вел. кн. Ольгой Александровной Ольденбург-Куликовой⁴³. Впрочем, здесь допущена небольшая неточность: великая княгиня Российского императорского дома, младшая дочь императора Александра III Александровича и императрицы Марии Федоровны, стала родоначальницей династии Куликовских-Романовых. После прихода к власти нацистов в 1933 г. семья Марины Анатольевны переехала в Ригу к своим родственникам Кузнецовым, получила латвийское гражданство, что позволило ей даже осуществить интересный визит в Париж⁴⁴. Вторая мировая принесла новые испытания; автор подчеркивает, что они боялись не немцев, а страну Советов: советская оккупация Латвии в 1940 г. привела к гибели ее отца в концлагере в СССР и продолжила мытарства семьи⁴⁵. Поэтому в 1941 г. немцев в Риге не опасались: снова звучал латвийский гимн, и вывесили национальные флаги на улицах: «Латвийский народ радостно встречал немцев, они освободили его от советского террора»⁴⁶. Впрочем, эйфория длилась не долго – вскоре вслед за этим во всей красе показали себя нацисты: убийства евреев, дети-беспризорники на улицах. Муж Алексеевой, Георгий Александрович Алексеев (Жорж – дома) тесно сотрудничал с генералом А. Власовым, пытаясь оказать поддержку русским, попавшим под колеса войны⁴⁷. В 1949 г. Алексеевы в качестве DP решили уехать в Австралию, куда их взяли всей семьей после того, как из Новой Зеландии

⁴² Архив ДРЗ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хран. 4. Л. 1–15.

⁴³ Так у автора: Архив ДРЗ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хран. 4. Л. 10.

⁴⁴ Там же. Л. 13.

⁴⁵ Там же. Л. 22–25.

⁴⁶ Там же. Л. 25.

⁴⁷ Там же. Л. 39.

поступил отказ принять их из-за престарелой матери автора. Подробно описывает М.А. их переезд, лагерь Бонегилла под Мельбурном, где их, наконец-то, накормили досыта⁴⁸. Весьма любопытно и описание жизни русской диаспоры в Сиднее, участие Жоржа в Народно-трудовом союзе (НТС) и Антикоммунистическом центре⁴⁹. Автор воспоминаний отмечала недружелюбную обстановку, царившую в иммигрантских кругах. По ее словам, «к сожалению, в молодежных организациях и среди их руководителей тоже не было единства, или, по крайней мере, прилично-вежливого отношения друг к другу»⁵⁰. Склоки, клевета глубоко ранили автора воспоминаний. Позже, с 1965 по 1995 гг., они с мужем работали на о. Тайвань преподавателями русского языка, и Алексеева очень интересно рассказывала про китайцев, про встречи и знакомство с М. Плисецкой и четой Ростроповичей во время их гастролей, и с А.И. Солженицыным⁵¹.

Не менее любопытен и фрагмент воспоминаний М.А. Алексеевой о Русском освободительном движении, написанных в 2006–2007 гг., (машинописная копия). Они главным образом касаются деятельности ее мужа. Инженер по профессии, Георгий Александрович Алексеев в годы войны служил начальником Русского комитета при Генеральном комиссариате Остланд в Риге. С 1944 г. он возглавил организацию «Народная помощь» (НП), созданную для всемерной поддержки военнопленных и «остарбайтеров» при Главном гражданском управлении Комитета Освобождения Народов России (КОНР), органе политического руководства Русским освободительным движением, сформированном по инициативе генерала А.А. Власова и его сторонников при поддержке властей

⁴⁸ Там же. Л. 55–57.

⁴⁹ Там же. Л. 60–67.

⁵⁰ Там же. Л. 68.

⁵¹ Там же. Л. 85–86.

нацистской Германии для свержения существующего в СССР общественно-политического строя и взявшем на себя роль правительства России в изгнании. После войны Алексеев избежал репатриации и переселился в Австралию, где с 1954 г. был почетным председателем Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР)⁵². В данном контексте представляют интерес для исследователя дополняющие записку Алексеевой воспоминания протоиерея Александра Киселева о тех же событиях. Много внимания он уделил генералу Власову, утверждая, что тот *«пережил разочарование в коммунизме, обманувшем надежды его родного народа, позднее он увидел, к чему привел немецкий национал-социализм Германию. Где же выход, где же правильный путь? Эти вопросы всегда были с Власовым, он всегда искал их разрешения»*. Именно такая позиция привела к нему многих сподвижников, в том числе и самого Киселева, который, *«полюбив и высоко оценив дело Власова»*, был назначен вице-председателем «Народной помощи». Он считал, что *«необходимо было взять в свои руки заботу о нашем тыле и в первую очередь о семьях военнослужащих РОА. Сама принципиальная установка этой организации была глубоко правильной – помощь не откуда-то сверху, не “казенное” дело, а дело общее – народная помощь»*. В ее распоряжение поступило *«множество пожертвований от всех категорий русских невольников в Германии»*. Председателем этой организации и был назначен Г.А. Алексеев. На ее официальном открытии присутствовали генералы Власов, Трухин и многие другие члены КОНР. *«Наши планы были большие, немецкие обещания – еще большие, но все не достигло своей реализации, происходя за недели до выхода Красной армии на линию Одера с непосредственной угрозой Берлину. Вскоре начался хаос конца»*⁵³.

⁵² Фамилия Алексеев // Центр генеалогических исследований. URL: https://rosgenea.ru/familiya/alekseev/page_25

⁵³ Прот. Александр Киселев. Облик генерала Власова. Записки военного священника // Put' Zhizni, St. Seraphim Foundation, Inc. 322 West 108

В целом этот рассказ повторяет воспоминания Алексеевой касательно истории создания РОА, нежелания генерала Власова воевать на Восточном фронте и организации в 1943 г. КОНР⁵⁴. Она отмечала, что все участники «относились одинаково отрицательно как к вождям СССР, так и к вождям Нацистской Германии». Хотели же они «любыми средствами освобождения России от Диктатуры Сталина», а, как выразился один белый генерал (в тексте имя не названо – Н.С.), «за благую цель пойдем хоть с зулусами»⁵⁵. Руководству «Народной Помощи» и Г.А. Алексееву пришлось приложить много усилий, чтобы поддержать и защитить военнопленных и русское население Прибалтики – «остовцев и беженцев» – от притеснений и враждебности местных жителей, не простивших политики СССР начала 1940-х гг. Ее сотрудники предоставляли всем нуждающимся помощь от РПЦ, медицинскую, а также «материальную и бытовую». В 1944 г. белые эмигранты пожертвовали НП 20 ящиков старинного серебра. На страницах воспоминаний изложен просто детектив, связанный с историей их семьи и попыткой спасти эти ценности в конце войны. По словам мемуаристки, часть из них, а также личные вещи ее мужа (включая фамильную икону), были присвоены людьми, с которыми он был связан⁵⁶.

К воспоминаниям Алексеевой приложены документы, хранившиеся в ее семье долгие годы, в том числе подробнейшая опись упоминавшихся ценностей из казны барона П.Н. Врангеля. Они в 1920 г. были вывезены из Сербии, а их остатки в 20 ящиках переданы генералу Власову – приемные списки и инструкция от 22 февраля и 10

Street New York, N.Y. 10025, U.S.A. Library of Congress Catalog Card № 76-50910 Printed in U.S.A. by Computoprint Corporation 335 Clifton Ave., Clifton, N.J. URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/is/elev.htm

⁵⁴ Архив ДРЗ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хран. 5. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 2.

⁵⁶ Там же. Л. 3–4.

апреля 1945 г., машинопись и подлинник рукописи. Это – подробнейший реестр пожертвований, составленный по номерам ящиков, в которые они были упакованы: столовое серебро, кубки, часы, иконы, портсигары и даже самовар⁵⁷.

Еще одно собрание документов как бы продолжает событийно и хронологически затронутую в предыдущем фонде тему. В **Фонде № 241** хранятся личные документы председателя Сиднейского отдела Союза чинов Русского корпуса Георгия Георгиевича Мартынова (1921–2006), относящиеся к разным периодам его жизни (болгарскому, ДР, австралийскому) и семейные фото 1966–2011 гг. Они были переданы в ДРЗ в 2012 г. его вдовой Е.В. Мартыновой (Австралия)⁵⁸. Г.Г. Мартынов родился в 1921 г. в Константинополе, куда вынуждены были бежать его родители. С 1923 г. он жил в Болгарии, учился в Софийской русской гимназии и в русской гимназии в г. Шумен. Окончил 1-ю Объединенную офицерскую школу Вооруженных Сил Народов России, с 1942 г. служил в Русском корпусе на Балканах. В конце войны был направлен в немецкую офицерскую школу, из которой перешел в офицерскую школу РОА, и 15 мая 1945 г. был произведен в подпоручики. По окончании войны оказался в лагере для ДР Шляйсхайм (Мюнхен), затем окончил в Германии Одонтологические курсы при Доме «Милосердный самарянин». В АС он поселился с начала 1950-х гг., а в 1964 г. по-

⁵⁷ Архив ДРЗ. Ф. 91. Оп. 1. Ед. хран. 6. 53 л.

⁵⁸ Там же. Ф. 241. Мартынов Георгий Георгиевич (1921–2006) – председатель Сиднейского отдела Союза чинов Русского корпуса: URL: <https://www.domrz.ru/collection/guide/fond-241-martynov-georgiy-georgievich-1921-2006-predsedatel-sidneyskogo-otdela-soyuza-chinov-russkog/>

лучил право на работу по специальности дантиста, на которой он трудился до 1983 г.⁵⁹

Наибольший интерес представляет небольшая по объему рукопись автобиографии Мартынова. Он родился в дворянской семье; его отец – потомственный казак, сотник 2-го Терского полка (им в свое время командовал дед автора этих записок), стал участником Белого Движения и вынужден был покинуть Россию со многими своими соратниками. Мартынов описывал жизнь в Болгарии, где учился в школе Национальной Организации Русских Скаутов (НОРС). Потом семья оказалась в Югославии, и в период немецкой оккупации в 1942 г. он стал добровольцем в Русском корпусе. Свой поступок объяснил просто: «Тогда девизом всех поступавших был – хоть с чертом, но против коммунистов»⁶⁰. Служа в Югославии, он в январе 1945 г. перешел к РОА, воевал в Чехословакии и попал в плен к американцам. По окончании войны союзники сдали всех русских военнопленных СССР. Но в ноябре 1945 г. Г. Мартынов бежал из пересыльного лагеря, что и спасло ему жизнь. Потом он получил диплом дантиста в Мюнхене, и в 1950 г. обосновался в АС, где работал зубным врачом⁶¹. Он продолжал активно участвовать в деятельности русских иммигрантских организаций, в частности, был председателем Сиднейского отдела Союза чинов Русского Корпуса. В сопроводительном письме его вдова Евгения Всеволодовна сообщила, что ее муж умер в Сиднее в 2006 г. и похоронен на русском кладбище в Руквуде⁶². В архивной папке вложена фотография: крест на кладбище в Праге, на верхней перекладине которого в терновом

⁵⁹ Архив ДРЗ. Ф. 241. Мартынов Георгий Георгиевич (1921–2006) – председатель Сиднейского отдела Союза чинов Русского корпуса. Каталогный номер: 0241. Ф. 241. Оп. 1. 19 ед. хр.; 1922–2011. – 19 документов.

⁶⁰ Там же. Ед. хран. 1. Л. 3.

⁶¹ Там же. Л. 4–5.

⁶² Там же. Л. 5а.

венце вписана аббревиатура «РОА», а на большой перекладине значится «Мы погибли за вашу и нашу свободу».

С точки зрения советских историков, весь личный состав Русского Корпуса, сформированного из белых эмигрантов и граждан СССР, сражавшихся во время Второй мировой войны на стороне нацистской Германии и ее союзников, – пособники нацистов. Всего через службу в корпусе прошло 17 тыс. человек, что сделало его самым многочисленным белоэмигрантским формированием, состоявшим на службе вермахта. Поэтому его участников по возвращении в СССР ничего хорошего не ожидало. В большой статье о репатриации 1945 г. отмечалось, что «в это время многочисленные союзные комиссии, в которые входили советские генералы и офицеры, одолевали “Белый русский лагерь”, тщетно надеясь, что казаки “одумаются” и станут просить о возвращении на Родину». В итоге этих трудных переговоров «из всей массы военнопленных, находившихся в руках англичан в Австрии, Русский Корпус оказался единственным выпущенным из плена». Тогда же, в ноябре 1945 г., был издан приказ о роспуске данной воинской части и о создании Союза бывших чинов Русского Корпуса (СЧРК). К 1959 г. эта организация насчитывала 14 отделов в США, 4 в Южной Америке, 2 в Австралии, 1 в Африке (Марокко) и 1 в Англии – всего 22 отдела. К началу 1960-х гг. численность Союза составляла около полутора тысяч членов, и его деятельность «развивалась в двух направлениях: материальном – взаимопомощь при устройстве на новых местах и сбор средств для помощи нуждающимся соратникам, и идеологическом – сохранение Белой идеологии и непримиримости к советской власти». Деятельность СЧРК практически прекратилась в 1999 г., когда скончался его последний председа-

тель – поручик В.В. Гранитов⁶³. За годы существования СЧРК издавал бюллетень «Корпусник», журналы: «На рубеже», «Под белым крестом», «Наши вести». В Австралии его возглавляли бывшие кадровые офицеры российской армии, представители казачества, перешедшие на сторону РК военнослужащие РККА и офицеры вермахта⁶⁴. По логике руководства СССР все эти люди были предателями и пособниками фашистов – следовательно, военными преступниками.

Но ни в коей мере не оправдывая коллаборационизм как явление, не стоит упускать из виду персональную трагедию людей, поставленных войной в условия безальтернативного выбора. Именно в таком контексте интерес представляют хранящиеся в ДРЗ и оригиналы служебных документов Г.Г. Мартынова, повествующие о его жизненном пути. Это свидетельство юнкеру Русского Охранного Корпуса о производстве в чин подпоручика от 20 октября 1943 г.; напечатанное на немецком и русском языках его служебное Удостоверение, с поистине немецкой дотошностью описывавшее внешность: soldaten, рост 168 см, лицо овальное, волосы и глаза braun, размер обуви 42. В этой же папке и датированное 12.05.1945 г. Удостоверение 1-й Объединенной офицерской школы Вооруженных Сил Народов России, подтверждавшее, что Мартынов окончил два курса и произведен в чин подпоручика. Последний по времени выдачи документ – от 29.X.1945 г. – Удостоверение на право ношения Нагрудного знака Русского Корпуса, «дабы отметить верность Родине, честное и жертвенное Ей служение чинов Русского Корпуса»⁶⁵. Совсем другого рода хранящаяся в фонде рукопись – письмо

⁶³ Бурда, Эдуард. Казачье зарубежье в послевоенное время // Агентство политических новостей (АПН). 29.04.2013. URL: <https://www.apn.ru/publications/article29047.htm>

⁶⁴ См.: Союз чинов Русского корпуса (СЧРК): URL: <http://whiterussia1.narod.ru/EMI/SOUZRUSCOR.htm>

⁶⁵ Архив ДРЗ. Ф. 241. Оп. 1. Ед. хран. 7. Л. 1–4.

Г.Н. Мартынова (отца) к «дорогому и милому Жориньке», сыну, от 28 июля 1944 г.: очень теплое, доброе от бесконечно любящего и заботливого родителя. Эти два тетрадных листа исписаны выцветшими синими чернилами, и мелким, убористым почерком заполнены все поля – такое впечатление, что он никак не мог наговориться с самым дорогим для него человеком – своим сыном⁶⁶.

Еще один блок документов связан с жизнью Мартынова в АС. Свидетельство о натурализации и другие документы на английском языке (с 30 июля 1951 г. по 29 октября 1965 г.). Особенно впечатлила подробная и дотошная инструкция для иммигрантов: с британской пунктуальностью расписано, что необходимо для получения гражданского полноправия, а самое главное – это 1) «Знать законы Австралии и подчиняться им», 2) «первейший долг всех граждан Австралии – быть верными Его Величеству королю»⁶⁷. Далее следует множество бумаг о признании его врачебной квалификации дантиста из Института одонтологии Мюнхена в АС – все в переводе на английский с обязательным официальным заверением – и к каждому документу в отдельности приложен свой сертификат переводчика. Весьма характерны и документы о работе, из которых следует, что в 1950-х и начале 1960-х гг. до получения разрешения на врачебную практику он кем только не нанимался в поисках средств к существованию – от продавца до кондуктора. Только в 1964 г. Dental Board of NSW признал за Г. Мартыновым право трудиться по специальности⁶⁸. Все эти артефакты очень интересны сами по себе: они показывают бюрократическую машину АС в действии.

Прилагаются и наградные документы австралийского периода. Благословенная грамота Г.Г. Мартынову от

⁶⁶ Архив ДРЗ. Ф. 241. Оп. 1. Ед. хран. 8.

⁶⁷ Там же. Ед. хран. 15. Л. 2.

⁶⁸ Там же. Л. 3–24.

Австрало-Новозеландской епархии – как «незаменимому труженику» Кафедрального Собора Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла в Стратфилде – гласит: «Дана Грамата (так в оригинале – Н.С.) сия, нами надлежаще подписанная и Епархиальною печатью утвержденная, в богоспасаемом граде Сиднее 29 июня 1999 г.». Через год Русский Общевоинский Союз наградил его медалью за № 09 «в память 80-летия Белой борьбы» и «в знак признательности заслуг в деле борьбы с мировым коммунизмом»⁶⁹.

Привлекательность работы с архивными источниками состоит и в том, что за вроде бы сугубо персональными документами порой скрываются удивительные переплетения человеческих судеб. Вот к, примеру, хранящиеся в той же описи оригиналы двух стихотворений Леонида Агабекова, одноклассника и друга Мартынова по школе в Болгарии. Одно из них – на смерть Георгия Георгиевича 28 октября 2006 г. – незамысловатые, но очень грустные, полное скорби строфы. Второе – воспоминание о Шуменской гимназии в Болгарии, когда в 1928–1934 гг. оба мальчика учились в тамошнем детском интернате «Моя маленькая Россия». Агабеков описывает трудную, голодную жизнь детей-воспитанников (орфография и пунктуация автора – Н.С.):

*«В интернате побывали
Наши дети-молодцы
Много хлеба не давали
Вкусны были леденцы...*

*Воспитатель, прямо душка
Всем много помогал
Был мягче чем подушка
И за уши нас не драл»⁷⁰.*

⁶⁹ Там же. Ед. хран. 18. Л. 1–2.

⁷⁰ Там же. Ед. хран. 19. Л. 1–3.

В этом, казалось бы, маловажном документе – несколько наивном стихотворении Л. Агабекова, говорится об их воспитателе, Александре Петровиче Дегтяреве, еще одном ярком представителе русской диаспоры: педагоге, писателе, клирике РПЦЗ и впоследствии иерархе РПЦ архиепископе Алексии. Человек с удивительной судьбой А.П. Дегтярев родился в 1889 г. в г. Вильно, где окончил классическую гимназию, потом Морское училище дальнего плавания в Либаве и до 1935 г. был мирянином. В 1917 году оказывается в пределах Области Войска Донского. Занимался журналистикой, сотрудничал с газетами «Приазовский край», «Воронежский телеграф», был редактором литературно-художественного журнала «Лучи солнца» (вышел всего один номер). При атамане Петре Краснове начинал заниматься организацией скаутского движения. Будучи старшим скаутом юношеской организации «Русский скаут» издавал «Педагогическую газету» и газету «Донской скаут»⁷¹. С 1923 г. проживал в Болгарии, где работал с детьми эмигрантов в качестве сотрудника Отдела школьного воспитания русских детей в Болгарии, учительствовал в гимназиях Тырнова и Шумена, основал и руководил интернатом «Моя маленькая Россия». Именно тогда и произошла его встреча с маленькими мальчиками – Г. Мартыновым и Л. Агабековым. Работая на учительской ниве, Дегтярев опубликовал статьи по воспитанию детей на страницах пражских журналов: «Русская школа за рубежом» и «Вестник Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей». В Болгарии был издан ряд его книг для детей: «Смерть игрушки. Рассказы» (1929), «С детьми эмиграции. 1920–1930», «Моя маленькая Россия», и другие. Он печатался и в газетах русского зарубежья во Львове, Ужгороде, Чикаго, Белграде, Варшаве. Находясь в эмиграции, поддерживал переписку с иеромонахом Саввой (Струве)⁷².

⁷¹ Алексей (Дехтерёв): биография: URL: <https://www.peoplelife.ru/7763>

⁷² Алексей (Дехтерев Александр Петрович), архп. Виленский и Литовский. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Часть 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnye-ierarhi-perioda-s-1893-po-1965-gody-chast-1/48

Рис. 6. А.П. Дехтерев
в молодости⁷³.

В 1935 г. в монастыре преподобного Иова Почаевского (г. Ладомир, Чехословакия) Дехтерев был пострижен в монашество с именем Алексей и в том же году издал книгу «Писатель ангельского чина», посвященную святителю Игнатию (Брянчанинову). За стихотворение «Я Русь люблю» был награжден премией на конкурсе Союза русских писателей и журналистов Королевства Югославии (1935). Это стало началом его новой жизни священнослужителя: в Прикарпатье, в Александрии (Египет), в Литве. Дальнейшая его судьба оказалась удачной. В 1947 г. он принял советское гражданство и по возвращении в Москву был назначен на должность библиотекаря Троице-Сергиевой лавры. Неоднократно публиковался на страницах «Журнала Московской патриархии». В 1955 г. иеромонах Алексей был хиротонисан в сан епископа Виленского и Литовского, в 1957 г. возведен в сан архиепископа. На новой кафедре владыка показал

Рис. 7. Архиепископ Алексей
(Дехтерев)⁷⁴.

⁷³ URL: <http://facecollection.ru/people/aleksandr-dehterev>

себя хорошим администратором. По его ходатайству патриархия отпускала средства на ремонт православных храмов Литвы и на дотации духовенству. За три года деятельности в епархии было восстановлено большинство церквей. Умер он в 1959 г. и похоронен в Свято-Духовом монастыре в Вильнюсе⁷⁵. Вот такие неожиданные переплетения судеб открывает нам архив ДРЗ.

Немало интересных материалов о русских австралийцах содержит и **Фонд 1. Всероссийская мемуарная библиотека**⁷⁶. Он весьма обширен и разнообразен, но к российской диаспоре Австралии относятся только несколько собраний. Всего я насчитала 11 авторов, осевших там. Главным образом, это воспоминания, исходящие из рядов первой и второй волн массовой иммиграции. Некоторые из них уже привлекали внимание отечественных исследователей. К примеру, обширные воспоминания казачьего офицера Андрея Осиповича Приданникова уже стали предметом интересной статьи известного военного историка А.В. Ганина⁷⁷. В хранящемся в ДРЗ их фрагменте речь идет о событиях Первой мировой и Гражданской войн и жизни автора – его пути от Оренбурга до Китая⁷⁸. Сходные сюжеты можно найти в воспоминаниях Василия Павловича Трапезникова, охватывающих период 1914–1932 гг. и повествующих о событиях, происходивших в эти годы на Урале и в Сибири⁷⁹. Очень интересны Воспоми-

⁷⁴ Казаков, Алексей. Русский архимандрит в египетском плену. Как священнослужитель с советским паспортом оказался жертвой шпионской войны // НГ религии. 20.11.2018. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2018-11-20/15_454_people.html

⁷⁵ Алексей (Дехтерёв): биография.

⁷⁶ См.: Всероссийская мемуарная библиотека (ВМБ). Каталогный номер: 0001. Ф. 1. Оп. 1–2. 643 ед. хр.; 1918–2008.

⁷⁷ См.: Ганин А.В. Воспоминания и стихи А.О. Приданникова как источник по истории Гражданской войны. С. 332–338. URL: <http://orenkazak.narod.ru/PDF/Pridannikov.pdf>

⁷⁸ Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ав. 14. Д. 208. Л. 1–225.

⁷⁹ Там же. Ав. 5. Д. 263. Л. 1–11.

нения Чевекова Михаила Степановича 1917–1918 гг., где описываются первые годы Советской власти в Поволжье, и рассказывается о реквизициях и суровой действительности первых лет революции⁸⁰. Они очень схожи с уже опубликованным в РФ его же дневником, который он вел в те же годы. М.С. Чевеков (1898–1936) родился в Самарской губернии в семье крупного землевладельца Степана Симоновича Чевекова. О Чевекове-старшем можно найти упоминание в истории с. Теликовка Саратовской области: «Рассказывают, что Чевеков Степан Симонович имел 600 га земли. Она находилась в степи, на хуторе близ села Брыковка. Чевекову принадлежала паровая мельница», а также «большой амбар, который также принадлежал ему»⁸¹. Помимо того, он владел «тремя домами в селе Теликовка, а также домом в Николаевске, сдаваемом под плату. В начале 1918 г. бежал на Дон. Других данных найти не удалось»⁸². Столь же неопределенна и судьба его сына. В 1917–1918 гг. Михаил был гимназистом предпоследнего класса Хвалынской мужской гимназии. К этому времени и относится его дневник, находка которого сама по себе – целая детективная история. Книжку с записями нашли при ремонте старого дома в Хвалынске; это был дневник ученика седьмого класса мужской гимназии 18-тилетнего Михаила Чевекова за 1917–1918 гг. Описывая ситуацию после февраля, юноша отмечал в октябре 1917 г.: *«Теперь у нас две партии в России: партия развала и партия порядка. Вождь партии развала – А.Ф. Керенский, а партии порядка – ген. Корнилов. Но партия развала победила. Керенский – социал-революционер, ген. Корнилов – партия Народной Свободы.*

⁸⁰ Там же. Ав. 2. Д. 291. Л. 1–9.

⁸¹ Теликовка. Саратовская область: URL: <https://outdoors.ru/russia/outdoors/index9.php?id=27550>

⁸² Чевеков М.С. “Будет ужасная внутренняя война...”: Дневник Михаила Чевекова // Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / Авт.-сост. Н.В. Суржикова, науч. ред. Н.В. Суржикова; Авт.-сост. М.Б. Ларионова, Е.Ю. Лебеденко, и др. М.: РОССПЭН, 2017. С. 200.

Дело дошло до того, что мертвым начинаешь завидовать, не знаешь, будешь завтра жив или нет?! Я лично принадлежу к партии Народной Свободы, т. е. убежденный кадет. А смотря на все зверства солдат и крестьян, пожалуй, и монархист <...> Ввиду полнейшей анархии в стране крестьяне самовольничают, жгут, грабят, убивают. И вот между прочем (так в тексте – Н.С.) у нас на хуторе отравили всю скотину, в том числе и моего жеребца “Щелчка”. Как жестоко я ошибался в мужике до революции, теперь я его видеть не могу. Делают ни себе ни людям. Чем травить, хоть бы взяли себе или на армию». Такие настроения не обещали ничего доброго: «С самого утра до поздней ночи я скрывался в садах за мельницей и в дому крестьянина Арсентия Курякина от самосуда толпы. Весь день “солдатишки” с винтовками искали меня по богатым домам, даже и у крестьян. Но к Арсентию, как к бедному мужику, не приходили. Я лежал у Арсена на печи, заваленный всякой рухлядью. Бунтовала одна “сволочь”. О, какая страшная и грозная толпа. Говорили: “Если мы его найдем, то прямо на штыки”». С приходом большевиков стало еще хуже: Хвалынский объявили на военном положении, его «отца арестовали и посадили. Мельницу отобрали, имущество переписали». В январе 1918 г. юноша отмечал: «Город объявлен теперь на осадном положении; всякие сборища будут разгоняться вооруженной силой. Гимназистов арестовывают. Несмотря на все это, собираются массы народа на митинг. Что будет? У большевиков пулемет не работает. Ура! Иду на митинг!» В итоге семья лишилась всего имущества: «Участок отобран, мельница взята большевиками, имущество отбирают. Были богаты, теперь почти нищие. Папа уезжает на Дон. Для большевиков у меня четыре револьвера». В феврале 1918 г. «в селе Тиликовке Сам. губ. (где моя родина) был принудительный заем не только с богатых, но и со средних крестьян; “работали” с 1 ч. ночи до 5 ч. утра и набрали 25 тыс. р. Кто не давал, тех большевики секли до полусмерти. Плач на все село»⁸³. Хранящиеся в архиве

⁸³ Смородкин, Сергей. Отблеск пожара. Дневник гимназиста. 1917 год // Гудок. Вып. 06.01.2004. 10 полоса. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=764860>

ДРЗ воспоминания явно написаны гораздо позже, отличаются хорошим литературным языком, особенно приложенные к ним «Рассказы “Кузьмича”». Воспоминания участника Гражданской войны 1918 г. оренбургского казака» в пересказе М.С. Чевекова⁸⁴. Машинописные листочки с описанием событий после февральской революции 1917 г. в Хвалынске никак не озаглавлены, но во многом повторяют то, что нашло отражение на страницах его дневника. Автор подробно описывает реквизиции, грабежи и массовые поджоги урожая: «Так беспощадно рушилась старая матушка-Русь во имя “нынешних порядков – счастья народа”!?!». После прихода в 1918 г. к власти в Хвалынске большевиков ничем не обузданная ярость вылилась в «жестокости с той и другой стороны»: в ответ на репрессии комиссарам из центра просто резали горло. Дело усугублялось стычками красноармейцев с красногвардейцами, у которых было «больше привилегий»: «На это жаловались их (красноармейцев – Н.С.) жены»⁸⁵. После такого единственным выходом была борьба или эмиграция. Так Чевеков-старший ушел на Дон, а его сын, зарыв в потайном месте остатки семейного богатства, отправился в Приморье, а оттуда в Харбин. Но об этом в записках архива ДРЗ сказано буквально две фразы⁸⁶. Помимо этого, известно только, что в Харбине в 1936 г. Чевеков похоронил свою умершую в возрасте 35 лет жену, дочь бывшего начальника депо станции Владивосток, который погиб в Гражданскую войну⁸⁷. Как сложилась дальнейшая его судьба и как его воспоминания попали в АС, откуда они поступили ДРЗ, установить пока не удалось.

⁸⁴ См.: Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ав. 2. Д. 291. Л. 8–10.

⁸⁵ Там же. Л. 3.

⁸⁶ Там же. Л. 7.

⁸⁷ Чуваков В.Н. Незабываемые могилы. Т. 6. Кн. 3. Х-Я / Рос. гос. б-ка; Сост. [В.Н. Чуваков] / Под ред. Е.В. Макаревич. М., 2007. 704 с. URL: https://pomnirod.ru/assets/files/nekropol/nezabutie_mogili/Незабытые%20могилы%20.%20Чуваков%20В.Н.%20%20т. %206%20%20х-я.pdf

Еще одна подборка мемуаров связана с именем донского казака, генерал-майора русской армии Митрофана Алексеевича Моисеева. Он родился в 1894 г. в станице Константиновская (Область Войска Донского), в семье потомственного дворянина, офицера 1-го Донского полка Войска Донского. Судьба распорядилась так, что он стал участником Первой мировой и Гражданской войн. В конце 1917 г. вступил в ряды Добровольческой армии, в 1918 г. – в ряды Донской армии, участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени с лавровой ветвью (1917 г.) и знаком за Ледяной поход (№ 4117). В марте 1920 г. под Новороссийском был взят в плен, содержался в лагере Ростова-на-Дону и Рязани, мобилизован в РККА и отправлен на Польский фронт. Вскоре он дезертировал, вступив в ряды Красновского полка 3-й Русской армии, а после окончания советско-польской войны 19 лет прожил в отошедшем к Польше Гродно, являясь членом Союза русских военных инвалидов (1929–1939)⁸⁸. С началом Второй мировой Моисеев перебрался в Югославию, затем в Германию. В Югославии состоял в рядах казачьих подразделений вермахта (1939–1945), был старшим резидентом разведывательно-резидентской области “Б” (Киевский район), офицером Особого РОА штаба “Россия” (Зондерштаб “R” – Sonderstab-R /Russland/)⁸⁹. В 1945 г. М. Моисеев произведен исполняющим обязанности войскового атамана Всевеликого войска Донского генерал-лейтенантом Татаркиным в генерал-майоры казачьих подразделений РОА. После окончания войны в числе DP он с семьей уехал в АС, где умер в 1984 г. в г. Аделаиде⁹⁰.

⁸⁸ Митрофан Алексеевич Моисеев // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/moisevmial.php

⁸⁹ Минаев Дмитрий Николаевич. Русская эмиграция на стороне Третьего Рейха и его союзников. Генералы. URL: http://samlib.ru/m/minaew_d_n/rus_emig_1_2.shtml

⁹⁰ Моисеев Митрофан Алексеевич: URL: <https://memuarist.com/ru/members/1382.htm>. См. о нем также: 30-летию со дня кончины генерал-майора Казачьего стана Митрофана Алексеевича Моисеева. 06.10.2014. URL: <https://dobrovol999.livejournal.com/52136.html>

Рис. 8. М.А. Моисеев.

Незадолго до смерти в 1980 г. он опубликовал в США свою единственную книгу: Митрофан Моисеев. «Былое. 1894–1980», которую посвятил сыновьям – Георгию и Игорю. На ее страницах он описал исторические события, участником которых ему довелось стать. С большой теплотой Моисеев писал о

своих родителях и любимом деде, участнике русско-турецкой войны 1877–1878 гг., очень живо рассказывал о своем детстве – безмятежной жизни мальчика из весьма обеспеченной и всеми уважаемой семьи. Не менее подробно говорил и о своем взрослении, о политической ситуации в России, националистических настроениях в Киеве, где он оказался юношей. Первая и Вторая мировые войны также нашли отражение на страницах его воспоминаний, написанных прекрасным русским языком с позиций искреннего патриота своей Родины: «Во всех разговорах сказывалась гордость за Великую Российскую Державу, где немалое участие приняли казаки». Описанные им перипетии Гражданской войны, арест советскими властями – «Какая трагедия! Я – русский, в плену в России» – и ужас перед уничтожением всего, что ему было дорого, многое объясняют в его дальнейшем поведении и поступках, включая службу в РОА⁹¹.

Воспоминания М. Моисеева, хранящиеся в ДРЗ, состоят из двух частей. Первая, озаглавленная «Воспоминания старого корниловца» – малый фрагмент той главы,

⁹¹ Moiseev M.A. Былое (M.A. Moiseeff. Byloe) 1894–1980. San Francisco: "GLOBUS PUBLISHERS", 1980. С. 41, 102. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/moiseev_byloe_1894-1980_1980_ocr.pdf

что вошла в его воспоминания 1980 г. На машинописных страницах из архива рассказывалось о создании «батальонов смерти» в 1917 г. и их участии в боях на Юго-Западном фронте в Галиции⁹². Интересны его заметки о капитане Н.В. Скоблине, муже известной в те годы певицы Н. Плевицкой. Моисеев очень тепло писал о встрече с ним – «очень большим боевым офицером из Старой Русской и Белой Армии, в числе первых пришедших спасти Россию»⁹³. Митрофан Алексеевич отмечал и то смятение в армейских рядах, которое воцарилось в описываемое время; сообщал подробности ареста генерала Л.Г. Корнилова⁹⁴. Не изменял он своим взглядам и оставался верен идеалам молодости и по прошествии многих лет. Тем же духом восхваления подвигов своих товарищей по оружию пронизано и «Слово о первом Походе за Родину» – его выступление 22.02.1970 г. в Буэнос-Айресе на Первопроходческой встрече с соратниками⁹⁵.

Не менее любопытна и вторая часть его записок под заголовком «Зондер Штаб. Воспоминания из прошлого 2-ой Отечественной войны – сороковые года», которые тоже являются фрагментами из большой и подробной главы воспоминаний, опубликованных в США. Объясняя причины своего сотрудничества с гитлеровцами, он писал: *«Положение наше, Белых воинов, было неопределенное, а к тому же мы – Белые были участниками Первой мировой войны и к немцам никакой симпатии не могли иметь, но как говорят, что "цель оправдывает средства" и потому нам хотелось воспользоваться немцами»*. Моисеев подчеркивал, что был готов служить и в германских частях, *«если здесь вся деятельность будет сводиться на свержение коммунизма и восстановление*

⁹² О них подробнее см.: Базанов, Сергей. Право умереть за родину // История. 1-15.11.2008. № 21(861). URL: <https://his.1sept.ru/article.php?ID=200802104>

⁹³ Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ав. 1. Д. 169. Л. 2.

⁹⁴ Там же. Л. 8.

⁹⁵ Там же. Л. 10.

Единой России»⁹⁶. Именно потому, как бы делая акцент на своих патриотических целях – в его понимании, – он предпочитал носить свою форму старой русской армии. М.А. Моисеев подробно описывал ситуацию в Киеве при оккупационном режиме, ужасы войны и вербовку перебежчиков из РККА, которых помогал переправлять в Германию, свои встречи с партизанами⁹⁷. Любопытны и его наблюдения за настроениями внутри антисоветских сил. Он отмечал раздор в рядах украинских националистов: «Бандеровцы, Мельниковцы, Ковальковцы, Мазеповцы – все они дрались между собой»⁹⁸. Однако и ситуация внутри Зондер Штаба так же была далеко от единства. Сам Моисеев занимался вопросами разведки: «был “глазами” Штаба армии» – и попал под суд своих же соратников по обвинению в краже 40 бутылок водки. Ввиду явной нелепости обвинения был освобожден, и «Иудам из Зондер Штаба пришлось вернуть мне пистолет», который отобрали при аресте⁹⁹. Несмотря на отрывочность этих заметок, они содержат и некоторые факты, не вошедшие в большой текст воспоминаний, не соперничая с ним в информативности.

Представляет ценность и женский взгляд на события XX в. – в фондах архива содержатся материалы двух дел беженек из России. В первую очередь я бы выделила воспоминания бывшей сестры милосердия В. Васичко под заголовком «Когда Сталина еще не было» о революциях 1917 г. и событиях Гражданской войны¹⁰⁰. Об авторе воспоминаний ничего не удалось узнать, кроме того, что она сообщила в своих записках. Ее заметки начинаются с 1914 г., начала Первой мировой войны, когда она, слушательница Харьковского университета, пошла на курсы се-

⁹⁶ Там же. Л. 11.

⁹⁷ Там же. Л. 14–15, 18.

⁹⁸ Там же. Л. 18.

⁹⁹ Там же. Л. 20–21.

¹⁰⁰ Там же. Ав. 3. Д. 49. Л. 1–18.

стер милосердия. Судьба привела ее в Петербург, где она от Государя, как и все ее товарки, получила серебряную иконку Божией Матери с надписью «Спаси и Сохрани». Далее Васичко описывает свое пребывание в Ессентуках, Москве, Петрограде на фоне событий революции 1917 г. Самое ее страшное воспоминание – как разъяренные красноармейцы преследовали, избили и сбросили в Неву двух мальчиков-кадет, лет 10 от роду, которые пытались от них спастись, но не смогли убежать¹⁰¹. В записках есть и свидетельства полного развала страны и фронта. Это началось уже в годы Первой мировой; Гражданская война лишь усугубила все эти ужасы братоубийственной вражды внутри российского народа¹⁰². В 18 лет В. Васичко вышла замуж, ее супруг служил в Добровольческой армии, и она следовала, когда могла, за ним. Гражданская война привела ее в Майкоп, где она стала свидетельницей грабежей со стороны новой власти и убийства казаков – всех без разбора жителей станиц, вместе с женщинами и детьми, чтоб «и казачьего семени не осталось»¹⁰³. На всю жизнь она запомнила, как в госпиталь, где она работала, привезли редактора местной газеты с содранной «перчатками» от плеча кожей. В 1922 г. Васичко уехала к мужу в Грецию¹⁰⁴. То, что мемуаристка не преувеличивала виденного ею, подтверждают исследования С.П. Мельгунова, специально и самым подробным образом изучавшего варварские методы борьбы большевиков за власть в России¹⁰⁵.

Второе досье из Фонда Всероссийская мемуарная библиотека содержит мемориальные записки Инны Петровны Головки «Судьба человека», к которым приложены

¹⁰¹ Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Ав. 3. Д. 49. Л. 3.

¹⁰² Там же. Л. 4.

¹⁰³ Там же. Л. 12.

¹⁰⁴ Там же. Л. 17.

¹⁰⁵ См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», «P.S.», 1990. 210 с.

две ее брошюрки в обложках синего цвета¹⁰⁶. В папку также вложены и фото из семейного архива и машинописный текст (19 стр.) ее мемориальных записок, охватывающих период 1930–1940-х гг., который представляет собой сжатое изложение брошюры¹⁰⁷. В нем описаны мытарства семьи, начиная с 1937 г. (автору тогда было 13 лет). О своих родных, живших на Украине, Головки пишет кратко: ее отец был репрессирован и попал в концентрационный лагерь при Сталине. Когда в годы Второй мировой войны Украина была оккупирована немцами, она ушла вместе с их отступлением в Германию¹⁰⁸. Головки дважды была замужем; как ДР эмигрировала в Австралию, где через три года после приезда они с мужем уже обзавелись своей фермой и автомашиной¹⁰⁹. Именно оттуда, судя по грифу в описи Всероссийской мемуарной библиотеки, и прибыли черновики автора и написанные на их основе мемуары.

Собрание ДРЗ, относящееся к российской диаспоре в Австралии, относительно невелико, но весьма репрезентативно: это газеты, журналы, справочники и книги, где можно найти все основные материалы по истории попавших туда русских. Украшение коллекции – пусть и небольшие, но очень интересные архивные собрания.

Все эти материалы, невзирая на их фрагментарность и разрозненность, имеют определенную исследовательскую ценность. Это – живые голоса из прошлого: от впе-

¹⁰⁶ Головки И.П. Мой путь в Австралию. Мемориальные записки одного из эмигрантов Австралии. Брисбен, Австралия: Типография «Единение», 1986. 57 с. Это издание есть и в РГБ: Головки И.П. Мой путь в Австралию = My travel to Australia: мемориальные записки одного из эмигрантов Австралии / И.П. Головки. Chippendale: Unification Printers & Publishers, 1986. 57 с. Вторая брошюра – то же самое, но на английском языке.

¹⁰⁷ Архив ДРЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 69 (Головки И.П.).

¹⁰⁸ Там же. Л. 6.

¹⁰⁹ Там же. Л. 19.

чатлений детей, попавших в жернова истории России, до мемуарных заметок и биографических повествований непосредственных участников революции, Гражданской и Второй мировой войн. Географически коллекция документов ДРЗ охватывает Петроград, юг России, Сибирь, Дальний Восток и Китай. Будут ли еще поступления, сказать трудно, но и то, что есть, чрезвычайно интересно.

Нельзя сказать, что фонды архива ДРЗ открывают уж совсем неизвестные страницы нашего относительно недавнего прошлого. Силами русского зарубежья еще в 1920-х гг. начали публиковаться мемуары участников и свидетелей русских революций и Гражданской войны, оказавшихся за рубежами Родины. Перепечатки этих изданий в 1990-х гг. вернулись в Россию. Самый известный из них, пожалуй, Архив русской революции – уникальное печатное издание, вышедшее в Берлине в 1920–1930 гг. в 22-х томах под редакцией одного из видных деятелей партии кадетов И.В. Гессена, в которых публиковались воспоминания белоэмигрантов, материалы и документы, освещающие период Октябрьского переворота и Гражданской войны. Репринт Архива русской революции в 11 книгах был выпущен в России издательствами «Политиздат» и «Терра» в 1991–1993 гг. в серии «Русский архив»¹¹⁰. Тогда же, на волне перестроечных настроений, стали приоткрываться архивы ушедшего в прошлое СССР и массово появляться в свет сборники и альманахи, где вниманию публики представлялись отдельные фрагменты хранящихся в них документов¹¹¹. Одновременно и российские издательства массовым порядком запустили в производство многочисленные мемуары царских генералов и чиновников рубежа XIX–XX вв. Да и некоторые досье архива ДРЗ уже

¹¹⁰ Ныне эта публикация доступна и на сайте: URL: <https://www.shamardanov.ru/arhiv-russkoy-revolutsii-polnostyu-vse-toma-skachat.html>

¹¹¹ См., например: Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Книга 4, 1993. СПб.: «Русское прошлое», 1993; Неизвестная Россия XX век. М.: Историческое наследие, 1992–1993, Книги I–IV.

нашли своих пытливых исследователей и публикаторов. В меньшей степени популярны воспоминания о Второй мировой войне, но они по-прежнему весьма злободневны.

Вместе с тем, ценность этих документов, хранящихся в фондах ДРЗ, велика. Если говорить об их исторической информативности, то следует отметить, что речь в них идет о частных лицах, ставших свидетелями самых грозных событий прошлого века. Как и любые воспоминания, они являют попытку разобраться в происходившем, осмыслить пройденный путь и способ передать потомкам свою точку зрения на те исторические события, свидетелями и участниками которых стали их авторы. Мемуары русских австралийцев тоже могут быть тенденциозными. Ведь их авторы – люди, в отличие от эмигрантов из России рубежа XX–XXI вв., покинувшие отечество вынуждено. И память, и мироощущение их отягощены личной драмой. К слову, в 1991 г. во время поездки в АС я столкнулась не только с доброжелательностью многих представителей русской диаспоры, но и с откровенной враждебностью. Неприязненная реплика постояльца дома престарелых в Сиднее, брошенная в мой адрес: «Что, на белогвардейцев пришли посмотреть?», – вполне соответствует духу некоторых материалов, с которыми я ознакомилась в ДРЗ.

Но они – часть исторической памяти об уходящем от нас все дальше прошлом, сохранение которой необходимо. И их объективная ценность в эмоциональности авторов и взгляде «с другой стороны»: это – картина персонального восприятия ряда событий, которые если и освещались официальной историографией СССР, как правило, очень ограниченно и также тенденциозно. А без учета и такой, противоположной точки зрения невозможно дать взвешенную оценку многих до сих пор непримиримых воззрений на проблемы Гражданской и Второй мировой войн.

После знакомства с массивом документов ДРЗ мне стало понятным и то, почему АС считают, и часто не

вполне справедливо, послевоенным прибежищем нацистов. Да, среди иммигрантов – особенно итальянцев и немцев – встречались откровенные последователи гитлеризма и фашизма. Были, конечно, таковые и среди русских – главным образом среди белоэмигрантов, служивших в РОА. Но в конце 1940-х гг. в Австралию хлынул и поток русских беженцев из Центральной и Южной Европы и Китая, чья «вина» перед СССР состояла в неприятии советской власти и сталинской диктатуры. Причислять их к пособникам Гитлера, как минимум, неверно. Одномерный, идеологизированный, черно-белый подход к истории, практиковавшийся в нашей стране, ведет разве что к сохранению и закреплению предрассудков и негативных стереотипов.

Вряд ли упомянутые мемуары опубликуют в нынешней РФ: это своего рода альтернативная история – альтернативная той, что сейчас вновь приветствуется официально. Но без знания позиций их авторов нет, и не может быть объективной картины прошлого. А без такой актуальным останется знаменитый афоризм известнейшего российского историка Василия Осиповича Ключевского: «История не учительница, а надзирательница <...> она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»¹¹².

Спаси, Господи, опять попасть под ее суровую розгу!

¹¹² Ключевский, Василий. Записные книжки. СПб.: ЗАО «Издательство «Пропаганда»», 2003. С. 9.

Глава 8. ИДЕЙНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1920-Х ГГ. В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ИХ ЭКСПОРТ В ЕВРЕЙСКИЙ ИШУВ ПАЛЕСТИНЫ И ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ¹

Введение

Кругом бушевала революция, война, кругом только и говорили о новой жизни, о свободе, и я тоже рвался к этой свободе, но считал, что мы, еврейские парни и девушки, должны построить ее сами, своими собственными руками, на своей земле. И вот, в девятнадцатом году я стал готовить себя к новой жизни... в 1921 году наконец прибыл в Палестину. Тогда в Палестине жило всего 65 тысяч евреев, была безработица, был голод, жили в палатках...

Шмуэль Микунис, генсек Компартии Израиля в 1948–1974 гг.

В последние десятилетия вопрос о влиянии русской культуры в целом и русской революционной культуры, в частности, постоянно поднимается в дискурсе историков и культурологов, исследующих израильское общество. И это

¹ **Сведения об авторе:** Локишин Александр Ефимович, к.и.н., в.н.с. Отдела Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: ale-lokshin@yandex. ru

не случайно. Подавляющее большинство иммигрантов, прибывших в Палестину в составе двух первых волн репатриации, были выходцами из Российской империи. Первая *алия* (в переводе с иврита – «восхождение», переселение евреев на постоянное жительство в Израиль) происходила в 1882–1903 гг. и вторая – в 1904–1914 гг. Около половины иммигрантов третьей волны (1919–1923 гг.) приехали из Советской России. Именно «русские» первопроходцы второй и третьей волн иммиграции основали «Гистадрут» (Генеральную федерацию рабочих), превратили ее в 1930-х гг. в значительную политическую силу развивающегося еврейского сообщества в Палестине. Они же и руководили Израилем на протяжении первых десятилетий его существования, а партии, в которые они объединялись, долгое время доминировали на политической сцене.

Сами «русские» иммигранты редко задумывались о влиянии на них целого ряда образцов сформировавшейся идеологии, политики и культуры страны их исхода. У многих из них идеи, которые они привезли с собой, практический опыт, как и литературные пристрастия, кулинарные предпочтения, а также привычки сопровождали их всю жизнь. Их «русскость» необходимо рассматривать как явление, выходящее за рамки их личных биографий. Многие из иммигрантов воспринимали Октябрьскую революцию как начало нового мира, в создании которого они, будучи в Палестине, должны обязательно участвовать². Для мобилизации молодежи в ряды приверженцев социалистических форм еврейского национализма в 1930–1940-х гг. лидеры подпольных (в частности, добровольческих вооруженных частей – Пальмаха) и легальных сионистских социалистических молодежных движений в Па-

² Shapira A. 'Black Night – White Snow': Attitudes of the Palestinian Labor Movement to the Russian Revolution, 1917–1929 // Reinhartz J. and Shapira A. (Eds.). Essential Papers on Zionism. New York and London, 1996. Pp. 509–543.

лестине и Европе использовали некоторые элементы идеологии и практики русского революционного движения и советского государства³. Некоторые «русские» элементы смогли сохраниться, в частности, в культуре молодежных движений, сыгравших важную роль в формировании элит в Израиле в последующие годы.

В общественном сознании, публицистике и литературе утвердились такие понятия как «русскость», а в других интерпретациях – «большевизм». В опубликованном в 1985 г. «Русском романе» («Роман руси») израильского писателя Меира Шалева герои книги решили реализовать свои утопические ожидания не в России, а на земле Израиля. Они привезли в Палестину идеи социализма и сионизма, страстно желали совершить революцию, возродить землю исторической родины и создать на ней свободное общество тружеников земли. Роман исполнен благоговения перед легендарными фигурами первопроходцев, эти чувства смешаны с немалой долей иронии, критическим отношением писателя к происходящему. «Русский роман» был переведен на многие языки и издан в ряде стран, в том числе и в России⁴.

Молодые люди, добравшись до Палестины, желали соединить сионизм с социализмом и марксизмом, построить на основе справедливости, государственного планирования и общественной солидарности еврейское государство.

С 1970-х гг. ряд историков обратился к исследованию истоков и сущности русского влияния. Израильский историк И. Френкель в своей книге, посвященной еврейскому социализму в Российской империи, Палестине и США, заложил основы для понимания процессов трансплантации и трансляции идей, возникших у русской и еврейской

³ Tzachor Z. Le-Moskva ve-chazara – Melhoma shel Brit ha-Mo'atzot ba-Smol ha-Yisra'eli // Alpayim. 2003. Vol. 24. Pp. 65–74. Цит. по: Галили З. Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину // Ab Imperio. Winter 2003. No. 4. С. 330.

⁴ Шалев М. Русский роман М.: Текст, 2006. 637 с.

молодежи в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.⁵. Он идентифицировал «слои» и «влияния» разных периодов российской политической истории. «В то время, как многие из иммигрантов в начале 1880-х гг. находились под влиянием народнического мировоззрения и его идеалов», приехавшие в Палестину в 1904–1914 гг. «приняли идеологический вызов революции 1905 г.»⁶. Среди них было немало приверженцев идеи синтеза марксизма и еврейского национализма. Эти идеи проповедовал в своих сочинениях Бер Борохов, они же лежали в основе программы руководимой им партии *Поалей Цион*.

В 1920-х гг., как отмечала израильский историк А. Шапира, не только молодые иммигранты третьей *алии* 1919–1923 гг. вдохновлялись Октябрьской революцией и принимали ленинскую идею радикального действия. Среди сторонников революционных идей были и две наиболее выдающихся фигуры второй волны – генеральный секретарь профсоюза рабочих страны Израиля – *Эрец-Исраэль* (Гистадрута), председатель правления Еврейского агентства (Сохнута) Давид Бен-Гурион и один из учредителей Гистадрута и созданной в 1930 г. Рабочей партии Израиля – МАПАЙ (*Mifleget Po'alei Eretz Israel*) Ицхак Табенкин⁷.

МАПАЙ возникла в результате объединения двух партий «Ахдут ха-Авода» и «Ха-Поэль ха-Цаир». «Ахдут ха-Авода» («Единение труда») – сионистская рабочая партия была основана в Палестине в 1919 г. Её основание связано с формированием в годы второй *алии* еврейской рабочей культуры, ориентированной на коллективист-

⁵ Frankel J. Prophecy and Politics. Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge, 1981. В русском переводе: Френкель И. Пророчество и политика. Социализм, национализм и русские еврейство. 1862–1917. М.-Иерусалим: Мосты культуры, 2008. 847 с.

⁶ Галили З. Указ. соч. С. 332.

⁷ Shapira A. Berl, Tabenkin u-Ben Gurion ve-Yechasam le-Mahapekhat Oktober // Ha-Halikha al Kav ha-Ofek. Pp. 258–292.

ские ценности и, прежде всего, на труд самих евреев. Эта идея выражалась лозунгом «*кибуш ха-авода*» (завоевание труда), который предполагал, что все виды работ, должны выполняться только евреями. Зависимость от арабского труда должна быть прекращена. После окончания I мировой и Гражданской войн в России ожидался наплыв в Палестину новой волны иммигрантов. В этих условиях многие лидеры рабочего движения считали необходимым положить конец соперничеству между двумя сионистскими социалистическими партиями Поалей Цион и «Ха-Поэль ха-Цаир» и выступили с призывом к объединению. Единое рабочее движение должно было привлечь в свои ряды новых иммигрантов и оказать максимальное влияние на развитие ишува. Инициаторами создания партии выступили Д. Бен-Гурион, И. Табенкин, Берл Кацнельсон, Давид Ремез (Драбкин).

Организатор и идеолог новой партии Кацнельсон родился в Белоруссии, приехал в Палестину в 1909 г. Он сформулировал резолюции на учредительной конференции «Ахдут ха-Авода», состоявшейся в феврале 1919 г. Одним из ближайших сподвижников Кацнельсона был Ремез. Он также был выходцем из Белоруссии, эмигрировал в Палестину в 1913 г., впоследствии, в 1935 г. Ремез сменил Бен-Гуриона на посту генерального секретаря Гистадрута.

На конференции делегаты партии «Ха-Поэль ха-Цаир», не желая рассматривать себя «частью мирового социалистического движения», отказались войти в «Ахдут ха-Авода». Программа новой партии предусматривала полное освобождение «человека от гнета существующего порядка, при котором частный капитал управляет жизнью нации» и свою цель видела в том, чтобы *«подготовить переход к человеческому обществу, которое станет семьей свободных и равноправных наций. <...> Реализация этой цели предусматривала: а) передачу земли Страны Израиля, ее водных и природных богатств в распоряжение народа Израиля... б)*

переселение (алию) пионеров-первопроходцев в нашу страну, которые будут жить в ней трудовой жизнью, прокладывая путь и создавая условия для широкой всенародной алии и участвовать в формировании могучего рабочего класса... Было заявлено, что «Ахдут ха-Авода» является членом Всемирной сионистской организации и Социалистического Интернационала»⁸.

Вскоре партия превратилась в ведущую политическую силу ишува. Её деятельность была направлена на реализацию идей социалистического сионизма путем создания в Палестине сельскохозяйственных поселений, защиту интересов еврейских рабочих, поддержку репатриации и на сотрудничество с другими социалистическими и демократическими партиями. В дальнейшем один из лидеров «Ахдут ха-Авода» Табенкин поддержал создание МАПАЙ. Впрочем, между ним и активистами этой партии нередко возникали разногласия в связи с отношением к порядкам, существовавшим в ту пору в Советском Союзе, которому Табенкин явно симпатизировал. Часть из приехавших в Палестину социалистов-сионистов, мечтавших превратить страну в единую коммуну, ожидали, что Советский Союз станет их сторонником. Представления и идеи, которые сионисты-социалисты привезли из СССР, были переработаны и модифицированы самой реальностью Палестины, целями и задачами, которые стояли перед еврейской общиной – ишувом. «Иными словами, идеологическое значение “русских” и “советских” культурных образцов и формы их практического усвоения изменялись в зависимости от времени и обстоятельств»⁹.

С представлениями ряда авторов о том, что большевистская диктатура, политический и экономический кризис в первые послереволюционные годы способствовали

⁸ Предложение Генеральной ассамблеи рабочих Страны Израиля // Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время / сост. П. Мендес-Флор и Й. Рейнхарц. М., Иерусалим, 1995. Т. II. С. 533–535.

⁹ Галили З. Указ. соч. С. 333.

искоренению сионизма в России, и что эмиграция в Палестину практически прекратилась после третьей алии, решительно не согласна американский историк З. Галили¹⁰.

Советская Россия в 1920-е гг. была ареной интенсивной сионистской деятельности, охватившей тысячи молодых людей, ставших членами десятка партий и организаций¹¹. «Это было первое поколение российских евреев, пережившее не только революции 1917 г. и лихолетье Гражданской войны, но и участвовавших в политических и

¹⁰ Вряд ли можно согласиться с мнением израильского историка Б. Морозова, что с первых же дней установления советской власти, сионизм подвергался преследованиям и фактически находился под запретом. (См. его статью «Высланные в Палестину (из истории борьбы с сионизмом в советской России, 1924–1937)» // *Дiasпоры*. 2003. № 2. С. 202–228), в которой он пишет о наличии прямой причинно-следственной связи между отрицательным отношением В. Ленина к сионизму в 1903 г. и советской политикой 1920-х гг. Такого же мнения придерживается и российский историк Г. Костырченко в своих книгах: *Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм*. М.: Международные отношения, 2001. 779 с.; *Тайная политика Сталина. Новая версия. Часть I. От царизма до победы во Второй мировой войне*. М.: Международные отношения, 2015. С. 96–126. См.: *Галили З.* Указ. соч.; *Она же.* Сионизм в Советском Союзе в период от революции до Второй мировой войны // *История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза*. Т. 3. М., Иерусалим, 2017. С. 110–144.

¹¹ *Ma'or Y.* Ha-Tnu'a ha-Tziyonit be-Rusia me-Reshita ve-ad Yameinu. Jerusalem, 1973. Pp. 434–465 (сокращенная русская версия книги: *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим: «Библиотека-Алия», 1977. С. 412–438); *Refaeli A. (Tzentziper).* Ba-Ma'avak li-Ge'ula. Sefer ha-Tsiyonut ha-Rusit mi-Mahapekhat 1917 ad Yameinu. Tel Aviv, 1956. P. 29; *Radkey O.* The Elections to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1950. P. 17; *Gitelman Z.* Jewish Nationality and Soviet Politics. The Jewish Section of the CPSU, 1917–1930. Princeton: Princeton University Press, 1970. Pp. 79–80. Блок на выборах в Учредительное собрание, состоявший из сионистских и религиозных организаций и партий, набрал большинство голосов, отданных за все еврейские партии. За списки сионистов на выборах в январе 1918 г. на Всероссийский еврейский съезд было подано около двух третей голосов. Однако сам съезд из-за противодействия большевиков, провести не удалось.

культурных процессах, происходивших в стране в первую половину 1920-х гг.»¹². Закономерен вопрос: каковы же были условия, при которых возникли и развивались различные сионистские партии и организации и что же отличало этих молодых сионистов в Советской России от сионистов дореволюционной поры?¹³

В данной работе рассмотрим причины возникновения и развития сионистского движения в Советском Союзе в 1920-е гг., вкратце представим некоторые характерные черты, присущие общественно-политической обстановке в стране, степень и формы воздействия различных элементов «советского контекста» на деятельность членов сионистских организаций в Советской России, а, впоследствии, и в Палестине.

Свою задачу видим в определении места, которое занял «советский сионизм», его идеи в политической и общественной культуре еврейской общины в Палестине. Крайне важным источником при работе над статьей явился, изданный в 2019 г. в двух томах сборник «Сионистские партии и организации в СССР, 1920-е гг.». В нем опубликованы тексты документов и материалов 13 политических партий и общественных организаций, действовавших в Советской России с 1917 по 1932 гг., связанных одним общим названием – «сионисты». В зависимости от идеологических предпочтений члены этих партий делились на «социалистов», «трудовиков» и «надпартийных» еврейских националистов. В научный оборот включены документы из российских, украинских, израильских архивов, в том числе из архивохранилищ спецслужб Российской Федерации и Украины. Опубликованные материалы свидетельствуют о многообразии идеологических толкований сионизма в еврейском национальном движении, которое

¹² Галили З. Указ. соч. С. 334. (Здесь и далее подразумевается работа Галили: Советский опыт сионизма...

¹³ Там же.

было тесно связано с партиями и идеологическими течениями в Советской России в 1920-е гг. В то же время участники этого движения внесли свой весомый вклад в создание израильского государства. Документальные материалы дают достаточно полное представление о деятельности этих организаций в Киеве, Харькове, Одессе, Минске, Москве, Ленинграде и Саратове, во многих городах и местечках Украины и Белоруссии. Документы свидетельствуют и о том, что, несмотря на идеологическое противостояние большевиков принципам и целям сионизма, политика советской власти сделала возможным возникновение и развитие этих организаций (особенно в 1923–1925 гг.). Эти недоступные прежде материалы позволяют судить и об идейной эволюции и усиливающимся расколе сионизма в первое десятилетие после Октябрьской революции, а также о заимствовании сионистскими организациями некоторых идей и принципов советской политической, общественной и культурной действительности того времени. Немало из этих подходов были востребованными еврейским ишувом в Палестине. Ценным источником, позволяющим полнее представить условия, взгляды и быт переселенцев в Палестину являются опубликованные воспоминания активистов движения, в их числе собранные в книге «Мы начинали еще в России»¹⁴.

В данной работе автор обращается и к архивным материалам, хранящимся в российских и зарубежных архивах, таких как Государственный архив РФ (ГАРФ) – фонд ЦК Всероссийской трудовой организации «Ге-Халуц»; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) – фонды ЦК КПСС, Секретного отдела и Бюро Секретариата, Центрального бюро еврейских коммунистических секций при ЦК ВКП(б); Отдел рукописей Национальной и Университет-

¹⁴ Мы начинали еще в России. Воспоминания. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1983. 409 с.

ской библиотеки в Иерусалиме – архивный фонд семьи Шор и, в частности, дневник сионистского деятеля в Советской России начала 1920-х гг. профессора Давида Шора; Национальный архив Великобритании / Public Record Office, London (PRO) – материалы Еврейского телеграфного агентства (ЕТА). Документы из этих архивохранилищ содержат ценные сведения как об отношении советского руководства к сионистскому движению в стране, эмиграции, так и о политике по отношению к еврейскому населению, в целом.

Сионистское движение в Советской России

«Нет ничего удивительного в том, что сионизм нашел питательную почву в среде еврейской молодежи в 1920-х гг. Не прошло и десяти лет с момента бурного расцвета сионистской деятельности во время демократической революции 1917 г., когда Организация русских сионистов насчитывала около 300 тыс. членов и 1 200 региональных отделений»¹⁵. В том году сионистские общества и культурные общества действовали в большинстве регионов страны. Печатные издания выходили в почти каждом губернском и уездном городе, и во многих местечках. Развитие сионизма в 1920-х гг. было бы невозможно без организационных и мировоззренческих оснований, заложенных в 1917 г.

«Сионистское движение приобрело мессианский оттенок после обнародования 2 ноября 1917 г. Декларации Бальфура», в которой Великобритания заявила о благожелательном отношении к созданию еврейского очага в Палестине. «Только в одной Одессе более 100 тыс. человек прошли по улицам под сине-белыми флагами с лозунгом “Свобода в России, земля и свобода в Эрец-Исраэль”»¹⁶.

¹⁵ Галили З. Указ. соч. С. 335.

¹⁶ Refaeli A. (Tzentziper). Op. cit. Цит. по: Галили З. Указ. соч. С. 335.

Однако демократические завоевания февраля 1917 г. были серьезно ослаблены в результате прихода к власти под знаменем «пролетарской революции» большевиков. Сионистские организации отныне вынуждены были действовать уже в условиях ограниченной свободы. Тем не менее, в идеологическом и символическом плане, новая власть приветствовалась многими приверженцами социалистического сионизма. «Молодежь с энтузиазмом встретила призыв к строительству социалистического общества». Идеи Октябрьской революции «оказали значительное влияние на многие группы и персоналии, остававшиеся в орбите сионистской идеологии»¹⁷.

Вместе с тем, первые годы после прихода к власти большевиков оказались крайне тяжелыми для еврейского населения. Погромы 1918–1920 гг., в большинстве случаев спровоцированные антибольшевистскими силами, «охватили всю Украину и южную Россию, оставив около 150 тыс. человеческих жертв, не менее 500 тыс. бездомных и 300 тыс. сирот»¹⁸. «Тысячи еврейских беженцев передвигались к западным рубежам в поисках безопасного места. Демографические, экономические и психологические последствия погромов 1918–1920 гг. давали о себе знать еще целое десятилетие. С завершением Гражданской войны физический страх исчез, однако материальный и профессиональный кризис продолжал ощущаться. Многие евреи, воспользовавшись свободой передвижения и ослаблением экономического контроля во время НЭПа»¹⁹, покидали местечки и городки, переселялись в большие города в бывшей черте оседлости или города южной и центральной России, где имелись возможности найти работу, по-

¹⁷ Галили З. Указ. соч. С. 335–336.

¹⁸ См.: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2007. С. XIII–XIV.

¹⁹ Галили З. Указ. соч. С. 336–337.

ступить в высшие учебные заведения, развивать торговую деятельность²⁰.

Однако, сотни тысяч евреев продолжали по-прежнему жить в маленьких городах, источники их существования ограничивались мелким ремеслом и торговлей. Сотни евреев в декабре 1923 г. в ходе кампании по борьбе со спекуляцией и черным рынком были арестованы и изгнаны из Москвы²¹. Даже в 1926 г., по прошествии нескольких достаточно спокойных лет периода Новой экономической политики, все еще не располагали стабильным источником дохода порядка миллиона евреев²². Непростое финансовое положение евреев было не единственной проблемой, поскольку очень многие из них объявлялись «лишенцами». Это в свою очередь значило, что такие люди не имели возможности выдвигаться и избираться в местные органы власти, не могли голосовать, не имели права (равно как и их дети) на получение медицинских услуг или высшего образования. Их не принимали в

²⁰ В монографии израильского историка М. Альтшулера, в которой рассматривается история Еврейской секции компартии, приводятся данные о количестве евреев в советском бюрократическом аппарате (1921 г.: 61% в Белоруссии) и в учреждениях высшего образования (1923 г.: в Минске и Белоруссии 57%, в Украине порядка 40%) / *Altshuler M. Na-Evseksiia be-Brit ha-Mo'atzot, 1918-1930. Tel-Aviv, 1981. P. 168.* В свою очередь Я. Лещинский в своем исследовании дает следующую статистику: согласно переписи населения 1926 г. в Москве проживала 131 тыс. евреев (6,5% от населения в целом) и в Ленинграде – 84 тыс. (5,3%); при этом практически третью магазинов, указанных в телефонной книге г. Москвы в 1924 г., владели и управляли евреи; и порядка ¼ всех евреев значилось в той же книге в качестве «чиновников» и «инспекторов» в 1926 г. / *Leshchinski Y. Ha-Yehudim be-Rusia ha-Sovyetit mi-Mahapekhat Oktober ad Milchemet ha-Olam ha-Shniya. Tel-Aviv, 1943. P. 64, 78, 86.*

²¹ Еврейское телеграфное агентство (ЕТА) сообщало из Москвы, что 916 человек, главным образом евреи, были арестованы в Москве в декабре 1923 г. за спекуляцию, нелегальную торговлю. 532 человека были сразу же депортированы из столицы. См.: *Public Record Office, London (PRO). FO371/10491. P. 125.*

²² *Leshchinski Y. Op. cit. Pp. 86-88.*

Комсомол и профсоюзы, им не позволялось регистрироваться на бирже труда. Подобный статус как правило получали евреи «средней руки», которые владели небольшими ремесленными лавочками, куда они нанимали себе работников (отчего считалось, что они «эксплуатируют» труд других). Кроме того, в «лишенцы» часто попадали евреи по роду своей профессиональной деятельности связанные с синагогой и религиозной традицией²³.

С середины 1920-х гг. «советское правительство начало осуществление проекта, предусматривавшего поселение евреев на сельскохозяйственных землях Крыма, Украины и Белоруссии. Было создано правительственное агентство – Комитет по землеустройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ), а также общественная организация – Общество по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ)²⁴. К началу 1930-х гг. около четверти миллиона евреев были поселены на сельскохозяйственных землях»²⁵. Однако даже в конце 1920-х гг. положение значительной части евреев оставалось тяжелым. Так, например, в весьма непростой ситуации, пребывала молодежь в городах, где наблюдалась высокая плотность населения еврейского происхождения. Советские источники приводят удручающую статистику: не менее половины и даже более, до 2/3 девушек и юношей из еврейских семей не имели возможности получить образование и работу. В дополнение к демографическим и бытовым последствиям Гражданской войны и экономической политике, поставившей под вопрос перспективу выживания, советские власти отказывали евреям организовываться в общественные объединения. Хотя эта

²³ От 70% до 80% евреев вообще были лишены каких-либо средств существования. См.: *Gitelman Z.* Op. cit. Pp. 159-168; *Leshchinski Y.* Op. cit. P. 53.

²⁴ КОМЗЕТ – создан в 1924 г. при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР, ликвидирован в 1938 г. ОЗЕТ – формально общественная организация, создана в 1924 г., ликвидирована в 1938 г.

²⁵ *Галили З.* Указ. соч. С. 338.

политика не являлась антиеврейской, и большевики выступали против антисемитизма, тем не менее, радикальные ограничения в деятельности религиозных организаций, а также подавление любых форм местного самоуправления, за исключением советов, воспринимались болезненно и негативно. В 1919 г. общинные организации были распущены. Коммунистическая партия создала в 1918 г. Еврейский комиссариат (Евком) и Еврейскую секцию (Евсекция) при Центральном Комитете²⁶. Эти структуры стремились учредить «контроль над принятием любых решений, касающихся еврейского населения. Реализация этих целей приводила к фактическому поражению других партий, претендовавших на поддержку еврейского населения»²⁷.

К началу 1921 г. почти все еврейские социалистические партии: Объединенные еврейские социалисты, *Комфарбанд*, Бунд и коммунистическое крыло *Поалей Цион* были расколоты. Впоследствии те члены этих организаций, что ориентировались на большевиков, вступали в РКП(б) или в ее Евсекцию. У противников таких решений выбор был не богатый – уйти в подполье либо же прекратить заниматься политической деятельностью в принципе. Стоит отметить, что хотя Евсекция и обрела среди своих членов множество опытных активистов, имеющих связи с еврейским рабочим классом, что стало возможно после того, как большинство участников Бунда вступили в Евсекцию, тем не менее ее руководство направляло всю свою деятельность в основном на обеспечение политического контроля, а не на взаимодействие с народом.

И лишь в 1924–1925 гг. наметились определенные изменения в избранном Евсекцией курсе, произошла пе-

²⁶ Евком был создан в январе 1918 г., распущен в 1920 г., а затем реорганизован в отделение Народного Комиссариата национальностей. Евсекция просуществовала с осени 1918 г. до начала 1930 г.

²⁷ Галили З. Указ. соч. С. 339.

реориентация, «разворот к штетлу». Таким образом задачи Евсекции теперь состояли в том, чтобы улучшить экономическое положение евреев. В ход пошли лозунги об «аграризации», которая подразумевала, что евреи получают возможность селиться и работать на сельскохозяйственных землях. Вторым популярным направлением работы Евсекции стал вопрос о «продуктивизации» еврейского общества за счет приобщения евреев к промышленному и ремесленному труду²⁸.

Значительный успех сионистов в мобилизации еврейского населения свидетельствовал о неспособности Евсекции оправдать ожидания заметной части еврейского населения страны²⁹. Спустя десятилетие, прошедшее с Октябрьской революции, евреи в Советском Союзе полностью утратили возможность числиться и участвовать в общинных, политических организациях или религиозных структурах. Культура и образование на иврите оказались под запретом. Евсекция развернула кампанию против использования иврита - языка религиозного культа. Вместе с тем, были предприняты серьезные усилия по созданию сети культурных и образовательных учреждений, использующих литературу на идише. Тот факт, что языком повседневного общения часто оставался идиш, но попытки ограничить использование иврита воспринимались большинством еврейского общества весьма серьезно - как стремление разрушить основы национального самосознания евреев. Для каждой национальности признавался

²⁸ Altshuler M. Op. cit. Pp. 347-354.

²⁹ Секретные отчеты, подготовленные Евсекцией - свидетельство серьезного беспокойства ее руководства в связи с влиянием сионистов. См.: доклад Евсекции, датируемый июнем 1925 г. «Сионистское движение на Украине», а также в принятых на четвертой конференции Евсекции в октябре 1925 г. резолюциях о работе среди молодежи и борьбе с влиянием мелкой буржуазии / Российский Государственный Архив Социально-политической Истории (РГАСПИ). Ф. 445. Оп. 1. Д. 40. Л. 46-47, 61-63, 157-158).

только один национальный язык. В созданном в 1922 г. СССР т. н. «территориальные нации» получали гарантии национально-культурной, если не полной независимости или обособленности, то как минимум автономии. Реализация такой политики проявлялась в том числе в том, что коренным украинцам и белорусам отдавалось предпочтение в службе в правительственных, образовательных и культурных учреждениях³⁰. К тому же, новая политика, косвенно указывала на проблематичность статуса евреев как «экстерриториального меньшинства», пошатнула уверенность в том, что советская власть в состоянии решить их проблемы. Примечательно, что сионистская активность воспринималась с энтузиазмом не только молодежью, проживавшей в еврейских местечках и городах. Представители постоянно растущего численно студенчества из больших городов также часто становились во главе сионистских молодежных движений. Чтобы полноправно войти в новое советское общество им приходилось отрекаться от своей традиционной культуры и привычной религии, и большинство из них так и поступало. Тем не менее, значительная часть этой молодежи не могла отрицать само существование элементов идентичности, присущих еврейской нации, также и в силу того, что власти поощряли развитие собственных национальных культур народов, населявших СССР.

«Одной из основных черт советской политики 1920-х гг. был отказ от максималистских лозунгов и тотальной мобилизации в сочетании с использованием диктаторских мер, направленных на подавление оппозиционных идеологий и политических интересов. Чтобы найти поддержку своим планам восстановления хозяйства, власти не могли

³⁰ О политике коренизации см.: *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 528 pp.*; *Ненароков А. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов: 1917–1924 гг. М.: Наука, 1991. 270 с.*

не учитывать новые социальные, национальные и экономические реалии. Главные составные политического курса тех лет – НЭП, поощрение национальных меньшинств, проекты еврейской «аграризации» и «продуктивизации», общественная кампания в поддержку этих инициатив и использование помощи международных еврейских организаций – представляли не что иное, как способы приспособления к новой обстановке в стране. Эти обстоятельства создали предпосылки для формирования относительно свободного поля для общественной деятельности, в том числе и сионистской»³¹. Новая экономическая политика привела к появлению профессиональных и культурных структур, стимулировала общественные дебаты, а ряд корректив в политике по национальному вопросу облегчил некоторые формы национальной культурной деятельности.

Сионизм как таковой, казалось не противоречил фундаментальным основам советской политики, и его приверженцы использовали это обстоятельство до тех пор, пока советское руководство не решило создать автономную еврейскую территорию на Дальнем Востоке с центром в Биробиджане. Некоторые советские деятели усматривали в сионизме потенциальное решение проблемы еврейского национального меньшинства, осложнявшего осуществление национально-территориального принципа на Украине и в Белоруссии. Но весьма скоро рост влияния сионизма стал источником беспокойства у руководства этих двух республик. К тому же, работа сионистов во благо еврейской «продуктивизации» и проект сельскохозяйственных поселений преподносились как соответствующие целям советской политики в этих регионах. В свою очередь не могли игнорировать тяжелое экономическое положение евреев и зарубежные правительства, и международные еврейские организации. Их реакция совпала с

³¹ Галили З. Указ. соч. С. 343.

периодом, когда правительству Советов требовалась экономическая помощь со стороны иностранных государств, поэтому не удивительно, что международные организации, такие как, например, Joint Distribution Committee, использовали ситуацию в свою пользу. В частности, Джойнт воспользовался своими преимуществами – организация поддерживала сельскохозяйственные поселения совместно с КОМЗЕТОм, выделяла средства в помощь еврейским беженцам, – и вела переговоры с советскими властями в поддержку сионистов и выступая от их лица³².

Формирование поля для сионистской деятельности стало возможным не в последнюю очередь и благодаря тому, что в высших эшелонах советской власти отношение к сионизму было двойственным и нерешительным. Евсекция призывала к ликвидации всех сионистских организаций, а в тех случаях, когда терпела неудачу, жаловалась на засилье сионистов в общественных объединениях³³. Какими бы ни являлись истинные намерения, эффективность политических кампаний Евсекции зависела на каждом этапе от поддержки центральных органов власти: руководства РКП(б), органов безопасности и правительственных структур. Органы безопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ) в нескольких случаях открыто поддерживали репрессии против сионистов и их организаций. К примеру, в апреле 1920 г. ЧК провела несколько акций, направленных против сионистов, включая арест участников конференции сионистов в Москве. По всем отделениям ЧК на

³² О Джойнте, его вкладе в возрождение и развитие советской экономики см.: *Gitelman Z.* Op. cit. Pp. 237–238. Сохранилось немало свидетельств, в частности, воспоминания и дневник сионистского деятеля и музыканта Давида Шора, подтверждающих факты ходатайств руководителя Джойнта в Советском Союзе Джозефа Розена от имени сионистов. См.: *Шор Д.С.* Воспоминания. Архивный фонд семьи Шор (1521), Отдел рукописей в Национальной и Университетской библиотеке в Иерусалиме. Folder 449/6. Pp. 202–203. Розен требовал ответов на свои ходатайства и запросы как условие сотрудничества Джойнта с Евсекцией.

³³ См.: например: РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 40. Л. 157–158.

местах была разослана секретная директива, предписывающая оказывать помощь в работе Евсекции по пресечению сионистской деятельности³⁴. В октябре 1923 г. ГПУ поставило в известность Евсекцию о своем намерении выслать нескольких активистов сионистского студенческого общества «Хе-Хавер»³⁵. Однако в начале 1920-х гг. среди высших чинов органов госбезопасности не было единства во мнении относительно уровня опасности, которую представляло собой сионистское движение. Поэтому акции, подобные той, что описана выше, были редки. Интересный факт: когда на новом этапе развития Советов после завершения Гражданской войны Чрезвычайным комитетом в конце 1920 г. была разработана специальная директива для его региональных отделений, предусматривавшая новые правила политического контроля на местах, сионисты в ней не фигурировали вовсе³⁶. Разногласия достигли апогея в 1924–1925 гг., когда Ф. Держинский, одновременно глава ОГПУ и НКВД, фактически проигнорировал общее мнение своих подчиненных В. Менжинского, Г. Ягоды, Я. Агранова, Т. Дерибаса и Я. Генкина (четверо последних были евреями), утверждавших, что сеть сионистских организаций представляет угрозу для советского строя и должна быть ликвидирована³⁷. В письмах, направленных ведущим работникам ГПУ, Держинский потребовал прекращения преследований и арестов сионистов, будучи убежден в том, что цели, пре-

³⁴ Refaeli A. (*Tzentsiper*). Op. cit. Pp. 264–269.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–3. Письмо Генкина Эстер Фрумкиной.

³⁶ Директива была разослана 1 декабря 1920 г. См.: *Меньшевики в большевистской России, 1918–1924. Меньшевики в 1919–1920* / Под ред. З. Галили и А. Ненарокова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 62–63.

³⁷ Менжинский был заместителем Держинского, Дерибас возглавлял секретный отдел, занимавшийся работой по политическому наблюдению, а Генкин заведовал сектором, занимавшимся сионистами. См. также: *Ганелин Р.* Сталин и Гитлер (встречались ли они, какую роль играл в создании их союза еврейский вопрос?) // Барьер. Антифашистский журнал. 2000. № 1(6). С. 31–90.

следуемые сионистами в Палестине, приносят больше пользы, чем вреда для советского государства. Более того, он считал, что преследование сионизма является «политической ошибкой», которая поставит сионистов, как в Советском Союзе, так и за рубежом в оппозицию советскому правительству³⁸. Дзержинский был одним из нескольких советских лидеров, по различным причинам поддерживавших стремление сионистов к легализации. В эту условную группу входили также Д. Курский и Р. Катанян (соответственно нарком юстиции и помощник прокурора РСФСР, зав. подотделом надзора за органами ОГПУ в Наркомате юстиции), которые также стремились ограничить власть органов безопасности; Н. Крестинский (нарком финансов) и О. Каменева (жена Л. Каменева и сестра Л. Троцкого, возглавлявшая правительственную комиссию по иностранной помощи, в чьем ведении были контакты с западными благотворительными организациями, с 1926 по 1928 гг. председатель Общества культурных связей СССР с зарубежными странами). В её обязанности входило и установление контактов с Джойнтом. К 1924 г. к группе видных фигур в советском истеблишменте толерантно относившихся к деятельности сионистских организаций, присоединились П. Смидович и Ю. Ларин соответственно – председатели КОМЗЕТа и ОЗЕТа, оказывавших идеологическую поддержку проекту аграризации. К процессу обеспечения легальной основы для деятельности сионистов был причастен и ряд других большевиков из состава ВЦИК и Совнаркома³⁹. Центральной фигурой в том аль-

³⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 326. Л. 1–4. Полностью эти документы опубликованы в переводе на английский в статье: *Baizer M., Izmozik V. Dzerzhinskii's Attitude toward Zionism // Jews in Eastern Europe. Spring 1994. Vol. 25. Рр. 64–70* и частями на русском: *Измозик В. Ф.Э. Дзержинский, ОГПУ и сионизм в середине 20-х годов // Вестник Еврейского университета. 1995. № 1(8). С. 141–146.*

³⁹ Среди них – председатель ВЦИК, «всесоюзный староста» М. Калинин, секретарь ВЦИК А. Енукидзе, заместитель председателя

янке был Л. Каменев – заместитель В. Ленина на посту Председателя Совнаркома, Совета труда и обороны, член ЦК и Политбюро, один из руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, глава Моссовета. Заинтересованность Каменева в решении еврейского вопроса и легализации сионизма стимулировалась его тесными контактами с известным пианистом и профессором Московской консерватории Д. Шором, который, можно сказать, каждый день он бывал в квартире Каменева в Кремле. Из дневниковых записей последнего следует, что Шор часто выступал в защиту и просил за сионистов и сторонников иврита. Во многих случаях эти просьбы имели положительный отклик, т. к. Каменев и сам испытывал к Евсекции скорее антипатию, считая ее приемницей и последовательницей Бунда, который неприкрыто продвигал идею об исключительности представительства евреев в российской социал-демократии. Его отрицательное отношение к Евсекции опиралось и на то, что она была неспособна ни нивелировать последствия экономического кризиса, ни решить вопрос с евреями-беженцами. В конечном итоге Каменев оказал сионистам помощь и дал им возможность выйти на контакт с И. Сталиным. Как нарком по делам национальностей, член Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) и Генеральный секретарь ЦК, Сталин являлся центральной фигурой, тем единственным, кто мог поспособствовать в легализации сионистского движения, узаконить деятельность сионистов. Не последнюю роль играло и то, что при содействии своего соратника, члена и секретаря ЦК, кандидата в члены Политбюро В. Молотова, Сталин смог контролировать партийное Оргбюро, на заседаниях которого обсуждался и вопрос о сионизме.

Совнаркома А. Рыков, секретарь т. н. “малого Совнаркома” А. Киселев. Свидетельства поддержки высших кругов можно найти в работах: Tzentziper A. Eser shnot redifot. Tel Aviv: Brit “Kibuts Galuyot”, 1930. 121 pp.; Pines D. Hechalutz be-Kur ha-Mahapekha. Korot Histadrut Hechalutz be-Rusia. Tel Aviv, 1938. 190 pp., а также в дневнике Д. Шора.

Вместе с тем, те политические обстоятельства вряд ли могли способствовать полной легализации сионистской деятельности. Скорее, они показали двойственность и неоднозначность позиции самой власти, позволив представителям сионистов и ходатаям по их делам получить возможность для прямых контактов с руководителями партии и государства. Сионистские деятели различных направлений воспользовались открывшимися возможностями, чтобы представить свою позицию ряду советских лидеров. Они отвергали обвинения в том, что являются противниками советской власти, и при этом сионисты не отрекались и от своих главных целей национального масштаба: решение «еврейского вопроса», а также проблемы продуктивизации евреев (и в Палестине, и в России) они видели в сионизме, а миграцию в Палестину рассматривали в качестве способа стать частью еврейской государственности⁴⁰. Социалисты-сионисты подчеркивали при этом свои коллективистские цели⁴¹. Эти аргументы не могли не учитываться советским руководством, обремененным поисками решения нелегкой еврейской проблемы. По предложению М. Калинина, ВЦИК своим постановлением в июле 1919 г. разрешил деятельность сионистских организаций при условии, что «культурно-просветительная деятельность сионистских организаций не идет в разрез с постановлениями Советской власти, Президиум ВЦИК предлагает всем советским организациям не чинить препятствий этой партии в ее вышеуказанной деятельности»⁴². Этот документ был подписан секретарем ВЦИК А. Енукидзе. В этом постановлении деятель-

⁴⁰ Записка Центрального комитета Организации русских сионистов, адресованный наркому финансов Н. Крестинскому / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 233. Лл.7-7об.

⁴¹ См., например, письмо, направленное Сталину членами «Хе-Халуц» в августе 1923 г. / ГАРФ. Ф. 7747. Д. 8. Л. 75-75об.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 44. Л. 5 (нотариально заверенная копия).

ность, направленная на организацию еврейской эмиграции, не была упомянута.

Последовало быстрое освобождение сионистских лидеров, арестованных органами безопасности. В 1923 г. произошла юридическая регистрация «Хе-Халуц», вербовавшей рабочих в Палестину. Таким образом, несмотря на то что сионисты продолжали подвергаться преследованиям и гонениям (до середины 1920-х гг. не носивших системный характер), у них появилась реальная возможность осуществлять свою деятельность в СССР, не опасаясь расправы.

Российский и советский сионизм

Советский сионизм, другими словами, все сионистские организации, действовавшие в СССР в первое после революционное десятилетие, имел существенные черты преемственности с российским сионизмом. «Она выражалась не только в подчеркивании приоритета «практического» действия над фактом формального международного признания, но и в акцентировании значения миграции и создания поселений в Палестине»⁴³. Но появились и новые характеристики. Именно в качестве «советского» этот сионизм определяется, поскольку он складывался в меняющихся условиях советской действительности, которая оказывала огромное влияние на способность сионистов к самоорганизации, практической деятельности, привлечению новых сторонников. Сионистское движение инкорпорировало идеологии и практики, присущие политическому дискурсу Советской России. Вместе с тем, нельзя не заметить, и отличия сионизма советского образца от российского. Лидеры Организации русских сионистов (ОРС) покинули Россию в первые годы советского правления. Им было трудно приспособиться к новым условиям, к тому же социальная база ОРС оказалась сильно подорван-

⁴³ Галили З. Указ. соч. С. 349.

ной. И в идеологическом, и в культурном отношении сионистские организации оказались бессильными перед лицом поразившего все российское еврейство кризиса. Во время Гражданской войны принадлежность ОРС к Всемирной сионистской организации, руководящие структуры которой тогда находились в Лондоне, дала повод подозревать, что сионисты имели связи и сотрудничали с иностранными интервентами. Впервые подобное обвинение было выдвинуто в сторону членов Центрального комитета ОРС после их краткосрочного ареста в Петрограде в августе 1919 г.⁴⁴ В частности, советская печать обвиняла одного из сионистских лидеров В. Жаботинского в сотрудничестве с британскими империалистами и создании воинского Еврейского легиона, боровшегося за освобождение Палестины⁴⁵. В дальнейшем, особой критике подверглось соглашение Жаботинского с правительством Украинской народной республики, которое возглавлял С. Петлюра. Планировалось создание в составе Украинской народной армии отрядов еврейской самообороны. Они были призваны при вторжении на советскую территорию войск этой армии, защищать еврейское население в случае погромов. Однако, в советских газетах утверждалось, что отряды еврейской самообороны на самом деле прежде всего предназначены для борьбы с евреями-коммунистами.

Руководители новых сионистских организаций были более юными и менее опытными, но легче адаптировались к меняющимся политическим условиям в нестабильной обстановке. В 1917 г. в рамках ОРС они организовали *Цейрей Цион* или иначе – партию «Народная фракция». Поначалу партия оставалась довольно аморфным образованием, вмещающим в себя сразу два сионистских течения –

⁴⁴ См.: *Refaeli A. (Tzentziper)*. Op. cit. Pp. 36–37, 39, 123–125.

⁴⁵ О формировании и деятельности этого легиона см.: *Жаботинский В.* Слово о полку. История Еврейского легиона по воспоминаниям их инициатора. Вступительная статья и комментарии А. Локшина. М.: Текст, Книжники, 2012. 251 с.

социалистический и трудовой сионизм. Весной 1920 г. *Це-ирей Цион* распалась на две отдельные партии: Партию сионистов-социалистов (ПСС) и партию, получившую известность под именем Сионистская Трудовая Партия (СТП). В свете напряженности, которая сохранялась между ними и конкуренции, проявлявшейся в том числе в процессе агитации молодого поколения, и сложились основные черты сионистской политики в СССР на ближайшую декаду. Кардинально изменились и методы работы свежеспеченных сионистских организаций. Если ранее основным местом дислокации сионистов была синагога, где они вербовали новых членов и собирали пожертвования, то в послевоенный период, в советских городах, пребывающих в упадке из-за экономического кризиса, приверженцы сионизма «переквалифицировались» на работу в местных организациях и ячейках молодежных движений, перебрались в лавки и артели «Хе-Халуц». Пропаганда сионизма транслировалась и на разрешенных, и на полуподпольных заседаниях, где собирались студенты, рабочие, «беспартийные», даже невзирая на то, что деятельность на иврите в культурной сфере была официально в значительной степени ограничена. Идейное содержание также изменилось. Как «националисты», так и социалисты разделяли убеждение, что добиться возрождения еврейской нации можно лишь решив вопрос «продуктивизации» и нормализации еврейского общества, т. е. справившись с назревшими социально-экономическими проблемами. Этого, в свою очередь, по мнению сионистов-социалистов, можно было достичь только путем постановки и решения одновременно и социалистических, и национальных задач.

Характерной особенностью течения сионизма в стране Советов был также достаточно юный контингент его сторонников. Этот факт можно объяснить кризисом традиционных еврейских институтов, фактическим уходом из политической жизни старого руководства. «Возраст основателей конкурирующих партий, как правило, не

превышал 30 лет. Самым старшим из них едва ли исполнилось 35. Средний же возраст членов «Хе-Халуц» составлял 25 лет»⁴⁶.

На политическом небосклоне в 1922–1924 гг. появился ряд новых еврейских партий и организаций. Укажем на некоторые, наиболее заметные из них: Единая всероссийская организация сионистской молодежи (ЕВОСМ) возникла в результате раскола ряда студенческих еврейских обществ, вызванного разногласиями между социалистами и их противниками, в своих рядах насчитывала в 1925 г. около 12 тыс. членов; «Ха-Шомер ха-Цаир» («Молодой гвардеец») представляла собой детское и юношеское скаутское движение социалистического направления, имевшее в своих рядах также порядка 12 тыс. Также стоит упомянуть такие организации как Еврейский союз социалистической молодежи (ЕССМ), появившийся после раскола в 1923 г. «Ха-Хавер» – еврейского студенческого общества и Молодежную лигу сионистов-социалистов («ЦС Югенд-Фарбанд»), насчитывавшую 6 000 участников в 1925 г.⁴⁷.

Если сравнивать марксистскую сионистскую партию «Поалей Цион», основанную Бороховым в 1906 г. и впоследствии изменившую название на Еврейскую коммунисти-

⁴⁶ Бережанская И.Ю. Сионистские социалистические молодежные организации в Советской России 1920-х гг. (по документам российских и зарубежных архивов) // Память о прошлом – 2018. VII историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России: сб. ст. / Сост.: О. Н. Солдатова (отв. сост.), Г. С. Пашковская. Самара: Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив в г. Самаре» (Самара), 2018. С. 278.

⁴⁷ В дополнение к приведенной статистике, 9 000 членов состояли в 1926 г. в рядах «нелегального» крыла «Хе-Халуц» и 7 000 – в рядах «легалитов». См.: Refaeli A. (Tzentziper). Op. cit. P. 137. Есть и более скромная статистика: порядка 5 000 детей и подростков (в том числе около 3 000 человек в «Югенд-Фарбанд») числились членами украинских сионистских организаций молодежи, за исключением «Ха-Шомер ха-Цаир». См.: Mintz M. Illegal Zionist Organizations in Ukraine // Jews in Eastern Europe. Winter 1996. № 3(31). P. 58.

ческую партию (ЕКП «Поалей Цион») и Партию сионистов-социалистов (ПСС), которая в 1920-х гг. ратовала за социалистическое направление в сионизме, то деятельность и работа последней показывают себя более успешными. ПСС находилась вне сферы влияния коммунистической идеологии. В доктрине партии отстаивалась идея о том, что социализм «по-еврейски» может построить «трудящаяся» прослойка общества. В таком понимании это были все люди, живущие за счет своего собственного труда, и рабочий класс, который в марксистской идеологии занимал особое место, ничем принципиально не отличался от любых других постоянно работающих граждан. В идеологии ПСС уделялось особое внимание экономической и просветительской роли кооперативов.

В глазах несоциалистических критиков, крамольным поступком ПСС и одновременно причиной коренного раскола в сионистском движении в Советском Союзе в 1920-е гг., стало принятие «советской платформы». Насильственные методы правления ПСС воспринимала как вполне оправданный ответ на контрреволюционную деятельность, хотя и не одобряла политическую монополию РКП(б) в советских органах власти. Поддержка «советской платформы» была, прежде всего, связана с необходимостью считаться со сложившимися в стране политическими реалиями. Каждую доступную им возможность члены ПСС старались использовать, чтобы развернуть пропаганду своей идеологии социал-сионизма, и с учетом того, что власть большевиков с течением времени только крепла, и это нельзя было игнорировать, такая политика партии понятна и закономерна. В этой связи ПСС планировала принять участие, войти в состав еврейских советов, идею о создании которых активно лоббировало ЕКП «Поалей Цион». Свою эмоциональную роль сыграли и решительность большевиков, и тот факт, что они победили по итогам Гражданской войны. Так, лидер ПСС, и в дальнейшем один из руководителей израильского рабочего

движения Исраэль Бар-Иехуда (Идельсон), вспоминал, что завидовал большевикам, их масштабу и смелости, готовности к поиску неортодоксальных решений. *«Мы восхищались стремлением большевиков превращать социалистическую мысль в революционные действия, хотя и не одобряли принцип захвата власти меньшинством, силой оружия»*⁴⁸. В 1920–1925 гг. вся энергия партии была направлена на ведение практической работы среди различных слоев еврейского населения. Ведя активную агитационную и издательскую деятельность, социал-сионисты преследовали цель создать кооперативные ассоциации производителей и потребителей, организовать общества взаимопомощи, сформировать профсоюзы сельхозрабочих и ремесленников.

«Деятельность движения «Югенд Фарбанд», организованного в 1922 г. при участии ПСС, была сконцентрирована на рабочей молодежи»⁴⁹. Его участники присутствовали фактически во всех общественных объединениях времен новой экономической политики в еврейской среде: на производственных предприятиях, фабриках, в профсоюзах и клубах культуры и отдыха. В «Югенд-Фарбанд» в 1925 г. 20% составляли студенты, 20% – служащие, в то время как большинство участников движения были фабричными и сельскохозяйственными рабочими, и ремесленниками⁵⁰.

Строительство социалистического еврейского общества в Палестине требовало сочетания идеи «революционной социалистической войны» с «конструктивной работой»⁵¹. Среди многочисленных сионистских партий в СССР ПСС имела наибольшее влияние на процессы общественного и политического строительства в Палестине, что

⁴⁸ Цит. по: *Sefer TsS. Le-korot ha-Miflaga ha-Tziyonit-Sotzialistit u-Brit No'ar TsS be-Brit ha-Mo'atzot*. Erez Y. (Ed.). Tel Aviv, 1963. Pp. 43–44.

⁴⁹ Бережанская И.Ю. Указ. соч. С. 281.

⁵⁰ *Sefer TsS*. Op. cit. Pp. 151–214.

⁵¹ *Sefer TsS*. Op. cit. «Основополагающие тезисы нашей программы» (1925). Pp. 82–86.

было во многом благодаря близости между социализмом советского образца и другой его одноименной версией, которая пропагандировалась в Палестине иммигрантами второй и третьей волн иммиграции. Именно в социализме (и практической деятельности социалистических партий) они видели основу национального строительства.

Халуцианское движение

Движение «Хе-Халуц» («пионер» или «авангард» на иврите) стало наглядным примером того, как достаточно успешно могло проходить приспособление к советским реалиям и как укоренялись и переосмыслились идеологические и организационные образцы, заимствованные в Советах⁵². Организация «Хе-Халуц» была создана в Минске в начале 1918 г. На конференциях летом и осенью 1918 г. было решено, что «Хе-Халуц» будет беспартийной организацией трудящихся, ряды которой открыты для молодых людей, достигших 18-летнего возраста, признающих иврит своим национальным языком и готовых к поселению в стране Израиля – *Эрец-Исраэль*. Они должны жить там собственным трудом. Организация призвана готовить своих членов к жизни в Палестине, обеспечивать их доставку, способствовать их абсорбции. Конечная цель движения состояла в достижении в *Эрец-Исраэль* еврейского национального суверенитета.

К середине 1920-х гг. «Хе-Халуц» стал международной структурой, содействовавшей переселению иммигрантов в Палестину. Число участников движения быстро росло. Возростал и поток неорганизованных иммигрантов. Различными путями – через польскую и румынскую границу, страны Прибалтики, Кавказские горы халуцим достигали Палестины. Однако процесс неорганизованной репатриации отрицательно сказывался на развитии дви-

⁵² Подробнее о возникновении и деятельности этого движения см.: Мы начинали еще в России.

жения. В Палестину приезжали иммигранты, не владевшие рабочими профессиями.

На конференции «Хе-Халуц», состоявшейся в Харькове в октябре 1920 г., была подчеркнута необходимость соответствующей подготовки халуцим перед отправкой в Палестину. В период после Гражданской войны, когда Россия столкнулась со всеми ее последствиями и находилась в экономическом упадке, лавки ремесленников и общинные хозяйства «Хе-Халуц» взяли на себя сразу несколько функций. Здесь будущие иммигранты получали не только необходимые знания, но и жилье, пропитание и возможность трудоустройства. Деятельность этой организации, впрочем, служила не только улучшению материального положения евреев и социальной нормализации. По замыслу ее основателя Иосефа Трумпельдора, «Хе-Халуц» должен был сочетать в своей работе национальные и социалистические цели. Для практической их реализации следовало опираться на большевистские методы. «Хе-Халуц», как он считал, станет во главе нации, будет служить движущей силой в деле создания еврейской государственности в Палестине, основанной на принципах революционного толка: коллективизме, труде, национализации земельных угодий. Лишь организация с сильно централизованной властью и с железной дисциплиной может, считал Трумпельдор, рассчитывать на воплощение этих целей в жизнь и подготовить массовое переселение евреев в Палестину⁵³. На I съезде «Хе-Халуц» в 1919 г. Трумпельдор был избран председателем движения. Он предложил ввести военную подготовку для членов «Хе-Халуц».

Своеобразное соединение национализма, социализма и милитаризма было характерно и для карьеры самого Трумпельдора – офицера русской армии, потерявшего

⁵³ Воззрения Трумпельдора представлены в его статье «“Техалуц”, его сущность и ближайшие задачи». Материал был опубликован на русском языке издательством «Кадима» в 1918 г. в Петрограде.

руку в одном из сражений русско-японской войны, а позже, в годы Первой мировой, служившего в британском дивизионе сионистов. За несколько лет жизни в Палестине Трумпельдор сблизился с иммигрантами радикальных взглядов из второй алии. Своей приверженности большевистским идеям и симпатии к политике военного коммунизма он также не скрывал⁵⁴. Вернувшись в Россию в июне 1917 г., Трумпельдор был убежден, что, воспроизводя советские организационные образцы в практической деятельности «Хе-Халуц», адаптируется к советским условиям, и ее деятельность станет полностью легальной⁵⁵. В 1919 г. он был вновь в Палестине, где погиб при защите еврейского поселения на севере страны в 1920 г. Личность Трумпельдора стала легендарной не только для сионистов, но и всего ишува⁵⁶. Приверженцы и социалистического, и националистического направлений, конкурирующих в «Хе-Халуц», ссылались на его авторитет при решении спорных вопросов.

В последующие годы происходил быстрый рост движения. Одним из важных центров сельскохозяйственной подготовки халуцим стала коммуна *Мишмар ха-Волга*, действующая недалеко от Саратова. Молодые люди, работавшие на ферме, вспоминал член коммуны Бецалель Нехоран, «были непривычны к физическому труду вообще, а тем более к сельскохозяйственному. Русские инструкторы обучали нас без энтузиазма, подозревая, что мы

⁵⁴ «Если бы в израильском государстве объявился вдруг еврейский большевизм, я бы взялся за оружие и пошел сражаться, – заявил он приятелю из времени своей службы в британском дивизионе. – Да, но что бы я стал делать с русским большевизмом?». Цит. по: *Laskov Sh. Trumpeldor, Sipur Chayav*. 2-nd edition. Jerusalem, 1982. P. 184.

⁵⁵ *Laskov Sh*. Op. cit. Pp. 169–171; *Пунес Д.* Ге-халуц и революция // Мы начинали еще в России. С. 37–43.

⁵⁶ См.: *Zerubavel Y. Recovered Roots. Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*. Chicago: Chicago University Press, 1994. 360 pp. По мнению автора, миф о Трумпельдоре существовал многие десятилетия, к нему не раз обращались в политических дискуссиях.

большевики..., хотя были среди них относившиеся к нам с симпатией и уважением <...> К нам присоединились юноши и девушки, прибывшие из дальних мест, и коммуна жила интересной жизнью. Сам образ жизни был для нас совершенно новым: физическая работа днем, и культурная – вечером, изучение иврита, дискуссии, песни на иврите»⁵⁷.

Добравшись до Москвы, многие члены группы, обратились к московскому раввину Я. Мазе с просьбой официально зарегистрировать их браки. По совету раввина, каждый новобрачный с немалым трудом достал копию брачного свидетельства (*ктубы*) и перевел ее с арамейского. Мазе, который пользовался авторитетом у новой власти, заверил каждый перевод своей подписью и печатью. Имена жен были занесены в документы иммигрантов, которым с большим трудом удалось получить от советских властей разрешения на выезд. Приехав в Батум, поднявшись на борт грузового корабля «Маршал Фош», отплыв от берега, они, «восблагодарили Бога за то, что Он спас» их «от когтей Советов после трех лет голода, холода и лишений». Оказавшись на перевалочном пункте вблизи Стамбула, халуцим смогли достать оружие для доставки его отрядам самообороны в Хайфе. В 1922 г. они смогли добраться до Палестины.

Еще один центр подготовки переселенцев находился в небольшом городке Ярцево, неподалеку от Смоленска. Трудовой отряд насчитывал шестьдесят человек, из которого не менее трети составляли женщины. Члены ярцевской коммуны пилили лес, разгружали вагоны со строительными материалами, занимались другими тяжелыми работами. В 1923 г. многие члены коммуны смогли добраться до Палестины⁵⁸.

⁵⁷ Нехоран Б. Коммуна «Мишмар – ХА – Волга» // Мы начинали еще в России. С. 104–106.

⁵⁸ Кутман Ц. Ярцевская коммуна // Мы начинали еще в России. С. 121–125.

Легальный статус «Хе-Халуц» получило в августе 1923 г., когда НКВД санкционировал его регистрацию как общественной организации⁵⁹. Эта регистрация позволила московскому бюро «Хе-Халуц» контролировать многочисленные производства, действовавшие под его контролем в 1924–1925 гг. Легальный статус «Хе-Халуц» дал возможность издавать свой печатный орган, иметь представительство в Москве, которое вскоре фактически стало сионистским центром в Советской России, спонсировать разнообразную культурную деятельность, обеспечивая, таким образом, основу для легальной сионистской активности⁶⁰.

Вместе с тем, легализация стала предметом ожесточенных дискуссий в самой организации и вызвала ее раскол на два крыла: «легальное» («классовое») и «нелегальное» («национальное»). Тот факт, что «легалисты» были готовы сотрудничать с утвердившемся в России советским режимом и подстраиваться в своей работе под его правила националисты рассматривали как отказ решать национальные еврейские вопросы⁶¹. Со своей стороны, сторонники легальности «классового крыла» в лице организации «Ге-Халуц в СССР» с гордостью заявляли о своих успехах, о том, что им удалось эффективно развивать сионистскую деятельность в условиях НЭПа, к тому же задействуя и пригодный для практики социал-сионизма советский

⁵⁹ После того, как был разработан механизм легализации, регистрация всех общественных организаций в НКВД стала обязательной. / *Finkel S. Scholarly Transgressions: The Expulsion of Intellectuals and the Politics of Culture in Soviet Russia, 1920–1924. Ph.D. dissertation, Stanford University, 2001, Chapter 7.*

⁶⁰ В рамках кампании Евсекции по дискредитации «Хе-Халуц» и прекращению ее деятельности, членами Евсекции в сентябре 1924 г. на рассмотрение ЦК РКП(б) был представлен доклад, в котором «Хе-Халуц» вменялись связи и сотрудничество с сионистскими движениями и партиями. См.: РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 167. Л. 3–10.

⁶¹ *Hechalutz be-Rusia. Le-toldot Hechalutz ha-Bilti-Legali (ha-Le'umi-Amlani). Tel Aviv, 1932. P. 42, 227.*

опыт. В частности, речь шла об использовании советских государственных институтов и каналов влияния. Во время 20-месячной кампании по признанию «Хе-Халуц», бюро организации в Москве постоянно поддерживало контакты с НКВД, Народным комиссариатом по делам национальностей и с Президиумом ВЦИК⁶².

Руководители бюро провели встречи со многими высокопоставленными советскими деятелями, в том числе и с заместителем И. Сталина на посту наркома по делам национальностей Г. Бройдо, принимавшим активное участие в разработке регистрационных документов, а также с М. Калининым, А. Енукидзе, П. Смидовичем и другими, а летом 1923 г. встречались и со Сталиным.

Советские власти вполне устраивал тот факт, что «Хе-Халуц» отмежевался от Всемирной сионистской организации. Это нисколько не повлияло ни на его признание сионистскими лидерами в других странах, ни на ожидания от перспектив сотрудничества с Советской Россией у лидеров рабочих организаций в Палестине. Д. Бен-Гурион, представлявший «Гистадрут» на международной сельскохозяйственной выставке в Москве, в одном из своих писем из Москвы осенью 1923 г., направленного в исполком его организации писал: *«Ни в одной другой стране "Хе-Халуц" не имеет такой ответственной задачи и таких широких возможностей, как в России. Правительственные советские круги признают ценность вклада "Хе-Халуц" в приобщении евреев к трудовой жизни, и особенно сельскохозяйственной. Как ни в какой другой стране, "Хе-Халуц" способен подготовить и обеспечить Эрец-Исраэль таким количеством опытных, пре-*

⁶² Ход кампании подробно представлен в книге: Pines D. Hechalutz be-Kur ha-Mahapekha. Korot Histadrut Hechalutz be-Rusia. Tel Aviv, 1938. Рр. 125–128, 135–139, 189–199. Дополнительные сведения см.: ГАРФ. Ф. 7747. Оп. 1. Д. 8. Л. 41–44, 67–70об, 72, 77–79, 81, 83–86; РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 119. Л. 135.

данных и лояльных рабочих, подобных которым... вряд ли можно будет найти в какой-либо другой стране»⁶³.

«"Хе-Халуц" поддержала проект еврейских сельскохозяйственных поселений в России, несмотря на возражения и озабоченность со стороны международных и российских сионистов, опасавшихся, что он негативно скажется на привлекательности сионистских целей и лозунгов. Однако оба крыла "Хе-Халуц" не могли согласиться с мнением Евсекции, убежденной в том, что проект аграризации представляет собой решение еврейского вопроса в России и за ее пределами. В то же время, "легалисты" подчеркивали, что палестиноцентристский сионизм не предполагает скорого решения экономических и социальных проблем»⁶⁴.

Согласно программе «классового» крыла «Хе-Халуц», в Палестине предполагалось основать национальное поселение, жизнь которого базировалась бы на принципах классовости и коллективизма, принятых в «обществе еврейских рабочих». Этот проект должен был стать центром революции на Ближнем Востоке, равно как и элементом рабочего движения на международном уровне. Но именно эта идея «легалистов» с самого начала вызывала наибольшее количество споров⁶⁵. Лидеры «Ге-Халуц в СССР» стремились к тому, чтобы свою организацию поставить в центр сотрудничества между советской экономической системой и «Гистадрутом» в Палестине. После серии переговоров с представителями советских производственных организаций и банков ЦК «легального» крыла в декабре 1924 г. «Ге-Халуц в СССР» отправил в Палестину своих представителей «для выяснения возможности

⁶³ Hechalutz be-Rusia. Pp. 42, 227. Письмо Бен-Гуриона исполкому Гистадрут: Halutzim Hayinu be-Rusia. Erez Y. (Ed.). Tel Aviv, 1976. P. 445.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 7747. Оп. 1. Д. 8. Л. 41-44, 67-70об, 72, 77-79, 81, 83-86; РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 119. Л. 135.

⁶⁵ См.: Dor N. Korot Tnu'at ha-Avoda ha-Tziyonit Tze'irei Tzion-Hit'achdut be-Rusia ha-Sovyetit. Tel Aviv, 1945. Pp. 82-83.

установления тесной связи между хозяйственными и культурными органами СССР и профессиональными и хозяйственными институтами трудовой Палестины». Руководство движения поддержало проект об открытии представительства «Гистадрут» в Москве, помогало распространять его печатные материалы, способствовало получению права монополии для этой организации на экспорт из СССР⁶⁶. В самой Палестине к этим усилиям «легалистов» относились вполне серьезно. Все подразделения «Гистадрута» должны были «обсудить эти планы и выработать практические предложения по установлению экономических и коммерческих связей с советской Россией»⁶⁷.

Значимые изменения, произошедшие в жизни еврейского населения, такие как ослабление и частичное разрушение семейных традиций и общинных институтов были спровоцированы множеством причин. Здесь сыграли свою роль и преследования на почве религии, и экономически бедственное положение евреев, и появление новых социальных и культурных стандартов на месте старых, и, безусловно, революционная риторика, занявшая центральное место. И эти же изменения послужили причиной того, что большое число еврейской молодежи присоединялось к сионистским организациям в поисках ответов на новые вызовы времени. Еще в преддверии Октябрьской революции стали появляться разнообразные студенческие общества, куда входили молодые евреи, а к 1917 г. их количество возросло. Последовавшая за Октябрем Гражданская война на время полностью свела на нет их деятельность, поскольку члены этих организаций были мобилизованы в Красную Армию на борьбу с антиреволюционными силами. Примечательно, что именно Крас-

⁶⁶ Подробнее об общественно-политических, торгово-экономических, культурных и научных контактах между СССР и ишувом см.: *Аганов М.* Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920–1930-е гг. Тюмень: «Вектор бук», 2011. 322 с.

⁶⁷ *Галили З.* Указ. соч. С. 359.

ная Армия позиционировалась в то время в качестве главным щитом евреев от противников революции. Вновь активизировались студенческие общества в начале 1920-х гг.: студенты (в том числе те, кто разделял социалистические воззрения) направили свою деятельность на помощь безработным евреям и еврейской молодежи. В студенческой среде больших городов молодые евреи были весьма начитаны, мимо них не прошли труды по истории социализма и коммунизма, по социальной теории, по экономике. К тому же, сильное влияние на юные умы участников советских молодежных организаций, а также школьников оказывали и революционные лозунги. На период их взросления пришелся переворот в образе мышления, стиле жизни, изменились интеллектуальные потребности, появились новые организационные стандарты. В 1920-е гг. грань между мифологизированной идейностью большевиков, порожденной революцией и практической деятельностью ПСС была весьма зыбкой и трудноразличимой. И российская молодежь тех лет (и еврейская, и не еврейская) была восприимчива к новым веяниям времени, поскольку с детства и в пору юности нередко воспитывалась и выросла на примерах борьбы народовольцев и других революционеров. Поэтому их качества она нередко приписывала и большевикам. Для сионистов, в особенности тех из них, кто не разделял социалистические идеи, миф о светлом будущем и тяга молодежи к большевизму стали источником беспокойства⁶⁸. Вот как высказывался один из критиков революции 17-го года из числа ветеранов ПСС: «Когда я читал советские романы о революции и гражданской войне, я невольно отождествлял себя с (большевистским)

⁶⁸ Создание в июле 1922 г. социалистического молодежного движения «Единой всероссийской организации сионистской молодежи» мотивировалось не в последнюю очередь опасением, что она может попасть под влияние Евсекции и коммунистических молодежных движений, не сумеет устоять перед искушением большевизма. См.: *Dor N.* Op. cit. Pp. 69–70, 98.

героем»⁶⁹. Впитав революционные идеи, немало представителей еврейской молодежи пытались применять их в своей активной деятельности и объединить дух социализма с национальной самоидентификацией. Советские практики и идеи внедрялись в жизнь евреев разными способами, реализовывались в различных формах. В качестве образца назовем «Еврейский союз социалистической молодежи» (ЕССМ). В 1923 г. его лидеры разработали идейную платформу «Наш путь», в которой продвигалась идея абсолютного баланса, совместимости идей марксизма и сионизма. В документе постулировалось, что задачи, которые стоят перед обществом – национальные еврейские с одной стороны, и социалистические – с другой целиком и полностью дополняют друг друга и неразрывно связаны. Еще один программный тезис членов союза утверждал взаимосвязь между принципами социалистического действия, которые были характерны для Революции Октября и «социалистической моралью», применимой в деятельности палестинских пионеров. По словам юных теоретиков, именно благодаря такой программе ЕССМ стал той структурой, которая вызывала среди молодежи большой энтузиазм и веру в успех строительства в Палестине социалистического общества, которое бы существовало и развивалось с опорой на принципы марксизма. Молодежная лига сионистов-социалистов (ЦС *Югенд Фарбанд*), созданная партией сионистов-социалистов, «занималась ведением “конструктивной” работы в среде рабочей молодежи. Ее адаптация к советским условиям была преимущественно организационной, хотя ее члены были вынуждены определиться более четко в идеологическом отношении, чтобы дистанцироваться от еврейских коммунистов и сионистов-несоциалистов, также приступивших в 1922–1925 гг. к созданию молодежных движений»⁷⁰. Среди ос-

⁶⁹ Цит. по: *Levite L. Bereshit va-Saar*. Edut Ishit. Tel Aviv, 1977. P. 323.

⁷⁰ *Галили З.* Указ. соч. С. 362.

новых положений программы были: построение социалистического еврейского общества в качестве конечной цели, для её достижения необходимы социалистическая колонизация Палестины, а также национальная автономия в странах диаспоры, принадлежность движения еврейских рабочих к революционному крылу международного социалистического движения⁷¹.

Еще один вариант сплетения сионизма и советских идей представляла «Ха-Шомер ха-Цаир» («Юный страж»). Его руководители, Яков Хазан и Меир Яари в 1920 г. прибыли в Палестину. В идеологии этого движения переплетались идеи социализма и сионизма. «Ха-Шомер ха-Цаир» стремилось наладить отношения между евреями и арабами в Палестине, выступало за создание двунационального государства. Идеи воспитания человека «нового образца» гармонично сочетались в этой организации с принципами скаутских движений и с элементами советского образования. Первые и самые преданные члены «Ха-Шомер ха-Цаир» говорили о предрасположенности студентов-евреев, которые в своем понимании этих вопросов опирались на советское представление о пролетариате как некоем идеале, к тому, чтобы видеть в еврейской пролетаризации в Палестине возможность воплотить в жизнь революционные принципы как личностных, так и социальных изменений. В отсутствии собственной идеологической базы, участники «Ха-Шомер ха-Цаир» гармонично объединили национальные идеи евреев и советскую идейную пропаганду. Воплощать программу организации предполагалось следующим образом: юное поколение евреев должно было расти с пониманием своей значимости как будущих представителей пролетарского общества, состоящего из «рабочих коллективистов», и по достижении возраста 17–18 лет должно было превратиться в общность хорошо об-

⁷¹ Программа была написана на русском языке. Перевод на иврит: Rivot I. Prakim be-toldot "Tzerei Tziyon". Tel Aviv, 1965. P. 58.

разованной еврейской молодежи, которая бы четко осознавала что именно ей предназначено строить национальное общество в Палестине⁷². При этом со стороны лидеров «Ха-Шомер ха-Цаир» наблюдалось дистанцирование от ПСС, которая в гораздо большей степени чем молодые последователи «Ха-Шомер ха-Цаир» делала акцент на проблеме самоидентификации. И лишь когда движение вынуждено ушло в андеграунд в конце 1920-х гг., его лидеры начали осознавать и признали, что главной причиной радикализации членов «Ха-Шомер ха-Цаир» а также причиной слабого влияния самого движения было отсутствие у него собственной проработанной идеологии. Чтобы исправить положение, члены «Ха-Шомер ха-Цаир» использовали некоторые положения, взятые у ПСС.

Итак, каждая из сионистско-социалистических организаций отстаивала свою особую идентичность, идеологию, методы деятельности, исходя из специфики социальных, образовательных и политических условий и восприятия своих целей и задач.

Случай коммуны «Войа Нова»

Сионистское движение в Советской **не** стало «улицей с односторонним движением», исключительно ориентированным на иммиграцию в Палестину. Факты свидетельствуют и позволяют говорить о том, что подчас оно носило характер «сообщающихся сосудов». Ярким примером может служить история еврейской коммуны в степном Крыму «Войа Нова» («Новый путь»), которую создали молодые люди, вернувшиеся из Палестины. Их лидером был Мендл Элькинд. Он познакомился с И. Трумпельдором, стал его последователем, и «из сионистских убеждений» вместе с другими *халуцам*, отправился в 1919 г. из Крыма в Турцию, а оттуда в 1920 г. прибыл в Палестину. Осенью того же года под руководством Элькинда и Иехуды Копелевича был

⁷² РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 119. Л. 97об – 98об.

создан «Гдут ха-Авода» (полное название «Батальон труда и обороны имени Иосефа Трумпельдора»). Это была первая рабочая коммуна в Палестине. Её целью было создание «общей коммуны еврейских рабочих в Эрец-Исраэль». Члены батальона являлись сторонниками радикально-социалистических взглядов. «Гдут» объединял не менее 700 человек, делился на подразделения, в каждом из которых состояло 15 человек. Члены коммуны, построенной на началах коллективизма, занимались мощением дорог, прокладывали железные дороги, работали в каменоломнях, осушали болота, строили жилые дома в Иерусалиме. Коммунар Дов Рабин вспоминал: *«Наш отряд выходцев из Гродно первым из халуцим прибыл в Иерусалим в июне 1922 г., чтобы на практике осуществить принцип «завоевания труда» <...> Мы прокладывали шоссе Хайфа-Джедда, сажали лес в Атлите и даже пытались научиться тесать камни <...> Охраняли поселения <...> в Рамле мы построили здание для английской администрации. Там мы научились у арабов тесать камни...»*⁷³. Коммунары основали несколько сельскохозяйственных поселений – кибуцев: Тель-Иосеф в Изреельской долине; Кфар-Гилад в Галилее; рядом с Иерусалимом – Рамат-Рахель. Это были трудовые коммуны, построенные на принципе общности имущества и равенства в труде и потреблении. Первоначально для обозначения таких коммун употреблялся термин «квуца» (группа). Наиболее значительным являлся кибуц Эйн-Харод, основанный в 1921 г. в Изреельской долине группой из «Гдут ха-Авода». Это сельскохозяйственное поселение в период своего расцвета в 1921–1926 гг. имело большое значение для освоения территории страны, организации обороны и для развития новых сфер труда в Палестине.

Голда Меир, будущая глава правительства Израиля, приехала в Палестину в 1921 г. Она стала членом одного

⁷³ Цит. по: Элазари Э., Афек И. История еврейского национального движения. 1914–1949. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1993. С. 42.

из немногих тогда кибуцев и вспоминала, что «кибуцная жизнь в двадцатые годы была далеко не роскошна <...> еды было очень мало <...> Наш рацион состоял из прокисших каш, неочищенного растительного масла, некоторых овощей, мясных консервов, оставшихся после войны от британской армии и еще одного неопишуемого блюда, которое готовилось из “свежей” сельдьки <...> все наши девушки носили одинаковые платья: в сотканной арабами мешковине прорезались три дырки – одна для головы и две для рук – получалось платье, которое оставалось только подвязать веревкой. В пятницу кибуцники переодевались: мужчины надевали чистые рубашки, а женщины – юбки и блузки, вместо брюк и рабочих платьев»⁷⁴.

Однако, в целом, тот опыт нельзя признать абсолютно успешным. Немало участников трудовых отрядов их оставляли и переселялись в города. Почти все группы, основавшие поселения, распались. В дальнейшем у членов кибуца возникли идейно-политические разногласия. Меньшинство, состоявшее из примерно 270 человек, настаивало на преобразовании *Гдут ха-Авода* в политическую партию. Их взгляды представляли собой соединение идей советского коммунизма и анархо-синдикализма.

В результате раскола в 1926 г. на правую и левую фракции, организация *Гдут ха-Авода* в Палестине распалась. «Правые», их было большинство, создали несколько сельскохозяйственных кибуцев: Тель-Иосеф в Изреельской долине, Кфар-Гилеаде в Галилее, рядом с Иерусалимом – Рамат-Рахель.

Около ста человек-членов левого течения *Гдут ха-Авода*, по инициативе Элькинда, решили вернуться в Советский Союз, где строилось общество «социальной справедливости». Молодые люди постепенно отказались от сионизма, всё больше проникаясь идеями коммунизма и желанием участвовать в строительстве социалистического

⁷⁴ Меир Г. Автобиография. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1989. Кн. I. С. 100.

общества. Большинство членов левого толка *Гдут ха-Авода* не были коммунистами. И сам, Элькинд, как вспоминал о нем один из его товарищей, «был человеком коммуны, но не коммунистом. Коммунизм был для него только средством реализации коллективного быта в коммуне»⁷⁵. Это решение можно объяснить разочарованием многих *халу-цим*, положением в стране, возникшим в результате тяжелого экономического кризиса, разразившегося в подмандатной Палестине. В то же время, созданные властями еврейские сельскохозяйственные поселения в Советском Союзе, достигли заметных успехов. Некоторые члены движения стали считать, что такие поселения на «родине мировой революции» и есть подлинный путь к «продуктивизации» российского еврейства, что станет и решением еврейского вопроса.

За рубежом были созданы несколько организаций, которые оказывали значительную финансовую и моральную помощь советским евреям в деле землеустройства. На первом месте среди них по значимости и по объему предоставленной помощи стояла Агро-Джойнт – американская еврейская благотворительная структура. Одна из таких же организаций была создана в Тель Авиве под названием «Палестинское общество содействия еврейскому земледелию в Советском Союзе». По инициативе Элькинда, эта организация ходатайствовала перед ОЗЕТОм о создании нескольких групп из числа тех, кто недавно выехал в Палестину, с целью возвращения их в СССР и создания там показательных трудовых коллективов. В Москве эта просьба получила поддержку. Советское руководство было заинтересовано в том, чтобы ограниченное число необходимых для пропаганды евреев вернулось из Палестины. Кампания по возвращению, по мнению руководства, должна была нанести серьезный удар по сионист-

⁷⁵ Цит. по: Goldstein J., Cahan A. Jewish Socialists in the United States: The Cahan Debate, 1925–1926. Sussex Academic Press, 1998. P. 104.

ским настроениям части советских евреев, продемонстрировать достижения социализма и пропагандировать создание еврейских коллективных хозяйств в Советском Союзе. Возвращение еврейской группы из Палестины считалось вопросом государственной важности. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в мае 1928 г. принято постановление: *«Разрешить переселение из Палестины 75 евреев-земледельцев, поручив НКЗему вести об этом переговоры с представителями ЦК коммунистической партии Палестины в благожелательном духе, с тем однако, чтобы от нас на это не потребовалось никаких ассигнований»*⁷⁶.

В августе 1927 г. Элькинд покинул Палестину. Незадолго до отъезда, он заявил о «всеобщем банкротстве сионизма» и призвал еврейских рабочих «поскорее уехать из Палестины»⁷⁷. Приехав в Москву, Элькинд совместно с делегацией палестинских рабочих, прибывших на празднование 10-летия Октябрьской революции, побывал в еврейских поселениях на юге Украины и в Крыму. Были приняты представленные советскими властями требования к переселенцам. Они должны были порвать все свои связи с сионистскими организациями в Палестине, отказаться от своей прежней деятельности, жить и работать одним коллективом в соответствии с советским законодательством.

Опасаясь преследования со стороны радикально настроенных еще недавних товарищей, группа левых грудников негласно покинула Палестину. Летом 1928 г. тремя отдельными отрядами, на советских пароходах «Ленин» и «Ильич» в Одессу прибыло 75 человек

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 445. Оп 1. Д. 86. Л. 143. См. также кн.: Декель-Хен Й., Хиллиг Г. В поисках рая: О еврейском землеустройстве в Крыму. Симферополь: Изд. центр БЕЦ «Хесед Шимон», 2004. 120 с.

⁷⁷ Делегация палестинских рабочих в Озете // Трибуна. № 1-2(10-11), январь-февраль 1928. С. 26.

(55 взрослых и 20 детей). Позднее, в 1929 и 1930 гг. из Палестины приехало ещё 15 человек⁷⁸.

В марте 1928 г. Президиум ЦИК Союза ССР отвел Бирско-Биробиджанский район на Дальнем Востоке «для сплошного заселения трудящимися евреями..., образования на территории указанного района еврейской национальной административно-территориальной единицы». А в Палестине взгляды Элькинда получили некоторую поддержку. Прокоммунистическая группа, выступила в августе 1932 г. с заявлением: *«Мы, отряд первых переселенцев в Биробиджан, покидаем Страну Израиля не только потому, что сионизм не в состоянии решить проблему бедности еврейских масс, но из-за того, что сионизм <...> это черная реакционная сила <...> Мы едем в Биробиджан, окрыленные твердой верой в то, что с помощью 160 млн наших братьев и правительства рабочего класса нам удастся воплотить мечту о сплочении широких еврейских масс вокруг идеи строительства социалистической родины»*⁷⁹.

В июле 1928 г. Элькинд и его единомышленники создали коммуну в Крыму. Власти не разрешили дать ей название на иврите, наименовать на идише коммунары отказались. В результате коммуну назвали «на языке мировой революции» – эсперанто «*Войа Нова*» («Новый путь»). В коммуне гдудникам как еще недавно в Палестине, пришлось все начинать с нуля, но у каждого из них за плечами уже имелся 5–8-летний опыт коллективного труда и быта, полученный в коммуне в Эрец-Исраэль.

Для организации сельхозкоммун им был выделен участок земли в районе Евпатории в размере 1 300 га. Климат в северной части степного Крыма, особенно в лет-

⁷⁸ Бекман З. Моя родина – забытая коммуна Войа-Нова // Литературный Иерусалим. 2021. № 25. URL: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/moya-rodina-zabytaya-kommuna-voyo-nova>

⁷⁹ См.: Диманштейн С. Из Палестины в Биробиджан (к приезду палестинской группы переселенцев // Трибуна ОЗЕТа. 1932. № 21. Август. С. 1.

ний период, несколько напоминает климат южных районов Палестины – теплый и сухой. Коммунарам не хватало жилья, не было никакого сельскохозяйственного инвентаря и техники, а главное, не было средств, для их приобретения. Коммунары, используя опыт работы на исторической родине, стали работать в других районах в каменоломнях, на стройках и сельхозработах для того, чтобы их зарплата использовалась для приобретения необходимого инвентаря и сельхозтехники. Коммунаров объединяло необыкновенное чувство локтя и беспримерный трудовой энтузиазм. Основным разговорным языком в коммуне был идиш. Несмотря на то, что все «палестинцы» владели ивритом, они, даже в разговорной речи, старались пользоваться им очень осторожно, зная, что официальные советские органы считают его «контрреволюционным и религиозным языком». Со временем, на развитие коммуны власти выделили ссуды и кредиты. Определенную финансовую помощь, машину, трактора, сельхозинвентарь, фураж и семена коммуне предоставил Агро-Джойнт. Результаты не заставили себя ждать. Уже к концу первого года своего существования, в 1929 г. коммуна «*Войа нова*» сумела создать на основе коллективного труда и коллективного быта крепкое хозяйство. К этому времени коммунары обрабатывали уже более 3 500 га плодородной земли, собирая высокие урожаи зерновых культур и овощей с поливного огорода. Ранние овощи шли на питание коммунаров и реализацию через посреднические организации в курортах Саки и Евпатории. Значительно расширилась и окрепла животноводческая база коммуны. Вначале членами коммуны были преимущественно молодые люди, но с 1930 г. в неё стали прибывать и семейные переселенцы из Украины и Белоруссии. Коммунары считали себя членами одной большой и дружной семьи, их объединял тяжелый коллективный труд, в который каждый из них с полной отдачей вносил свою лепту. В коммуне была принята система воспитания, существовавшая в кибуцах в Палестине. Это

значило, что дети не жили в родительском доме, в как можно более раннем возрасте их определяли в ясли, а после отдавали в детский дом. Родители же имели право лишь навещать там своих детей, либо же на непродолжительное время забирать их к себе.

После тяжёлого трудового дня коммунары отдыхали. У них были свои «клемеры» (народные музыканты), они пели и водили хороводы. В окружении колхозов Крыма, еврейская коммуна воспринималась как новое явление и получила общественный резонанс. Ее часто посещали делегации рабочих и колхозников со всего Советского Союза, которые знакомились с достижениями и опытом работы коммуны. Для отображения труда и быта еврейских земледельцев в коммуне дважды в 1930 и 1931 гг. побывал художник Меер Аксельрод. Он создал, ставший знаменитым цикл работ «В степи», посвященный коммунарам Крыма.

На фоне сплошной коллективизации сельского хозяйства, коммуна продолжала сохранять черты самобытности. Неурожай 1932 г. способствовал возникновению голода в соседней с Крымом Украине. Большую нехватку продуктов питания испытывали и соседние переселенческие колхозы Крыма. Коммуна «*Войа нова*» сумела не только выстоять и сполна обеспечить себя продуктами питания, но и подкармливать детей соседних сел. Тем не менее, власти стремились изменить ее статус, превратив в сельскохозяйственную артель. В 1934 г. коммуна «Войа нова» была реорганизована в колхоз с тем же названием.

Из него стали уезжать бывшие гдудники, основатели коммуны. Покинул коммуну вместе с семьей и её бывший председатель Элькинд. Большинству накануне ликвидации коммуны, повезло – они избежали репрессий. 27 «палестинцев» в 1938 г. было арестовано. Они были объявлены «врагами народа», английскими шпионами и стали узниками ГУЛАГа. Многие из них погибли в заключении. Еще раньше, в декабре 1937 г. был арестован Элькинд. По

обвинению в шпионаже, он был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян в феврале 1938 г. Во время Великой Отечественной войны один из сыновей Элькинда – Ури, погиб на фронте. В ноябре 1958 г. Элькинд был реабилитирован.

На многие десятилетия история создания и гибели коммуны, биографии ее членов оказались забытыми. Однако в Москве в феврале 2006 г. в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина состоялась выставка графики и живописи советского еврейского художника Меера Аксельрода. Представленная на ней серия рисунков, акварелей и гуашей «В степи» воссоздает образы тружеников и мечтателей из коммуны «Война нова».

Ликвидация «советского» сионизма

К 1925 г. сионизм имел значительное влияние на еврейское население в СССР. Несмотря на то, что в сионистских организациях числилось не так много членов, и костяк сионистов состоял из представителей молодого поколения не старше 30 лет, их [организаций] масштабы и влияние стали источником озабоченности советских властей. Заместитель председателя ГПУ на Украине Э. Карлсон в письме, с грифом «секретно» адресованном Генеральному секретарю ЦК Компартии Украины Л. Кагановичу отмечал: *«В настоящее время сложилась довольно серьезная ситуация: наши средства административной борьбы с сионистским движением не достигают своей цели, поскольку активные сионистские силы выступают с угрожающей быстротой из глубин еврейских масс, преимущественное большинство их составляет молодежь... Не будет преувеличением сказать, что не существует ни единого населенного евреями места на Украине, вне зависимости от его размеров, где бы сионистская ячейка или группа не была активной во всех сферах жизни данной местности или даже преобладала по влиянию и своей ведущей роли среди местного населения над коммунисти-*

ческими ячейками и общественными и правительственными организациями»⁸⁰.

Такая политика украинских и белорусских властей в отношении деятельности сионистов на территории своих республик определенно не была на руку последним. Примерно также изменялась и позиция Москвы: советское руководство с большим подозрением воспринимало тенденции к росту воинственности в среде сионистских молодежных организаций⁸¹. В результате того, что они начали постепенно в своей работе охватывать в том числе низшие слои еврейского населения и громко говорить о существующих проблемах, между сионистами и официальными советскими структурами, занятыми схожими вопросами (Евсекцией, ОЗЕТОм и КОМЗЕТОм) возник серьезный конфликт. Сионистские молодежные движения, преимущественно социалистические, подчас выступали с открытым осуждением советского режима, отклоняясь тем самым от сионистской стратегии приспособления. Ключевым моментом в той динамике стала листовка, распространенная ПСС и ее молодежным движением в августе 1924 г. Она была издана тиражом в более чем десять тысяч экземпляров. Основная критика была направлена против Евсекции, которую обвиняли в потворстве экономическому кризису и политической измене ожиданий еврейства на автономное развитие⁸². По сути, перед нами открытый вызов властям чей авторитет, как заявляли авторы листовки, «был запятнан незаконным террором и постоянно увеличивающимся числом преступлений [Евсекции]».

Через две недели во многих городах и местечках Украины были арестованы около трех тысячи сионистов. Впрочем, вскоре многие из них были освобождены. Сле-

⁸⁰ Цит. по: Mintz M. Op. cit. P. 61.

⁸¹ В своих записях о встрече со Смидовичем и Менжинским 29 июня 1925 г. Шор приводит еще одно доказательство изменений политического курса. См.: Шор Д. Указ. соч. 449/6. Рр. 202–203.

⁸² Sefer TsS. Pp. 134–137.

дующая волна арестов пришлась на март 1925 г. К середине того года практически все сионистские партии, движения и общества в листовках и немногих еще не закрытых властями печатных изданиях ставили вопрос о законном существовании режима, осуждали коммунистическую партию за «диктатуру» и «провокации»⁸³. В этой стойкой оппозиции режиму молодежи, приобретенный ею опыт противостояния был характерен фактически для всех сионистских структур и многих членов, различной политической направленности.

Среди иных причин наступления советского режима на сионистские организации, нельзя не учитывать, конечно, и личный фактор, в частности, изменения в расстановке сил в большевистском руководстве. Л.Б. Каменев был смещен с занимаемых им высоких постов. Тяжелое заболевание Ф.Э. Дзержинского не давало ему возможность сколько бы активно участвовать в работе правительства и руководстве ОГПУ. Это происходило на фоне постепенного свертывание НЭПа, перехода к радикальным действиям в различных сферах экономики и политики.

В целом, во второй половине двадцатых годов органы безопасности все настойчивее пытались уничтожить в Советской России сионистскую организационную базу. Изначально сионистские организации надеялись приспособиться как это удавалось им прежде, приспособиться к этим новым условиям, но вскоре вынуждены были осознать не эффективность своих усилий, отказаться от них и признать свое поражение. Последние годы подпольной сионистской деятельности в Советском Союзе прошли в атмосфере постоянной угрозы ареста и тюрьмы. И для

⁸³ См. листовки, выпущенные «Югенд Фарбанд», ЕВОСМ и «Ха-Шомер Ха-Цаир» в Киеве, Минске, Кременчуге и других местах: РГАСПИ. Ф. 445. Д. 167. Л. 51–56; Ф. 17. Оп. 84. Д. 748. Л. 129–133. Еще в апреле 1924 г. Каменев в разговоре с Шором отметил, что сионисты могут помочь сами себе, если сделают публичное заявление в поддержку советской власти: Шор Д. Указ. соч. 449/3. Р. 77.

многих молодых сионистов стали неотъемлемой частью советского опыта. Аресты лидеров некоторых молодежных движений приводили к их распаду. Прочие организации вынуждены были уйти в подполье и до начала 1930-х гг. работать в этих непростых условиях. Однако вся их деятельность сводилась к тому, чтобы обеспечить свое существование и структурно сохраниться вопреки преследованиям со стороны силовых структур и органов безопасности.

После того, как коммуны и иные организации «Хе-Халуц» перешли под контроль КОМЗЕТА он прекратил свое существование. В 1926 г. КОМЗЕТ получил под свое управление коллективные хозяйства, до того находившиеся в ведение «нелегального» крыла, в 1928–1929 гг. -- хозяйства «легалистов». Главный офис организации в Москве был закрыт в 1929 г.

Вторая половина 1920-х гг. для сотен сионистов ознаменовалась административной ссылкой в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию. Десятки из них получили самые разные сроки заключения. Примерно 1 200–1 300 сосланным сионистам ссылка была заменена на иммиграцию в Палестину. Такое решение было принято в 1924 г., получив поддержку со стороны Каменева, Дзержинского, Катаняна и других⁸⁴. Отправленные в ссылку сионисты и примерно такое же число их, ожидавших ареста, единомышленников неожиданно получили разрешение уехать из Советского Союза. Среди них были и бывшие члены хозяйств «Хе-Халуц». Все эти люди были перевезены в Палестину на судах советского торгового флота по маршруту Одесса – Яффа.

⁸⁴ См.: Дневник Д. Шор. Записи от 11 марта и 16 июня 1925 г.: Архивный фонд семьи Шор. Отдел рукописей в Национальной и Университетской библиотеке в Иерусалиме. 1521/449/6. Р. 250; 1521/2/450. Р. 252.

Сионисты из Советской России в Палестине

Третья волна репатриантов прибыла в Эрец-Исраэль из революционной России между 1918 и 1923 гг. Ее численность составила 35 тыс. человек. Из них, примерно половина были участниками халуцианского движения. Вместе с иммигрантами второй волны, они составили подавляющее большинство населения нового ишува и во многом сформировали его облик. В новом ишuve еврейское население занималось производительным трудом и, в основном, было светским по взглядам. Антиклерикальные настроения были характерны для рабочего движения. Сионисты-социалисты отрицательно относились к традиционному образу жизни, который был свойственен евреям в диаспоре.

Население старого ишува, в отличие от нового, оказалось в Палестине до сионистской иммиграции. То были крайне ортодоксальные евреи, занимавшиеся главным образом изучением Торы и мелким ремеслом. Они жили за счет пожертвований, собиравшихся для них евреями диаспоры. Обитатели старого ишува выступали против сионизма.

За первые десятилетия, что предшествовали провозглашению независимости Государства Израиль, в так называемый период «государства в пути» в еврейской общине в Палестине сформировалась автономная и достаточно зрелая политическая система. В нее вошли представительные и исполнительные институты, партии и общественные организации. Благодаря этой системе, возникшее государство перешло из статуса управляемой подмандатной британской территории в положение суверенного, миновав серьезные осложнения, с которыми сталкивались многие государства в эпоху ликвидации колониализма. И далеко не последняя роль в формировании той системы, принадлежала иммигрантам, что приехали из Советской России.

В период между 1924 и 1931 гг. из страны Советов в Палестину прибыло около 3 000 сионистов, и порядка половины от этого количества – это были люди на собственном горьком опыте испытавшие «все прелести» арестов, преследований евреев и т. д. А многие из тех, кто въехал в Палестину после 1925 г., в СССР несколько лет находились в ссылке. Несмотря на разнообразие политических предпочтений, иммигрантов в Палестине объединяло достаточно негативное отношение к властям страны их исхода. То была реакция на испытанные ими гонения в последние годы в советской России. Настороженное отношение к коммунистическим идеям (в некоторых случаях и к марксизму) являлось также следствием их советского опыта. В молодости многие сионисты-социалисты были восприимчивы к коммунистическим идеям, революционной культуре, с энтузиазмом и надеждой отнеслись к возможности осуществления советского плана построения «нового общества». Однако, оказавшись в Палестине, эти же люди редко пытались оградить молодежь от подобных опасностей. Они стали естественными союзниками умеренного социалистического руководства МАПАЙ⁸⁵ – партии большинства в «Гистадруте», возглавляемой Бен-Гурионом. Только некоторые из них, как, к примеру, основатели сионистского марксистского «Еврейского союза социалистической молодежи» и несколько бывших лидеров ПСС, продолжали обращаться к политическому наследию Октябрьской революции.

Настороженное отношение в политических дебатах 1930–1940-х гг. и начала 1950-х гг., к Советскому Союзу не было единственным опытом, приобретенным иммигран-

⁸⁵ МАПАЙ (Mifleget Po'alei Eretz Israel) – израильская Рабочая партия, была сформирована в 1930 г. Начиная с 1948 г. и до конца 70-х, когда окончательно потеряла свое влияние из-за внутрипартийных разногласий, МАПАЙ всегда получала наибольшее количество голосов на выборах в Кнессет, а члены партии оставались на ключевых государственных постах.

тами. Как уже указывалось, члены «Хе-Халуц», ПСС и ее молодежной лиги основное внимание и свою активность сориентировали на повседневной деятельности, занимались решением социальных и экономических вопросов. Они, несомненно, предпочитали практическую работу теоретическим спорам.

Лидеры «легалистского» крыла «Хе-Халуц» изучали работу советской экономической системы периода НЭПа, когда частный сектор, состоящий из малых предприятий, сосуществовал с государственным, включавшим тяжелую промышленность, транспорт и банковскую систему. Культурные стандарты и опыт советских молодежных организаций оказывался весьма полезен для молодежных движений, возникающих в студенческой среде. Переселенцам в Палестину было сложно отказаться, абстрагироваться от советской пропаганды и укоренившейся в их сознании культуры коммунизма, поэтому, возможно, возвращаясь на «историческую» родину еврейские иммигранты привезли с собой достаточно много литературных трудов на тему марксизма. Они не обладали достаточной информацией о своей новой родине, мало знали о географии и климатических особенностях Палестины, не имели представлений о местном еврейском населении, условиях его жизни – будь то с политической, социальной или с экономической точки зрения. Поэтому адаптируясь, ассимилируя к новым для себя реалиям палестинской жизни они зачастую опирались на свой прежний опыт жизни в Советском Союзе.

Заметная часть советских иммигрантов стали жить и работать в сельскохозяйственных поселениях, что было естественным выбором бывших членов «Хе-Халуц». Члены «нелегального» крыла тяготели к кооперативным, необщинным предприятиям (*мошав овдим*), «легалисты» же охотно присоединялись к кибуцам. Кибуцное движение оказывало значительное культурное и политическое влияние не только благодаря своей связи с основателями «Ги-

стадрута», но, главным образом, из-за хорошей организованности и его заметной роли в становлении идентичности «нового еврея» и нового сионистского общества.

Многие члены «Ха-Шомер ха-Цаир» активно включились в кибуцное движение. Продолжительный экономический спад и массовая безработица в Палестине вынудила их сосредоточить многих своих членов в сельскохозяйственном поселении, ставшим впоследствии кибуцом «Афиким», основанным в 1932 г. в центральной части Иорданской долины, впоследствии превратившимся в один из самых больших кибуцов Израиля.

Члены «нелегального» крыла тяготели к кооперативным, необщинным предприятиям *мошав овдим* (поселение трудящихся). Его члены самостоятельно вели хозяйство, но совместно закупали необходимое оборудование и материалы.

Основание и бурное развитие кибуцев, другими словами, кибуцианское движение, как отмечает российский историк И. Звягельская, «имело огромное влияние на весь процесс становления Израиля. Оно воспитало израильскую элиту, заложило основы будущей армии, определило стиль руководства, сформировало в обществе доминирующую систему ценностей, особенно в первые годы существования государства, обеспечило абсорбцию иммигрантов»⁸⁶.

В 1920–1930-е гг. резко обострились еврейско-арабские отношения. Палестинские арабы негативно отнеслись к идее о еврейском национальном очаге в Палестине. Еврейские колонисты встретили решительное противодействие и сопротивление палестинских арабов. Осенью 1929 г. началось арабское восстание. Оно довольно быстро было подавлено английскими мандатными властями. Однако уже осенью 1933 г. страну вновь охватили арабские выступления. Палестинские лидеры выражали

⁸⁶ Звягельская И. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 35.

недовольство не только присутствием сионистских иммигрантов, но и выступали против британских колониальных властей. В апреле 1936 г. началось крупное арабское восстание, оно продолжалось вплоть до весны 1939 г. Происходили нападения на еврейские поселения и английские позиции, был объявлен бойкот продукции, что производилась ишувом, а также запрет на продажу товаров евреям.

Во время арабского восстания 1936–1939 гг. продолжали основываться кибуцы. Одной из важных задач являлась необходимость колонизации территорий, на которых было крайне мало евреев. Для защиты новых поселений, кибуцники обратились к новой системе, известной как «Стена и башня» (Хома у-Мигдаль). Такие поселения строились буквально за одну ночь, территорию огораживали, в ее центре возводили сторожевую вышку, с которой просматривалась округа. Английские мандатные власти запрещали строительство новых еврейских поселений. Но по сохранившимся со времён османского правления законам, на здания, построенные за одну ночь, не требовалось разрешения, сносить их не позволяли и задача состояла в том, чтобы закончить строительство прежде, чем будут подтянуты британские войска и полиция. Члены поселения, прибыв со стройматериалами на место, сооружали форпост с высоким забором, за которым ставили «несколько жилых бараков и возводили деревянную башню – с нее обозревали окружающую местность, отсюда же связывались с соседними поселениями. Арабские пули такой забор не пробивали, а 30–40 поселенцев (обычное в те годы число) всегда отражали арабские атаки»⁸⁷. За три года удалось основать более 50 поселений, из которых 37 были кибуцами.

⁸⁷ Гвати Х. Кибуц: Так мы живем. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1987. С. 9–20.

Политика Великобритании в Палестине с конца 1920-х гг. не могла не учитывать как растущее сопротивление арабского населения, так и развитие ишува. За период 1922–1939 гг. было выпущено шесть «Белых книг» – отчетов о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту. Все они касались Палестины и были попыткой сгладить противоположные интересы еврейской и арабской общин, ограничить еврейскую эмиграцию, и тем самым сохранить свое присутствие в этом важнейшем регионе. В последней «Белой книге» 1939 г. говорилось, что еврейская иммиграция в Палестину должна быть ограничена на ближайшие пять лет до 75 тысяч. *«Правительство Его Величества полагает, что рамки мандата, в который интегрирована Декларация Бальфура, не могли предусматривать, что Палестина будет превращена в еврейское государство против воли арабского населения страны»*⁸⁸.

«Белая книга», обнародованная 1939 г., свидетельствовала об отказе Великобритании от принципов Декларации Бальфура и вызвала решительную критику руководителей ишува. Еврейское агентство выступило с заявлением, в котором указало, что рассматривает новую политику мандатных властей *«как уступку арабскому терроризму <...> и что этот удар не сломит еврейский народ <...> Еврейские пионеры-первопроходцы, которые за время жизни последних трех поколений уже доказали свою силу, осваивая заброшенную страну, отныне будут с такой же силой защищать еврейскую иммиграцию, родную землю и свободу»*⁸⁹.

«Легалисты» же охотно присоединялись к кибуцам. Кибуцинское движение оказывало значительное политическое и культурное воздействие благодаря преимущественно отличной организованности «Гистадрута», его

⁸⁸ Макдональд М. «Белая книга» 1939 г. // Евреи в современном мире. Т. I. С. 578.

⁸⁹ Еврейское Агентство. Заявление по поводу «Белой книги» Макдональда 1939 г. // Евреи в современном мире. Т. I. С. 583–584.

вкладу в формирование «новой еврейской идентичности» и в создание сионистского общества нового образца, и отчасти за счет связей «легалистов» с лидерами «Гистадрута». Выехав из СССР – «родины революции» – в 1920-е гг. члены «Ха-Шомер ха-Цаир» и ЕССМ привезли в Палестину исключительный опыт организации молодежных течений. Из кибуцов, в которых они поселись, немало активистов направлялись за границу, в ряд европейских стран и США в качестве эмиссаров для ведения организационной и просветительской работы, первый опыт которой они получили в России⁹⁰.

Подобно советским образовательным и культурным организациям, сионистско-социалистические молодежные движения исходили из того, что обучение должно начинаться с изучения экономических и социальных факторов. Еще находясь в России – стране пролетарской революции, молодые сионисты штудировали историю международного, российского и еврейского рабочего движения, считая свое образование основой для самоидентификации и миропонимания. Важным идеологическим элементом в их деятельности была идея «нового человека», рождающегося в труде в Палестине.

Чтобы правильно представить процесс заимствования опыта работы советских молодежных организаций, надо иметь в виду, что далеко не все формировавшиеся догосударственные и общественные институты еврейского ишува в Палестине, который в научной литературе описывается как «государство в пути», возникли в результате экспорта из СССР. Многие черты этих структур складывались независимо или, например, под воздействием скаутского движения и зарубежных сионистских организаций. Советский опыт использовался выборочно и слу-

⁹⁰ Один только «Афиким» отправил в 1933–1938 гг. тридцать пять своих представителей в страны Прибалтики, Австрию, Чехословакию, Англию и США.

жил совершенно другим целям. В глазах бывших членов ЕССМ, социализм и революция, их связь с целями национального и личностного возрождения оставались главным идейным принципом и инструментом мобилизации. Многие бывшие члены «Ха-Шомер ха-Цаир», не столь приверженные к идеологии, отказались от революционной риторики в пользу социализма, присущего II Интернационалу и европейским социал-демократическим партиям.

Другой путь избирали многие иммигранты из Советской России, что проживали в трех основных городах ишува – Тель-Авиве, Хайфе и Иерусалиме. Большинство членов «Ха-Шомер ха-Цаир» и ППС предпочитало жить именно в больших городах. В основание их политической культурной и социальной и повседневной жизни в Палестине был положен опыт их деятельности в России. Программные принципы «Гистадрута» были вполне применимы и к одному из типов социал-сионистского «конструктивизма». И кроме всего прочего их понимание социализма отчетливо перекликалось с видением лидера ишува Бен-Гуриона⁹¹, как раз набравшего известность в тот время. Однако лишь некоторые из них отдали приоритет ортодоксальной доктрине. Они, как и прежде, в годы жизни в советской России, в Эрец Исраэль обратились к деятельности, связанной с сионистскими и социалистическими задачами.

Сфера деятельности социал-сионистских иммигрантов, избравших жизнь в больших городах, касалась обеспечения взаимодействия экономических, социальных и культурных организаций «Гистадрута». В их число входили рыночные кооперативы, которые заняли положение монопольного поставщика, доставляющего сельхозпро-

⁹¹ Бен-Гурион интересовался деятельностью «Ха-Шомер ха-Цаир». В его письмах встречаем благоприятные отзывы о лидерах движения и раздумья о будущих их судьбах: Igrot Ben Gurion. Erez Y. (Ed.). Vol. 2 (1920–1928). Tel Aviv, 1973. Pp. 238, 241, 245, 253, 273, 280, 334–336.

дукцию из общинных хозяйств во все регионы страны; самая крупная строительная организация в стране; советы рабочих и созданные ими службы, функционировавшие во всех городах; охватывающая всю страну система медицинской помощи; женские и юношеские организации, общества культуры, проводившие лекции и устраивавшие театральные представления и концерты в городах и сельских поселениях страны.

Подавляющее большинство мужчин-иммигрантов из советской России входили в военизированную организацию «Хагана» («оборона», иврит) – подпольные вооруженные силы ишува, которые после образования еврейского государства в 1948 г. стали основой Армии обороны Израиля.

Немало из приехавших молодых людей из Советского Союза в 1920-е гг. составили организационный костяк трудовых партий, особенно партии «Ахдут ха-Авода» («Единство Труда») и, позднее, МАПАЙ. Эти партии и учреждения стали для социал-сионистов площадкой для практической реализации привезенных из России идеалов социализма путем применения их советского опыта. Они сыграли весьма значимую роль в появлении и существовании означенных организаций.

Центральная роль в жизни еврейской общины Палестины принадлежала рабочему движению. Ко второй половине 1930-х гг. сто тысяч человек, составлявших около 25% всего населения ишува были членами Гистадрута⁹². Его деятельность в огромной мере способствовала превращению ишува в «государство в пути». Сельскохозяйственные поселения ишува, во многих из которых иммигрантам из Советской России принадлежала важная идейная и организационная роль, служили опорой его оборо-

⁹² См. статью: Хистадрут ха-Овдим ха-Клалит ха-Хадаша // Краткая Еврейская Энциклопедия. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1999. Т. 9. Стлб. 832–843.

ны, снабжали продовольствием, воспитывали новое поколение, которое вскоре стало гражданами независимого Израиля.

В революционной Москве при непосредственном содействии К. Станиславского и художественном руководстве Е. Вахтангова был создан театр «Габима» (Сцена), который стал Национальным театром Израиля. Временем основания «Габимы» принято считать 1918 г. Основателем «Габимы» стал режиссер и актер Наум Цемах. Театральная труппа играла спектакли на иврите. Необходимость создания театра Цемах рассматривал как одно из средств национального возрождения. Его идеалом был Художественный театр. В своем обращении в ЦК РКП(б) Цемах писал, что театр на иврите вполне отвечает идеалам и целям революции.

Устремления еврейской общественности получили поддержку выдающихся деятелей русской культуры: В. Мейрхольда, К. Станиславского, В. Немировича-Данченко, М. Горького, Ф. Шалыпина. Театр «Габима» получил официальный статус государственного. Ему выделялась ежегодная денежная субсидия. Вахтангов, ставший режиссером нового театра, ясно представлял планы своих подопечных: «Габима» не мыслит своей деятельности иначе как в полном единении со своим народом на его исторической родине, в Палестине, но вместе с тем не желает порывать связи с корнями, ее породившими, Московским Художественным театром. Поэтому, вероятно, и в будущем в Москве будет существовать отделение «Габимы»⁹³.

На премьере известной пьесы «Ха-Дибук» еврейского писателя и общественного деятеля С. Ан-ского в январе 1922 г. в зале рядом сидели заместитель председателя Совнаркома, председатель Моссовета Л. Каменев и раввин Я. Мазе. Спектакль имел огромный успех. Однако, вскоре

⁹³ Цит. по книге: *Иванов В.* Русские сезоны театра «Габима». М.: «Артист. Режиссер. Театр», 1999. С. 45.

Евсекция выступила с резкими обвинениями «Габимы» заявив, что «это буржуазный и реакционный театр, играющий на языке, который давно устарел и вышел из употребления». Руководитель Евсекции С. Диманштейн заявлял, что «еврейская буржуазия пусть, пожалуй, благодарит, что мы не закрываем ее учреждения через ВЧК»⁹⁴. В конце 1924 г. театр «Габима» был лишен звания государственного академического театра и субсидий. Он оставался единственным островком иврита в Советском Союзе. Театру в стране не нашлось места. Он был выдавлен из СССР. В январе 1926 г. «Габима» сыграла трехсотый спектакль «Ха-Дибук» и простилась с Москвой. Труппа театра отправилась в зарубежные гастролы. Приехав в Палестину в октябре 1928 г., театр отметил десятилетие. Он встретил не только восторженный приём. Большинство спектаклей были восприняты как не соответствующие идейным устремлениям сионистского ишува. «В Москве, – пишет современный российский исследователь В. Иванов, – габимовцы были слишком “евреи”⁹⁵. В Палестине они долгое время оставались слишком “русскими”»⁹⁵. Актеры труппы понимали, что их домом является Эрец-Исраэль стремились сделать свой театр частью новой культурной реальности Палестины. Они осваивали новый репертуар и делали ставку на собственные силы. Россия на многие десятилетия оставалась далекой и недоступной.

Первые гастролы национального театра Израиля «Габима» в Москве состоялись в январе 1990 г. Летом того же года мне довелось присутствовать на встрече в Москве с младшим братом Цемаха режиссером и актером театра Вениамином Цемахом. До сих пор живо сильное впечатление, которое оставил его изумительный русский язык,

⁹⁴ Иванов В. Указ. соч. С. 48.

⁹⁵ Иванов В. Указ. соч. С. 164.

сохранившийся с 1920-х гг., который в России уже невозможно услышать.

Заключение

Одна из основных целей данной главы – рассмотрение ряда особенностей сионистского движения в Советской России в 1920-е гг. Автор ставил перед собой задачу выявить в какой степени и какими способами осуществлялось воздействие разнообразных аспектов «советского контекста» на деятельность сионистских организаций, и в первую очередь, на деятельность социал-сионистов, пребывавших в Палестину в 1920-е гг., которые в полной мере восприняли «советские элементы», приняв их в качестве неотделимой части своего мировоззрения и практической деятельности. Социалистические сионистские движения в Палестине черпали вдохновение в революции и формировались под ее влиянием, эта особая когорта была выкована в уникальной атмосфере социально-политического экспериментирования, мобилизации и радикальных общественно-политических изменений в революционной России. Они приехали в Палестину, проникнутые уверенностью в возможности полномасштабного «социалистического строительства», их взгляды характеризовались приверженностью атеизму и идеологической последовательностью, уверенностью, что подходы к классовой борьбе и национальной идентичности должны исходить из большевистской национальной политики. В главе рассматриваются обстоятельства «перевода» идеологического наследия социалистов-сионистов из Советской России в радикально иной контекст еврейского сообщества Палестины в 1920-е гг. Десятки тысяч представителей молодого поколения выполнили большую работу по строительству нового палестинского общества, и сама их деятельность стала возможной благодаря отчасти именно советской модели устройства жизни. Далеко не все, а лишь некоторые из

них заняли позицию политических лидеров, остальные составили костяк «Гистадрута» и практически всех сионистских партий, именно эти люди ведали большинством организационных вопросов и одновременно представляли собой идеологически наиболее сознательное ядро среди всех участников вышеозначенных организаций. Они внесли свой вклад в создание политических, экономических, общественных и культурных структур, многие из которых продолжали работу в Израиле вплоть до середины XX века.

Г. Меир принадлежала к иммигрантам третьей волны, которая, по её мнению, «не внесла ничего нового в сионистское движение. Еврейский труд, еврейская самооборона, употребление иврита во всех сферах, коллективизм, рабочая солидарность – все эти принципы провозгласила уже вторая *алия*. Однако заслуга третьей *алии* в том, что именно она воплотила их в жизнь в полной мере. Недостаточно принять принципы – важно, – отмечала она, – чтобы нашлись люди, готовые принять их как руководство к действию. *Халуцим* приняли эти принципы как закон, <...> но несли их бремя с радостью. Не было в *Эрец-Исраэль* другой такой счастливой *алии*. С песней мы прибыли в страну, с песней шли на работу. С огромным энтузиазмом мы делали все – прокладывали дороги, пахали землю. И так изо дня в день, час за часом, не покладая рук, считая за честь трудиться на благо новой родины»⁹⁶.

Спустя годы деятельность *халуцим* стала воплощением мечты рабочего движения в Палестине о новом молодом еврее, который в трудных условиях обрабатывает родную землю и защищает её. Со временем халуцианское движение явилось олицетворением бескорыстного посвящения себя идеям социалистического сионизма, отождествления личного счастья с достижениями нацио-

⁹⁶ Цит. по: Элазари Э., Афек И. Указ. соч. С. 45–46.

нального и социального идеала. Позднее халуцианство ассоциировалось со вступлением в киббуц, а затем и с Хаганой и Пальмахом.

Весь набор организационных, идеологических и культурных практик, которые комплексно лежали в основе советской политической культуры, было не так-то просто перенести на палестинскую почву, а результаты такого «переноса» выходили неоднозначными. Советский контекст не являлся однородным и носил противоречивый характер. В нем странным образом уживались сильно урезанные возможности частного предпринимательства/рыночной экономики и революционный энтузиазм.

Процесс «заимствования» и «переноса» опыта был не только многосторонним, но и избирательным. Социал-сионисты нашли подходящую для этого среду в Палестине. Их революционный энтузиазм был направлен на создание социалистической формы национального социума. На деятельность социал-сионистских партий и организаций в Советском Союзе не могла не повлиять, сложившаяся к середине и второй половине 1920-х гг. советская партийно-государственная система. Неудивительно, что в глазах некоторых современников в Палестине того времени такие сионистские структуры как МАПАЙ, «Гистадрут» и муниципальные советы рабочих выглядели «большевистскими», не говоря уже о самих киббуцах. Социалистическая ориентация многих лидеров еврейского ишува являлась одним из источников враждебности британских мандатных властей. В целях обеспечения своих империалистических интересов на Ближнем Востоке британские власти в 1939 г. приостановили еврейскую иммиграцию в Палестину. Высокопоставленный чиновник, член британского парламента сэр Хоуп Симсон, занимавшийся и вопросами британского мандата в Палестине, выступал как противник сионистского движения, и особенно еврейской иммиграции. Он опасался, что организация киббуцев в стране станет «ядром революционной русской со-

циальной и политической системы, перемещенной в Палестину»⁹⁷.

Состав кибуца «Афиким», в котором изначально поселились многие участники «Ха-Шомер ха-Цаир», впоследствии оказался очень разнороден. Он включал переселенцев из Европы, Северной Америки, Ближнего Востока. Тем не менее, в повседневной жизни выходцев из России, их «русскость» часто напоминала о себе. Они продолжали использовать русские слова, называя ими элементы одежды и мебели, кухонные принадлежности. Русские народные и революционные песни звучали в походах и у лагерных костров. По пятничным вечерам надевались расшитые русские крестьянские рубашки. В библиотеке кибуца пользовались популярностью советские литературные произведения: «Мать» М. Горького, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, переведенная на иврит под названием «Безногий летчик».

Советский политический опыт оказал влияние на формирование идеологии и организацию партии Д. Бен-Гуриона и Б. Кацнельсона «Ахдут ха-Авода» и на их отношение к конфликту между евреями и палестинцами. Однако это влияние в конечном счете определялось реалиями ишсува того времени.

Вопросы, которые рассматривались в этой главе, находятся в тренде современной историографии. В более широком контексте они изучались в обширной монографии, недавно изданной в США⁹⁸. Её авторы, историки ряда стран смогли показать влияние политических и культурно-религиозных процессов, происходивших в еврейских общинах в Российской империи, Совет-

⁹⁷ Цит. по кн.: *Cohen N. The Americanization of Zionism, 1897–1948.* Hanover and London: Brandeis University Press, 2003. P. 134.

⁹⁸ *From Europe's East to the Middle East. Israel's Russian and Polish Lineages.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021. Рецензию автора на эту книгу см.: Восточный курьер. 2022. № 4. С. 252–254. DOI: 10.18254/S268684310023816-5

ском Союзе с начала XIX до конца XX вв. на развитие ишува в Палестине, общественно-политической и религиозной жизни Израиля.

Несмотря на то, что идея «русской революции» утратила свое первоначальное значение, она, тем не менее, оставалась элементом, созвучным характерной для Израиля социалистической риторике, традиции майских парадов, символизму красных знамен, развевающихся рядом с национальными сине-белыми флагами. Еще в большей степени эта созвучность была характерна для культуры некоторых кибуцев, в которых Интернационал исполнялся при любом подходящем случае, а в день 1-го мая звучал первым, и только после него следовал национальный гимн.

Репатрианты из России приняли активное участие в общественно-политической, деловой и культурной жизни Израиля, развитию разнообразных контактов со страной исхода. Проведенное исследование позволяет говорить о том, что еврейскую иммиграцию в Палестину следует понимать не как лишь движение в одном направлении, а круговорот взаимозависимых идей и практик.

Современные проблемы российской диаспоры

Глава 9. ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДИАСПОР В СТРАНАХ ВОСТОКА (ПАКИСТАН)¹

В настоящее время можно считать свершившимся фактом формирование цифровой среды и цифровых технологий, которые развиваются экспоненциально. Безусловно, поступательное движение в данном направлении велось давно, как минимум с конца 80-х гг. прошлого века, однако наибольшее ускорение процессу придали многочисленные карантинные меры и закрытие границ во время пандемии COVID-19. Не осталось в стороне и международное гуманитарное сотрудничество, цифровизация которого дала новый импульс к развитию. Верховный комиссар ООН по правам человека М. Бачелет заявила: «Цифровые технологии уже принесли немало пользы. Их ценность для прав человека и развития огромна. Мы можем устанавливать связи и общаться с людьми по всему миру, как никогда прежде»². Стоит отметить, что Федеральное агентство по делам содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) 16 декабря 2022 г. приняло Программу «Ведомственная программа цифровой трансформации Феде-

¹ **Сведения об авторе:** Баканова Марина Владимировна, писатель, публицист, аналитик, независимый исследователь; главный врач «Dua Hospital» Международного медицинского центра, Исламабад, Пакистан, e-mail: mari-ina@mail.ru ORCID ID 0000-0002-4389-8071

² Бачелет М. Права человека в цифровую эпоху: какую роль играют права человека в цифровой век? Основное выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет, Японское общество, Нью-Йорк, 17 октября 2019 г.

рального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству на 2022 г. и плановый период 2023–2024 гг.»³, что указывает на актуальность внедрения цифровизации в международное гуманитарное сотрудничество. В подобном же ключе выступал Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров на пленарной сессии «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни» международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения 2022», Москва, 14 апреля 2022 г.⁴.

С другой стороны, после 24 февраля 2022 г. мировое сообщество стран сформировало контрастные лагеря по отношению к России и российским гуманитарным программам. Более того, для определенной страновой когорты стало «делом чести» исказить и извратить «все российское» до неузнаваемости или передать российское наследие в другие руки. Что, безусловно, ставит под вопрос свободу совести и слова в них. Страны Востока же в определенной степени всегда обладали некоторым традиционным ограничением свободы, особенно в вопросах женщин и детей. Оба эти процесса, безусловно с разных сторон, концепций и подходов, ограничивают доступ россиян или

³ Полный текст Программы: URL: <https://ppt.ru/docs/programma/277415?ysclid=lh49q5wt26816571071>

⁴ МИД РФ: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1809294/. Цит. по: *Баканова М.В.* Цифровизация международного гуманитарного сотрудничества и развития русскоязычных диаспор в странах Востока (Пакистан) // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023 г., Москва / Ин-т востоковедения РАН. С. 19–20. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezhdunarodnaiamezhinstitutskaianauchnaiakonferentsiiarossiiskaiadiasporavstranakhvostok.pdf>

их потомков, проживающих в данных странах, к российской культуре, новостям, образованию, русскому языку и прочим гуманитарным программам. В группе стран коллективного Запада закрываются центры и школы соответствующей направленности, вытесняются русскоязычные СМИ и издательства, пересматриваются программы преподавания на месте в рамках сдвига к неприятию, отторжению или искажению традиционной русской культуры⁵. В странах Востока наблюдается несколько иная картина: минимальное количество учебных заведений, преподающих русский язык, низкая достижимость их для женщин и детей (из смешанных семей), отсутствие качественных программ, учитывающих особенности страны проживания и ее основного языка и др.⁶. Развитие цифровизации в данной сфере в настоящее время является недостаточным, но весьма перспективным для сохранения российского гуманитарного потенциала и объективизации информации о сути последних геополитических проблем и изменений, а также – для изучения русского языка.

Следуя тематике материала, первоочередное внимание данной главы будет ориентировано на страны Востока (и одной из самых сложных стран в нем – Пакистан). Но при этом, многие изложенные ниже принципы будут актуальны и для применения в других странах мира, совершенствуя в целом проекты потенциального международного гуманитарного сотрудничества со стороны РФ.

Большинство стран Востока можно отнести к ограниченно-свободным в отношении женщин и детей. Особенно это касается семей традиционалистов придерживающихся патриархальных принципов. Кроме того, что ка-

⁵ Ильин А.Н. Русофобия Запада: сущность и причины // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. Учредители: Тюменский индустриальный университет. 2021. № 2. С. 19–33.

⁶ Баканова М.В. Феминистское движение в Пакистане: вчера, сегодня, завтра // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1 (ч. 2). С. 306–314. DOI: 10.28995/20736401-2021-1-306-314

сается иностранок, в большинстве стран «белокожие женщины» привлекают повышенное внимание при передвижении по улицам в одиночестве и нередко становятся «объектом охоты», т. е. даже при возможности самостоятельного передвижения многие иностранки вынуждены передвигаться с сопровождением. При этом, далеко не у всех семей есть возможность приобрести и содержать дополнительный автомобиль и/или водителя для них, и часть женщин, в связи с этим также вынуждена вести относительно закрытый образ жизни (даже проживая в немусульманских странах Востока). Стоит отметить и другую специфическую проблему большинства стран Востока – слабое развитие системы общественного транспорта. Если касаться Пакистана, то в нем также наблюдается наличие данных двух групп: девушки, вышедшие замуж за представителя традиционной семьи, равно как и те – чьи семьи относительно европеизированы, но не могут позволить себе приобрести дополнительный автомобиль, чтобы иностранка могла свободно передвигаться. Группа обеспеченных семей, которые позволяют иностранке свободно или с водителем передвигаться не столь велика.

Собственно, с ограничением свободы передвижения связана первая и наиболее важная проблема личного участия женщин в мероприятиях Посольства, Россотрудничества или очного обучения детей русскому языку.

Проблемой, непосредственно связанной с предыдущей, можно считать диффузное расселение соотечественников и не оптимальное расположение представительств РФ в некоторых странах относительно крупных русскоговорящих диаспор. Не секрет, что Посольства РФ в различных странах размещаются в столицах, это общемировая практика, однако выбор городов для размещения Генеральных консульств нередко формален (максимально крупные города) или связан с определенными внутрисистемными ожиданиями: множественные инвестиционные проекты, торговые связи, связи с местной лояльной поли-

тической элитой. Центры Россотрудничества также расположены в столицах стран и зачастую формально подбранных крупных городах. В этом смысле Пакистан является абсолютным исключением – только в этой стране центр Россотрудничества расположен в городе Карачи, а в столице Исламабаде нет даже отдельного представительства или представителя при Посольстве. При этом – города находятся на значительном удалении друг от друга, порядка 1,5 тыс. километров, а скоростная магистраль между ними была открыта лишь около 2-х лет назад. Таким образом, далеко не все граждане России и соотечественники физически способны достичь данных центров и уж тем более появляться в них регулярно. Возвращаясь к Пакистану, большинство русскоязычных соотечественниц достаточно равномерно распределены по всей территории страны, включая как крупные города, так и сельскую местность. Единого мощного ядра диаспоры не сформировано, хотя достаточно крупные общины можно наблюдать в Лахоре, Исламабаде и Пешаваре (т. е. в центре и на севере Пакистана)⁷. Что также значительно ухудшает возможность очного участия в мероприятиях или проведения занятий по очным образовательным программам.

В отличие от западного мира, который сейчас наибольшее внимание уделяет облегчению образовательного процесса, на Востоке нагрузки образовательной системы остаются значительными. Нередко, дети заняты учебой (обязательной) более 8 часов в сутки, и несколько часов отводится на занятия с репетиторами и подготовку домашнего задания. В исламских странах часто дополнительно берутся уроки чтения Корана в медресе или у приглашенных имамов-учителей, в Индии – уроки йоги или

⁷ Баканова М.В. Русскоговорящая диаспора в Пакистане. Сложности существования // Восточные ветви российской диаспоры. Том 5. Из прошлого в настоящее: коллективная монография / Ин-т востоковедения Росс. акад. наук, Лаб. по изуч. рос. диасп. в странах Востока [отв. ред. Д. С. Панарина]. М.: ИВ РАН, 2022. С. 178–199.

священных религиозных текстов. Относительно Пакистана система выглядит приблизительно так: уроки в школах с 8 до 2 часов дня (5 или 6 дней в неделю, сокращенный день – пятница, занятия заканчиваются в 12.30). Уроки чтения Корана – обычно около 1–1,5 часов до школьной учебы или после каждый день – несмотря на то, что они не обязательны, подавляющее большинство детей их проходят. В послеобеденное время дети посещают тьютора (репетитора) по всем или практически всем предметам, где занятия длятся от 2 до 6 часов (в зависимости от финансовой обеспеченности и частично возраста детей). Нередко в старшей школе тьютора заменяют официальные академии с лекциями и семинарами у разных преподавателей. Система тьюторов на самом деле является большой проблемой пакистанской системы образования, поскольку большинство учителей, стремясь зарабатывать частными уроками преподает в школах крайне формально, сознательно ограничивая информацию и имитируя образовательный процесс. Таким образом, в течении рабочей недели у большинства детей нет возможности полноценно посещать уроки русского языка или что-то большее.

Зона Востока – это регион, практически не имеющих собственной системы образования и учебных пособий. Большинство стран следуют англо-саксонской или французской системам образования и даже выпускающиеся национальные учебники основаны именно на них. Информацию об актуальных исторических, географических, социальных и политических процессах они также черпают в западных источниках, очень часто не осмысляя и не перерабатывая их. Таким образом, западный стиль мысли становится ведущим для стран Востока и понимания текущей ситуации, что способствует искаженному мировосприятию. Язык обучения также обычно включает не только национальные языки, но и английский или французский, причем обучение на европейских языках является и более престижным, и более дорогим, и соответственно,

требует применения учебников и пособий данных стран. Но, кроме этого, с определенного возраста дети сами способны использовать данные языки для поиска информации в сети Интернет, находя соответственную информацию, в том числе и русофобского характера. При этом использование американско-британских образовательных стандартов с соответствующими учебниками и книгами в школах и ВУЗах страны безусловно вытесняет и очерняет русский язык и в целом «русский мир» в глазах пакистанцев и детей соотечественников, чем наносит непоправимый урон отношениям России и данных стран. Следовательно, развитие цифровых технологий преподавания русского языка, литературы, культуры и прочего является для России краеугольным камнем в рамках развития отношений не только между странами, но и между народами. Это оказывает значительное влияние на формирование собственной идентичности населения, в том числе и русскоязычного и на лояльность к русскоязычному миру⁸.

Таким образом, во многих странах Востока (в том числе в Пакистане) цифровизация российского международного гуманитарного сотрудничества может стать единственным вариантом продвижения «мягкой силы» среди россиян-соотечественников и местного населения. При этом, цифровых ресурсов, имеющихся в настоящее время, совершенно недостаточно, и они нуждаются в дополнительных разработках, развитии и продвижении.

Основными направлениями развития цифровизации можно считать следующие.

Развитие различных онлайн сервисов по изучению русского языка, литературы, культуры, традиций, географии, истории и других дисциплин гуманитарного ряда, которые наиболее значительно искажаются в рамках ан-

⁸ Баканова М.В. Формирование религиозной и национальной идентичности в интернациональных семьях как фактор противодействия радикализации молодежи // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2. С. 86-94.

гლოსаксонской пропаганды. Несмотря на то, что данный формат обучения более подходит для взрослых и детей старше 12 лет, при активном участии родителей дети младшего возраста также могут в нем принимать посильное участие. Что удобно (в связи с вышеизложенными проблемами), онлайн курсы могут проводиться и в реальном времени с учителем, и демонстрироваться в записи, что освобождает их от привязки к месту и времени. Проще говоря, учиться можно всегда и везде. Помимо традиционных лекций и семинаров, онлайн обучение может комбинировать и другие возможности: формирование форумов и групп прямого общения между обучающимися, ведение видео- и аудио классов, прохождение тестирования в онлайн формате и некоторые другие. Крайне интересными могут быть виртуальные экскурсии в музеях, которые периодически проводятся уже сейчас самими музеями, но, к сожалению, без отдельных оповещений в рамках Россотрудничества, что усложняет их поиск. Для увеличения эффективности необходима разработка курсов в зависимости от возраста и начальных знаний обучающихся: как в рамках знания русского языка, так и соответствующего предмету бэкграунда, согласно академическому подходу. К изучению русского языка, кроме того, стоит подходить с позиций изучения его как родного, иностранного или для билингвов. Ввиду того, что обучающиеся могут проживать в странах с различным государственным языком, этот момент также необходимо учитывать, поскольку различный родной язык формирует различные менталитет и картину мира, а также набор языковых норм, что определяет конкретный формат подачи и углубленной проработки различных тем. Естественно, что подобные программы сложно разработать исключительно российским педагогическим (министерским) коллективом, необходимо участие преподавателей русского языка как иностранного, преподавателей, работающих за границей в

системе МИД, российских соотечественников, проживающих в конкретных странах, знакомых с ситуацией изнутри.

Параллельно с образовательными программами необходим **систематический запуск бесплатных онлайн библиотек**. Безусловно, снабжение детей особенно младшего возраста бумажными книгами должно оставаться приоритетным направлением. Однако, если исходить из ситуации с диффузным расселением соотечественников и слабым доступом их к российским центрам, эта задача не всегда посильна. Онлайн библиотеки могут снять остроту проблемы, особенно если часть книг из них сделать доступной для скачивания и распечатывания. В современном Рунете существует определенное количество онлайн библиотек, с довольно большим количеством литературы, однако большая часть из них либо платная, либо пиратская. Современные мировые условия не всегда дают возможность оформления платной подписки из стран Востока, особенно на регулярной основе. Пиратские же сайты чаще всего собирают все книги подряд с упором на популярные книги-однодневки, беллетристику, фэнтези и т. п. и считать их источником серьезной, классической, в том числе детской литературы нельзя. Фактически, до сих пор на государственном уровне вопрос онлайн библиотек никак не регулируется и их наполняемость и возможности доступа не контролируются. Количество электронных учебников по русскому языку, русской литературе, истории, культуре, географии, искусству и др. достаточно мало и в библиотеках их найти достаточно сложно. Особенно актуально наличие параллельных книг на двух языках одновременно, с подстрочным переводом или аудиоозвучиванием на иностранном языке, особенно для детей младшего возраста. Что актуально, электронные учебники могут быть созданы в интерактивном формате с различными гиперссылками и модулями: с видеоконтентом, аудиоконтентом, играми, интерактивными упражнениями и возможностями к подключению преподавателя для объясне-

ния сложных тем. А это ввиду удаленности проживания от России весьма важно, поскольку позволяет узнавать не только «сухие» факты, но и давать общее представление о российских реалиях. Особенно актуальна визуализация и экскурсии для тематически сложных классических книг, где часть слов и понятий являются устаревшими или малоиспользуемыми.

В рамках образовательных программ **становится актуальным формат «пятиминуток»**. Создание мини вариантов уроков может стать определяющим для выбора русского языка из общего языкового пула, как наиболее удобного для изучения в рамках внутригородских поездок или перерывов. Маленький красочный урок с небольшим набором слов и грамматических конструкций не только позволяет учить язык, но и не особо способствует утомлению, что делает его весьма выгодным. Несмотря на то, что подобное языковое образование наиболее эффективно на ранних этапах изучения языка с короткими темами и небольшим словарным запасом, именно такой подход зачастую является определяющим для осознанного выбора при дальнейшем изучении языка уже в полноценном варианте. Мини уроки с хорошей анимацией, видеоконтентом, интерактивными играми будут давать не только статичное усвоение слов и грамматических конструкций, но и рассказывать пользователю о российской культуре, географии и истории страны и о традициях разных народов России. Формат «пятиминуток» удобен и для изучения языков или культур народов России. Нередко русскоговорящие диаспоры за рубежом сталкиваются с такой проблемой: стремясь дать детям знание хотя бы русского языка, они вынуждены отказаться от своих национальных языков. Или же дети, перегруженные обязательными дисциплинами сами отказываются от «лишнего». В этом случае образовательный пул мини-уроков национальных языков и культур будет способствовать не только знакомству иностранцев с ними (а это представляется крайне

важным ввиду поворота России на Восток, особенно потому, что часть народов России имеет исламские или буддийские корни), но и возбуждению интереса у детей соотечественников к изучению не только русского, но и языков национальных культур из которых ведут происхождение их родители или предки. Безусловно, при наличии активных откликов и существовании потребности, мини уроки национальных языков можно будет развить до формирования полноценных интерактивных курсов с последующим созданием школ, библиотек и т. п.

Тенденции современного мира включают в себя **активное развитие игрового контента**. Виртуальную реальность достаточно легко насытить игровыми программами на основе русской литературы, географии, истории, традиций и культуры в форматах проигрывания литературных произведений, симуляции исторических событий и баталий, путешествий по родному краю. Безусловно, далеко не все игры подобного типа должны быть на русском языке, более того, создание их на иностранных языках соберет большее количество участников со всего мира, а использование в них русского языка может войти в категорию бонусов.

Кроме того, актуальны **запуск и развитие онлайн площадок** для прямого диалога между соотечественниками и представителями Правительства РФ, МИД, Россотрудничества, образовательными организациями и т. п. Несмотря на то, что большая часть представительств РФ за рубежом имеет аккаунты в соцсетях (чаще из числа запрещенных в РФ от корпорации Meta), это не совсем то, что нужно. Тем более в них большая часть внимания уделяется фото- и видео отчетам о проведенных мероприятиях. Контент данных площадок можно насытить мини-программами изучения русского языка, логопедическими сервисами (проблема произношения сложных звуков русского языка весьма остра для зарубежья), циклами чтения на русском языке, конкурсами (даже с символическими

призами), онлайн мероприятиями и др. В целом можно разработать конкретные типы онлайн взаимодействия для различных стран или групп стран. Кроме того, необходимо формирование целого ряда платформ или отдельных каналов читаемых блогеров с контентом на разных языках, что не только подстегнет желание к изучению русского языка, но и даст альтернативную точку зрения для проживающих в странах Востока на происходящие события. В идеале, при МИД в рамках Совета по связи с общественностью и СМИ, при участии Департамента внешнеполитического анализа и планирования и Управления культурных связей необходимо создать отдельный Центр, работающий именно в рамках организации цифрового взаимодействия, развития, продвижения гуманитарных программ и т. п., актуального в современном мире.

Создание единого цифрового контента российской культуры, который может быть организован для коллективного просмотра фильмов, концертов, балета, музейных выставок и др. в том числе в режиме реального времени. Кроме того, возможно включение аудио- и видео записей с формированием актуальных подборок к конкретным историческим датам или событиям. Здесь же могут сохраняться и накапливаться материалы актуальных для проживающих за рубежом выступлений первых лиц государства или аналитические разборы выступлений иностранных лидеров на соответствующую тематику.

Стоит отметить, что в настоящее время активного взаимопонимания и развития на уровне МИДа и Россотрудничества данная тематика не получает, концентрируясь на устаревших методиках и принципах работы, несмотря на встречное движение россиян и соотечественников, проживающих в странах Востока. И это является одной из причин значительного отставания России в глобальном инфополе, восприятия российской информации и российского взгляда как вторичного. Частично ситуацию пытается разрешить Russia Today, но и их усилия не

достаточны ввиду слабых контактов с соотечественниками в потенциальных странах вещания.

Вместе с тем, в связи с цифровизацией, развитием компьютерных технологий и интернета, россиянки-соотечественницы становятся объектом влияния в Пакистане, равно как и пакистанское сообщество в России. Они формируют некоторую зону гуманитарного взаимодействия в рамках небольших общностей людей как в России, так и в Пакистане, осуществляя прямые контакты между ними [общностями] и передавая информацию значительно активнее, чем любые информационные службы. Причем информация эта может носить абсолютно различный характер. Однако, данному направлению и его сильным сторонам в настоящее время уделяется весьма мало внимания со стороны правительственных и гуманитарных кругов стран⁹.

Стоит отметить и еще один немаловажный факт. Межгосударственные отношения России со странами Востока можно представить в виде иерархической модели, причем ее функционирование для разных стран будет не только различным, но и с разной степенью эффективности¹⁰. Так, с дружественными России странами, такими, например, как Индия, модель работает в полную силу и введение цифровизации будет идти довольно легко. Если подходить к отношениям между Россией и Пакистаном с точки зрения иерархической системы межгосударственных взаимодействий, то развитие связей путем цифровизации ограничивают еще несколько моментов, которые требуют незамедлительного решения. Дело в том, что цифровизация гуманитарного сотрудничества и в принципе существующая на данный момент форма гумани-

⁹ Баканова М.В. Цифровизация международного гуманитарного... С. 21.

¹⁰ Баканова М.В. Иерархическая модель привлекательности России для стран ЦА. Аспекты Евразийского ислама // Блог на площадке РСМД, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/marina-bakanova/ierarkhicheskaya-model-privlekatelnosti-rossi-dlya-stran-tsa-aspekty-e/>

тарного сотрудничества не относятся к базовым потребностям во взаимодействии социумов. При этом к базовым величинам можно отнести: политическое, экономическое сотрудничество и взаимодействие в области безопасности. К сожалению, именно они развиваются между Россией и Пакистаном на минимальном уровне, что было определено рядом исторических причин. Особенно сложным вопросом является безопасность, поскольку Россия продолжает поставлять оружие Индии и поддерживать ее ВПК, с учетом того, что Пакистан и Индия находятся в условиях войны до сих пор. Соответственно, не испытывая доверия в области дипломатической и военной безопасности, развитие других ступеней иерархической пирамиды, которые включают в себя гуманитарное, в том числе и цифровое, сотрудничество будет затруднено на почве банального недоверия. Таким образом, России необходимо в определенной степени переосмыслить отношения с конкретными странами Востока, а в контексте российско-пакистанских и российско-индийских отношений оказать ведущее влияние на заключение между Пакистаном и Индией мирного договора с решением ключевого Кашмирского кейса наиболее выгодным для обеих сторон путем.

Резюмируя, потенциально развитие цифровых технологий в рамках международного гуманитарного сотрудничества может значительно улучшить отношения между Россией и странами Востока, в том числе с проживающими в них соотечественниками и лояльными к РФ гражданами данных стран, что безусловно будет влиять на поддержку России в рамках современной ситуации и формировать активное движение к многополярному миру¹¹.

¹¹ Баканова М.В. Цифровизация международного гуманитарного... С. 22.

Глава 10. НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ В ИЗРАИЛЕ: ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ СПУСТЯ¹

Введение

За последнее десятилетие всё более актуальным становилось изучение «Русского мира», новых и старых российских диаспор, истории и судеб наших соотечественников за рубежом, в том числе в странах Ближнего Востока. Россиян можно встретить в Турции, Сирии, Ливане, Египте, Марокко и Израиле. Особый интерес представляет судьба наших соотечественников в Израиле, поскольку эмиграционный процесс из России в эту страну еще не прекращается, а те, кто уехал, продолжают сохранять тесную связь с Россией.

После создания государства Израиль в 1948 г., имели место лишь единичные случаи иммиграции из Советского Союза. Уезжали граждане еврейской национальности в рамках программ соединения семей. После Шестидневной войны 1967 г. наметился первый поток советских иммигрантов. Он не был многочисленным – всего около 170 тыс. советских граждан, и к 1980-м гг. заметно сократился. В силу исторических обстоятельств, иммигранты этой волны практически полностью интегрировались в соответствии с концепцией «плавильного котла». С годами они «растворились» в израильском обществе.

Иммиграция из СССР/СНГ в 1990-е гг. («русская алия») отличалась от всех других иммиграционных волн в Израиль до и после создания еврейского государства. Она выделялась большой численностью как в абсолютном, так и в относительном выражении (около миллиона человек –

¹ **Сведения об авторе:** Семенченко Нина Абрамовна, с.н.с. Отдела Израйля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: semnina2008@yandex.ru

15% всего израильского населения). Переселенцы приезжали в уже окрепшее государство в политическом, экономическом и военном плане. Сами иммигранты также были другими. Это не были, как считали израильтяне, бедные, гонимые советские (российские) евреи, ищущие спасения в Израиле, в стране исхода они являлись равноправными гражданами бывшей великой державы с определенным образом мышления.

Вместе с тем, они не знали другого образа жизни, кроме советского. Законы и правила либерального мира, рыночной экономики не были им знакомы. Зато они обладали высоким культурно-образовательным уровнем: 54% работоспособных иммигрантов были люди с высшим образованием, ученые и представители свободных профессий². Процент лиц с высшим образованием среди этих иммигрантов был выше, чем в среднем у населения Израиля³. Они также отличались и своим демографическим составом⁴. Впервые приехавшие в Израиль иммигранты были не только евреями – по разным оценкам, около 1/3 новых жителей из СССР/СНГ составляли этнические русские.

В данной главе, опираясь на ранее опубликованные работы, а также на исследования ряда израильских социологов, мы сосредотачиваем внимание на положении наших соотечественников в Израиле два десятилетия спустя после их переезда в эту страну. Рассматриваем некото-

² Семенченко Н. Некоторые аспекты израильской политики абсорбции: от прошлого к настоящему // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. Сборник статей. / под ред. Эпштейна А.Д. и Федорченко А.В.; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Иерусалимский ун-т, Открытый ун-т Израиля. М., 2000. С. 87.

³ Lissitsa S., Peres Y. Criteria of Sociocultural Adjustment: The Case of the Russian Community in Israel since 1989 // International Journal of Intercultural Relations. 2011. No. 35. Iss. 2. P. 207. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2010.09.002

⁴ См. подробно: Семенченко Н. Иммиграция 1990-х годов в Израиль: некоторые особенности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002. № 3. С. 98.

рые аспекты их интеграции в израильское общество, их отношение к религии, принятие ими местной культуры и определение своей идентичности. В работе уделяется внимание тому, как израильтяне оценивают степень адаптации русскоязычных иммигрантов. Особый интерес вызывает уровень интеграции молодого поколения русскоговорящих израильтян. Отдельным вопросом остается положение этнических русских.

Особенности интеграции «русской алии»

Специфика «русской алии», темпы прибытия иммигрантов, внутриаполитическая и экономическая ситуация в стране побудили правительство избрать новую модель адаптации – «прямую абсорбцию». Эта программа давала возможность новопривывшим самостоятельно распорядиться «корзиной абсорбции» – ссудой, получаемой ими в первый год жизни в стране. Ее размеры устанавливаются в зависимости от состава семьи и возраста ее членов. Включает средства на аренду жилья и оплату коммунальных услуг в течение первого года. С мая 1993 г. «корзину абсорбции» стали выдавать безвозмездно, т. е. уже не как ссуду, которую следовало погасить в случае, если иммигрант покидал страну ранее 5 лет с момента приезда⁵. До этого государство оказывало безвозмездную помощь лишь в изучении иврита.

Задача оказания помощи прибывающим оказалась не из простых. Десяткам тысяч иммигрантов, не знающих или мало понимающих иврит, ежедневно надо было объяснять, какие у них права и обязанности, как оформлять документы, какие требуются справки, какие анкеты и как

⁵ См. подробно о «Прямой абсорбции»: Адлер Ш. Программы профессиональной переквалификации новых репатриантов в Израиле // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. Сборник статей. / под ред. Эшштейна А.Д. и Федорченко А.В.; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Иерусалимский ун-т; Открытый ун-т Израиля. М., 2000. С. 90–104.

заполнять. Министерство абсорбции и Еврейское агентство провели колоссальную работу по переводу с иврита на русский огромного количества документов, анкет, бланков, справок и рекомендаций, информационных проспектов и брошюр. Эта работа была необходима, чтобы помочь иммигрантам быстро разобраться в новых для них условиях, облегчить работу административного персонала, а также ослабить возникшую в обществе социально-психологическую напряженность⁶.

Вскоре без принятия каких-либо официальных решений в магазинах и супермаркетах появились ярлыки и пояснения на русском языке. В сфере обслуживания все чаще начали появляться объявления «У нас говорят по-русски». В ходе предвыборной кампании 1992 г. (первой для «русской иммиграции») политические партии распространяли свои агитационные материалы и программы на русском языке. Во многих государственных учреждениях появились надписи, вывески, инструкции на русском языке. Появились также служащие и чиновники всех рангов, говорящие по-русски. Постоянно расширялась сфера использования русского языка⁷.

Все эти новшества позволили «русским израильтянам» ориентироваться в израильской действительности. Имея высокий культурно-образовательный уровень и воспользовавшись возможностью «свободно адаптироваться», представители новой волны за короткий срок создали собственные весьма разнообразные средства массовой информации (русскоязычные СМИ включали одну ежедневную газету, десять еженедельников и около 30 местных газет, а также несколько радиостанций и один обществен-

⁶ Семенченко Н. О языковой политике в Израиле и русском языке // Государство Израиль: Путь длиною в 70 лет. Монография. / под ред. Т.А. Карасовой, А.В. Федорченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Ин-т междунар. исследований; Ин-т востоковедения РАН. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 218.

⁷ Там же. С. 219.

ный телеканал). Кроме того, возникли ассоциации самопомощи, образовательные учреждения (от детского сада до колледжа)⁸, библиотеки, культурные центры и политические партии⁹. Сформировалась развитая русскоязычная инфраструктура – супермаркеты, рестораны, аптеки, книжные магазины, врачебные учреждения, адвокатские конторы, рекламные агентства, турфирмы¹⁰, развлекательные центры, театральные труппы и ансамбли и т. д. Русскоговорящие иммигранты самоутверждались в Израиле и приобрели определенный социальный, политический и культурный статус.

Таким образом, образовавшаяся в Израиле нехарактерная для переселенческого государства ситуация была одним из тех факторов, которые повлияли на модель, характер и степень интеграции русскоговорящих иммигрантов в принимаемой стране.

По мнению израильских исследователей, отход Израиля от концепции «плавильного котла» и начало перехода к мультикультурализму, а также перемены в израильской абсорбционной политике, открыли перед иммигрантами несколько возможных путей аккумуляции: ассимиляция, разделение (сепаратная модель), маргинализация, интеграция¹¹. Тем не менее, как следует из опросов, проведенных С. Лисицей и Ю. Перс, два десятилетия спустя после начала «русской алии» израильское общество

⁸ Lissitsa S., Peres Y. Op. cit. P. 208.

⁹ Семенченко Н.А. Наши соотечественники в Израиле: 30 лет спустя // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023 г., Москва / Ин-т востоковедения РАН. С. 14. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezhdunarodnaiaimezhinstitutskaianauchnaiakonferentsiiarossiiskaiadiasporavstranakhvostok.pdf>

¹⁰ Семенченко Н. Наши соотечественники в Израиле – кто они? // Восточные ветви российской диаспоры. Том 2. Сквозь века и страны: (Коллективная монография). / отв. ред. и сост. Д. С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. С. 168.

¹¹ Там же. С. 168.

по-прежнему отдавало предпочтение полной интеграции «русских» с полным отказом от некоторых кодов своего прошлого. В то же время, русскоговорящие иммигранты предпочли частичную аккультурацию, т. е. выборочное принятие некоторых поведенческих норм, преобладающих в израильской культурно-бытовой среде, сохраняя при этом близость к родной культуре¹². Иммигранты считают, что важным критерием интеграции являются овладение ивритом, знание особенностей местной культуры и успешное решение профессиональных и жилищных проблем. Полное принятие израильского образа жизни, по их мнению, слишком жесткое требование.

Отношение к религии

Одним из факторов, влияющих на степень интеграции русскоязычных граждан, является отношение к религии. Большинство бывших советских иммигрантов, придерживалось светских или атеистических взглядов, и лишь незначительное меньшинство исповедовало ортодоксальный иудаизм или христианство¹³. Еврейское население в Советском Союзе в целом утратило религиозность и традиции своих предков. Поэтому в Израиле они оказались в неожиданной социорелигиозной среде. В Израиле статус гражданина *«определяется на основании прямой и неразрывной связи между национальной и религиозной его принадлежностью, причем еврейская принадлежность гражданина Израиля определяется на основе законов ортодоксального иудаизма»*¹⁴. Религиозные законы и институты оказывают огромное

¹² Там же. С. 168.

¹³ Remennick L., Prashizky A. Russian Israelis and Religion. What Has Changed after Twenty Years in Israel? // Israel Studies Review. 2012. Vol. 27. Iss. 1. Pp. 55-77. DOI: 10.3167/isr.2012.270104

¹⁴ Хаскин А. Иммигранты-неевреи в Израиле: формирование еврейской и израильской идентичности // Золото Галута. Духовная и культурная интеграция русских евреев в Израиле. Москва-Иерусалим: Гешарим, 2009. С. 106.

влияние на все сферы израильского общества, разделяя граждан Израиля на евреев и неевреев, при этом «государственно-религиозные институты контролируют браки, разводы, захоронения и другие процедуры, связанные с изменением личного и семейного статуса еврея»¹⁵.

Религиозные законы коснулись более одной трети иммигрантов из бывшего Советского Союза. Как было указано выше, около 300 тыс. иммигрантов не являются евреями по Галахе – то есть они не родились от матери-еврейки и не прошли гиюр¹⁶ по ортодоксальным правилам. Исходя из этого, религиозный истеблишмент со временем, особенно в последнее десятилетие, ужесточил проверки приезжающих иммигрантов, а также русскоговорящих израильтян, когда они хотят вступить в брак или зарегистрировать своих новорожденных детей как евреев. Сегодня еврей и не еврейка могут вступить в брак только за границей, в то время как два нееврея могут зарегистрировать свой союз в израильском гражданском суде. Погребение неевреев остается трудным испытанием для членов семьи из-за нехватки «гражданских кладбищ», созданных в последние годы для неевреев¹⁷.

Тем не менее, репрезентативный опрос «русских» иммигрантов, проведенный социологами Л. Ременик и А. Прашицки, показывает, что за время своего проживания в Израиле большинство из них научились соблюдать еврейский календарь и нормы образа жизни израильского общества, а также отмечать в той или иной форме главные религиозные праздники. Но все же для большинства иммигрантов эти обряды, вероятно, являются внешним проявлением общей аккультурации и социальным конфор-

¹⁵ Хаскин А. Указ. соч.

¹⁶ Гиюр – процедура обращения человека в иудаизм.

¹⁷ См. подробно: Remennick L., Prashizky A. Op. cit.

мизмом, а не выражением их недавно открытого иудейского благочестия¹⁸.

Значительная часть респондентов проведенного опроса заявила об уважении и моральной близости к нормам иудаизма. Более того, некоторые бывшие советские граждане (изначально равнодушные к иудаизму) все более проникаются духовными и поведенческими аспектами религии в Израиле. Но при этом большинство иммигрантов сохраняет негативное отношение к ультраортодоксии, ее политической власти и исключительному контролю над личными и семейными законами.

В ходе исследований отношения советских иммигрантов к религии и их религиозности не было обнаружено четкой связи между уровнем религиозности и социально-экономическими показателями, такими как образование, доход и социальная мобильность при миграции. Хотя небольшая группа опрошенных лиц, идентифицировавшая себя как христиане, демонстрировала явную тенденцию к более низкому уровню образования и более низким доходам.

Опрос также показал, что свыше половины всех респондентов сохранили свой светский образ жизни, лишь символически соблюдая местные традиции. При этом они не постились в Судный день (Йом Кипур), и только малая их часть ходила в синагогу (этот день они охарактеризовали как особое время для размышлений).

Чуть менее трети опрошенных назвали себя неверующими (атеистами или агностиками), но при этом сообщали, что отмечают еврейские религиозные праздники в знак уважения к местным обычаям. Что касается гражданских традиций Израиля, то большинство респондентов праздновали гражданские праздники, считая это выражением национальной принадлежности.

¹⁸ Remennick L., Prashizky A. Op. cit.

Важным обстоятельством, которое сглаживает адаптацию русских в Израиле является то, что выходцы из СССР/СНГ, наряду с еврейскими/израильскими памятными датами, продолжают отмечать некоторые советские и российские праздники. В эмиграции это служило механизмом сохранения идентичности и трансляции исторической памяти, способствовало сплочению эмигрантской общины и сохранению культурной традиции¹⁹.

Одним из праздников, который близок и понятен всей российской эмигрантской общине, в том числе и в Израиле, независимо от возраста и политических пристрастий, этно-национального происхождения является Новый год²⁰. Абсолютное большинство продолжает отмечать Новый год (почти половина отмечает с подарками под украшенной ёлкой), а также Международный женский день 8 марта, День Победы 9 мая.

Русские, которые приехали в составе смешанных семей продолжали испытывать те же ограничения, что и негалахтические евреи. Спустя два десятилетия многие завершили свою трудовую деятельность и некоторые ограничения их уже не коснулись.

Уезжая из СССР и России, далеко не все русские были верующими или крещёными. Попав в страну, где религиозный фактор касается личной жизни каждого гражданина и его повседневной деятельности, а отсутствие религиозной принадлежности воспринимается с недопониманием со стороны властей и общества, немало русских обратились к церкви. Православные храмы в Иерусалиме, Яффе, на горе Кармель стали религиозно-объединяющими центрами для русских.

¹⁹ Климович Л.В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920–1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 356. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-11-356-368>

²⁰ В Израиле «Новый год» празднуют по еврейскому календарю в начале осени.

Из проведенного опроса вытекает, что неевреи, т. е. русские, проявили довольно низкий интерес к прохождению гиюр. Вместе с тем, для того чтобы защитить своих детей и огородить их в будущем от возможных проблем, чаще всего многие молодые женщины предпочитают принять иудаизм²¹.

Молодое поколение русскоязычных израильтян (полуторное поколение)

Изучая степень интеграции иммигрантов в определенный период после их прибытия, не менее важно рассмотреть и степень интеграции представителей «полуторного поколения»²², т. е. взрослых детей и подростков, которые приехали в иммиграцию детьми в возрасте до 12 лет. В СССР/СНГ они ходили в детский сад, учились в школе и поэтому успели впитать в себя некоторые культурные коды исходной страны.

После переселения новая жизнь для них началась не безболезненно. Они не были похожи на других израильских детей: маленькие иммигранты еще не знали иврита, или плохо понимали его, были одеты в «странную» по местным меркам одежду, привезенную родителями из страны исхода, вели себя замкнуто. В школе над ними смеялись, дразнили, оскорбляли. Это не редко приводило к конфликтной ситуации в семье. Одни замыкались в себе, другие делали все, чтобы стать похожим на «сабра»²³.

Закончив учебу в школе, пройдя службу в армии, повзрослев и лучше поняв израильскую культуру и тра-

²¹ *Вперед, Мор*. Мэгилат герот. Масаан шел митгайрот [Исповедь женщин, прошедших гиюр. Их путь к принятию иудаизма]. Иерусалим, 2010. С. 118.

²² Концепция «полуторного поколения» иммигрантов (поколение 1.5) была введена в научный дискурс об интеграции мигрантов в начале 1990-х годов кубино-американским социологом Рубеном Г. Румбо (1994).

²³ Сабра – евреи, рожденные в Палестине/Израиле.

диции, молодые иммигранты стали осознавать свое положение в обществе (невысокая экономическая мобильность, определенная дискриминация и т. д.). Некоторые из них чувствовали себя гражданами второго сорта в еврейском государстве. Вопрос об определении своей идентичности становился все актуальней.

Численность нынешних 25-40-летних иммигрантов, несущих с собой наследие своей ранней социализации в России, Украине и других бывших республиках Советского Союза, составляет около 120–150 тыс. чел.²⁴. Для Израиля это весьма заметный сегмент общества, который привлекает внимание СМИ.

Желая укрепить свою групповую идентичность, молодые израильтяне русского происхождения создали несколько сообществ, как виртуальных, так и «живых». Первым был клуб «Фишка» в Тель-Авиве (2007–2013); за последние пять лет появились группы в Facebook: «Поколение 1.5», «Родители сабраса», «Русские женщины без чувства юмора» и многое другое. Несмотря на явные различия между повестками дня этих групп, вместе они отражают новое явление в сфере израильской идентичности – претензию на заметность, принадлежность, а иногда и политический протест молодежи²⁵. Такое проявление этнокультурной солидарности и готовности к социальной активности среди молодых русских израильтян совершенно нетипично для их родителей, составляющих «молчаливое большинство» первого поколения.

Формирование идентичности у детей иммигрантов – это непрерывный процесс, в котором принимающая страна и страна происхождения, обе или ни одна из них, со-

²⁴ Remennick L., Prashizky A. Generation 1.5 of Russian Israelis: Integrated but Distinct // *Journal of Modern Jewish Studies*. 2019. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 263–281. DOI:10.1080/14725886.2018.1537212.

²⁵ Ibid.

здают динамичные гибридные модели идентификации²⁶. Результаты многолетних исследований и масштабного современного онлайн опроса Л. Ременник и А. Прашицки подтверждают неоднозначное, промежуточное социальное и культурное положение и гибридную идентичность среди молодых людей, которые пережили иммиграцию в детстве или в подростковом возрасте²⁷.

С «полутурным поколением» связано еще одно новое явление в социально-общественной жизни Израиля, а именно успешное наведение мостов между двумя группами в поп-культуре, слияние двух культур – русской и средиземноморской²⁸.

Израильяне-выходцы из мусульманских стран, получившие название «мизрахим» (восточные), с самого начала отнеслись к «русской алии» крайне неблагоприятно, а порой и враждебно. Они видели в новых русскоговорящих иммигрантах прежде всего конкурентов в сфере трудоустройства. Отношение властей к «русским» вызывало у последних чувство несправедливости. Однако для многих переселенцев процесс абсорбции сопровождался большими трудностями. Неолиберальные экономические реформы в Израиле вместе с зарождающейся глобализацией коренным образом изменили структуру возможностей для новых иммигрантов. Политика прямой абсорбции и стремительный рост стоимости жилья заставили многих новичков поселиться на географической и со-

²⁶ Zubida Hani, Lavi Liron, Nakash Ora et al. Home and Away: Hybrid Perspective on Identity Formation in 1.5 and Second Generation Adolescent Immigrants in Israel // *Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation*. 2013. No. 1. URL: https://glocalismjournal.org/wp-content/uploads/2020/03/harper_gjcp_i_2013_1.pdf. DOI: 10.12893/gjcp.i.2013.1.6

²⁷ Remennick L., Prashizky A. Generation 1.5 of Russian Israelis...

²⁸ См.: Prashizky A. Ethnic Fusion in Migration: The New Russian-Mizrahi Pop-culture Hybrids in Israel // *Ethnicities*. 2019. Vol. 19. Iss. 6. Pp. 1062–1081. <https://doi.org/10.1177/1468796819827452>

циальной периферии Израиля²⁹ рядом с «мизрахим». С годами две разные (конфликтующие) этнические группы смирились с таким соседством, а в последние годы, отмечает израильский исследователь Анна Прашицки, все более заметны перемены в отношениях между этими группами в позитивную сторону. Молодые русскоязычные иммигранты (полуторное поколение) изобрели гибридный культурный образ – «средиземноморская русскость», которая выражается в различных культурно-массовых платформах: видеоклипах, фестивалях, массовых мероприятиях, а также в музыкальных и танцевальных представлениях, которые они же организовывали³⁰.

Ряд израильских социологов видят *«в принятии “русскими” восточной музыки и габитуса мизрахим законную форму сегодняшнего Израильянства, проявление ориентализации молодых русских иммигрантов»*³¹. Так ли это? Время покажет.

Заключение

В отличие от других принимающих стран, где иммигрирующее меньшинство приспосабливается к образу жизни коренного большинства, в Израиле пока не достигалось стабильного численного превосходства коренного населения. Уже в первые годы существования государства приток переселенцев удвоил его население. На молодость израильского поселенческого общества указывает и тот факт, что доля израильских евреев во втором поколении

²⁹ Remennick L. Russian-Speaking Israelis in the Ethno-Social Tapestry of Israel // Handbook of Israel: Major Debates. Ed. by Eliezer Ben-Rafael, Julius H. Schoeps, Yitzhak Sternberg and Olaf Glöckner. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2016. Pp. 201-216. <https://doi.org/10.1515/9783110351637-017>

³⁰ Prashizky A. Op. cit.

³¹ Regev M., Seroussi E. Popular Music and National Culture in Israel. Berkeley: University of California Press, 2004. URL: <https://archive.org/details/details/popularmusicnati0000rege/> / Цит. по: Prashizky A. Op. cit. P. 12.

невелика – порядка 20% в 1995 г.³². Процесс «собираания еврейских диаспор» не завершен, а сама идея видоизменяется. Интеграция иммигрантов проходит разными путями. Большую роль играет стремление и возможность новых граждан сохранить свои культурные коды и не всегда еврейские традиции. В таких условиях правильно говорить не о приспособлении иммигрантов к принятому в стране образу жизни, а о процессе постоянного культурного взаимодействия, в рамках которого идет формирование новой гибридной культуры.

³² Учитывая продолжающийся процесс иммиграции.

Глава 11. ОСТРОВ ГУАМ, РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ и ОГРАНИЧЕННОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО¹

Тропический остров Гуам – самый крупный и самый населённый остров Марианского архипелага. Марианские острова находятся на западе Тихого океана, между Японией и о. Новая Гвинея, и являются частью Микронезии – одного из трёх субрегионов Океании.

Гуам является неинкорпорированной территорией США и благодаря своему географическому положению имеет для них важнейшее военно-стратегическое значение. На острове расположена крупная американская военная база, на которой сосредоточены значительные силы ВМС и ВВС США. Эти силы позволяют Америке контролировать обширную часть Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Военная инфраструктура занимает почти треть острова Гуам.

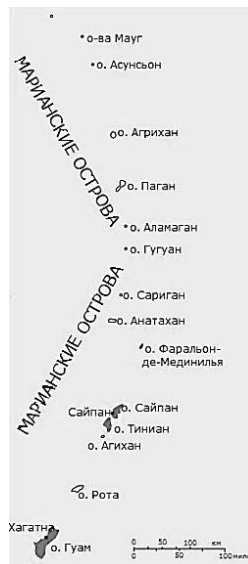

Рис. 1. Гуам².

¹ **Сведения об авторе:** Кочетков Дмитрий Сергеевич, м.н.с. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: d.kochetkov@ivran.ru

Однако помимо геополитического и военного значения, Гуам также является довольно прибыльным туристическим центром.

Гуам играет роль перевалочного пункта для мигрантов. По законам США попасть на американскую неинкорпорированную территорию Гуам проще, чем получить допуск на «материковую территорию» США³. Многие люди, желающие иммигрировать в США, но не имеющие возможности сделать это сразу, прибывают на Гуам, а потом просят политического убежища у американских властей. Встречаются среди этих людей и россияне.

В данной главе мы кратко рассмотрим историю Гуама, историю миграции на этот остров и взаимодействие с мигрантами американских властей. Также мы ознакомимся с информацией из открытых источников, касающейся русской миграции на Гуам, жизни складывающейся там русскоязычной диаспоры и отношения к гуамским россиянам со стороны американского руководства.

История Гуама до конца XX в.

До европейского открытия Гуама и прочих Марианских островов их населял народ Чаморро, предположительно имеющий филиппинское происхождение и относящийся к австронезийской языковой семье.

В 1521 г. Гуам стал первым островом Океании, открытым европейцами, – а именно, португальским капитаном на испанской службе Фернаном Магелланом в ходе первого в истории кругосветного плавания.

В XVI–XVII вв. испанцы исследовали и завоевали Марианские острова. При этом чаморро подверглись значительному истреблению.

² Голомолзин, Евгений. Гуам. На краю Марианской впадины // Персональный сайт. 03.11.2012. URL: <https://foto-travel.net/2012/11/guam-na-krayu-marianskoj-vpadinyi>

³ «Материковая территория США» – иносказание, поскольку в неё входят, например, Гавайские острова.

Российский мореплаватель В.М. Головнин, посетивший Гуам в 1818 г., отмечал, что *«в 1792 году на всех обитаемых островах сей гряды (ибо большая часть из них необитаема) число жителей простиралось до 40 тысяч, что подтвердил и губернатор. В Маниле получил я ведомость о народонаселении здешних владений; в ней показано в 1815 году число жителей на Марианских островах только 4680 человек»*⁴.

Чистокровное коренное население Гуама полностью вымерло уже к 1830 г., а их место заняли рабочие, привезенные из Мексики и Филиппин, с которыми произошла частичная метисация местного населения. Российский капитан О.Е. Коцебу, побывавший на острове в 1817 г., незадолго до В.М. Головнина, писал: *«Введение христианской религии не распространило здесь своего благословения; с того времени истреблены все природные жители Ладронских [Марианских – прим. авт.] островов»*⁵. О столице Гуама, городе Агадна (совр. Хагатна), капитан сообщал следующее:

*«Город имеет 200 домов и около 1500 человек жителей, которые, как уже выше сказано, происходят из Мексики и с Филиппинских островов. Из числа коренных здешних жителей на острове существует только одна чета; со смертью этих двух человек угаснет племя древних ладронов»*⁶.

В 1898 г., после Испано-американской войны, Гуам аннексировали США. После этого остров был отдан под управление американского Военно-морского министерства. На Гуаме была создана база ВМС США. Уже тогда

⁴ Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головным. М.: Мысль, 1965. URL: http://az.lib.ru/g/golownin_w_m/text_0020.shtml

⁵ Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятое в 1815–1818 гг. на корабле «Рюрик». СПб., 1821–1823. URL: https://russvostok.ucoz.ru/publ/1815_1818_quot_rjurik_quot_kocebu_o_e/kocebu_o_e_puteshestvie_v_juzhnyj_okean_i_beringov_proliv/puteshestvie_v_juzhnyj_okean_i_beringov_proliv_glava_xiii_plavanie_ot_ostrova_sv_lavrentija_k_ostrova_m_radak_i_k_marianskim_ostrovam/109-1-0-498

⁶ Коцебу О.Е. Указ. соч.

американское руководство рассматривало этот остров как важную точку для военного присутствия США в Тихом океане.

В 1944 г. на Гуаме также была создана база ВВС США для нанесения воздушных ударов по Японии.

После Второй мировой войны США взяли под управление оставшуюся часть Марианских островов в качестве отдельной от Гуама территории, которая получила название Северные Марианские острова.

В 1950 г. Гуам получил статус неинкорпорированной территории США, а в 1952 г. лица, рождённые на острове, получили статус американских граждан.

Тем временем шли процессы, способствовавшие закрытию Гуама от окружающего мира. Есть сообщения, что в 1950-е гг. США разместили на Гуаме межконтинентальные стратегические бомбардировщики В-52 с ядерным вооружением, которое потенциально могло быть применено против целей СССР на Дальнем Востоке⁷. Неудивительно, что въезд на остров граждан других стран находился под бдительным контролем американского правительства.

Это усилило конфликт интересов между местным населением острова Гуам и руководством Вашингтона: в то время как руководство Гуама желало стимулировать внешнюю торговлю, американское федеральное правительство видело в чужестранцах, появляющихся в районе своего стратегически важного острова, угрозу.

Только в начале 1960-х гг. Гуам стал открываться для туристов. Главным поставщиком иностранных клиентов для молодой гуамской туристической отрасли стала Япония.

⁷ *Rasmussen C. From Tourists to Asylum Seekers: Russian Citizens in Guam, 2012–2021. P. 191. URL: https://www.uog.edu/_resources/files/schools-and-colleges/college-of-liberal-arts-and-social-sciences/pai/v12/10.Rasmussen_revisions.MS_PRINT_READY.REVISED_on_9.27.21.pdf*

После этого местные власти Гуама всячески воздействовали на федеральные власти США, чтобы те предоставляли безвизовый въезд на остров гражданам преуспевающих тихоокеанских стран, таких, например, как Южная Корея или Тайвань, которые являются союзниками США.

Одновременно продолжало увеличиваться военное значение острова. В дополнение к уже имевшимся на Гуаме бомбардировщикам в 1964 г. в районе острова находились 12 американских подводных лодок, оснащённых ядерным оружием. Как и следовало ожидать, вскоре в районе мыса Ритидиан (северная оконечность Гуама) появились советские рыболовецкие суда, которые, вероятно, на самом деле были не совсем «рыболовецкими», а скорее разведывательными⁸. Есть сведения, что местные рыбаки-чаморро с энтузиазмом восприняли появление советских судов и стали подходить к ним, желая обменять имевшиеся у них американские сигареты на советскую водку⁹. Разумеется, это вызывало недовольство американских властей.

Тем не менее, обстоятельства вынуждали Америку сделать Гуам более открытым. У этого были не только экономические, но и политические причины. Помимо граждан союзных государств, США начали принимать на Гуаме эмигрантов из недружественных для себя стран. Тогда это соответствовало интересам Вашингтона: шла холодная война, и американское правительство было заинтересовано в имидже удобной для жизни страны, в которую бегут недовольные жизнью люди из коммунистических государств.

Так, в 1975 г. Гуам стал пунктом назначения для более чем 100 тыс. беженцев (в основном, высокопоставленных) из проамериканского Южного Вьетнама, который

⁸ *Rasmussen C. Op. cit.*

⁹ *Ibid.*

потерпел поражение в войне с коммунистическим Северным Вьетнамом. Однако уже тогда выяснилось, что американское гостеприимство носит ограниченный и демонстративный характер: американское руководство проявило нежелание быстро предоставлять гражданство такому большому количеству приезжих. Вместо статуса «беженцев», по которому вьетнамцы могли бы рассчитывать на массовое и быстрое получение американского гражданства, они получили статус «эвакуированных», после чего запрос на предоставление статуса «беженца» каждого из них обрабатывался отдельно, что в целом снижало шансы каждого вьетнамца найти новый дом в США. Дошло до того, что 1,5 тыс. вьетнамцев потребовали вернуть их на родину, ради чего даже устроили голодовку и выступления с портретами Хо Ши Мина – лидера северновьетнамских коммунистов¹⁰.

В 1986 г. был окончательно оформлен статус Северных Марианских Островов (СМО), которые стали неинкорпорированной территорией США, отдельной от Гуама.

В 1996 г. США провели операцию «Pacific Haven», в рамках которой на Гуам были доставлены 7 тыс. курдских союзников США по боевым действиям в Ираке.

Пока власти США переправляли на Гуам тех беженцев, которые, по мнению Вашингтона, заслуживали убежища, другие люди, заинтересованные в американском убежище, переправлялись на остров самостоятельно. Например, в 1990-е гг. на Гуам прибыло немало иммигрантов из Китая. Этих людей ждал не самый радужный приём. Так, первые китайцы, прибывшие на Гуам, попали на швейные фабрики СМО, где им пришлось работать в довольно тяжёлых условиях.

Китайские контрабандисты организовали тайные перевозки своих сограждан на Гуам на лодках¹¹.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 194.

Для содержания нелегальных мигрантов под стражей на острове не хватало тюремной инфраструктуры, а ещё там не было работающего на постоянной основе судьи по вопросам предоставления убежища.

Поначалу китайцев переправляли в Сиэтл (США), и их запросы на предоставление политического убежища разбирались там.

К 1999 г. наплыв китайских мигрантов стал для американских властей серьёзной проблемой, и они переложили ответственность за китайских мигрантов на местные власти Гуама. При упомянутом отсутствии на острове судьи по иммиграционным вопросам это означало, что содержание иммигрантов в заключении станет заметно дольше. Дошло до того, что представитель Гуама в американском Конгрессе предложил запретить на Гуаме запросы об убежище и депортировать всех незарегистрированных мигрантов, а также выплатить Гуаму компенсацию за все затраты, связанные с содержанием нелегалов под стражей¹². Эти предложения не прошли, но перехватом китайских нелегальных мигрантов занялись военные и береговая охрана США. Задержанных в море мигрантов отправляли в лагерь на о. Тиниан (СМО). Американское миграционное законодательство тогда не действовало на территории СМО, федеральные чиновники могли себе позволить не рассматривать просьбы оказавшихся там иностранцев о политическом убежище, а самих мигрантов можно было депортировать назад в Китай.

В целом есть мнение, что руководство США в те годы, пользуясь особым статусом Гуама и СМО, обходило своё собственное миграционное законодательство и всячески уклонялось от предоставления политического убежища всем приезжим, кроме тех, кому само хотело его предоставить и кого само доставило на Гуам¹³. Остальных же

¹² *Rasmussen C.* Op. cit. P. 193.

¹³ *Ibid.* P. 195.

мигрантов оно предпочитало насильственно депортировать на родину.

Тем временем, на Гуаме активно продолжал развиваться туризм.

Гуам в XXI в. и российский туризм до конца 2019 г.

Как упоминалось выше, люди, родившиеся на Гуаме, получают гражданство США, а для въезда на Гуам представителям ряда стран не требуется виза. В результате ещё в 2001 г. СМИ сообщали о массовом посещении Гуама беременными гражданками других стран, желающими родить на острове и дать таким образом своему ребёнку американское гражданство¹⁴.

К концу 2000-х гг. туризм составлял уже около 60% от доходов гуамского бизнеса¹⁵. Руководство Гуама и его деловые круги хотели сделать этот показатель ещё выше и задумались о привлечении туристов из КНР и РФ. От Гуама до ближайшей к нему точки РФ на российском тихоокеанском побережье более 5,6 тыс. км. Однако для жителей Дальнего Востока РФ даже такой длинный путь оказался короче, чем дорога в Турцию, Египет и прочие морские курорты, наиболее популярные среди россиян, основная доля которых проживает в западноевропейской части страны.

РФ и КНР были представлены гуамским руководством Вашингтону в качестве кандидатов на безвизовый въезд.

Это совпадало с тогдашними интересами Вашингтона. В 2009 г. администрация руководившего тогда США президента Барака Обамы начала политику «Russian

¹⁴ Гражданство США – остров Гуам // Elma Global. URL: <https://honoraryconsul.ru/index.php?an=us-citizenship-guam>

¹⁵ *Rasmussen C. Op. cit.*

reset» – «Российская перезагрузка», призванную заново наладить отношения между США и РФ.

В рамках этой «перезагрузки» в январе 2012 г. Министерство Внутренней безопасности США (DHS) распространило на граждан РФ право въезжать на Гуам и СМО без американской визы. Однако россияне получали безвизовый въезд при условии, что будут прибывать с туристическими или частными целями не более чем на 45 дней и будут иметь при себе обратный билет или билет в третью страну с фиксированной датой, а также ещё несколько необходимых документов. При этом дальнейшее следование с Гуама на материковую часть США было запрещено, поскольку Гуам, как упоминалось выше, является неинкорпорированной территорией США и не входит в американскую таможенную зону, как и СМО.

Интересно, что местные власти Гуама требовали от федеральных властей США ввести безвизовый въезд на свой остров также для граждан КНР. Однако этого сделано не было. В те годы американо-китайские отношения уже начинали портиться, и Вашингтон рассчитывал получить больше возможностей давления на Китай за счёт улучшения отношений с Россией.

Тогда, в 2012 г., введение безвизового въезда для россиян на Гуам казалось достижением американской внешней политики и открытием новых возможностей для местного гуамского туристического бизнеса. Состоятельные российские туристы повысили наполняемость местных гостиниц и не жалели денег на развлечения.

После упрощения въезда туристический поток из России на Гуам в 2012–2013 гг. увеличился в 4 раза¹⁶. Но в списки наиболее популярных туристических направлений россиян остров так и не попал.

Тем не менее, достаточно крупный и стабильный поток туристов из РФ на Гуам и другие Марианские острова

¹⁶ Голомолзин, Евгений. Указ. соч.

был налажен. В первую очередь туда ехали жители регионов РФ, наиболее географически близких к Марианским островам, таких как Приморский край и Хабаровский край. Хотя его объёмы были не слишком велики по сравнению с турпотоками из Японии и США, российский поток туристов стал для Гуама источником прибыли. Об этом свидетельствует то, что в сети Интернет можно было найти объявления, в которых на Гуам приглашались переводчики и преподаватели русского языка, а также русскоязычные сотрудники сферы обслуживания. Также сообщается о русскоязычном сайте (который сейчас уже недоступен), на котором на русском языке размещались объявления о продаже на Гуаме недвижимости¹⁷.

В 2014 г. в связи с украинскими событиями и присоединением к России Крыма значительно обострились отношения РФ со странами Запада, в том числе, с США. Нестабильная мировая обстановка привела к определённому снижению количества россиян, выезжающих за границу с целью отдыха. Но при этом увеличилось количество граждан РФ, желающих покинуть родину и переселиться в другие страны, поскольку охлаждение между Россией и Западом также привело к обострению противоречий между пророссийскими и прозападными силами в российском обществе.

Пользуясь безвизовым режимом, некоторые из этих граждан отправились на Гуам, и на острове начало скапливаться определённое количество россиян, не имеющих американского гражданства, но желавших получить его (или хотя бы политическое убежище). Политическое убежище в США ведёт к получению грин-карты, дающей право на постоянное нахождение на американской терри-

¹⁷ Пале С.Е. Русские в Океании // Сборник материалов III ежегодной научной конференции Российская диаспора в странах Востока. М.: ИВ РАН, 2013. С. 126-132.

тории. А грин-карта, в свою очередь, это шаг к получению американского гражданства.

Несмотря на усложнившиеся отношения с РФ и снижение российского туристического потока, безвизовый въезд на Гуам для россиян в 2014 г. не отменили. Туристы из РФ всё-таки уже стали для Гуама заметным источником дохода. Даже в ноябре 2014 г., когда был введён в действие первый пакет западных антироссийских санкций, гуамский новостной сайт Pacific News Center разместил статью о путешественнице из РФ – тревел-блогере, которая щедро поделилась с аудиторией своими положительными впечатлениями от приезда на Гуам¹⁸. В статье напоминалось, что российские туристы желанны на Гуаме и могут прилетать на остров прямыми авиарейсами из Хабаровска и Владивостока.

Безвизовый въезд для российских граждан не отменили даже после того, как в середине декабря 2014 г. вокруг Гуама (на котором, как мы помним, находится одна из важных военных баз США в АТР) облетели два российских военных самолёта Ту-95 (стратегический бомбардировщик-ракетоносец, который может быть оснащён ядерным вооружением)¹⁹. Правда, американские военные специалисты, комментировавшие инцидент, сами признали, что российские самолёты всё время находились в международном воздушном пространстве и не нарушили своим полётом международное законодательство²⁰.

В конце декабря 2014 г. источники в сети Интернет сообщали, что туристы продолжают приезжать из России

¹⁸ *Romanes, Roselle*. Popular Travel Blogger from Russia Shares How Russian Travelers View Guam // PNC News First. November 20, 2014. URL: <https://www.pncguam.com/popular-travel-blogger-from-russia-shares-how-russian-travelers-view-guam/>

¹⁹ *Ridgell, Clynt*. Two More Russian Bombers Circled Guam on December 13th // PNC News First. December 23, 2014. URL: <https://www.pncguam.com/two-more-russian-bombers-circled-guam-on-december-13th/>

²⁰ Ibid.

на Гуам. Также сообщалось о небольшой группе выходцев из РФ, постоянно проживавшей на острове, размер которой оценивался тогда в несколько десятков человек²¹. Эти люди уже имели гражданство США и были заняты в основном в туристической сфере, оказывая услуги русскоговорящим туристам.

Всего за 2014 г. Гуам посетили 20 тыс. российских туристов, некоторые из которых могли себе позволить тратить по 1,6 тыс. американских долларов в день²².

Однако вскоре количество россиян, приезжающих на Гуам, начало снижаться.

В целом поток туристов из РФ, посещавших Гуам во время действия безвизового въезда, был довольно большим. Но за весь период 2012–2019 гг. он так и не вырос настолько, чтобы Гуам вошёл хотя бы в 20-ку самых популярных направлений российского заграничного туризма²³.

А в октябре 2019 г., в связи с продолжавшимся ухудшением российско-американских отношений, безвизовый въезд на Гуам для россиян был отменён.

Проблемы российского сообщества на Гуаме

Тем временем эмигранты из РФ, которые приехали на Гуам после 2014 г., чтобы получить в США политическое убежище, оставались на острове и продолжали ожидать решения американских властей относительно своей судьбы. Американское руководство с этим не спешило, и

²¹ Романова, Ольга. Взгляд на остров Гуам, как на остров русских. Русские на Гуаме // Владмама. 21.12.2014. URL: <https://vladmama.ru/puteshestviya-za-rubezh/1419157888/vzglyad-na-guam-kak-na-ostrov...-russkih>

²² Rasmussen C. Op. cit. P. 197.

²³ Росстат – Туризм / Въездные и выездные туристские поездки / Въездные и выездные туристские поездки (с 2014 г.). Файл XLSX, 125.16 Кб, 10.05.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>

среди россиян начало зреть недовольство. В конце концов они даже начали протестовать²⁴.

Например, в ноябре 2020 г. в столице Хагатне небольшая группа выходцев из РФ провела мирную демонстрацию, в ходе которой выразила протест в связи с дискриминацией со стороны Погранично-таможенной службы США. Демонстранты требовали, чтобы правительство США скорее удовлетворило их индивидуальные запросы о получении политического убежища. Участники акции сообщили журналистам, что некоторые из них к тому времени уже более трёх лет ждали необходимого собеседования по своему вопросу. Были среди них и те, кто собеседование уже прошли, а решения властей так и не получили. Демонстранты сообщали, что из-за того, что американская Погранично-таможенная служба не разрешает им въезд на территорию США, они чувствуют себя «запертыми» на Гуаме.

На тот момент, по словам протестующих россиян, на Гуаме пребывало около двухсот приезжих из разных регионов РФ, которые хотели получить политическое убежище в США. Сообщается, что всем этим людям на Гуаме было предоставлено разрешение на легальное трудоустройство. Но устроиться у них получалось в основном на низкооплачиваемую работу. При этом среди российских эмигрантов были врачи, преподаватели, юристы и другие специалисты высокого уровня²⁵.

²⁴ Jojo, Santo Tomas. Russian nationals on Guam, seeking asylum, rally for action // Pacific Daily News. November 13, 2020. URL: <https://www.azcentral.com/story/news/local/2020/11/13/hagatna-guam-us-government-asylum-russian-nationals-rally/6289906002/>

²⁵ Кочетков Д.С. Русские на Гуаме // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023 г., Москва / Ин-т востоковедения РАН. С. 71. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezhhdunarodnaiamezhinstitutskaianauchnaiakonferentsiiarossiiskaiadiasporavstranakhvostok.pdf>

Одна из протестующих рассказала журналистам, что все участники акции имели в России хорошую работу, а теперь вынуждены переживать за будущее себя и своих детей. Ведь Гуам – маленький остров, население которого менее 200 тыс. человек, и рабочих мест, тем более, высокооплачиваемых, на нём не так уж и много. Ещё женщина рассказала, что многие россияне, эмигрировавшие на Гуам, опасаются рассказывать о себе личную информацию, а Россию они покинули, поскольку ощущали угрозу для своей жизни²⁶. По словам интервьюируемой женщины, россияне уже обращались с этим вопросом к местному гуамскому правительству, к местному конгрессмену и в различные федеральные агентства. Помощи переселенцам не оказал никто. Дошло до того, что российские эмигранты на Гуаме начали планировать голодовку. Протестующая заявила, что она и её соратники намерены добиться, чтобы американские власти наконец сделали выбор: предоставить россиянам убежище или отказать им. Но если они откажут, то, по словам участницы демонстрации, российские эмигранты подадут в суд.

В феврале 2021 г. гуамская газета *Guam Daily Post* (GDP) сообщила, что русскоязычные переселенцы на Гуаме собираются устроить голодовку²⁷. Как и во время описанной выше акции протеста, герои этого сюжета рассказали прессе, что покинули РФ чтобы «спасти свои жизни». Что стоит за этими заявлениями, остаётся только гадать. Обстоятельства, при которых эти люди почувствовали в России «угрозу своей жизни», издание GDP не раскрывает.

На апрель 2021 г. на Гуаме насчитывалось уже около трёхсот человек российского происхождения (на сто человек больше, чем по данным на ноябрь 2020 г.), которые за-

²⁶ Jojo, Santo Tomas. Op. cit.

²⁷ O'Connor, John. Russian asylum seekers plan hunger strike // The Guam Daily Post. February 21, 2021. URL: https://www.postguam.com/news/local/russian-asylum-seekers-plan-hunger-strike/article_20fbf5d6-728a-11eb-b9f5-0387035e8bdb.html

просили политическое убежище в США и ждали решения властей, не имея права посещать «материковую территорию»²⁸.

Некоторые из этих россиян называли причиной своей эмиграции из РФ недостаток терпимости в своей стране по отношению к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации. Например, в апреле 2021 г. появилась целая статья о проблеме нетрадиционно ориентированных россиян на Гуаме в *Washington Blade (WB)* – американской газете, посвящённой проблемам ЛГБТ²⁹.

Помимо прочего, в статье рассказывается о студенте из Нижнего Новгорода. По словам молодого человека, его собирались призвать в армию, но военно-врачебная комиссия по его внешнему виду предположила, что он придерживается нетрадиционной сексуальной ориентации. После этого юношу направили в психиатрическую больницу. Поскольку гомосексуалистов в РФ не госпитализируют в подобные лечебницы, речь, скорее всего, шла об обследовании. Герой рассказа не пошёл в больницу и, по его словам, его начали разыскивать военные. Тогда юноша отправился на Гуам и попросил предоставить ему политическое убежище. Далее сообщалось, что на Гуаме этот молодой человек был задержан Иммиграционной и таможенной полицией США, на пять дней помещён в тюрьму и там подвергся сексуальному насилию со стороны другого заключённого. Потом его выпустили под залог в 5 тыс. американских долларов и дали разрешение на трудоустройство. Часто ли такие ситуации происходят на Гуаме с мигрантами, не сообщается³⁰.

Далее в статье WB приводится история двух женщин, имевших однополую связь и совместно воспитывавших

²⁸ *Lavers, Michael K.* Russian LGBTQ asylum seekers stranded in Guam // *Washington Blade*. April 7, 2021. URL: <https://www.washingtonblade.com/2021/04/07/russian-lgbtq-asylum-seekers-stranded-in-guam/>

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.*

ребёнка. Они прибыли на Гуам ещё в 2015 г. Причиной отъезда из России, по их словам, стали опасения, что власти РФ могут изъять их ребёнка из-за их нетрадиционной ориентации. Как известно, с 2013 г. в РФ действует закон о запрете на усыновление детей однополыми парами³¹. При этом закон не предписывает изымать детей, уже воспитывающихся в подобных семьях. Однако есть сообщения, что органы опеки могут увидеть в такой семье вред для развития ребёнка и принять решение об изъятии. Таким образом, вопрос, правда ли упомянутой паре угрожало изъятие ребёнка, или они сообщили это, чтобы получить больше шансов на убежище в США, довольно дискуссионный³². В конце 2015 г., уже на Гуаме, женщины зарегистрировали официальный брак, поскольку американское законодательство, действующее на острове, подобные браки разрешает³³.

Российские лица нетрадиционной ориентации на Гуаме, опрошенные журналистами WB, сообщали, что в РФ они подвергались преследованиям и физическому насилию со стороны рядовых сограждан. И даже на Гуаме, по их словам, они продолжали получать угрозы от бывших соотечественников.

Издание WB сообщало, что герои этой статьи во время её написания в 2021 г. продолжали дожидаться предоставления политического убежища на Гуаме, а правительство США не торопилось решать их судьбу. Представители WB обратились в американскую Службу гражданства и иммиграции (USCIS), которая в ответ сообщила, что поддержка связана с пандемией COVID-19, из-за которой были введены транспортные ограничения, не позволившие

³¹ Однополым семьям запретили усыновлять российских детей // GARANT.RU. 03.07.2013. URL: <https://www.garant.ru/news/481856/>

³² Подготовка к отцовству: как Юлия Савиновских стала Френсисом // Известия. 05.06.2019. URL: <https://iz.ru/885319/anastasiia-chepovskaia/podgotovka-k-ottcovstvu-iuliia-savinovskikh-reshila-smenit-pol>

³³ *Lavers, Michael K.* Op. cit.

вылететь на Гуам чиновникам, обязанным провести с россиянами собеседование по предоставлению убежища.

Как известно, в ходе подобного собеседования проводящий его американский чиновник должен констатировать у претендента на убежище неподдельный страх перед возвращением в родную страну. Учитывая существование подобной нормы, можно предположить, что иногда людям, желающим иммигрировать в США, приходится преувеличивать свои проблемы на родине, и к их рассказам следует относиться критически.

Россияне – герои статьи WB получили возможность легально работать на Гуаме, однако их перспективы получения политического убежища в США оставались смутными. Тем не менее, к моменту публикации статьи с ними провели встречу гуамский вице-губернатор Дж. Тенорио и председатель «Equality Guam» – гуамской организации, которая борется на острове со всяческими проявлениями дискриминации сексуальных меньшинств. Зная, как серьёзно в наши дни американская общественность относится к этой проблеме, можно предполагать, что шансы российских лиц нетрадиционной ориентации в скором времени получить политическое убежище на материке существенно повысились. Тем более что одна из упомянутых выше женщин, покинувших РФ, чтобы у них не изъяли ребёнка, сообщила, что их ребёнок проходит подготовку к смене пола. А право на въезд на материковую территорию США (которое предоставляется вместе с убежищем) для них крайне важно, поскольку на Гуаме нет хирурга, который бы провёл ребёнку подобную операцию. Проблемы лиц, желающих сменить пол, волнуют общественность США не меньше, чем проблемы лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Вероятно, сделав такое заявление, женщина приблизила своё получение убежища ещё больше.

С 30 апреля 2021 г. действуют ограничения, которые власти США наложили на выдачу виз гражданам РФ. После этого россияне могли рассчитывать только на дипло-

матические и иммиграционные визы. Для получения иммиграционных виз также требуется сообщить о больших несчастьях, ожидающих претендента на родине, и показать на собеседовании «неподдельный страх»³⁴. Но и эти визы россияне могут получить не на территории РФ, а в какой-либо третьей стране. Возможно, из-за новых правил поток мигрантов из РФ в США снизился. Однако также не исключено, что усложнение получения визы для прямого въезда на территорию США в конечном итоге отобразится в виде увеличения количества россиян, попытавшихся переехать в США более простым путём – через Гуам.

Перспективы российских эмигрантов на Гуаме после событий 24 февраля 2022 г.

Судьбы граждан РФ, которые уже перебрались на Гуам за последние годы и столкнулись там с задержкой предоставления политического убежища, сейчас отслеживать не очень легко из-за событий, затмивших их проблемы в информационном пространстве. 24 февраля 2022 г. началась российская Специальная военная операция (СВО) на территории Украины, и западные СМИ сосредоточили всё своё внимание на ней.

Разумеется, российские эмигранты на Гуаме, которым необходимо добиться расположения американского руководства, могли продемонстрировать только одну позицию. Уже 28 февраля 2022 г. десятки русскоязычных граждан Гуама вышли на акцию протеста против действий России, неся плакаты с осуждением действий российских властей и призывом остановить СВО³⁵. Участники

³⁴ Посольство США перестанет выдавать визы россиянам. Американские дипломаты объяснили свое решение российскими санкциями // LENTA.RU. 30.04.2021. URL: https://turbo.lenta.ru/brief/2021/04/30/posolstvo_ssha/

³⁵ *Matanane, Sabrina Salas*. Russians on Guam protest conflict in Ukraine, demand peace // KUAM News. February 28, 2022. URL:

демонстрации снова сообщили местным журналистам, что испытали в России некие преследования и притеснения.

После февраля 2022 г. информация о выходцах из России на Гуаме и об их проблемах с получением политического убежища в США то ли перестала публиковаться в сети Интернет, то ли ее стало сложно найти, находясь в РФ, поскольку в ходе противостояния России и Запада обе стороны блокируют на своей территории сайты оппонентов, а также ограничивают оппонентам доступ к своим сайтам.

Также, возможно, это связано с тем, что даже после демонстрации, которую провели гуамские россияне 28 февраля 2022 г., чтобы показать свою лояльность руководству США, тема предоставления убежища выходцам из России стала для американской общественности неприятной.

Washington Blade
Russian LGBTQ asylum see...

Pacific Daily News
fledgling Russian tourism market ...

Pacific News Center
Russian Travelers View Guam ...

The Guam Daily Post
Russians seeking a ...

Pacific Daily News
Russian nationals on Guam, see...

Twitter
Guam Russian Refuge...

Center for Immigration S...
Russian Asylum Seeker...

Рис. 2. Русские на Гуаме³⁶.

<https://www.kuam.com/story/45962467/russians-on-guam-protest-conflict-in-ukraine-demand-peace>

³⁶ Источник: поиск в сети Интернет по запросу «russians guam», ни один на фото сайт не открывается на территории РФ.

На момент написания данной главы (лето 2023 г.) на запрос «Russian Diaspora Guam» в сети Интернет появлялся заголовок статьи за 9 февраля 2023 г. о том, что некая чета беженцев из России начинает новую жизнь в Бейфилде (штат Висконсин, США), однако целиком эта статья с территории РФ не открывается³⁷.

Последнее упоминание о российских эмигрантах на Гуаме, которое удалось найти в западных электронных СМИ в ходе работы над данной главой, относится к студенческому форуму по уголовному праву, который состоялся в Гуамском университете в Хагатне 20 апреля 2023 г.³⁸. Форум был посвящён борьбе с нелегальной миграцией. В мероприятии приняли участие упомянутый выше вице-губернатор Гуама Дж. Тенорио, глава Департамента полиции Гуама Стивен Игнасио и два сенатора. Выразив сожаление в связи с «беззубостью» американских законов против нелегальной миграции и поведав о многочисленных задержаниях китайцев, добирающихся до Гуама на лодках под видом рыбаков, а также выразив опасение, что эти китайцы могут оказаться шпионами, высокопоставленные гости сообщили, что недавно на Гуаме были задержаны некие нелегальные мигранты из России с телефотографической аппаратурой, которые вели съёмку в районе озера Фена – главного гуамского водохранилища. *«Когда речь идёт о нелегальной миграции и связанных с ней проблемах, мы вряд ли имеем полное представление о том, представляют ли эти лица реальную угрозу или нет»*, – заключает один из сенаторов³⁹. *«Отправьте их всех домой»*, –

³⁷ Coming to America: Russian asylum-seekers build new lives in Bayfield // APG Wisconsin. February 9, 2023. Найдено в Интернете поиском «Russian Diaspora Guam».

³⁸ *Toves, Jolene*. Student forum tackles illegal immigration // Marianas Variety. April 23, 2023. URL: https://www.mvariety.com/news/student-forum-tackles-illegal-immigration/article_d1bd7700-e178-11ed-8814-a70cc4707d6e.html

³⁹ Ibid.

отвечает неизвестный пользователь в комментариях к статье⁴⁰.

Можно предположить, что количество людей, приезжающих из России на Гуам, вряд ли сильно увеличилось в 2022–2023 гг. в связи с действиями американского правительства по ограничению российской миграции в США. Следует помнить, что выдача иммиграционной визы зависит от результата собеседования со специальным чиновником, решение которого в свою очередь зависит от позиции его руководства. Позиция американского правительства сейчас ярко проявлена в западных СМИ, активно создающих негативный образ человека из РФ. Этот же образ, уже окрепший в западном общественном сознании, может существенно усложнить жизнь тех граждан РФ, которые уже прибыли на Гуам и ожидают там предоставления убежища. Вероятно, поэтому сообщения о проблемах этих людей практически исчезли из СМИ после февраля 2022 г.

Следует отметить, что, хоть и в не очень значительной степени, но формированию негативного образа россиян в западных СМИ способствовали сами российские эмигранты на Гуаме, сообщавшие журналистам о преследованиях, которым подвергались на родине. Проверить детали биографии каждого российского эмигранта на Гуаме и установить истинные причины его отъезда из России не представляется возможным в рамках данного исследования. Но, учитывая характер российско-американских отношений последних лет, можно предположить, что западные СМИ охотно примут на веру и растиражируют любую негативную информацию о России, которую им смогут предложить, даже если никто не способен предоставить гарантии её достоверности.

В настоящее время российско-американские отношения продолжают ухудшаться. К негативному образу жителя РФ, сформированному антироссийскими СМИ,

⁴⁰ *Toves, Jolene. Op. cit.*

прибавился страх шпионажа, вполне обычный для обитателей американского острова-военной базы в такое непростое время. Этот страх ярко проявился на студенческом форуме в Гуамском университете, о котором шла речь выше. Но возможность перебраться из РФ на Гуам пока что сохраняется. По-прежнему осуществляются прямые авиаперелёты из Владивостока и Хабаровска в Хагатну. Возможно, сейчас на остров продолжает прибывать какое-то количество российских граждан, желающих переселиться в США, которые пополняют складывающуюся на Гуаме русскоговорящую общину.

Однако эти люди могут столкнуться с разочарованием. Из всего, изложенного выше, можно сделать вывод, что сам по себе переезд на Гуам и запрос к властям США о предоставлении политического убежища ещё не гарантируют, что убежище будет предоставлено, и что со временем оно превратится в американское гражданство. Американские власти неохотно предоставляют убежище тем мигрантам, которых они не приглашали, и мигранты могут задержаться на острове на неопределённый срок.

При этом политическая атмосфера в Азиатско-Тихоокеанском регионе накаляется. Растут противоречия США не только с Россией, но и с КНР. Продолжается специальная военная операция РФ на территории Украины, при этом всё чаще слышно о военных приготовлениях КНР и США в связи с проблемой острова Тайвань. Все стороны конфликта продолжают укреплять свой военный потенциал. В случае военного конфликта Гуам как важнейшая военная база США в южной части Тихого океана может быть приведён в боевую готовность, и нежелательные элементы могут быть с него депортированы в любом направлении, которое покажется удобным американским властям. При более неприятном для жителей острова сценарии Гуам может оказаться под угрозой атаки со стороны противников США. Разумеется, ни одна из сторон этого не желает. Но Гуам – это в первую очередь военный объ-

ект, а ни один военный объект от такого сценария не застрахован. Напоминание об этом было сделано 7 июня 2023 г., когда состоялся совместный учебный полёт российских и китайских ВВС в западной части Тихого океана⁴¹. Двадцать две единицы российской и китайской боевой авиационной техники (сообщается, что в полёте участвовали самолёты-бомбардировщики, в том числе китайские Н-6, которые могут быть вооружены гиперзвуковыми ракетами), прошли вблизи Тайваня, Южной Кореи и Японии, а также Гуама – главных мест сосредоточения американских вооружённых сил в регионе. В это же время в нейтральных водах были замечены передвижения китайских военных кораблей (однако границы воздушного пространства или территориальных вод упомянутых стран и территорий нарушены не были).

Таким образом, создаётся впечатление, что надежды российских эмигрантов, отправившихся на Гуам, могут не оправдаться: вместо политического убежища и права на въезд в США большинство из них оказалось заперто в качестве едва ли не дискриминируемого меньшинства на относительно небольшом острове, само пребывание на котором несёт определённые риски. Тем не менее, с научной точки зрения, интересно, что практически у нас на глазах складывается новая русскоязычная диаспора в Южно-Тихоокеанском регионе.

⁴¹ *Taitano II, Joe.* China-Russia bomber patrol near Guam // Guam Daily Post. July 14, 2023. URL: https://www.postguam.com/news/local/china-russia-bomber-patrol-near-guam/article_dbc6fc9c-08ee-11ee-9231-873485b35af7.html

Творчество в эмиграции

Глава 12. «РУССКАЯ» ПОЭЗИЯ УЗБЕКИСТАНА: ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕКРЕСТКИ¹

Введение

Сложность идентификации социокультурных, этноконфессиональных и даже собственно эстетических координат современного узбекского литературного процесса (начиная с конца 80-х годов XX века по настоящее время) объясняется противоречивыми проблемами сосуществования в одном литературном поле, но в различных социокультурных (в другой коннотации – геополитических) локусах литературы на узбекском и русском языках². Особую идентификационную неопределенность можно констатировать именно в отношении литературы на русском языке, созданной авторами, принадлежащими к титульной нации или к очень широкому (парадоксально – полинациональному) диаспоральному феномену Узбекистана «русские писатели». И правомерно ли тогда говорит о понятии «литература русской диаспоры». Если «да», то это явление требует очень тщательной историко-культурной, лингвокультурной и собственно-эстетической идентифи-

¹ **Сведения об авторе:** *Гарипова Гульчира Талгатовна*, д.филол.н., доцент, профессор института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, профессор кафедры филологии и лингвокультурологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия, e-mail: ggarpova 2017@yandex.ru

² *Гарипова Г.Т.* «Русская» поэзия Узбекистана: транскультурные перекрестки // Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023 г., Москва / Ин-т востоковедения РАН. С. 4-5. URL: <https://diaspora.ivran.ru/f/xivmezhhdunarodnaiamezhinstitutaskaianauchniakonferentsiiarossiiskaiadiasporavstranakhvostok.pdf>

кации. В современной науке ученые-гуманитарии все чаще предлагают *«взгляд на диаспору как на особую культурную среду, конкурирующую с метрополией»*, вводят понятие «литература русского рассеяния», констатируя, что писатели, относящиеся к этому феномену *«сознательно или неосознанно бросают вызов литературному канону и ключевым нарративам культуры XX века, обращаясь к маргинальным или табуированным в русской традиции темам»*³.

Литература «русского рассеяния» в контексте современного узбекского социокультурного пространства

Так, например, в современном узбекском литературном процессе большинство художественных произведений на русском языке относятся к феномену *явлений двойных фактов*, что определяет их реальную и/или гипотетическую соотнесенность и с узбекской, и с русской литературами. Более того, анализ «писателей русского рассеяния», выехавших из Узбекистана в силу разных причин, принадлежащих разным нациям и этносам, но продолжающих на русском языке моделировать художественный мир, соотносимый с «русским этосом», показывает несостоятельность культурного стереотипа идентификации их одномерной творческой соотнесенности с узбекской, русской или иной межлитературной общностью даже за пределами Узбекистана. Подобная размытость критериев литературной «национальной» дефиниции авторов и/или отдельных произведений связана в первую очередь с периодом, когда категория «национальная литература» в парадигме «советская многонациональная литература» обуславливала конгениальное со-развитие узбекской и русской «межлитературных общностей» (термин Д. Дюришина), определяемое ключевыми процессами

³ Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 4.

ми распада литературы на официальный (советская литература соцреализма) и неофициальный (первые андеграундные явления внутри узбекского литературного процесса) потоки. Именно в этот период в рамках узбекского литературного процесса формируется уникальное явление *русскоязычной* литературы, связанное с функционированием в различных эстетических плоскостях произведений, написанных на русском языке. Формируется особое культурное пространство, не совпадающее одномерно с постперестроечными государственными образованиями России и Узбекистана, но включающее в себя эстетический феномен «произведения на русском языке, принадлежащие одновременно русской и узбекской литературам»⁴. Мария Рубинс, используя принцип диаспоральности к литературе русского рассеяния, тем не менее обозначает ее некую нетрадиционность: *«Образовавшаяся после революции диаспора за истекшее столетие превратилась в альтернативную формацию русской культуры. Век русского рассеяния совпал с историческим периодом, отмеченным крушением традиционных философских, социальных, религиозных и моральных основ... <...> Эрозии не избежал и романтический миф “о русской душе”, уступив место более сложным взглядам на процессы формирования культурных идентичностей. Диаспора представляет собой особо продуктивный контекст для наблюдения за разнообразными способами артикуляции “русскости”. Диаспорический опыт, состоящий в географических перемещениях, пересечении разнообразных ментальных, культурных и лингвистических границ <...> получает наиболее адекватное выражение в литературе»*⁵.

В социокультурном пространстве современной литературы на русском языке (мы продолжаем называть ее также «русская литература») появление новой многоуровневой транскультурной парадигмы определено различ-

⁴ Гарипова Г.Т. Указ. соч. С. 5.

⁵ Век диаспоры... С. 5.

ными факторами. Один из важнейших – глобальные процессы миграции и эмиграции людей, целых народов, культур, которыми был охвачен весь XX и начало XXI века. В литературе иноэтнокультурный писатель, воспроизводящий на русском языке (*он может иметь статус нематеринского, но вторичного родного языка*) художественную национальную миромодель, осуществляет поэтику транскультурации. Но и русский писатель (*идентифицируемый по национальному признаку*), пишущий на русском языке, вне зависимости от своей этнической принадлежности, также может являть пример историко-культурной транскультурации, в силу особой мульти(интер)культурной проблематики и художественной модели мира, воплощенной в его произведении. При анализе таких произведений приходится соотноситься с возможным феноменом русской транскультурации. Так, например, У.М. Бахтикиреева подчеркивает, что «*национальная культура, воплощенная в народной поэзии, на границе с другим семиотическим миром (русской культурой) стала частью целого и усваивала внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру... Тексты же русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры, поскольку в них выделяется “специальная сфера иначе организованная”, чем в текстах русскоязычных национальных писателей, отображающих свою культуру на русском языке. Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся “ядром духовно-культурной экзистенции народа”, поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой»⁶.*

Сегодня мы наблюдаем активную смену категориального аппарата, связанного с подобными феноменами. На смену термина «русскоязычная литература» все чаще

⁶ Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБОиМИ», 2009. С. 223.

приходит «транскультурная литература», к которой может быть отнесен автор и/или отдельное произведение. Современные исследователи этого феномена⁷ концептуализируют широкое использование понятий *транслингвальная*, или *транскультурная* литература. Часто она выполняет функцию медиатора между двух культур и дополняет транскультурность дополнительной коннотацией «мультикультурность». Ученый Г. Гачев констатирует факт того, что «русский язык перестал совпадать с Россией. И давно уже этот процесс идет...»⁸. Современные исследователи дополняют – «транслингвальная литература преодолевает само понятие “родины”. Внутри нового интерзонального конструкта рождается и новая идентичность – внеэтническая и надтерриториальная»⁹.

В результате процессов естественной транскультурации, обусловленной их полилингвальностью и полилитературностью, эти писатели создают особую модель национального *материнского* мира через условно *чужой* язык (как правило, для них это *второй родной*), обретающий статус ментальной идентичности. Так, например, современный анализ транскультурной поэзии на русском языке Узбекистана (в период с конца 80-х годов XX века по

⁷ Бахтикиреева У.М. Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 92–97; Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 1. С. 14–19; Бахтикиреева У.М. Русофон – русофонный – русофония – русофонная литература – слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. Вып. 1. С. 11–17. DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17

⁸ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия. М.: Издательский сервис, 2002. С. 613.

⁹ Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А. На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6(2). С. 264. DOI: 10.20339/PhS.6-21.263

настоящее время) позволяет выделить две парадигмы – **поэты-узбеки, пишущие на русском** (в том числе, соотносимые с социокультурными феноменами – Ташкентская и Ферганская поэтические школы, идентифицируемые в системе узбекского андеграунда и эмиграции) и **поэты-русские** (с учетом условности национальной принадлежности к «русским» всех русскоязычных представителей Узбекистана), пишущие стихи о России и Узбекистане и живущие там. Принципы их текстовой репрезентации уровней языковой, художественной и экзистенциальной матрицы *genius loci* соотносятся одновременно с метакодами русской и узбекской национальных миромodelей, образуя авторскую картину мира ряда *concordia discors*. Этот уникальный транскультурный феномен получил внутреннее определение «альтернативная литература Узбекистана».

Живой литературный процесс всегда многоплановее и сложнее, чем мыслится в ситуации «взгляда изнутри». В современной культурологической ситуации процесс развития узбекской литературы сопровождается интенсификацией двух взаимосвязанных процессов – вхождения узбекской литературы на правах самостоятельной полноправной межлитературной общности в мировое художественное поле и «растворения» новейших мировых литературных тенденций и традиций в национальной художественной системе. К сожалению, ослабление переводческой деятельности, особенно произведений с узбекского языка на другие языки мира, тормозит этот процесс. В этом аспекте довольно интересно наблюдать феномен так называемой литературы Узбекистана на русском языке, существовавшей всегда в рамках узбекского литературного процесса XX века (вспомним имена С. Бородина, З. Тумановой, Н. Красильникова и т. д.), но сегодня принявшей статус самостоятельной литературной школы. Филологические споры и дискуссии по поводу включения этого явления в «официальные» рамки национального

литературного процесса, а также о его роли и месте в системе художественных новаций, продолжают практически с самого начала манифестации Ферганской и Ташкентской поэтических школ в рамках культурологического проекта «Малый шёлковый путь». Причем в системе художественных традиций данных литературных образований актуализирована сама идея синтеза во всех смыслах – синтеза национальных принадлежностей писателей, языков, культур, ментальностей, синтеза искусств, синтеза направлений и жанров и т. д. Исследуя проблему «диалога культур в современном литературном процессе Узбекистана», А.Н. Давшан подчёркивает: *«Сращение национальных миров в поэтической авторской картине мира отличает индивидуальный стиль современных прозаиков и поэтов, представляющих русскоязычную литературу Узбекистана»*¹⁰.

Сложно сейчас говорить об историческом месте «альтернативной литературы Узбекистана» в реальном национальном художественном процессе сегодняшнего дня в силу целого ряда причин, в том числе и по причине ее тотального рассеивания. Но констатировать наличие этого уникального явления, несомненно, необходимо.

Многоплановость «альтернативной литературы Узбекистана»

Культурная целостность мира, концептуально моделирующая поэтический миробраз, определяет диффузию эстетического сознания полидомного поэта (писателя), специфику его транскультурации: узбек, воспроизводящий на русском языке (вторичный родной) и русский, создающий на материнском русском языке *полинациональную авторскую картину мира*¹¹.

¹⁰ Давшан А.Н. Азия в русской литературе XX века. Ташкент: Mumtoz so'z, 2011. С. 117.

¹¹ Гарипова Г.Т. Указ. соч. С. 6.

Особенно характерно это для **Ташкентской школы** с попытками её представителей обрести в себе и открыть миру некое метапространство «внутреннего Ташкента» как метафорической идеи «личного мира», охватывающего историческую реальность Ташкента-города. Стилистика ностальгирующих воспоминаний и внутреннего ощущения мира и себя в нём через это реальное городское пространство усилила мифологизацию образа *город памяти*. Так «ташкентцы» создают свой художественный неомиф «родины – города – бытия – Я». Наиболее ярко этот образ воплотился в произведениях Санджара Янышева, Сухбата Афлотуни (Евгений Абдуллаев), Вадима Муратханова¹².

В **Ферганской поэтической школе** поиски «внутреннего бытия» осуществлялись не в рамках личностного метафорически созданного образа, а через философское познание в художественном тексте (будь то проза или поэзия) бытийных метаморфоз посредством тонкой полиязыковой стилистической игры. Наиболее яркие представители этой школы – Шамшад Абдуллаев, Сабит Мадалиев, Абдулла Хайдар, Вячеслав Ахунов, Ольга Гребенникова и другие – «совпали» в своем духовном и литературном становлении с эпохой 80–90-х годов, когда «вдруг» рушились коренные представления о жизни и литературе и появлялось желание сотворить нечто новое¹³. По мнению Х. Закирова, *«возможно самым экзотичным, иррациональным и, одновременно, эстетически убедительным явлением этого рода выглядела заявившая о себе на рубеже 1980-х и 1990-х годов ферганская поэтическая школа <...> содружество поэтов из периферийного даже для своей далекой республики городка, со-*

¹² Гарипова Г.Т. Специфика социокультурной модели узбекской литературы в постсоветскую эпоху // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: Сб. науч. ст. М.: Книгодел, 2021. С. 113.

¹³ Гарипова Г.Т. «Русская» поэзия Узбекистана... С. 6.

четавшая приверженность русскому языку с отказом от русской поэтической традиции, верность Genus Loci с индифферентностью к своему пропитанному тысячелетней культурой краю, декларативное неприятие иерархичности с отчетливо возвышающейся фигурой ее лидера Шамшада Абдуллаева (р. 1957)»¹⁴.

В их текстах прослеживается увлеченность мировыми традициями XX в., в эстетическом плане большей частью модернистскими. Позиционируя и особое положение школы в официальном узбекском литературном пространстве, Кирилл Корчагин выделяет *«три предпосылки для конструирования такого субъекта: переосмысление узбекской литературы как части мировой и связанная с этим “самозкзотизация”, особый режим визуальности, определяющий для текстов представителей ферганской школы, и поиск новой языковой идентичности – более космополитичной, чем та, которую могли предложить узбекский язык и узбекская литература. Эти три темы рассматриваются на материале ташкентского журнала “Звезда Востока”, отдел поэзии которого в 1991–1996 годах возглавлял Шамшад Абдуллаев»¹⁵.*

Феномен «ферганской поэтической школы»

Выступив с программной литературной платформой «Ферганская поэтическая школа», они издают коллективный сборник-альманах «Поэзия и Фергана» (Ташкент, 2000) и проектируют уникальную транскультурную виртуальную площадку самопрезентации – Библиотека Ферганы (<https://library.ferghana.ru/index.htm>) и Вавилон (<http://www.vavilon.ru/texts/>).

¹⁴ Завьялов С. Реализм обыденности, реализм маленьких происшествий // Закиров Х. Дословно (сборник). М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 7.

¹⁵ Корчагин К. «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. № 2(144). С. 448.

Их эстетические привязанности вполне определены, они называют их сами. Это – итальянские герметики и фрагментаристы, английские минималисты, французские сюрреалисты, японская дзенская лирика, поэзия иранской эмиграции, новая турецкая поэзия, наконец, из узбекского классического наследия – суфийская лирика. Эти мировые художественные образцы – их школа, об этом надо помнить, но не надо также забывать о том, что возможность учиться у них есть достояние нашего времени. Важно помнить еще и о том, что они генетически принадлежат региону, исторически отличающемуся особым взаимодействием культур Запада и Востока, Севера и Юга, а в XX веке и всего мирового пространства, региону, над которым, как известно, буквально витает дух универсализма¹⁶.

В ферганской поэтической школе поиски «внутреннего бытия» осуществлялись не в рамках метафорически созданного символического хронотопа «Фергана», а через философское познание посредством тонкой стилистической и языковой игры словами и смыслами образа-экзистенциологемы «Фергана-сознание». Манифестарная характеристика «ферганской школы», предложенная Шамшадом Абдуллаевым в 1998 г., вновь акцентировала феномен транскультурности: *«1. Ориентация на средиземноморскую и отчасти англосаксонскую поэзию. 2. Гибридная стилистика, но неизменно одно – несколько фальшивых и чужеродных компонентов образуют подлинность целого. 3. Конкретные ландшафтные признаки, южный знойный мир и вместе с тем герметическая “западная” поэтика, то есть сквозь немыслимое для сегодняшних литературных приоритетов проступает некое космополитическое месиво одних и тех же мнимостей, залитых солнцем. 4. Стремление довести описание предмета до предельного натурализма в общем ирреальном*

¹⁶ Мирза-Ахмедова П.М. Ферганская русскоязычная поэтическая группа и проблема модернизма // Взаимодействие как источник обогащения национальной литературы: Коллективная монография. Ташкент: Akademiya, 2007. С. 232.

настроении и одновременно в некоторых случаях угадывается следующий принцип: чем удаленней объект, тем совершеннее орудие. 5. Обращенность к меланхолии позднего романтизма, выраженной современным языком, полным скепсиса и неуверенности. 6. Антиисторизм и неприязнь к социальной реальности, страх перед действием и тотальностью наррации, особый депрессивный лиризм и мета-личное упрямство, не позволяющее автору «ферганской школы» жить жизнью и с каждым разом все больше отдаляющее его от смысла происходящего, – поэтому этос в наших текстах уходит в тень, на задний план. 7. И последнее. Мы не имеем своих изданий, своих журналов, своих читателей и вынуждены мириться с рассеянным присутствием (публикации в России, в эмиграции) для других, для другой культуры»¹⁷.

Теперь уже смело можно утверждать, что у ферганской поэтической школы, несмотря на то, что как литературный феномен она осталась в прошлом и по факту сегодня распалась (точнее рассеялась в мировом литературном процессе), появились свои издания, свои читатели и даже серьезная литературоведческая исследовательская парадигма. Художественное проектирование пространственно-временного континуума «ферганского текста» в системе сознательной пространственности определяет принцип конструирования «лабиринтного мироздания», в котором любой локус будет коррелировать с образом ферганского мира, соотносимого с экзистенциальным и национальным сознанием автора, и может быть проявлен в любом/каждом топониме произведения. Такая вот взаимообратимая транскulturация создает ощущение сквозного мира, симметричного в поэзии ферганцев культурному сознанию среднеазиатского Востока, втянувшего в себя к началу 90-х годов не только русское, но и мировое культурное сознание, и уже воспринимавшего его как

¹⁷ Абдуллаев Ш. Характеристика «ферганской школы» // Ферганский альманах. О школе. URL: <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm>

«другое», но не «чужое». Философски переосмысленная и эстетически переработанная «чужая» культура (да еще и в системе неродного русскофонного языка) перестает существовать только как референциальное или интертекстуальное поле цитаций, аллюзий, реминисценций, встраиваясь в метафорику восточной стилистики «медленно тянущегося повествования», она воспринимается в рассказах сборника как органичный элемент «материнской» автору модели мира.

Так, например, стилистической «карточкой» одного из ярчайших представителей «Ферганской поэтической школы» **Шамшада Абдуллаева** становится особая нарративная стратегия особой интерференции материнской (узбекской) и вторичной родной (русской) культур в семиотическом поле своих текстов.

Александр Скидан пишет о лирике Абдуллаева: *«Шамшад Абдуллаев пишет по-русски, но с явственным иностраным “акцентом”. Этот “акцент” чувствуется во всем, от стилистических предпочтений до тематики, от интонационного рисунка до системы мотивов; но главным образом он сказывается в отсутствии привычных социальных, исторических, литературных, наконец, геополитических реалий, то есть того поля референций, без которого немислима конвенциональная русскоязычная лирика. Поэзия Абдуллаева существует в иной системе координат, в ином контексте. Строго говоря, кроме языка как такового ее мало что объединяет с русской поэзией, русским культурным сознанием вообще»¹⁸.*

Для поэта Шамшада Абдуллаева **окраина** как ось мира, центрирующая его целостность, не может мыслиться в категориях принадлежности одному этносу и этосу, не может соотноситься с понятием любого **«национального мира»**. Его окраина – не локус, а та самая пустота, которая есть экзистенциальная данность бытия человека, вне лю-

¹⁸ Скидан А. Сумма поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 45–46.

бой идеи. Об этом его экзистенциально знаковое стихотворение «Окраина»:

«Никакой идеи. Простоволосая

женщина моет посуду. Звон, белые сросшиеся брови, над головой
желтый бессмертник. И тишина, которую не возьмешь
даже приступом. У

водопроводного крана мальчик натянул фальшивую бороду,
словно пигмей,

принявший христианскую веру. Это не Юг,

а душная, золотая проказа, и клейкие сегменты мертвых жуков
разбросаны по земле. Широкий проход между стен

(где видно дорогу,

идущую под уклон) – залетная пустота. На перильное дерево

садится удод, и центр пейзажа перемещается к птице: разбуженный,
веющий хохолок. Из окна

твоей комнатенки все это выглядит частью

домашней мифологии (твое

любимое словечко). Вращается пластинка; предметы

давятся музыкой, вычитавшей сразу

наш мир. <...>

Окраина»¹⁹.

Одним из важнейших событий стало издание книги «Другой юг». В аннотации к книге подчеркнуты ключевые константы авторской стратегии, позволяющие определить ее мультикультурный и транскультурный характер: «Гипнотизм среднеазиатского ландшафта, восточная терпкость и размеренность предместья соединяются в текстах Абдуллаева с нелинейными повествовательными техниками европейского модернизма – прустинской верностью логике воспоминания,

¹⁹ Абдуллаев Ш. Окраина // Митин журнал. Самиздат. Вып. 42 (ноябрь-декабрь 1991). Редактор Дмитрий Волчек, секретарь Ольга Абрамович. С. 10–15. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj42/abdullaev.html>

беккетовской отчужденностью и кинематографичностью французского “нового романа”»²⁰.

Шамшад Абдуллаев определил абсолютно парадоксальную суть *genius loci* ферганской школы в целом. Заключена она в отсутствии реального места-локуса, в его замещении рассеянным присутствием как формой распавшейся географической целостности, собираемой только в художественном образе-парадигме «ферганский потерянный рай». И если в ташкентской поэтической школе городской локус детерминирован хронотопичным образом Ташкента, то у «ферганца» Абдуллаева любой пространственный локус обозначен как Дух места с координатами *сознательной пространственности*²¹.

Первый рассказ сборника «Неподвижная местность» знаковый для понимания того уровня «социальной и идеологической индифферентности» (П.М. Мирза-Ахмедова), который писатель возводит в ранг нарративной стратегии всего сборника. Размытое, иллюзорное, фрагментарное описание одного дня как «вечности» становится стилистической «карточкой» писателя, и во-многом связано это с некой внутренней творческой инспирацией²² восточного

²⁰ Абдуллаев Ш. Другой юг. М.: Носорог, 2020. С. 4.

²¹ Под «сознательной пространственностью» мы понимаем тезис «сознание как измерение временной пространственности». Таким образом, сознание обретает функцию художественного способа моделирования «ветвящегося» пространственно-временного континуума «мир как сознание».

²² Инспирация (*лат. inspiratio – вдох, вдыхание, вдохновение*) – термин с многозначной семантикой, среди которых основные: 1) внушение, мотивация, побуждение к действию, 2) альтернативное наименование вдоха, в противоположность выдоху (*экспирации*). Мы актуализируем в большей степени это понятие в значении: «Одна из значимых категорий классической эстетики, означающая чаще всего внешний, более высокий духовный источник творческой деятельности, чем земная эмпирия; обычно – прямое воздействие на художника духовных сил (ангелов, демонов, Духа, Бога), побуждающее его к творчеству.» / См. подробно: Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 201.

сказового повествования, которому свойственна притчевая передача не притчевых жанров, с образным рассеиванием символических знаков узбекского (и шире – восточного) миробытия в семантическом поле мировой культуры и русского языка.

Рассказ подчеркнуто сенсуалистический, передает реальное пространство дома, где события фокусируются вокруг похорон, не через фабульное описание самого дома и события, и людей в нем участвующих, а через ощущения и восприятие воздуха, атмосферы, некоего сакрального сознания бытовой пространственности. Представление о мире, времени, вечности, смертности фиксируется через поток сознания на уровне потока сменяющихся ощущений. Перед читателем разворачивается чувственная картина внешнего мира, эйдетически (в значении *рефлексивно проецируемый образ*) развернутая в экспозиционном пространстве особого художественно-смыслового внутреннего бытия за счет новых не прямых контекстов, семиотически обозначенных в многомерном семантическое поле: *«Мужчина, теперь ко всему безразличный, сидит на золотистом глиняном приступке, и внутри длится яркость, как если б невдалеке сломали веер, желтый. Они приходят, сложив руки ладонью книзу на животе в дни поминовений, тихие, в шесть утра, и короткий клюв открыт сейчас под пустым небом в ровной бездетной прохладе, когда рассветный сумрак полоснул рот ревнивым сочным струением. <...> Тебе пришлось, как и многим, присесть на ленточную пыль, пока таял в покое и ворожбе монотонных лиц молитвенный сказ и мужские фигуры готовились принять мертвое тело и солнце, но все же ты качнулся в робком колошении тяжелой и поникшей на время толпы, будто берег себя ради медленных сцен»²³.*

Абдуллаев не описывает *процедуру* ритуального со- бытия, не фиксирует детализированную действительность

²³ Абдуллаев Ш. Другой юг. С. 9.

происходящего, он структурирует «философствующее» сознание нарратора в образ «похоронного» хронотопа (точнее – *сознательную пространственность*). Нарративный поток сознания (не соотносимый с синтаксическим канонм модернистского «потока сознания» как стиля) трансформируется в сенсуалистский поток ощущений, динамично фиксирующий сознанием автора-рассказчика ощущение внешнего мира в лице «они», затем трансгрессирующим через обращение к внутреннему себе «тебе пришлось» в поисках чувствования «других» к глубинным сакральным истокам своего рода (*Я отца*). Через проживание ощущений танатологического опыта своего отца автор-рассказчик движется к пониманию метафизического высшего или глубинного бессознательного (чь-то рука), что и становится основой последующих художественных инспираций: «Я был один, сказал отец, когда “оно” случилось, и чья-то рука держала мою голову, словно дождалась ее, и негде преклонить колени, хотя двое уже забрались по грудь в землю, более пустую, чем вывернутый карман, и снизу рвались в твои ноздри близкая глубь и могильное боковое ложе, но скорбный рой рассеялся позже на пещеристой площади, где только воздух ловил сухих собак, но здесь он повторил: просто валяться дома целыми днями и ждать, когда кто-нибудь придет и прикончит меня в одной из каторжно безликих и блеклых комнат. Вдох и выдох»²⁴.

Лиминальное событие (переход отца из одного состояния (*жизни*) в другое (*смерти*)) разрушается обращением отца по ту сторону жизни к сыну-нарратору, который находится по эту сторону, а его метафизичность и ирреальность усиливаются синтаксисом потока сознания и метафорических перевертышей (*воздух ловил сухих собак*). Но, пожалуй, самым важным становится объективация «несуществующего» в реальном мире героя – покойного отца. Согласно теории А.М. Пятигорского о мифе как

²⁴ Там же.

сюжете времени, «как феномен сознания объективация может быть установлена только со стороны, то есть наблюдателем другого (чужого) сознания. Она не может наблюдаться (мыслиться, осознаваться) в порядке рефлексии, то есть в думаньи о своем думаньи. Даже когда то, что я называю объективацией, будет фигурировать в мифологическом тексте, а не только в тексте моего описания (и истолкования) содержания этого текста, то и тогда она оказывается произведенной другим сознанием»²⁵.

Внутриязыковая трангрессия Шамшада Абдуллаева несколько иная, проявленная не столько во взаимодействии двух родных (узбекский и русский), но не родственных языков, сколько на уровне полиязыковой гибридизации способами транслитерации, транскрипции, переводческой кальки, ономастической транскulturации (лексемы и выражения выделены нами – авторами уч. пособия) и т. д.

«Ферганец» Григорий Козлет в предисловии к сборнику «Двойной полдень» пишет: «Мне кажется, что Фергана – это миграция Места, стеклянный колпак, накрывший местность, голографический Храм, где в качестве жреца-первопоэта – таинственный Шамшиад, нарекающий имена всем зверям полевым и птицам небесным. Сейчас, когда мы приступили к новым ролям нашего сценария, он продолжает дежурить в опустевшем Месте»²⁶.

«Маленькая спящая Александрия» маркирует все *свои* и *иные* пространства прозы Абдуллаева, метафорически соотносится с символикой «потерянного рая» и становится семиотическим знаком нового типа «культурного героя» – **окраинного жителя**. «Внутренняя, сознательная» Фергана важна не как геолокус, место духа «ферганцев», а как Дух особого «культурного места» слияния мировых

²⁵ Пятигорский А.М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 19.

²⁶ Абдуллаев Ш. Двойной полдень (рассказы, эссе). СПб.: Борей-Арт, 2000. С. 8.

поэтических традиций. Абдуллаев снимает вопрос оппозиции *своего-иного*, дешифрует парадигму «иной-чужой» и выстраивает «ферганский» культурный космизм.

Рассказ «Другой юг» – полифоническое пространство, в котором перемешаны различные дискурсы и актуализированы различные культурные коды. Сложная интегральная программа взаимоисключающих и взаимообусловленных пространств как форм выражения Гения места и его Духа предопределила и особое качество поэтики «самовыражения личности» Абдуллаева. Художественное метасознание писателя идентифицируется метафорой «сознание есть самая важная ипостась пространства». Но сознание именно творческое, то, которое и семиотизирует «ферганскую идиллию». С метафорики этого сознания начинается рассказ (*Читая стихи в форме розы, и ты повернул голову (или я): лошадь, камень, сай среди темных тенетных трав, тот же вид* (85)), и метафорикой его пространственности заканчивается: «В спальне, из которой вынесли его тело, по ковру были разбросаны туфельный шнур, джинсы с бечевочным гульфиком, снимок Хендрикса, колючка-оберег, медные монеты, карта Италии, и ты повернул голову: тот же вид, небо твоих вечных окраин»²⁷.

Суть *другого юга* Абдуллаева не имагологическая, ему не важно «иной» ли он, идентифицируемый как чужой, или свой, для писателя юг – не сторона света, не обозначение условного востока, для него это особая форма пограничного внутреннего бытия, в котором диалог между живым Я и умершим Он или Ты естественное состояние, в котором «оазис», «лето», «озеро», «фотография» (так называются рассказы сборника) это некая «первая книга» (последний рассказ сборника), в которой мир творится словом, и у мира, как и у слова нет границ никаких, в том числе и национальных. Поэтому умерший герой, возможный родовой отец, в первом рассказе равен само-

²⁷ Абдуллаев Ш. Другой юг. С. 85.

убийце (этакому коллективному «писателю-самоубийце») во втором рассказе, – равны они бессмертием, залогом которого становится Я автора-рассказчика. В дилемме «высказаться и умереть или жить вечно, не высказавшись»²⁸ он предпочитает первое. Таков другой юг – «Настоящий рай – потерянный рай»²⁹.

Этносимволисты³⁰ считали, что культурная идентичность – это результат, определяемый через ощущение преемственности исторической данности и культурологической памяти нации (этноса), которые находят свое воплощение в мифологии, символах. Но мифология может быть и личная, как у Шамшада Абдуллаева, с транскультурными знаками некоего особого ноосферного бытия, в котором иеротопика творчества предопределена не столько реалиями и реалемами³¹ (коих в сборнике великое множество) ферганского локуса, сколько сознанием иного – Ното faber. Исследователь феномена поэзии Шамшада Абдуллаева А. Скидан пишет: *«Шамшад Абдуллаев, житель окраины (и вместе с тем – средостения, перекрестка цивилизаций), наделяет это присутствие томлением, дрожью, затаенной пульсацией таинственной эпифании, тем пронизывающим трепетом, который, по преданию, предшествует явлению “Бога мест” и которому русская поэзия будет обязана отныне своим обновлением»*³².

Таким образом, Шамшад Абдуллаев, редкий из «ферганцев» продолжающий жить в родной Фергане, представляет собой яркий образец транскультурности вне ее разграничений с мультикультурностью. Миграция

²⁸ Там же. С. 221.

²⁹ Там же. С. 230.

³⁰ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. 364 с.

³¹ В нашем случае – предметная соотнесенность слова с национальными маркерами быта.

³² Скидан А. Сумма поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 52.

внутри мирового культурного времени и пространства есть для него единственно возможной способ вернуть свой юг, «свою Фергану» – потерянный не им рай особой формы сознательной пространственности, в которой национальное самосознание экзистинцирует одновременно внутри и вне границ национального миробытия. П.М. Мирза-Ахмедова, яркий пример такой же транскультурности, но в исследовательском плане, пишет о поколении ферганской поэтической школы, которая распалась, но продолжает свою эстетику ноосферной культуры в авторских трансперсональных системах по всему миру: *«Познавая мировую литературу, а такие возможности у этого поколения были несравненно большие, чем у предыдущего, постигая ее через мировые языки (кстати, все «ферганцы» – полиглоты), прикасаясь к мировой культуре через слово, живопись и кинематограф, они почувствовали себя неотъемлемой ее частью, и это стало основополагающим фактором в их судьбе. Большинство из них, как известно, разъехалось по всему свету... <...> Ощущение же своей ненужности, обреченности на одиночество в своем топосе – нормально, но не истинно. Есть в их существовании объективный смысл, о котором необходимо сказать. Дело в том, что они тоже есть плоды мирового универсализма. Все эти так называемые “андрогины” суть одно из проявлений великого восточно-западного культурного синтеза, в четвертый раз за всю мировую историю осуществившегося на территории нашего благословенного региона, который не зря называется Центральной Зоной Старого Света. <...> На них возложена уникальная миссия культурного объединения»³³.*

Мультикультурализм поэтического русскоязычия Узбекистана

Современная русская поэзия внутри узбекского литературного процесса еще более неоднозначный транскультурный феномен, представляющий из себя полиэтническое творческое сообщество представителей огромно-

³³ Мирза-Ахмедова П.М. Указ. соч. С. 262.

го количества национальностей (русских, узбеков, корейцев, украинцев и др.), объединенных русским языком (всегда родной, но не для всех материнский). В основе их авторской модели мира лежит синтез русского, восточного, западноевропейского мирообраза и иногда еще материнских национальных миромоделирующих констант (например, корейских в поэзии Марты Ким). Самоидентификация таких поэтов (например, Н. Ильина, В. Осадченко, Бах Ахмедов, Л. Тиллябаевой и т. д.) основана на всех возможных принципах транскulturации³⁴.

Так, синтез, воплощенный в интерференции нескольких, абсолютно полярных культур и лингвосознаний стал визитной карточкой поэтессы **Марты Ким**. Родилась она в 1949 году в поселке Барданкуль Ташкентской области. Член Союза писателей Узбекистана. Автор поэтических сборников: «Разные миры» (1994), «Эхо» (1996), «Полнолуние» (1998), «Роза ветров» (2001), «Круговерть. Стихи, очерки, рассказы» (2006).

Этническая самоидентификация Марты Ким является, на наш взгляд, сложнейшим психологическим феноменом, предопределяемым транскультурной эстетикой, отражающей ее творческую полидомность. Ее поэзия является собой пример транскультурной гибридной литературы, к которой исследователи относят *«транскультурных авторов, занимающих пограничную, промежуточную позицию между несколькими нациями, традициями, локусами; <...> писателей, пишущих на разных языках и происходящих изначально из разных культур»*³⁵.

Поэтесса Ким, давно не живущая в стране своего творческого языка, испытывает эстетическую потребность художественного изображения внутреннего этоса культуры, жизни, истории страны этого языка как экзистенци-

³⁴ Гарипова Г.Т. «Русская» поэзия Узбекистана... С. 8.

³⁵ Женис Н., Кыинова Ж.К. Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. 2018. URL: <https://articlekz.com/article/23746>

ального способа *внутренней колонизации* (А. Эткинд) или *деколонизации* (М. Тлостанова)³⁶, в зависимости от соотношения своей *личной мифологии* (термин Стенли Криппнер) с историей своей «другой», «чужой», но родной (*хотя бы по принципу языкового сознания и самоосознания*) нации. Для Марты Ким такими родными (приобретенными) этносами/этосами являются и русская, и узбекская культуры. Именно поэтому в ее творчестве обнаруживаются одновременно принципы транскультурализма, мультикультурности и транскультурности. Для поэтессы с материнским корейским и родным (вторичным) русским языками образ мира, построенный на сращении восточных, русских и западноевропейских констант, не мыслится в системе оппозиции «свой-чужой». Творческий космополитизм позволяет совершенно органично сочетать библиологемы и мифологемы коранические и буддийские в мультикультурную модель мира. Она тоскует по Корее (*Есть в Корее холм уединения*), любит Россию, вторит в своей поэзии ее частушкам, песням, воспекает Восток (*Восток, Восток! Ты древний, но не старый, Срывает ветер лепесток. Шумят листвою чинары*). Так, например, поэтесса не дифференцирует сакуру и вишню. В одном случае это «Над веткой сакуры плакал старик», в другом – «Счастье – это снова цветение вишен», в третьем – «Все то, что черпала из книг, // В одном цветке японской вишни».

Семиотика цветка вишни-сакуры не соотносится с теми или иными национальными синкретическими коррелятами. Марта Ким, словно продолжая традиции символизма, создает авторский сакральный образ-символ «цветок потерянного рая»:

*«В закатный час среди цветущих вишен
Я счастлива, как много лет назад.*

³⁶ Мы переводим эти понятия, связанные с внешними процессами колонизации, в сферу внутреннего личностного понимания.

*И пусть шаги все медленней и тише,
И сердце бьётся, словно наугад...»³⁷*

Для поэтессы «потерянный рай» – не время прошлого, не родина бывшая или настоящая, для нее – это иеротопический образ души:

*«Счастье ищите в себе,
Как ловцы морских раковин...
А чем не прекрасен свет
Нежно цветущей сакуры?»³⁸*

В этом плане абсолютное несовпадение с семиотикой «сада» в поэзии ферганского поэта-диссидента **Хамида Исмаилова**. Его творчество очень показательно в плане особой формы мультикультурализма, в основе которого, по мнению М. Тлостановой, лежит желание того или иного этноса сохранить свои традиции и особенности в рамках одной культуры³⁹.

Исмаилов может быть представлен как узбекский писатель (пишет на узбекском и является фактом узбекского литературного процесса в системе векторов виртуального узбекского андеграунда и культурного зарубежья/эмиграции), русский писатель (пишет на русском языке и активно печатается в российских журналах), зарубежный писатель (пишет на английском, французском языках, несколько лет пребывал в статусе английского писателя-резидента)⁴⁰.

³⁷ Ким М. В закатный час среди цветущих вишен // Русское слово. Литературный сайт совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан. URL: <http://slovo.nx.uz/marta-kim>.

³⁸ Ким М. Счастье ищите в себе // Русское слово. Литературный сайт совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан. URL: <http://slovo.nx.uz/marta-kim>.

³⁹ Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 400 с.

⁴⁰ Гарипова Г.Т. Специфика социокультурной модели... С. 113–114.

В стихотворениях на русском языке образ сада является концептуальным и сквозным, но не имеет экзистенциальной иеротопики. Сад – это особое соборное пространство целостного мира. Эксперименты «заточения» поэтического Слова в символическую визуальную геометрию, на наш взгляд, есть бессознательное стремление Хамида Исмаилова собрать эту целостность. Она мыслится им как особого рода соборность – соборность узбекского сознания, зафиксированная в языке и через язык протянутая в мир. Эстетически соборность реализована в образе Сада – образе преодоления скитальчества в пустыне. Сад становится важнейшим локусом-образом-сознанием одного из самых значимых произведений Алтаэра Магди (один из многочисленных псевдонимов Хамида Исмаилова) – «Собрание утончённых, или элитарный роман литературного сознания». Написан на русском языке в локусе «Ташкент – Москва – Лондон» (1986–1996) о феномене узбекского «соборного» сознания, о его разрушении и о Саде⁴¹: *«Дитя растёт и, однажды зашагав, в самом начале Пути обнаруживает САД. Мир – как Сад – вот во имя чего живёт узбек посреди двух гигантских Пустынь в сотворённом им Оазисе. Язык его – это Сад Словес, живопись его – это Сад Орнаментов, философия его – это Сад Созерцаний, рай его – это Сад, где внизу Река... Дом без Сада – это не Дом, как и семья без детей – не семья. Сажать и растить дерево равнозначно тому, чтобы родить и вырастить ребенка. Поле – это ссылка Сада, хлопок – заключение...»*⁴².

⁴¹ Более подробно экспериментальную метапоэтику Хамида Исмаилова мы исследовали в статье: *Гарипова Г.Т.* Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмаилова // *Genius loci в литературе, искусстве, культуре: Сб. науч. ст.* М.: Свое издательство, 2018. С. 81.

⁴² *Алтаэр, Магди.* Собрание утонченных (Роман, на русском языке) // *Собрание утончённых: современная узбекская литература.* URL: <https://library.ferghana.ru/uz/>

Через обретение «внутреннего» Сада преодолевается отчуждение от мира выпавшего из его «Книги отсутствия» Я, потерянным и обретаемым в мечтах и фантомах-формах *genius loci*. Одна из глав элитарного романа называется «Собрание первое. Я-Я». И начинается она со стихотворения «Сад»:

*«Мне кажется рвётся душа, она превращается в дерево, роняет листву.
Я плачу, я жду не дыша, и плач превращается в дерево
пальцев приросших к лицу.
Я брошусь к тебе, чуть жив, и ты превратишься в дерево,
и сквозь твои ветви закат
посмотрит не взглядом чужим –
последним из племени деревом
на всеми покинутый сад...»⁴³*

Главным пространственным локусом здесь становится Москва, Воробьёвы горы. Именно в этом новом пространстве жизнебытия Хамид Исмаилов выходит за пределы пустыни: *«Тогда, именно тогда в бесцветно-бязевом небе стоячего вечера я ощутил внезапно свою Великую степь, и тогда эта сероглазая Пустыня снизошла впервые неожиданной коранической интонацией на мой опустошённый "Сад"»⁴⁴.*

Нет, подмены не произошло. Москва не заместила «ферганскую» прародину, она стала тем календарным пространством присутствия (как ментальной антитезы отсутствия) жизни, в котором время фиксировало выплески литературного сознания «ферганцев» и «утончённых», куда через Слово был перенесён *Genius loci* ферганского «миросознания бытия». Трансгрессия свершилась. Преодолением распавшейся целостности сознания и соборности-узбекскости для большинства представителей ферганской школы и для Хамида Исмаилова, в том числе, на наш

⁴³ Алтаэр, Магди. Собрание утончённых.

⁴⁴ Там же.

взгляд, стала Москва. Понимание этого пришло много позже и отразилось в статье Хамида Исмаилова «Календарь Москвы заражён Кораном или Советская империя в поэзии Бродского», которая была опубликована в Италии, в сборнике, посвященном 60-летию И. Бродского. А позднее на сайте «Собрания утончённых»⁴⁵ «...Однажды мне приснился сон. Будто бы Осип Мандельштам только что вернулся из своей поездки в Армению и что-то рассказывает мне. За его спиной в дверном косяке Москва 30-х, марширующие военные, тревога нарастающих шагов в сапогах... "Ты знаешь, Хамид, кого я видел там?" – "Чаренца?" – спрашиваю я. "Да, Египте Чаренца. И знаешь, он мне назвал самого грустного поэта мира. Его, оказывается, зовут Надым..." И здесь Мандельштам читает строки неизвестного мне поэта, и от их невозможной красоты я просыпаюсь. В тот же день я выяснил у своего друга-тюрколога, что и впрямь есть такой великий турецкий поэт 18-го века, поэт Эпохи Тюльпанов, когда Стамбул ещё раз соединился с Европой.

Потом я долго думал, почему еврей со слов армянина открыл мне – тюрку моего же поэта Надыма и не нашёл ничего лучше, чем попенять на подсознание, которое скомбинировало из М-Н-Д Мандельштама подобное Н-Д-М Надыма»⁴⁶.

Русский язык и Россия, в частности Москва, как некий централизованный локус-дух российской пространственной и языковой идентичности одновременно, играют важнейшую роль в системе метакодов Хамида Исмаилова.

Удивительное иеротопическое пространство «внутреннего Востока» обнаруживается в поэзии молодой поэтессы **Виктории Осадченко** (псевдоним; настоящее имя – Юнусова Виктория Эдуардовна), очень популярной в русскоязычном поэтическом сегменте узбекского литературного процесса. Родилась Вика в 1980 г. в Ташкенте. Она

⁴⁵ Гарипова Г.Т. Календарь Москвы... С. 82.

⁴⁶ Исмаилов Х. Календарь Москвы заражён Кораном или Советская империя в поэзии Бродского URL: <http://www.library.ferghana.ru/uz/br.htm>

активно участвует в поэтической жизни Узбекистана и хорошо известна в диаспоральном пространстве. Восточный «личный миф» поэтессы метафоризируется чаще всего в хронотопических координатах, в бытовых деталях-константах, легко узнаваемых и, казалось бы, конкретизирующих «внутреннее ощущение» национально бытия:

*«Город на дне долины,
как в голубом лягане.
Видишь – все дело в глине,
что у нас под ногами.
Вросшее в сердцевины
прошлое – неотделимо,
будущее – не пугает»⁴⁷.*

Но за границами видимого, точнее обозначенного реалемами национального миробытия вдруг открывается бездна без границ, без времени и пространства. Для поэтессы мир становится той самой экзистенциальной пустотой, которой наполнены все и вся. В этом мире не важны язык описания, национальные корреляты (ни материнские русские, ни узбекские приобретенные), важна только особая сакральность, мифологическая:

*«Дальше, за синей кромкой,
глина дышит холмами.
Овцы идут по склонам
с глиняными домами.
Здесь это чувство глубже.
Глина умеет слушать
и всегда понимает.*

⁴⁷ Осадченко В. Летающий остров. Стихи // Дружба народов. 2011. № 7.
URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2011/7/letayushhij-ostrov.html>

*Вот они, здесь, под стопою –
тысячи пыльных хроник.
Каждый из нас записан
в глиняные таблицы.
Вас из нее построят,
нас в нее похоронят.
Незачем торопиться»⁴⁸*

Совершенно очевидным становится выход поэтессы в мировую иеротопику, где архетипический символ «глина» становится знаком ее мультикультурности, соотносится и с восточной, и с русской литературными традициями. Достаточно вспомнить строчки стихотворений О. Мандельштама «Слово»:

*«О, глиняная жизнь! О, умирание века!
Боюсь, лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя.
Какая боль – искать потерянное слово...»⁴⁹*

Интересно, что лексема «глиняный» встречается три раза и в стихотворении Мандельштама «1 января 1924» и входит в его семантическое ядро. Среди многих значений глины – *семантических* (бренность бытия, хрупкость, греховность жизни человека); *символических* (знак века-времени через метафорику статуи Кроноса, библейский знак связи человека и Бога – «мы глина, а Ты, образователь наш» (Иов.64:8) и т. д.) – важна и соотнесенность в ряде этнических традиций, в том числе и армянской, глины с древними ценностно-национальными координатами бытия. Например, в повести-притче «Глиняные буквы, плиты

⁴⁸ Осадченко В. Указ. соч.

⁴⁹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 110.

вущие яблоки» Сухбата Афлатуни глиняные буквы-образы обеспечивают «мироприемлющее начало» узбекского (шире – восточного) национального мироздания, которое определяется «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью...»⁵⁰. Важно отметить при этом, что «в литературе чаще всего пользуются двумя основаниями для различения культур – это ментальная специфика (например, Восток и Запад) и выявление культурно-исторических эпох»⁵¹.

Заключение

Хамдам Закиров очень точно определил диссипативный статус вопроса об идентификационных характеристиках «Ферганской поэтической школы». Он остается открытым и по отношению ко всей другой «литературе русского рассеяния» Узбекистана, даже той, которая продолжает развиваться внутри пространства узбекского литературного процесса: *«Последний же вопрос, является ли поэзия ферганцев частью русской или узбекской литератур останется, по всей видимости, открытым всегда. Плоть от плоти Ферганы, места, которое сделало нас теми, кто мы есть, наши стихи написаны по-русски. Большинство авторов (пусть и “не покидая своего места”) живут в данный момент за пределами Узбекистана – в России, за рубежом. Используя все богатство русского языка, наша поэзия “уходит корнями” вовсе не в русскую литературную традицию. Можно ли при этом назвать ее русскоязычной поэзией Узбекистана я не знаю. Ведь здесь “мы не имеем своих изданий, своих журналов, своих читателей и вынуждены мириться с рассеянным присутствием (публикации в России, в эмиграции) для других, для другой*

⁵⁰ Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. С. 7.

⁵¹ Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение. Современные тенденции русской литературной компаративистики. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. С. 32.

культуры". Однако, как в том анекдоте, это-то нас меньше всего и волнует»⁵².

До сих пор говорить об историческом месте «альтернативной литературы Узбекистана» в реальном национальном художественном процессе сегодняшнего дня сложно в силу целого ряда причин. Но констатировать наличие этого уникального явления, несомненно, необходимо.

Характерные для периода распада СССР и грани веков процессы *вхождения* узбекской литературы на правах самостоятельной полноправной межлитературной общности в мировое художественное поле и *растворения* новейших мировых традиций в национальной художественной системе провоцируют особую «текучесть» целого ряда литературных тенденций в поэтической системе Узбекистана. Для таких транскультурных произведений идентификационный критерий «узбекская и/или русская литература» перестает быть конститутивным, поскольку они могут фиксировать в себе экзистенциальные коды национальной памяти, которые, как отмечает Э.Ф. Шафранская⁵³, встраиваются в общую мифопоэтическую картину современной русской литературы.

В связи с чем сегодня продолжает оставаться актуальнейшей проблема выработки методологических инструментов для систематизации противоречивых литературных закономерностей развития подобной «русскоязычной/транскультурной» литературы в целом уже новейшего периода XXI века. Проблема актуализируется и в связи с (э)миграционными процессами, приведшими к еще более противоречивым многомерным литературным явлениям. Так, например, можно говорить о становлении

⁵² Закиров Х. Взгляд с некоторого расстояния. Попытка комментария к тому, что называют «ферганской поэтической школой» // Ферганский альманах. URL: <https://library.ferghana.ru/almanac/hamdam9.htm>

⁵³ Шафранская Э.Ф. Современная русская проза: Мифопоэтический ракурс. М.: Ленанд, 2015. 216 с.

особого феномена узбекского «андеграунда в эмиграции». К нему относятся поэты (писатели), соотносимые с литературным андеграундом 80-х годов, эмигрировавшие из Узбекистана в постсоветский период и включившиеся, например, в русский литературный процесс (многие представители Ташкентской и Ферганской поэтических школ), английский (Хамид Исмаилов) и в другие системы мировых «межлитературных общностей». Часто их творчество характеризуется многоуровневой транскulturацией, поскольку они продолжают писать на родном (вторичном) русском и материнском узбекском языках. В свою очередь, большое количество русских и русскоязычных поэтов (писателей), оставшихся в Узбекистане, начинают воссоздавать бимодальную русско-узбекскую национальную картину мира на русском языке, в систему которого встроены узбекская лексика и семиотика. Их внутриязыковая трансгрессия проявляется не столько во взаимодействии материнского узбекского и русского родного (вторичного), сколько на уровне полиязыковой гибридации способами транслитерации, транскрипции, переводческой калки, ономастической транскulturации и т. д. Постсоветская узбекская литература, с одной стороны, преодолевала внутреннюю расчлененность официального и неофициального векторов, а с другой – усиливала диктуемый геополитической ситуацией распада СССР «отток» литературного андеграунда, в большинстве своем русскоязычного, в эмиграцию. Многие из них впоследствии вошли в состав иноэтнolитературного вектора русского художественного процесса, а затем и в мировую литературную систему.

Глава 13. СЛУЧАЙ ТРАНСКУЛЬТУРАЦИИ: СУДЬБА РУССКОГО ХУДОЖНИКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

В XX веке складываются разнообразные контакты русских культурных деятелей с другими этносами, с нерусскими территориями. Так, 1920-е годы отличает от предыдущих лет небывалое перемещение не только творческих людей, но и обыкновенных жителей из российских столиц и крупных городов на периферию страны (причины – разные). «Человек с чемоданом, баба с мешком – вот типичные персонажи этой культуры...»².

А.В. Николаев в 1920 г. был отозван из Красной армии в Москву и затем направлен в Туркестан с мандатом от комиссии ЦИКа и Совнаркома по делам Туркеспублики восстанавливать памятники старины.

В итоге художник решил кардинально поменять место жительства: встреча с новым, весьма экзотическим краем (для человека с оптикой из средней полосы России) породила желание перевоплотиться в местного жителя, повторить метаморфозу, которая была на слуху в те годы – в частности, фигура Арминия Вамбери, под видом дервиша попавшего в Бухару, священный город мусульман, в чем признался Николаев спустя годы на одном из допросов: «Я вспомнил, что в свое время путешественник Вамбери, чтобы лучше изучить Среднюю Азию, принял ислам и в одежде дервиша прошел через всю Среднюю Азию...»³.

¹ **Сведения об авторе:** *Шафранская Элеонора Федоровна*, д.филол.н., профессор департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, e-mail: shafranskayaef@mail.ru.

² *Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 61.

³ *Шафранская Э.Ф.* Усто Мумин: превращения. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. С. 256.

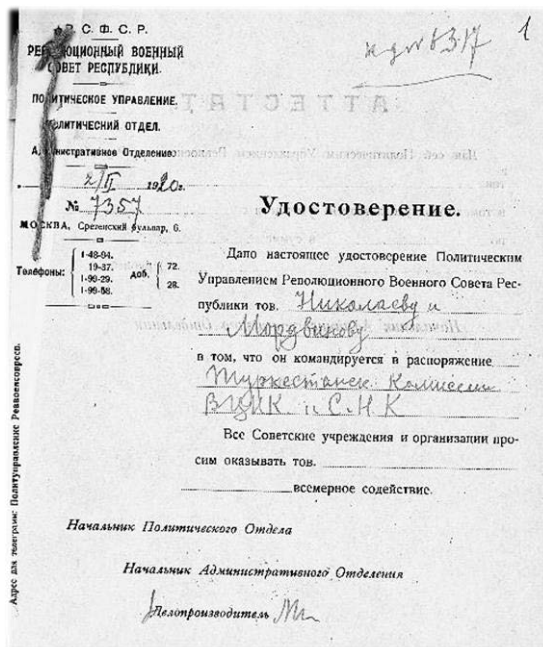

Рис. 1. Удостоверение, выданное А.В. Николаеву и А.Г. Мордвинову в том, что они командированы в распоряжение Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, 2 февраля 1920 г. Российский государственный военный архив.

Транскulturация

Чем ближе к современности, тем больше примеров подобного погружения в чужую жизнь. Так, ряд писателей, чья реальная и творческая биография какое-то время формировалась в пространстве фронта, создают тексты о чужой культуре – не с позиции другого, а изнутри. Например, Андрей Волос пишет транскulturальный роман «Возвращение в Панджруд», в нем воссоздана эпоха Мавераннахра, то есть среднеазиатского Средневековья, не с позиции ориенталиста, взирающего на Восток с моноклем европейца, а с позиции субъекта, знающего жизнь изнутри, повествователь – один из тех, кого он описывает.

Еще примеры – роман Дины Рубиной «Вот идет Мессия», первый еврейский роман на русском языке (А. Марченко). В нем воссоздана картина мира евреев: историческая культура и повседневность Израиля. Это и Саша Филипенко с романом «Бывший сын». Будучи русским автором, Филипенко воссоздает в билингвальном тексте общественные, ментальные, политические процессы современной Беларуси.

Эти авторы пишут по-русски о нерусской жизни, нерусской культуре, которая им хорошо знакома и является, собственно, их картиной мира. Таких авторов с недавних пор относят к транскультурным. По словам исследователя транскulturации У.М. Бахтикиреевой, *«национальная культура, воплощенная в народной поэзии, на границе с другим семиотическим миром (русской культурой) стала частью целого и усваивала внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру»*⁴.

Для транскультурного автора выбор языка не равен выбору самоидентификации и национальной идентичности. Феномен транскulturности – это способ показать через культуру «действие механизмов истории, сокровенные тайны человеческого бытия»⁵.

Еще пример – Хамид Исмаилов, чья писательская деятельность – яркий образец транскультурной литературы. Хамид Исмаилов может быть представлен и как русский писатель – он пишет по-русски, и как узбекский писатель – пишет по-узбекски, и как английский писатель – пишет по-английски, и как французский – пишет по-французски. Для творческого сознания Хамида Исмаило-

⁴ Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБОиМИ, 2009. С. 223.

⁵ Тимашева О.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 46.

ва характерно размыкание границ языковых и художественно-национальных картин мира⁶.

Задолго до времени, когда литература выработала транскультурную оптику, появились работы в изобразительном искусстве, среди них – творчество А.В. Николаева.

Метаморфозы

«А.В. Николаев, если судить по слухам и ситуативным фактам, не играл в подражание – он физиологически, и ментально, и эмоционально жаждал вписаться в новый быт, в новую для него культуру. Подобный поворот в судьбе не мог случиться без какого-то яркого события. Таковым, смею предположить, стали увиденные им юноши, выступавшие в местных чайханах, танцоры и певцы одновременно – бачи»⁷.

Николаев рисовал красивых юношей, которых он наблюдал танцующими в чайхане и читающими, поющими, несущими бурдюки с водой – в быту. Пошла молва о «странных» пристрастиях художника. Однако в советское время эта тема дальше слухов не шла. Докатившись до настоящего времени, молва была озвучена в фильме *The Desert of Forbidden Art* (2010): директор Нукусского музея, показывая работы Николаева, сообщает об «особенностях» художника: *«Александр Николаев был человеком нетрадиционной сексуальной ориентации, за что был арестован и впослед-*

⁶ См. подробнее: *Гарипова Г.Т.* Полилингвизм и транслитературность в контексте метафизических стратегий Хамида Исмаилова // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 78–87. doi: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-78-87; *Гарипова Г.Т.* Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмаилова // *Genius loci* в литературе, искусстве, культуре: Сб. науч. статей. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 71–86.

⁷ Об истории танцоров-бачей и их восприятию русскими колонизаторами подробнее здесь: *Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т.* Бачи в русской культурной рецепции // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2022. № 1. С. 38–49. doi: 10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49.

*ствии сослан»*⁸ (скорее всего, он был арестован по другим причинам, о чем речь пойдет ниже).

Важны ли гомоэротические пристрастия Николаева для восприятия его творчества – вопрос открытый (хотя искусствовед Борис Чухович настаивает: чрезвычайно важны⁹). Этот факт биографии художника вне моей компетенции и информированности. Миф вокруг Николаева начал складываться по причине необычности (с точки зрения людей пришлых) объектов его картин. Почти все русские художники, приехавшие в Среднюю Азию, рисовали здания средневековой архитектуры, базары с ломящимися от плодов прилавками, арыки, хаузы¹⁰, яства и проч. – то есть воспроизводили классический набор ориентальных клише¹¹. Вскоре власть взялась контролировать и этот ряд объектов: советские художники должны были воспевать новую жизнь, новый мир – социалистический, а «феодалные пережитки» оставить прошлому. Объекты николаевской живописи – красивые юноши, бачи, с точки зрения контролирующих органов, как раз относились к этим «пережиткам».

⁸ *Шафранская Э.Ф.* Усто Мумин: превращения. Издательская программа Музея «Гараж», 2023. URL: <https://www.litres.ru/book/eleonora-shafranskaya-32553877/usto-mumin-prevrascheniya-69164932/chitat-onlayn/>

⁹ См.: *Чухович Б.* «Любовь, дружба, вечность» Усто Мумина. Прага: Art-guide s.r.o, 2023. 432 с.

¹⁰ Хауз – искусственный водоем.

¹¹ О типичном наборе ориентальных паттернов в литературных текстах см. подробнее здесь: *Волохова Т.В., Шафранская Э.Ф.* Среднеазиатские социальные типажи как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьева // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 44–59. doi: 10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59; *Шафранская Э.Ф.* Каразин! Азия! // Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. С. 525–596. (Серия «Литературные памятники»); *Шафранская Э.Ф.* О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161). С. 291–306.

Рис. 2. Александр Николаев (Усто Мумин). Мальчик-водоноша. 1925. Фанера, темпера. 44,5×35,3. Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого, Нукус.

Вдохновением для Николаева были красивые мальчики и юноши, танцующие, музицирующие, читающие (как, впрочем, и еще у ряда его современников и коллег: Алексея Исупова, Кузьмы Петрова-Водкина, Даниила Степанова и др.). Вряд ли это был интерес к «свальному греху», как называли танцы бачей русские колонизаторы,

пришедшие в Туркестанский край¹². На картинах Николаева чистые, одухотворенные юноши – такими их изобразил художник. Окунувшись с головой в местную культуру, Николаев постигает основы Корана. В этой священной книге мусульман прочитал он о райском саде, где правоверные будут проводить время, взирая на «прекрасных отроков, навечно молодых» – целомудренных, одетых в зеленые шелка и живописную парчу, с браслетами из серебра (см. Суры Корана 56, 76).

Его картина «Радение с гранатом» – рассказ о знакомстве двух юношей, очарованных друг другом при случайной встрече. Фрагмент за фрагментом (клеимо за клеймом) этой иконоподобной работы повествуют об их отношениях: знакомство, прогулка в саду, клетки с перепелками; клетки открыты – перепелки на свободе; играет свадьба, мулла читает молитву. Финал печальный: последнее клеймо изображает два надгробия на одной могиле, увенчанной *тугом* – шестом с навершием из конских волос (по типу бунчука), который устанавливали на могиле праведников, суфиев. В картине отсутствуют греховные интенции – это всего лишь грёза о возвышенных чувствах. Однако контекст картины вполне может быть прочитан как гомоэротический сюжет. Именно его увидел и прокомментировал искусствовед Борис Чухович, подробно проанализировавший сюжет картины, реальный и метафорический, и его метатекст – в монографии «“Любовь, дружба, вечность” Усто Мумина».

¹² См.: Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Бачи в русской культурной рецепции // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. № 1. С. 38–49.

Рис. 3. Александр Николаев (Усто Мумин). Радение с гранатом. 1923. Дерево, темпера. 51×44. Государственный музей Востока, Москва.

Официальная пропаганда 1920-х в режиме «буря и натиск» создавала новую идеологию, вполне себе в парадигме религии, где культовыми фигурами провозглашались партийные начальники. Художник Николаев до поры до времени не впечатлялся этим напором: вместо новых партийных «икон» он создал свою – «Радение с гранатом».

Почему в двадцатые годы Николаев мог себе позволить гомоэротические сюжеты, а уже в тридцатые – нет? Ответом на этот вопрос может служить наблюдение Владимира Паперного, формулирующего закономерности в развитии культуры: «Во введении уголовной ответственно-

сти за гомосексуализм¹³ <1934> можно увидеть лишь средство укрепления армии накануне войны, но можно увидеть и страх культуры перед ненормальностью, который в конечном счете можно связать с пафосом плодovitости и биологического здоровья»¹⁴.

В итоге индивидуальная творческая оптика Николаева выливается в раздражение властных органов, надзирающих за художниками, – после публичных проработок Николаева, не участвующего в советском деле строительства социализма, арестовывают как контрреволюционера и террориста, участника антигосударственного заговора (как и будет задокументировано при аресте).

Он «был виноват» в чрезмерном увлечении старым бытом, реалиями уходящей эпохи Туркестана, тогда как в XXI веке именно эти картины художника вызывают интерес и восхищение.

Случилась не редкая для одаренного и творческого человека драма: то, что волновало художника, звало к воплощению, – вызывало неодобрение тех, от кого так или иначе зависела судьба творца; а то, что от него требовалось, – было чуждо ему. Николаев попытался сломать себя, перестроиться, да и жить-то надо было, зарабатывать на существование. Плакаты с социалистическими императивами, заидеологизированные донельзя детские книжки – попытка Николаева найти свою нишу художника. В итоге – разочарование, усиленное арестом, – власть не могла простить ему чрезмерного увлечения некоторыми странными *институтами старины*, один из которых¹⁵ в УК

¹³ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1924–1937. 1934. Вып. 1. С. 5.

¹⁴ Паперный В. Культура Два. С. 192.

¹⁵ Уголовный кодекс Узбекской ССР. Ташкент: Юридик. изд-во НКЮ УзССР, 1926. С. 42.

УзССР за 1926 год назван *бесакалбазством*¹⁶, именно с ним связывала новая власть бытование бачей и их искусство.

В следственном деле художника отсутствует упоминание о гомосексуальности. Официально А.Н. Николаева объявили «контрреволюционером», причастным к антигосударственной деятельности. Это распространенная форма обвинения, которую можно было предъявить кому угодно, чье поведение не вписывалось в четкую и понятную формулу строителя социализма.

Начавшаяся в 1933 году в СССР кампания за внесение в Уголовный кодекс статьи о мужеложестве ставила знак равенства между «подозреваемыми» в гомосексуальности и «шпионами», «контрреволюционерами», отныне с них один спрос: сначала арестовывают за гомосексуальность, через несколько лет за контрреволюционную деятельность, чаще всего арест заканчивался расстрелом.

Попал ли Николаев в эту мясорубку по причине своей «нетрадиционной ориентации», была ли она таковой – неведомо, однако интереса к красивым юношам, попавшим в его оптику художника, было, вероятно, достаточно, чтобы состоялось преследование, чтобы пошли слухи, в итоге приведшие к рождению мифа.

Миф существует, как считают исследователи, пока в него верят. Нет веры – нет мифа. Поживем – увидим. Пока очевидно одно: чем кровожаднее власть, тем менее гуманны законы и циркуляры. Парадигма преследований *других* на протяжении истории неизменна, будь то XIX век, XX или нынешний. В.Д. Набоков, участвовавший в подготовке проекта Уголовного уложения 1903 года, о «нетрадиционной ориентации» высказывался толерантно, путем сопоставлений приходя к выводу, что запреты и наказания ситуации не изменяют. В частности, он привел такой пример: *«Блуд, скотоложство – были запрещены уложением о нака-*

¹⁶ Бесакалбазство – дословно переводится (с узб.) как развлечение с безбородыми.

заниях, из проекта они исчезли: можно ли отсюда вывести, что отныне эти деяния “официально санкционированы”? Конечно нет! И наоборот, из того, что ростовщичество было запрещено законом 1893 г., не следует думать, что до этого времени ростовщичество пользовалось официальной санкцией»¹⁷.

В итоге В.Д. Набоков пишет: «обоснование наказуемости добровольной содомии – чрезвычайно сомнительно»¹⁸.

Чем глубже погружаешься в факты биографии Николаева, в молву, сопровождающую его имя, тем больше вопросов остается без ответа. Современника Николаева К. Сомова в XXI веке именуют «художник-гомосексуал»: «Самый известный портрет М.А. Кузмина, написанный после успеха “Крыльев” в 1909 году, принадлежит художнику-гомосексуалу Константину Андреевичу Сомову (1869–1939), изображавшему поэта с ярко-красным галстуком»¹⁹ – но вряд ли кто напишет так о Николаеве.

За арестом и заключением, относительно скорым освобождением (спустя около четырех лет) последовал душевный надлом, творческий кризис, нервная болезнь, приведшая, по прошествии полутора десятилетий, к смерти.

Инициация

Еще один миф, сопровождающий художника, – принятие им ислама.

«Известен мне был также классический случай с крупным французским художником Поль Гогеном, который 7 лет прожил на острове Таити, живя как туземец, исполняя все их ритуалы и обычаи. Это дало ему возможность создать себе большое имя, благодаря блестящим работам, написанным им на о. Таити. У меня явилась мысль повторить этот опыт на себе»²⁰ – читаем

¹⁷ Набоков В.Д. Плотские преступления по проекту Уголовного Уложения // Вестник права. 1902. № 9–10. С. 168.

¹⁸ Набоков В.Д. Указ. соч. С. 163.

¹⁹ Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование социально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008. С. 56.

²⁰ Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. С. 256.

показания А.В. Николаева 1939 г. Так Николаев решил повторить опыт известного художника: наблюдать чужую жизнь не со стороны (с позиции ориенталиста), а изнутри, и не играя и притворяясь, а органично войдя в чужую жизнь, сделав ее своей: он надел на себя чапан (халат), тюбетейку, выучил необходимый для общения свод узбекской лексики, прошел обряд посвящения, необходимый для того, чтобы считаться мусульманином, и изменил имя – отныне он Усто Мумин (под этим именем он и войдет в историю искусства XX века). Этот факт биографии Николаева и стал мифологическим (судя по фактам, он был недолгим, но честным).

Личное дело А.В. Николаева, хранящееся в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, с одной стороны, проясняет «религиозное» мировоззрение художника, с другой – порождает новые версии такого поступка. Ведь никакое вероисповедание, за исключением коммунистического, не поощрялось в советском атеистическом государстве, а уж принимать русскому человеку веру, идущую вразрез с традициями, – это совсем эпатаж. Впоследствии, когда Николаевым занялись органы НКВД, такой неординарный шаг не мог остаться незамеченным. На допросах Николаев отвечает о вере по-разному – нависшая над жизнью опасность провоцировала на конформизм:

«В. Подтверждаете ли вы все сказанное вами на 2-ом Республиканском пленуме Орг. Ком. художников по вопросу о своей автобиографии?»

О. Подтверждаю все, за исключением одного. Я говорил или, правильнее сказать, выразился так, что можно было понять, что мусульманство я принял из идейных целей и побуждений. – Этого не было. Вступил я в мусульманство по чисто экзотически-романтическим побуждениям. Мне нравились декоративизм одежд и украшений. Была еще одна причина: в это время, в 1921–1922 году, я только что в Оренбурге развелся с женой, но она добивалась моего возвращения к ней. Мусульман-

ство я считал возможным использовать как моральную преграду между нами»²¹.

Многу был сделан запрос в Оренбургский ЗАГС, откуда получен ответ: «На ваш запрос комитет по вопросам ЗАГС Оренбургской области сообщает: об отсутствии актовой записи о заключении брака Николаева Александра Васильевича, 1887 года рождения, в архивах органов ЗАГС Оренбургской области. Проверка проведена по имеющейся электронной базе данных» (от 8.02.2019).

Однако в другом документе (1939) отношения с новой верой освещены иначе: «...Достав в публичной библиотеке Коран в переводе Казимирского²², я прочел его, чтобы понять основы мусульманства. Знакомый татарин, переводчик при Горсовете, Абдулла Бодри, научил меня религиозным ритуалам – чтению арабских молитв, которые я вызубрил наизусть. Спустя примерно месяца 3 после этого я заявил хозяину снимаемой мною квартиры о своем желании принять мусульманство. Хозяин был крайне удивлен, не понимая, зачем русскому художнику принимать ислам. Но я настаивал на своей просьбе и прочел ему молитву по-арабски, что его еще больше удивило. В течение 10–25 дней он все расспрашивал меня, зачем я хочу принять их веру. Я отвечал, что знаю их веру не меньше его, хозяйина, т. к. знаю содержание Корана, в то время как почти все неарабы-мусульмане его не знают, что вера эта мне нравится, что хочу жить по мусульманским обычаям. Хозяин не раз советовался со своими соседями, с приходским муллой, а затем как-то привел и муллу, который сам спросил меня о моем желании стать мусульманином. В течение нескольких дней произошло «обращение» мое в ислам. У городского казия я переименовал свою фамилию на Усто Мумин (усто – мастер, мумин – правверный), оставаясь по документам во все последующее

²¹ Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. С. 252.

²² Перевод Корана с арабского на французский язык выполнил переводчик французского посольства в Персии Альбер де Биберштейн-Казимирский (1808–1887), этот вариант перевода на русский сделал в 1864 году К. Николаев. Книга переиздавалась в 1865, 1876, 1880 и 1901 годах.

время Алек. Вас. Николаевым. Обряд обращения был крайне несложен. Были позваны соседи, пришел мулла. Я прочел все знакомые мне молитвы, после чего и мулла прочел длинную молитву. Закончилось все пловом, после которого я подарил халат мулле. С этого времени я стал посещать мечеть, одеваться по-узбекски. Знакомство с языком и обрядами мусульманина дало мне возможность ближе присмотреться к окружающей меня жизни. Этот период, продолжавшийся около 3,5 лет, закончился моей женитьбой на русской девушке, после чего я переехал в Ташкент»²³.

Чем как не стремлением к безопасности продиктован ответ на вопрос, заданный художнику в 1937 году: «Веруете ли вы сейчас в бога? – Нет, и никогда не веровал, кроме детства (до 15–16 лет)»²⁴. Да и по словам дочери Усто Мумина, Марины, отец не был верующим человеком.

Скорее всего, дело было не собственно в вере, а в погружении в культуру и быт, в стремлении стать своим для людей, которых он пытался понять, объяснить себе, которых он рисовал. «Увлечение чисто декоративной стороной окружавшей меня обстановки зародило во мне мысль глубже окупнуться в жизнь дотоле неизвестного мне народа, глубже изучить его народное искусство, его быт, фольклор»²⁵. И не случайно Усто Мумин упоминает²⁶ Арминия Вамбери, венгерского ученого, путешественника. Со второй половины XIX века по первую четверть XX столетия имя Вамбери было весьма популярно в России. Издавались не только сочинения Вамбери, но книги о нем для детей и юношества²⁷.

²³ Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. С. 256–257.

²⁴ Там же. С. 253.

²⁵ Там же. С. 256.

²⁶ Там же.

²⁷ Рубакин Н.А. Приключения знаменитых путешественников. Среди опасностей: Вамбери. СПб.: Просвещение, 1913. 231 с.; Тихонов Н.С. Вамбери: Повесть для юношества. Л.: Госиздат, 1926. 58 с.; Пименова Э.К. Жизнь и приключения Арминия Вамбери. Л.: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1928. 154 с. и др.

За два года до взятия Ташкента русскими завоевателями (1865) Арминий Вамбери предпринял в обличье дервиша путешествие по Средней Азии, присвоив имя Решид-эфенди и обрядившись в лохмотья, которые подвязал веревкой, как было принято у нищих. Одни говорили о Вамбери: «Хаджи Решид... настоящий дервиш, из него выйдет толк»²⁸, другие же сомневались в его роли: «Конечно, он не дервиш, – говорило большинство, – он меньше всего похож на дервиша, так как бедность его одежды резко противоречит чертам и цвету лица»²⁹. Арминию Вамбери хотелось узнать об общественной жизни, семьях и племенах. Книга о его путешествии была опубликована в 1864 г., а ее первый русский перевод – в 1865-м. Вамбери в своем «Путешествии по Средней Азии» подметил много характерного в ментальности народов, среди которых ему пришлось провести десять опасных месяцев 1863 г. (из-за угрозы возможного разоблачения). С тех пор его наблюдения превратились в прецедентные тексты, которые легли в основание нынешней ориенталистики.

Так и с Николаевым, или Усто Мумином, – его метаморфоза закончилась арестом, изнурительными допросами: его обвинили в «контрреволюционной террористической антисоветской деятельности». В итоге – заключение и ссылка.

По обращении в Центральный архив ФСБ РФ³⁰ удалось выяснить географию пребывания художника в эти выпавшие из его биографии годы – это Сиблаг (город Мариинск Кемеровской области).

²⁸ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / Пер. с нем. З.Д. Голубевой; под ред. В.А. Ромодина; предисл. В.А. Ромодина. М.: Вост. лит., 2003. С. 34.

²⁹ Вамбери А. Указ. соч. С. 37.

³⁰ Документы уголовного дела Александра Васильевича Николаева хранятся в архиве Службы государственной безопасности Республики Узбекистан.

Рис. 4. Страница из дела А.В. Николаева. Выписка из протокола о направлении в лагерь сроком на три года, начиная с 9 ноября 1938 г. Архив СГБ Республики Узбекистан.

Гулаг

Сегодня несложно представить, как по навету ли, по спущенной ли сверху директиве составлялись обвинительные дела. В масштабах тогдашнего физического уничтожения миллионов Николаеву, можно сказать, повезло: он, отсидев срок, был выпущен на свободу.

Вернемся к тексту обвинения Александра Николаева – к признанию им своей вины: как и почему, будучи невиновным, он сознался во вмененных ему преступлениях? Это вопрос риторический. Так была устроена карательная машина.

Что пишут близкие тех, кого она перемолола? Вот фрагмент из документальной повести Лидии Чуковской, посвященной ее мужу, Матвею Петровичу Бронштейну, безвинно казненному: «Крутков признался на следствии, будто делал бомбы, хотя никогда и не помышлял о них. Его би-

ли до тех пор, пока он не признался. И Митю будут бить? Вот тот, с оструганным затылком, гнилозубый, поднимет на него руку? “Никогда не говори о том, чего не понимаешь, – вспоминались мне слова, сказанные Крутковым сестре. – Не смей говорить о том, чего не понимаешь!” В ушах у меня стоял Митин крик: “А-а! там бьют! Все гениальное – просто”»³¹.

После изучения десятков следственных дел художников, приговоренных к расстрелу, приходит «понимание»: многие ломались в результате одного допроса, тот кто был покрепче, держался два или три допроса, отказываясь от всех надуманных обвинений. Однако очередной допрос менял картину: обвиняемые сознавались во всех фантазмагорических обвинениях: да, шпион; да, хотел поменять власть в СССР; да, покушался на убийство Сталина. Сами следователи, впоследствии попав под репрессии, признавались: к врагам нашей страны применяли все меры борьбы, так называемые «методы физического воздействия»³².

И опять фрагмент из «Прочерка»: Лидия Чуковская не одну ночь провела у Большого дома, стоя в очередях, чтобы получить хоть какую-то весточку о муже (в то время, когда он уже был расстрелян), и встречала *разных* пострадавших. «*Вот мы их всё браним, – говорит моя спутница, кивая со вздохом налево (в сторону Большого дома. – Э.Ш.), а ведь и их пожалеть надо: работают всю ночь напролет*”. Работают? Кого они сейчас там истязают? Ее мужа? Моего? Я не нахожу ни слов, ни дыхания. Ненависть перехватывает горло. Я сдираю с себя принесенный ею платок, два или три раза хлещу ее по плечам, по голове, швыряю платок наземь и пускаюсь бежать, оставив мою благодетельницу ошеломленной»³³.

«Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посади-

³¹ Чуковская Л.К. Прочерк: Повесть. М.: Время, 2009. С. 173.

³² См. подробнее: Шафранская Э.Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И.В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.

³³ Чуковская Л.К. Прочерк: Повесть. М.: Время, 2009. С. 275.

ли»³⁴, – с верой в начало новой эпохи говорила Анна Ахматова. Но и Анна Андреевна, так мудро комментировавшая оттепельные процессы, не могла предчувствовать, насколько пророческим было ее видение. Почти через 30 лет после разоблачения культа личности Сталина в энциклопедии «Ташкент» (1984) о расстрелянных Файзулле Ходжаеве и Акмале Икрамове, которые фигурировали в деле А.В. Николаева, *уже* есть информация (уже можно!), но *как* закончились их жизни, *по чьей вине* – ни слова: новая ложь. Нет этой правды в открытом доступе и об Усто Мумине (к сожалению, мне предоставили только результирующую часть из дела обвиняемого; к протоколам допроса А.В. Николаева доступа нет ни у кого).

В 2001 году в журнале «Нева» публикуются записки о лагерной жизни «Воспоминания “придурка”». Их автор, Нина Алексеевна Носкович³⁵ (Лекаренко), была арестована в 1937-м как член семьи изменника родины (ЧСИР). Будучи книжным графиком, Носкович работала в 1930-е годы в Ленинградском отделении Детиздата под руководством Лебедева, где могла познакомиться с Николаевым (Усто Мумин провел год в Ленинграде).

В лагерные дни отдыха, пишет Нина Носкович, вязали, вышивали, учили наизусть стихи, рисовали. Ее художнические способности были замечены начальством – так она стала «придурком» (особая прослойка заключенных, которые не ходят на общие работы, а выполняют поручения при лагере). Нину Носкович в 1941 году привезли на этап, поместив в Мариинский распределитель, – это был пункт Сиблага, откуда заключенные отправлялись в другие подразделения. Носкович оказалась в художественной мастерской. *«После войны начались одиночные возвращения:*

³⁴ Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Время, 2007. Т. 2. С. 201.

³⁵ Носкович, Нина Алексеевна (1911–1995) – художник, книжный иллюстратор.

возвращались жены тех, кто исчез без права переписки... Одна из этих жен, Нина Алексеевна Лекаренко, молодая художница, много работавшая для Детгиза...»³⁶, – вспоминает писатель Руфь Зернова. По прошествии многих лет Носкович вспоминает: «В мастерской работали хороший художник-профессионал Усто Мумин из Алма-Аты и восемнадцатилетний мальчишка, сидевший за подделку чеков в универмаге и билетов в кино»³⁷. (Упомянутый город Алма-Ата – скорее всего, абберрация: человеку, не жившему в Средней Азии, такое простительно.) Это, пожалуй, единственное из найденных упоминание об Усто Мумине времен его заключения.

Три года лагерей, предназначенных НКВД для Николаева, закончились. Он остался жив – но жизнь его была исковеркана. Надломленный, он пытался искать себя, но не случилось. Гибель на войне родных – сына Алеши и брата Василия, идеологический диктат в искусстве не способствовали вдохновению.

Пережив допросы, наветы, пытки, лагерь, Усто Мумин в 1948 году, выступая на вечере в честь своего юбилея и подводя итоги творческой деятельности, скажет: «Участие в театральной жизни Узбекистана дало мне возможность в 1936 году побывать с декадой узбекского искусства в Москве, где сбылась мечта многих моих лет – несколько раз увидеть И.В. Сталина на спектаклях декады и на приеме в Кремле» (из Стенографического отчета творческого вечера. Л. 13)³⁸.

Мечта оставалась «мечтой» в лексиконе советских людей не только до 1953 года, но и много позже. Поистине, в истории XX века это был антропологический феномен – homo soveticus.

³⁶ Зернова Р. Иная реальность. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2013. С. 376–377.

³⁷ Носкович Н.А. (Лекаренко). Воспоминания «придурка» / Публ. и вступ. ст. Н.Р. Либерман // Нева. 2001. № 4. С. 171.

³⁸ Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. С. 270.

Возвращение

Вернувшись в мае 1942 года после лагерей в Ташкент, Николаев был потерян: о рисовании излюбленных им образов не могло быть и речи, участвовать в заказных идеологических проектах ему не хотелось. Со здоровьем было не все ладно. По словам дочери Николаева Марины в лагере его укусил энцефалитный клещ – он вернулся абсолютно больным, но боролся за жизнь как мог, ежедневно испытывая жуткие боли.

«Репрессии сталинские сопровождалась тем, что забирали не только человека вместе с его личностью, старались сделать так, чтобы не оставалось никакого следа от художника, работы оставались часто только случайно», – говорит в фильме The Desert of Forbidden Art, оглядываясь на те времена, Ирина Георгиевна Коровай, дочь художницы Елены Коровай.

С другой стороны, если судить по бодро или же просто бесстрастно составленной хронике³⁹ жизни Усто Мумина, его карьера шла в гору. Но, как известно, «большое видится на расстоянии» – работы Усто Мумина этого периода представляют лишь биографический интерес, не более. Никакого творческого подъема, вопреки карьерному росту, у художника не было.

Познакомимся с заявлением Усто Мумина в Союз художников Узбекистана:

«В Правление ССХ Узб.

Заявление

художника Николаева А.Н. (Усто Мумина)

Завкомовская ул., д. 14

Ввиду моего возвращения в Ташкент вторично прошу Правление союза о восстановлении моем в числе членов Союза сов. художников Узбекистана.

³⁹ Усто Мумин (А. Николаев): Альбом / Авт. текста и сост. Р.В. Еремян. Ташкент: Изд-во литер. и иск. им. Гафура Гуляма, 1982. С. 121–124.

Работал с 1921 г. в Средней Азии (преимущественно в Самарканде и Ташкенте) как творческий художник и общественник. До 1938 г. состоял в членах правления всех существовавших до с.г. советских художественных организаций Узбекистана. Участник всех республиканских выставок в Ташкенте и Москве. Ряд работ имею в музеях (Ташкент, Самарканд, Музей восточных культур в Москве).

Работая преимущественно по графике, дал ряд литографических плакатов и оформлений книг. Много лет работал в редакциях как художник-зарисовщик и иллюстратор. Сделан ряд детских книжек для Узгиза и Ленгиза (1929–30 гг.).

В 1938 г. был Главным художником Узбекистанского павильона на ВСХВ.

В 1937 г. участник Узбекской декады искусства в Москве.

В 1938 г. я был арестован и по решению Особого совещания отбыл 3 года заключения в Мариинских трудовых лагерях. По отбытии наказания освобожден в мае этого года, оформлен паспортом, пропиской, получил военный билет, был недавно призван в ряды РККА, но временно отсрочен ввиду сложной ответственности постановки в Узбекском оперном театре. Осуществляю по своим эскизам и макету юбилейный спектакль – новую оперу «Улугбек». Работаю над этим спектаклем уже 3 м-ца. За это время мною сдан в Узгиз (и уже отпечатан) литогр. плакат «Узбекистан – шеф Ленинграда».

Художник Усто Мумин (Николаев)

29 сентября 1942 г.»⁴⁰. (из Центрального гос. архива Республики Узбекистан).

В 1942 году Усто Мумин создает эскизы декораций и костюмов к опере Алексея Федоровича Козловского «Улугбек». Авторы либретто – Алексей Козловский и Галина Герус (его жена). «В отличие от большинства опер, либретто «Улугбека» не опирается на какой-либо литературный первоисточник. Оно возникло как результат непосредственного осмысления авторами богатого исторического ма-

⁴⁰ Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. С. 188–189.

териала. Отбирая и komponуя этот материал, вплетая в исторически достоверную в основе своей фабулу вымышленные имена и события, Г. Герус и А. Козловский создали либретто, которое может быть отнесено к лучшим образцам этого жанра в русской советской литературе»⁴¹.

Из устного сообщения художника: «В годы Великой Отечественной войны мне пришлось оформить юбилейный (25 лет Советской власти) спектакль “Улугбек”, являющийся и по настоящий день одной из интересных постановок оперного театра. О том, как создавался этот спектакль, какие творческие муки пережил я, знают очень немногие. Я очень долго искал решения этой задачи, главный режиссер спектакля был недоволен моими эскизами и даже хотел передать эту работу другому художнику. Однажды, возвращаясь ночью после работы над оформлением спектакля, я задумался об образе, об основной ведущей нити. Случайно я взглянул на небо, надо сказать, что погода была отвратительная, грязь, слякоть, пасмурное небо. И вдруг я увидел, как небо начало проясняться, и между тучами мелькнула звезда. Звезда... Свод небесный... Свод... У меня зародилась интересная мысль – дать в спектакле этот свод, свод неба, свод купола, свод портала. Я целую ночь проработал над эскизами и дал новое, интересное решение, которое и было принято постановщиком-режиссером.

Редко когда я испытывал такое чувство удовлетворения, как в день премьеры этого спектакля, получившего одобрение со стороны самых строгих ценителей искусства»⁴² (из стенографического отчета творческого вечера. Л. 13).

Премьера состоялась 19 ноября 1942 г. в Узбекском Государственном театре оперы и балета⁴³ в Ташкенте. Сюжет оперы основан на исторических событиях – жизни Улугбека, ученого и государственного деятеля XV века. То, чем занимался астроном Улугбек, вызывало неприятие у некоторых власть имущих и у религиозных деятелей,

⁴¹ Вызго Т. Алексей Козловский. М.: Музыка, 1966. С. 85.

⁴² Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. С. 270.

⁴³ В то время Театр имени Свердлова.

склонивших на свою сторону сына Улутбека Абдул-Латифа. В третьем акте оперы Улутбек, вернувшись из похода, видит, что Самарканд оказался в руках его противников, он вынужден принять условия сына – отречься от ханства. В одежде странника, дервиша, Улутбек уходит на поклонение к могиле Пророка в Мекку. Но его противникам этого мало: они решают убить великого ученого (акт четвертый). Низвергнутый хан Улутбек был убит в 1449 году по приказу сына.

Что привлекло Усто Мумина в этом сюжете? Можно предположить, что в образе гуманиста Улутбека он почувствовал родственное: одинокий, преданный близкими, лишившийся всего, что было ему дорого.

Галина Лонгиновна Герус-Козловская, жена композитора Алексея Козловского, была хорошо знакома с Усто Мумином. Под конец жизни она написала воспоминания, в которых есть большой фрагмент о художнике (описываются времена работы над оперой «Улутбек»). Это ценное воспоминание о работе Усто Мумина в театре. (Однако и оно, написанное с большим временным отрывом от реальных событий, мифологизирует имя художника, например, якобы принятие им ислама.)

«Прибывший в эвакуацию из Ленинграда блестящий оперный режиссер Эммануил Иосифович Каплан должен был ставить оперу. Прекрасный художник Усто Мумин был приглашен делать декорации. Директором театра стал Соломон Михайлович Михозлс.

Вероятно, война повлияла на души людей, и в театре не ощущалось обычной атмосферы закулисной жизни с ее конфликтами и дрызгами. Вся труппа работала с необычайным энтузиазмом в полном единодушии. У всех была единая цель, и каждый старался показать себя с лучшей стороны. <...> ...Замечательный художник и человек Усто Мумин (Александр Васильевич Николаев), полурусский, полуполяк по происхождению, был в высшей степени наделен особой, чисто славянской впечатлительностью, позволявшей ему чувствовать стихию и

культуру чужого народа и погружаться в нее. Пример тому в музыке – М.И. Глинка, открывший испанцам их Испанию... <...> Многие художники, живописцы, каждый по-своему, открывали для себя Восток, но чаще всего в их творчестве преобладал элемент ориентальности и декоративности. Пример Усто Мумина совсем иной. Ученик Малевича и отчасти Филонова, он приехал в Среднюю Азию после какой-то глубокой личной драмы. Здесь ему открылся Узбекистан, и он отдался ему и телом и душой, приняв ислам и взяв новое имя – Усто Мумин. Он и его друзья арендовали в Самарканде дом с садом и земельным участком. Здесь они выращивали овощи, собирали фрукты и все это продавали на базаре, а остальное время отдавали живописи: каждый искал свой Восток. Прозвали они это объединение полужутливо – “Колхоз имени Поля Гогена”. Усто Мумин в совершенстве знал узбекский язык, носил белые одежды дехканина и жил тем, что разрисовывал детские лубки. Он был прост, весел и открыт в общении с людьми из народа – дехканами, ремесленниками, горожанами, и ему отвечали тем же.

Могу смело сказать, что не было тогда русского человека, который бы так знал и постиг все многообразие узбекской жизни – обычаев, преданий, тонкости поведения стариков, мужчин, женщин и детей. Помимо погружения в самые глубины народной жизни, он изучал историю, предметы быта в прошлом и настоящем. Усто Мумин знал костюмы разных эпох, и его чувство стиля и нравов было уникально и безупречно.

Все эти качества были неоценимы при работе над постановкой оперы “Улугбек”. Его познания и чувство жизни начисто исключали ориентализм, также как и приземленный этнографизм. Он был большим художником и поэтом. Все, что он делал, носило на себе печать высокой поэтической правды и красоты. Он сам писал свои декорации к опере. Был он необычайно музыкальным. Во время оркестровых репетиций он садился в темном театральном зале и слушал, а после говорил композитору, что, слушая музыку, хочет передать краски и тональности оперы. И надо сказать, что это ему поразительно удавалось. Совершенно незабываемо было его небо в сцене у ворот Самарканда. Оно было грозным, зловеще багровым, словно со-

участвовало в трагических событиях. Не было никакого несоответствия между музыкой и декорациями.

В театре Усто Мумина многие полюбили и старались чем могли подкормить этого истощенного человека, только что вышедшего из лагерного заключения. Когда декорации были закончены, он скромно сказал, что знает тайны цвета, но не знает тайн света, тайн театрального освещения. И тут известный художник Александр Тышлер предложил совершенно безвозмездно взять на себя все освещение спектакля. <...> Хочу особо сказать о двух постоянных слушателях оперы. Один из них стал появляться сразу после премьеры в одной и той же ложе, на одном и том же месте с левой стороны. Чем-то похожий на Алексея Толстого, он был одет в черную форму инженера железнодорожного транспорта, по-видимому, высокого ранга. Через три спектакля выяснилось, что наш постоянный слушатель знает музыку оперы наизусть и что фамилия его Костромитин. Каплан нам рассказал, что Костромитин – известный в Ленинграде одержимый музыкой и искусством человек, постоянный партнер Шостаковича: вдвоем они переиграли в четыре руки множество симфоний разных авторов. Страстный поклонник Улановой, Костромитин, после ее переезда в Москву, ездил в столицу каждый раз, когда она танцевала очередной спектакль в Большом театре. Словом, в Ленинграде он был человеком весьма примечательным, в какой-то мере легендарным. В Ташкенте же сложилась такая традиция: когда шел очередной спектакль “Улугбека”, Усто Мумин становился в проходе с левой стороны зала и ждал. Лишь после того, как Костромитин садился на свое обычное место, Усто Мумин шел за кулисы и говорил: “Он пришел. Можно начинать”. И спектакль начинался.

Но однажды Костромитин не пришел⁴⁴. Вскоре стало известно, что он заболел сыпным тифом и умер»⁴⁵.

⁴⁴ Речь в этом фрагменте воспоминаний идет о Николае Николаевиче Костромитине (даты жизни неизвестны). Его жена, Вера Георгиевна, – урожденная Гоголь-Яновская, ее дед приходился двоюродным братом Н.В. Гоголю. Супруги Костромитины были людьми образованными и творческими: Вера Георгиевна профессионально рисовала, Николай

Усто Мумин после лагеря уже не возвращался к своей излюбленной натуре – бачам, не носил узбекские чапан и тюбетейку, не был «мусульманином», он был изможден и болен, делал карандашные наброски тружеников села, которые нигде никогда не публиковались⁴⁶, так как могут представлять интерес только для узкого круга искусствоведов.

Скончался в 1957 году. Вспоминает муж его сестры, художник Виктор Уфимцев: *«В пять часов 28 июня 1957 года выносят гроб с тем, что осталось от Усто Мумина. Провожających мало. Какие-то соседки-старухи, художников человек около десяти. Ну, и мы с Галей. Очень скромно хоронят заслуженного деятеля искусств УзССР. Объявление в газете появилось только на другой день»*⁴⁷.

В газете «Правда Востока» за 29 июня 1957 г. в № 153(10213) на 4-й странице в правом углу внизу мелким шрифтом, без портрета, без упоминания о творчестве художника, сухим канцелярским слогом напечатано следующее: *«Правление Союза художников Узбекистана, партийная и профсоюзная организации Узбекского отделения Художественного фонда СССР с глубоким прискорбием извещают о смерти засл. деятеля искусств УзССР Александра Васильевича Николаева и выражают соболезнование семье покойного»*.

Николаевич играл на фортепьяно. Они были знакомы с широким кругом театральной и музыкальной интеллигенции Ленинграда. Например, в их доме часто бывала Галина Уланова. Во время войны семья Костромитиных была эвакуирована в Ташкент. Здесь – в относительно молодом возрасте – Николай Николаевич умер. Его и Веры Георгиевны сын – известный художник и скульптор Андрей Николаевич Костромитин (1928–1999). См.: <http://kostromitin.narod.ru/biograf.htm>.

⁴⁵ Козловская Г.Л. Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание. М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2016. С. 90–97.

⁴⁶ Несколько таких рисунков недавно помещены в монографию о художнике, см.: Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. 304 с.

⁴⁷ Уфимцев В.И. Говоря о себе: Воспоминания. М.: Сов. художник, 1973. С. 61–62.

А рядом – объявления о разводах: была в те времена такая юридическая норма – извещать общественность о разводе.

Через месяц после ухода из жизни Александра Васильевича Николаева появляется следующий документ:

«Секретно»⁴⁸

Член-докладчик т. Атакузиев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 208-н

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УзССР в закрытом заседании от 22 июля 1957 года в составе:

Председательствующего т. Кузнецова

Членов коллегии т. т. Жукова и Атакузиева

с участием пом. прокурора УзССР т. Рыжкина

Рассмотрев протест Зам. прокурора УзССР на постановление Особого Совецания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР от 09.02.40 г., на основании которого:

1. КОНОБЕЕВ Евгений Александрович, 1891 года рождения, уроженец гор. Астрахани, русский, исключен из ВКП(б) в 1937 году, семейный, до ареста работал экономистом в Горплане Ташгорсовета, с высшим образованием, – заключен в ИТР сроком на 5 лет;

2. НИКОЛАЕВ Александр Васильевич, 1897 года рождения, уроженец гор. Воронежа, русский, гр., б/п, до ареста работал в гор. Москве по оформлению павильона Узбекской ССР на Сельскохозяйств. выставке;

3. ГУЛЯЕВ Вадим Николаевич, 1890 года рождения, уроженец гор. Барнаула, русский, гр., б/п, до ареста работал художником в редакции газеты «Кизил Узбекистан», – заключены в ИТЛ сроком на 3 года каждый.

Заслушав доклад члена коллегии тов. Атакузиева и заключение пом. прокурора УзССР тов. Рыжкина, поддержавшего протест,

⁴⁸ Архив СГБ Республики Узбекистан.

УСТАНОВИЛА:

Конобеев обвинен в том, что находился в тесной связи с врагами народа Ф. Ходжаевым, Зеленским, Икрамовым. Создал в Союзе Советских художников Узбекистана террористическую группу и готовил террористические акты против руководителей ЦК ВКП(б).

Николаев и Гуляев обвинены в том, что являлись участниками контрреволюционной террористической организации, в которую были завербованы Конобеевым, и принимали участие в подготовке террористических актов над руководителями ЦК ВКП(б).

Протест принесен на предмет отмены Постановления Особого Совецания при НКВД СССР от 09.02.1940 года и прекращения делопроизводства за отсутствием состава преступления.

Проверив материалы дела, коллегия считает, что протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как усматривается из материалов дела, обвинение всех осужденных основано на сделанных признательных показаниях Конобеева, Николаева и Гуляева о якобы проводимой ими контрреволюционной террористической деятельности.

От своих признательных показаний Конобеев, Николаев и Гуляев затем в процессе следствия полностью отказались.

Конобеев, Николаев и Гуляев показали, что они никакой контрреволюционной деятельностью не занимались, а ложные показания в отношении своей якобы контрреволюционной деятельности они вынуждены были дать и подписали протоколы допросов в результате моральных и физических воздействий⁴⁹ на них путем применения незаконных методов следствия (л. д. 74, 123, 176).

<...>

Какие-либо другие доказательства, подтверждающие виновность осужденных, в деле отсутствуют.

⁴⁹ «Методами физического воздействия» наркомом госбезопасности Л.П. Берией названы были в 1936 году пытки / *Зернова Р.* Это было при нас. Иерусалим: LEXICON Publishing House, 1988. С. 38.

Обвинение Конобеева в той части, что он находился якобы в “тесной” связи с врагами народа, также не доказано. В чем заключалась “тесная” связь Конобеева с ними – из дела не видно, так как Конобеев общался с Ф. Ходжаевым в связи с исполнением своих служебных обязанностей, будучи управляющим делами Совнаркома Узбекской ССР.

Кроме того, дело в отношении Икрамова Акмаля определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 03.06.1957 г. производством прекращено.

Таким образом, Коллегия считает, что Конобеев, Николаев и Гуляев по ст. ст. 13–64 и 67 УК УзССР были осуждены необоснованно.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 163 и 154 УПК УзССР Коллегия –

ОПРЕДЕЛИЛА:

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 9 февраля 1940 года в отношении Конобеева Евгения Александровича, Николаева Александра Васильевича и Гуляева Вадима Николаевича отменить, а дело по их обвинению производством прекратить на основании пункта «В» ст. 2 УПК УзССР за отсутствием в их действиях состава преступления. Протест прокурора удовлетворить.

Пред-щий Кузнецов

Члены

Жуков и Атакузиев

Верно: член-докладчик АТАКУЗИЕВ»

Александр Николаев в тех сферах, которые были ему подвластны, играл некий спектакль, сочиненный им самим: от переодевания и смены имени до воображаемой социальной роли. Не случайно одной из любимых им фигур был Машраб – поэт и дервиш. Видимо, истинный поэт и художник на Востоке не мог не быть дервишем. Вспомним Пушкина: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и, между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о со-

кровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются»⁵⁰.

В Средней Азии персидское слово *дервиш* не в ходу. Используют его местный аналог – девона. Так называют странного, *другого*, живущего не так, как все. Это может быть бродячий аскет, или возмутитель спокойствия, или нищий, проповедующий *другие* ценности. (В русской литературе начиная с XIX века встречаем разное, окончательно не закреплённое написание: дивонá, диванá и др.).

Именно так обращается поэт к своему собрату в стихотворении Рифата Гумерова: «Салам брат шоир дивана», «Мой брат дивана, а ты помнишь?»⁵¹.

Усто Мумин и был этим странным, *другим* русским, в восприятии среднеазиатов – девона, русский дервиш.

Его судьба – олицетворение многих судеб творческих людей XX века, попавших под каток сталинского режима.

Рис. 5. Александр Николаев (Усто Мумин). Без названия. 1920-е. Бумага, тушь. Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого, Нукус.

⁵⁰ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Наука, 1948. Т. 8. С. 475–476.

⁵¹ Гумеров Р. Шамшаду Абдуллаеву // ARK: Литературно-художественный альманах. Ташкент: Постоянное пред-во Респ. Татарстан в Узбекистане, 2009. № 4. С. 207–210.

Глава 15. ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РУССКОГОВОРЯЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ОКЕАНИИ: XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА¹

В начале XXI в. значительно усилились контакты России с российской диаспорой в других странах. Специальная программа на 2007–2012 гг. предусматривала материальную помощь желающим переехать в Россию из разных уголков земного шара. В это время Российская Федерация взяла курс на построение доброжелательных отношений с государствами всего мира, не исключением стали и страны Океании. Дипломатические отношения после признания независимости установлены почти со всеми странами Океании, за исключением Соломоновых Островов. Особый интерес к странам Южнотихоокеанского региона (ЮТР) проявился в 2010-х годах. Важным фактором, который повлиял на это, было ослабление позиций США в регионе на фоне стремительного улучшения диалога между Россией и Китайской Народной Республикой. Известно, что Китай активно начал продвигать свои интересы в Океании начиная с 2000-х гг. Этим и можно объяснить укрепление отношений между Российской Федерацией и государством Фиджи. В 2012 г. был совершён первый с 1974 г. визит министра иностранных дел России – Сергея Лаврова в государство Фиджи. Важно вспомнить то, что в 2016 г. Россия поставила на Фиджи 20 контейнеров стрелкового оружия и боеприпасов, что влечёт за собой рост влияния России в данном государстве.

¹ **Сведения об авторах:** *Игнатьева Мария Николаевна*, независимый исследователь, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: mariyaignatieva@mail.ru

Щербаков Илья Владимирович, редактор военно-исторического журнала «Орловский Военный Вестник», Орел, Россия, e-mail: kefirino625@mail.ru

Несмотря на отдалённость ЮТР от области государственных интересов России, русское присутствие оставило свой след в истории этого региона. На протяжении двух столетий (с начала XIX в.), так или иначе, Южнотихоокеанский регион привлекал русских мореплавателей, учёных-этнографов, творческую интеллигенцию, туристов своей таинственностью, экзотичностью, своеобразием культуры. За это время выстроились основные точки соприкосновения, на которых могут активно развиваться партнёрские отношения между Россией и государствами Океании сегодня. Одной из таких точек соприкосновения можно считать творческую активность русскоговорящего населения в Океании, начиная с XIX в.

История первых контактов России с островами Океании

История первых контактов России с островами в Южной части Тихого океана начинается в начале XIX века, когда после кругосветного плавания под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского в 1803–1806 гг. на российские карты были нанесены такие острова как Новая Гвинея, Фиджи, Тонга, Самоа, Таити, Маркизские острова. Некоторые острова и рифы получили русские названия: остров Лисянского, риф Крузенштерна, риф Нева (впоследствии после экспедиции О.Е. Коцебу и экспедиции Лазарева и Беллинсгаузена список русских названий значительно пополнился). Однако особого значения этому императорская семья не придавала. Это достаточно просто объясняется. В XIX в. Россия просто не имела финансовых возможностей для освоения островов в Тихом океане. XIX век – это период активных войн России с другими государствами, находившихся в непосредственной близости от русских границ (Османская империя, Персия, Королевство Швеция и др.). Конечно, данный фактор не мог не сказаться на состоянии российской казны. Мы можем вспомнить факт продажи в 1867 г. Аляски,

так как Россия не была в состоянии справиться с расходами на содержание военного контингента на столь отдалённой территории. Относительно похожая ситуация сложилась во время покорения Средней Азии, что послужило бременем для российской казны. Часто возникали трудности с контролем среднеазиатских территорий, где уклад жизни значительно отличался. Также стоит отметить, что острова в Тихом океане не представляли для России особого интереса, так как ни экономических, ни геополитических выгод она бы не получила. В этом регионе всё больше расширяли своё влияние такие государства как Великобритания, США, Германия и Франция. Россия не желала вмешиваться в конфликты из-за островов в Тихом океане.

Несмотря на вышеперечисленные факты, в русском обществе находились люди, которые были заинтересованы в освоении островов Океании. Интерес к столь экзотичному региону объясняется распространением идей европейских просветителей, а именно концепции всеобщего равенства людей независимо от происхождения. Океанийская первобытность могла стать фундаментом для построения бессословного общества свободных людей. В первой половине XIX века эта идея уже начала восприниматься русским обществом как нечто обыденное, в умах молодых людей коренилось осознание того, что необходимы перемены, в основу которых должна быть положена идея о равенстве людей. Океания наиболее всего подходила для воплощения идей французских просветителей ещё и потому, что острова были настолько удалены от российских границ, что за распространение подобных идей можно было избежать наказания.

Павла Бахметьева (1828 – после 1857 гг.) – русского помещика, представителя революционного движения в России в середине XIX века можно назвать первым русским человеком, который отправился покорять острова Океании. Бахметьев был хорошо знаком с

Н.Г. Чернышевским, вследствие чего стал прототипом героя Рахметова романа «Что делать?». В 1857 году Павел Бахметьев продал своё имение по низкой цене – 12–15 тыс. рублей, – половину которых направил русским эмигрантам в Лондоне Герцену и Огарёву, чтобы «оставляя Россию навсегда, сделать что-нибудь полезное для неё»². Другую половину оставил для поездки в Новую Зеландию, по его словам, «для основания независимого общества, чуть ли не государства»². В сентябре 1857 г. он отплыл на клипере «Акоста» в Новую Зеландию, а уже оттуда отправился по направлению к Маркизским островам, где след его был потерян². На данный момент какие-либо данные о пребывании на этих островах русского колониста отсутствуют. Это подтверждает исследование Н.Я. Эйдельмана – советского историка декабристского и революционного движения России в XIX в. В работе историка доказывается маловероятность осуществления замысла Бахметьева на Маркизских островах и в Новой Зеландии. Однако сам интерес представителя русской интеллигенции к островам Океании имеет большое значение.

Конечно, главным русским путешественником, этнографом, антропологом, чья нога ступила на острова Океании, является Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888 гг.). Мотив его прибытия на острова в Тихом океане заключался в следующем: доказать, что разделение человеческих рас на прогрессивные и регрессивные является неверным. Так же, как и у Павла Бахметьева, в его голове продумывался план создания на острове Новая Гвинея общества свободных людей. В 1869 г. молодой Н.Н. Миклухо-Маклай представил Русскому географическому обществу (осн. в 1845 году) план экспедиции на острова Тихого океана для антропологических и зоологиче-

² Эйдельман Н.Я. Павел Иванович Бахметьев. Воспроизведено по изданию: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука, 1965. Т. IV. С. 387–398.

ских исследований. Такая цель декларировалась Миклухо-Маклаем для того, чтобы исключить какие-либо сомнения правительственных органов о политических целях путешественника. Инициативу молодого исследователя поддержал такой знаменитый русский географ как П.П. Семёнов (Семёнов-Тян-Шанский).

С 1871 по 1886 гг. Миклухо-Маклай побывал на островах: Новая Гвинея, Тернате, Менадо, Ява, Горонтало, Амбон, Макаassar, Соломоновых островах и др.³ Первоначальным местом исследования Миклухо-Маклай выбрал остров Новая Гвинея, где русский путешественник жил один на один с аборигенами. Ему удалось установить дружеский контакт с коренным населением Новой Гвинеи. В ходе своей экспедиции Миклухо-Маклай сделал более 700 рисунков, многие из которых представляют особую ценность для понимания устройства жизни на островах в Тихом океане.

Заметки в дневнике путешественника отличаются особенной точностью и наглядностью. Для многих народов рисунки Миклухо-Маклая являются единственным историческим источником, которые воспроизводят особенности устройства жизни и быта, которые к настоящему времени либо исчезли, либо стремительно исчезают.

Рис. 1. Рисунок Н.Н. Миклухо-Маклая во время его пребывания на Новой Гвинее⁴.

³ Пале С.Е. Российские интересы в Океании // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 207–221.

⁴ Из Архива РГО: URL: <https://www.rgo.ru/ru/photo/risunki-n-n-mikluho-maklaya>

Среди рисунков Миклухо-Маклая можно найти эскизы рыб, животных, птиц, портреты коренных жителей, орудия труда, которые использовались населением, и др. Важно отметить, что в своём дневнике учёный изображал не примечательные, а типичные лица островных поселенцев, что и делает исследования русского путешественника ценными для науки и сегодня.

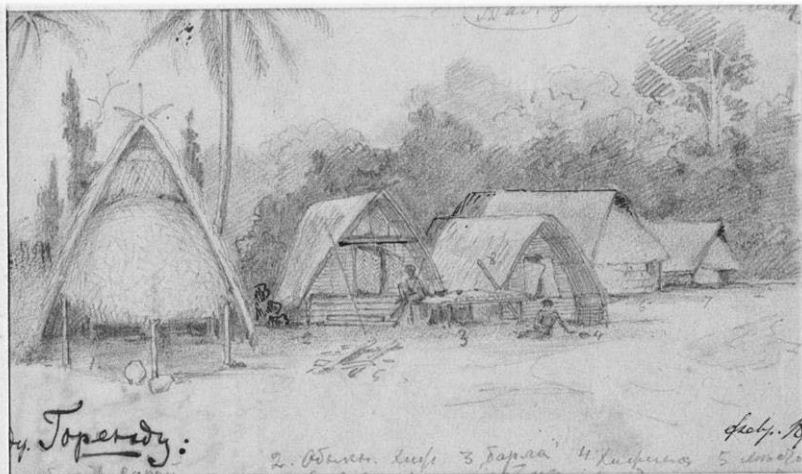

Рис. 2. Изображение хижин Н.Н. Миклухо-Маклаем во время его пребывания на Новой Гвинее⁵.

Интересно, что сегодня русские слова являются неотъемлемой частью языка папуасов на северо-восточном побережье Новой Гвинеи. Известно, что такие слова как «топор», «арбуз», «кукуруза» появились в языке некоторых поселений благодаря Миклухо-Маклаю⁶. Он не только изучал жизнь коренного населения, но и выступал в роли учителя, представителя цивилизованной части мира. Именно поэтому он ввёл много новшеств для упрощения ведения хозяйства населением Новой Гвинеи.

⁵ Там же.

⁶ Фонд имени Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/>

Благодаря Миклухо-Маклаю у части русского общества сложилось представление о жизни на островах Тихого океана, которая вызывала невероятный интерес у русского человека. Так, например, в своём дневнике учёный описал политическое устройство острова Мангарева. Правил островом наследный король, а вот должность главного военачальника избиралась ежегодно из самых ловких и сильных жителей. Кандидатам было необходимо доставить королю гнездо с яйцами птицы, которое находилось в неприступных скалах⁷. В 1886 г. путешественник устроил выставку в Санкт-Петербурге, которая продемонстрировала интерес русской интеллигенции к Океании. Выставку посетила и императорская семья. Полученные от продажи билетов на выставку деньги Миклухо-Маклай планировал использовать для создания на острове Новая Гвинея общества свободных, равных людей. Впрочем, Миклухо-Маклай во время своей экспедиции нашёл общий язык с папуасами, которые могли принять колонистов. Однако, после тщательного изучения предполагаемого места высадки члены экспедиции поняли, что план колонизации Россией Новой Гвинеи нереализуем. Россия не имела возможностей стать тихоокеанской державой. По этой же причине Александр III в 1886 г. отверг предложение англичан о продаже части островов Суворова.

Несмотря на то, что цель учёного создать русское поселение на о. Новая Гвинея не была достигнута, Миклухо-Маклай внёс невероятный вклад в изучение Океании. Первый как в России, так и в мире, он заложил основу изучения данного региона в последующие годы. Также он показал, что русскому обществу интересно изучать жизнь океанийских «дикарей», как тогда было принято именовать народы с темной кожей, что подтверждает количество

⁷ Н.Н. Миклухо-Маклай в Полинезии (1871 г.) // Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/n-n-mikluho-maklaj-v-polinezii-1871-g/>

посетителей устроенной Миклухо-Маклаем выставки. В дополнение к этому можно сделать вывод, что привезённые в Россию знания, полученные Миклухо-Маклаем об островах Океании, поспособствовали выбору этих островов в качестве места эмиграции многих людей после Октябрьской революции 1917 г. По сути, без результатов экспедиции Миклухо-Маклая у русского общества просто-напросто не было бы представления о данном регионе.

Творческая активность русскоговорящего населения на островах Океании в конце XX – начале XXI века

Ярким представителем русской творческой интеллигенции, побывавшим на островах Океании, стал Владимир Высоцкий. Поездка на остров Таити состоялась в июле-августе 1977 года и подарила советскому артисту и музыканту незабываемые впечатления. Владимир Высоцкий побывал не только на острове Таити, но и на острове Моореа (текст песни «О конце войны» написан на бланке отеля «Аймео», который находится на этом острове)⁸. Также, по свидетельству американского писателя Марка Цибульского, Владимир Высоцкий побывал на острове Мехетия, который, как и Таити и Моореа входит в группу Наветренных островов.

Данная поездка стала известна всему русскоговорящему населению благодаря написанной Высоцким песне «Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука». Известно, что Высоцкий посетил на Таити Музей Таити, Музей Поля Гогена, много писавшего на Таити, Музей Жемчуга и др.

⁸ Цибульский, Марк. Владимир Высоцкий в Полинезии // Газета «Ветер». Вып. № 56. Окленд, 2001. С. 9.

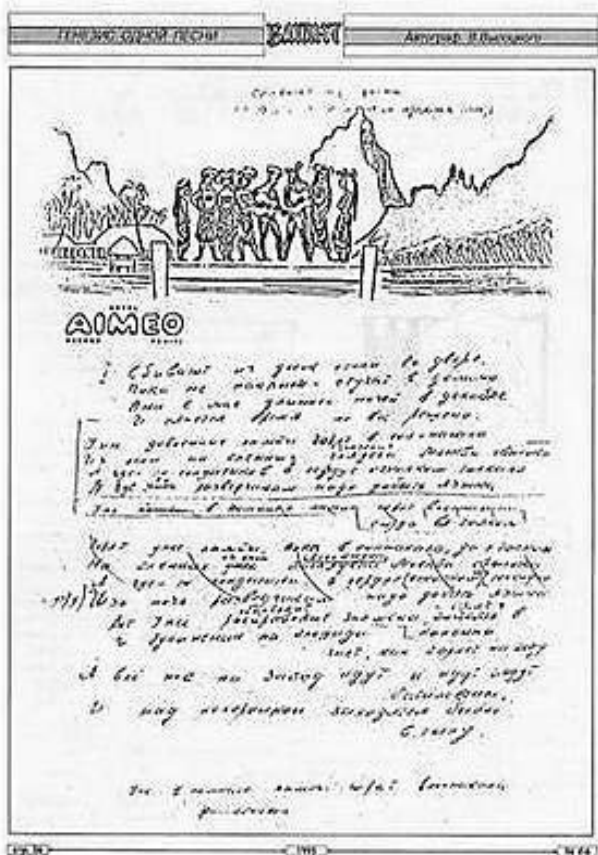

Рис. 3. Текст песни «О конце войны», написанный В.С. Высоцким на бланке отеля «Аймео»⁹.

Пожалуй, самым известным русским (помимо Миклухо-Маклая) в Океании считают Николая Николаевича Мишутушкина (1929–2010 гг.). Французский художник русского происхождения вписал своё имя в историю государства Вануату. Именно с его именем связано развитие отношений в области науки и культуры между Вануату и

⁹ Цыбульский, Марк. Указ. соч.

СССР (а впоследствии с Российской Федерацией). В 1971 году советское научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» посетило архипелаг Новые Гебриды, где и произошло знакомство с Николаем Мишутушкиным.

В период с момента поселения в 1962 г. и до 1979 г. Никодем Мишутушкиным было собрано около 700 различных предметов Меланезии и Полинезии¹⁰. Советское руководство поддерживало начинания Мишутушкина и в 1979 г., в связи с проведением в Хабаровске XIV Тихоокеанского научного конгресса, была организована выставка «Этнография и искусство Океании». Данная выставка продемонстрировала интерес советских граждан к культуре Океании, и с 1979 по 1986 гг. бесценная этнографическая коллекция, собранная Н.Н. Мишутушкиным, демонстрировалась в крупных городах СССР (в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Хабаровске, Тбилиси, Ереване, Самарканде). Важно отметить, что передача знаний не проходила в одностороннем порядке: по приезду в Вануату, Н.Н. Мишутушкин рассказывал местным СМИ о культуре СССР, сопровождая свой рассказ фотоснимками¹¹. Интересно, что Мишутушкин работал не один, ему активно помогал Алои Пилиоко (род. 1935) – художник, «русский полинезиец» (так его прозвали в Хабаровске), самый «русский» из коренных жителей Океании. Интересно, что окончил он школу, открытую Николаем Мишутушкиным. Вместе, за более чем 20 лет, они собрали сотни интереснейших предметов для показа в России. Пилиоко был постоянным гостем СССР и

¹⁰ Иванова Л.А. Русский след в Вануату: содействие Н.Н. Мишутушкина в развитие российско-вануатянских связей во второй половине XX века // Российская диаспора в странах Востока: история и современность. Сборник статей по материалам I–III ежегодных международных научных конференций «Российская диаспора в странах Востока» / Отв. ред.: к.и.н. Николаев В.П., ред.-сост.: к.и.н. Пале С.Е. М.: ИВ РАН, 2013. С. 123–131.

¹¹ Там же.

принимал активное участие в организации выставок в крупных городах Советского Союза. Так, например, А. Пилиоко проявлял на выставке свои художественные таланты, оставляя всем желающим сувенирные рисунки. Русскоговорящие люди могли многое узнать напрямую от непосредственного носителя культурного кода Океании. Пилиоко привозил различные предметы быта, украшения из ракушек, которые мог получить любой посетитель. Активность культурного сотрудничества объясняется ещё и тем, что в 1980 г. была провозглашена независимость республики Вануату и поддержка такого государства как СССР стала по-настоящему важным аспектом.

Рис. 4. Совместная фотография Н.Н. Мишутушкина и Алои Пилиоко в Вануату.

Популярность Алои Пилиоко среди русскоговорящего населения не подвергается сомнениям. Его ни на минуту не оставляли советские граждане, расспрашивая о культуре, языках народов Океании. В Новосибирске дети рисовали на тротуарах рисунки, похожие на те, что рисовал Алои. В Ереване, где многие жители знали французский язык, Алои познакомился с местной интеллигенци-

ей: художниками, архитекторами, искусствоведами, поэтами.

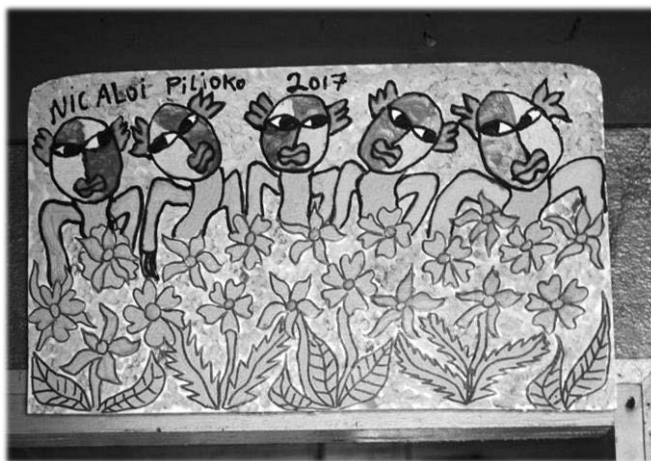

Рис. 5. Один из рисунков Алои Пилиоко, 2017.

Следующий приезд Алои Пилиоко и Николая Мишутушкина в Россию состоялся в 1994 г. Тогда, в честь XIV годовщины провозглашения независимости республики Вануату, в Санкт-Петербурге была организована выставка «Вануату в зеркале искусств». В знак благодарности за приглашения и прием коллекционеры подарили Кунсткамере 28 артефактов из Океании, а в общей сложности 100 этнографических предметов различным структурам Академии наук и прочим научным заведениям.

2009 г. был знаменательным для Мишутушкина. В этот год по инициативе фонда «Н.Н. Мишутушкин – А. Пилиоко» был установлен бюст в Порт-Виле (столица республики Вануату) русскому мореплавателю Василию Головнину (1776–1831 гг.) по случаю 200-летия первых контактов между обитателями архипелага и россиянами. Фестиваль в честь открытия памятника превратился в Первый международный фестиваль русской культуры в Вануату, который собрал вокруг себя жителей Австралии,

Новой Зеландии, Фиджи и прочих государств Океании¹². В рамках данного фестиваля была проведена фотовыставка работ русского журналиста Александра Кулешова¹³, которая состояла из трёх частей: первая серия снимков знакомила океанийцев с Россией; другая была посвящена пребыванию Н.Н. Мишутушкина и А. Пилиоко в СССР; третья запечатлела весь процесс создания памятника В.М. Головнину.

Рис. 6. Бюст русскому мореплавателю Василию Головнину в столице республики Вануату – Порт-Виле.

Важно отметить, что Алои Пилиоко после знакомства с Николаем Мишутушкиным увлёкся изучением русского языка и русской культурой, неоднократно прилетал в Москву для организации выставок вместе с русским коллекционером. Именно это позволило ему стать центром «русского мира» в Вануату¹⁴.

Здесь же можно сделать вывод, что русское присутствие оставило след в истории Океании. Улучшение свя-

¹² Иванова Л.А. Указ. соч.

¹³ Кулешов А. Русские исследователи Океании. URL: <http://unbelievable.su/articles.php?id=508>

¹⁴ Иванова Л.А. «Русский Полинезиец» Алои Пилиоко (к 75-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 167–180.

зей между островными государствами Океании и российской стороной, как правило, происходило благодаря инициативности русскоговорящего населения, как в странах Океании, так и в России. Данное направление государственной политики России может увенчаться успехом, так как за два столетия непродолжительных контактов российской стороны и государств Океании были созданы достаточно неплохие условия для развития отношений между странами сегодня. Примеры из истории подтверждают такую возможность.

Персоналии

Глава 16. ОДИН ИЗ МНОГИХ (К СТОЛЕТИЮ ИСХОДА БЕЛОЙ АРМИИ ИЗ РОССИИ)¹

Копии личных документов Г.Ф. Натинга попали в руки автора еще в начале 1990-х годов, благодаря его сыну Геннадию Георгиевичу, жившему в то время в Ньюкасле (Австралия) и приславшему их во Владивосток. Из письма Г.Г. Натинга стало ясно, что он свято чтит память своего отца. *«Мой сборник личных документов и выдержек из книг, описывающих эпизоды, связанные с его жизнью, поскольку я это мог установить, состоит из (прибл.) 70-ти страниц. <...> Желательно было что-нибудь из этого составить одно, для опубликования. Т. е. подготовить к какому-нибудь выпуску – вроде книги/повести или превратить в рассказ. На что нужно было бы содействие, т. к. из Русской школы меня взяли, когда мне было 8 лет (ее закрыли), и мой русский ограничен²»,* – писал Геннадий Георгиевич³.

В ответном письме автор выразила готовность оказать поддержку Геннадию Георгиевичу в осуществлении его планов и помощь в розыске родственников, но начавшаяся переписка вскоре прервалась. Причины молчания адресата удалось выяснить только <...> через десять лет!

В письме, присланном автору в начале 2003 г., Г.Г. Натинг сообщал, что он был «болен и парализован, но сейчас почти полностью отошел от последствий кровоиз-

¹ **Сведения об авторе:** Каневская Галина Ивановна, д.и.н., Дальневосточный государственный университет, Владивосток, Россия, e-mail: g.i.kanevskaya@gmail.com

² Письма Г.Г. Натинга, родившегося и жившего вне России, написаны грамотно и разборчивым почерком. Они свидетельствуют, что он достаточно хорошо владеет русским языком.

³ Натинг Г.Г. – Г.И. Каневской от 20 ноября 1992 г. // Архив Г.И. Каневской.

лияния мозга» и собирается приехать в Приморье. За время болезни Геннадий Георгиевич переехал в курортный городок Хэйстингс-Поинт (Новый Южный Уэльс), и адрес у него изменился⁴. В конце 2003 г. он известил, что на основе собранных им материалов в Музее штата Квинсленд в Брисбене состоялась выставка, рассказывающая о жизненном пути его отца⁵. Позже Г.Г. Натинг передал оригиналы личных документов своего отца в фонд Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына⁶. В 2006 г. Геннадий Георгиевич опубликовал свою краткую автобиографию, где описал обстоятельства переселения его семьи из Китая в Австралию⁷. На основе, перечисленных выше документов, хранившихся у автора долгие годы, и материалов Интернета и написана данная глава.

Георгий Фридрихович Натинг, о котором идет речь в данной работе, обрусевший латвиец, родился 5 апреля 1896 г. в городе Алатырь Симбирской губернии (ныне Чувашия), где его отец, выходец из Курляндии⁸, заведовал почтой и телеграфом. Позднее, судя по имеющимся документам, семья Натингов, в которой было еще две дочери, жила в Симбирске, а затем переехала в Иркутск. Г.Г. Натинг сообщает: «Мой дед, Фридрих, был выдающимся инженером в области электрификации Сибири»⁹. Однако сын его Георгий, не пошел по стопам отца, а выбрал иную профессию, поступив после окончания классической гимназии на медицинский факультет Императорского Казанского университета.

⁴ Натинг Г.Г. – Г.И. Каневской от 03 февраля 2003 г. // Архив Г.И. Каневской.

⁵ Натинг Г.Г. – Г.И. Каневской от 15 декабря 2003 г. // Архив Г.И. Каневской.

⁶ Незабываемые могилы // Журнал Кортик. URL: <https://kortic.borda.ru/?1-19-0-00000106-000-180-0-1679571165>

⁷ Натинг Г.Г. История с географией // Австралиада. Русская летопись. Сидней, 2006. № 48. С. 38–40.

⁸ Курляндская губерния (1796–1920) – одна из трех Прибалтийских губерний Российской империи (Западная Латвия).

⁹ Nothing Gennadyi – to Mrs. P. Garven, Director of Red Cross. 2000 // Архив Г.Г. Натинга.

Начавшаяся Гражданская война помешала Георгию получить диплом, и он в звании зауряд-врача¹⁰ оказался в рядах Белой армии. О том, как это произошло, есть две версии. В некрологе, опубликованном сразу после смерти Г.Г. Натинга в 1957 г., утверждается: «В то время в России уже началась гражданская война и Г.Ф., как русский патриот, немедленно вступил в ряды Белой Армии в Сибири». Но к этим словам на странице некролога, сохранившегося в архиве Г.Г. Натинга, им сделана приписка: «Его сняли с поезда по пути домой и призвали в армию»¹¹.

Рис. 1. Некролог из газеты «Единение». 1957. 15 ноября¹².

В сохранившихся документах указана точная дата поступления молодого доктора на службу – 25 декабря 1917 г., когда он был зачислен в военно-санитарный поезд № 2 на должность младшего врача.

¹⁰ Зауряд-врач – звание с 1891 г. присваивалось студентам 4 и 5-го курсов медицинских факультетов университетов и Императорской военно-медицинской академии, допущенных в военное время к исполнению должности младшего врача. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/131822>

¹¹ Красноусов Е. Памяти д-ра Г.Ф. Найтинга // Единение. 15.11.1957. (Архив Г.Г. Натинга).

¹² Из архива Г.Г. Натинга.

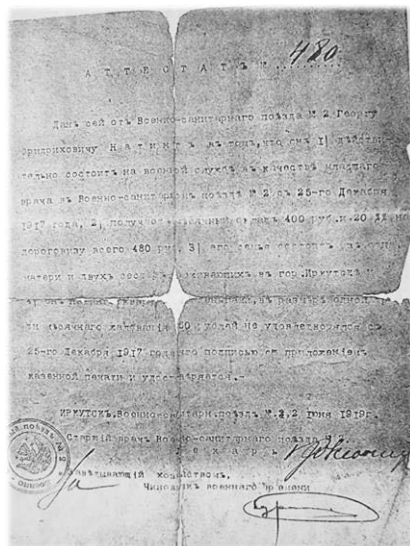

Рис. 2. Аттестат Г.Ф. Натинга от 2 июня 1919 г. Военно-санитарный поезд № 2.¹³

Приведем текст документа полностью, так как из-за плохой сохранности на рисунке он не читается:

«А Т Т Е С Т А Т № 480.

Дан сей от Военно-санитарного поезда № 2 Георгу Фридриховичу Натинг в том, что он 1) действительно состоит на военной службе в качестве младшего врача в Военно-санитарном поезде № 2 с 25-го Декабря 1917 года, 2) получает месячный оклад 400 руб. и 20% на дороговизну, всего 480 руб., 3) его семья состоит из отца, матери и 2-х сестер, проживающих в гор. Иркутск и 4) он, Натинг квартирными деньгами, в размере одной трети месячного жалования 160 рублей не удовлетворялся с 25-го Декабря 1917 года, что подписью с приложением казенной печати удостоверяется.

ИРКУТСК, Военно-санитарн. поезд № 2, 2 июня 1919 г.

Старший врач Военно-санитарного поезда № 2, л е к а р ь
(подпись)

Заведующий хозяйством, чиновник военного времени
(подпись)

¹³ Там же.

Печать: Военно-санитарный поезд № 2».

В составе медперсонала военно-санитарного поезда № 2 Г.Ф. Натинг состоял до весны 1920 г. в должности младшего, а затем старшего врача. Пришлось ему побывать и в роли пациента, когда летом 1919 г. он тяжело заболел, заразившись сыпным тифом, и целый месяц пролежал в инфекционной больнице казачьего посёлка Атаманский хутор в Омске. Но особые трудности ему пришлось пережить зимой 1919–1920 гг. во время Великого Сибирского ледяного похода – легендарного отступления армий адмирала Колчака от Омска через Новосибирск, Ачинск, Красноярск и до Читы. Г.Ф. Натингу приходилось оперировать в палатке при температуре минус 30–35 градусов. Старшая медсестра Е.П. Шелконогова вспоминала, что перед операцией она наливала стакан водки: половину – пациенту для наркоза, вторую – доктору, чтобы не окоченел от холода¹⁴.

Пережитые дни навсегда остались в памяти Георгия Фридриховича, и он, рассказывая о них сыну, с особой теплотой отзывался о Елизавете Павловне Шелконоговой (1885–1975), которая была очень добрым человеком, молилась о выздоровлении раненых, и солдаты называли её “Богородица”¹⁵.

Сохранилась фотография медицинского персонала военно-санитарного поезда № 2, сделанная в Чите и подписанная на обороте медсестрами, с которыми работал доктор Натинг: «Славному и хорошему доктору...». Фотография подтверждает, что между соратниками военно-санитарного поезда сложились добрые отношения. Воз-

¹⁴ Смолина В. Русский доктор // Единение. 23.10.2017. URL: <https://www.unification.com.au/articles/3924/>

¹⁵ Незабываемые могилы // Журнал Кортик URL: <https://kortic.borda.ru/?1-19-0-00000106-000-180-0-1679571165>

можно, эта фотография сделана не только в память о совместно пережитых трудностях, но и в связи с тем, что доктор Натинг получил новое назначение и им пришлось прощаться.

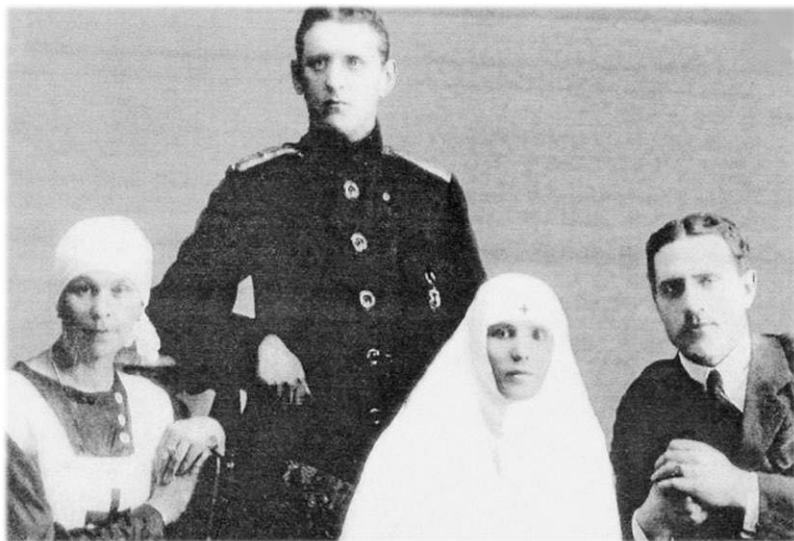

Рис. 3. Медперсонал Военно-санитарного поезда № 2.
Медсестры: Е. Шелконогова (слева) и Галина; доктора:
Сажин и Г. Натинг (справа). Чита, 1919 г.¹⁶

После Сибирского ледяного похода остатки частей Русской армии адмирала Колчака, достигшие Читы, соединились с Дальневосточной армией атамана Г.М. Семёнова. Г.Ф. Натинга перевели на должность полкового врача в Ижевский стрелковый полк 3-го армейского корпуса под командованием генерала В.М. Молчанова.

¹⁶ Смолина В. Указ. соч.

Рис. 4. Удостоверение лекаря Натинга за подписью командира 3 стрелкового корпуса Дальневосточной армии генерал-лейтенанта В.М. Молчанова. Поселок Раздольное, 21 марта 1920 г.¹⁷.

После поражения Дальневосточной армии в ходе Читинских операции в апреле-октябре 1920 г. В.М. Молчанов вывел корпус по КВЖД на территорию Приморья, и он был расквартирован в поселке Раздольное.

В это время Георгий Фридрихович был старшим врачом санитарного поезда № 124 Российского общества Красного Креста и заведовал лабораторией общества.

Рис. 5. Удостоверение¹⁸.

¹⁷ Врач Г.Ф. Натинг // Австралиада. Русская летопись. 2005. № 44. С. 22.

¹⁸ Из архива Г.Г. Натинга.

Одновременно он лечил местных жителей и заслужил большое уважение и авторитет, о чем свидетельствует удостоверение от 30 июня 1921 г. за подписью председателя Раздольнинской волостной сельской управы.

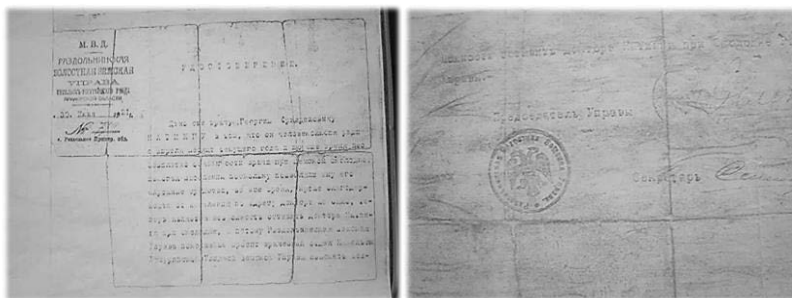

Рис. 6. Удостоверение Раздольнинской волостной сельской управы Никольск-Уссурийского уезда Приморской области, выданное доктору Г.Ф. Натингу 30 июня 1921 г.¹⁹

В нем сказано: «Дано врачу Георгию Фридриховичу НАТИНГУ в том, что он человеколюбия ради с апреля месяца текущего года и по сие время, нес бесплатно обязанности врача при земском околотке, помогая населению, поскольку позволяли ему его скромные средства. За все время, кроме благодарности населения по адресу доктора ничего не было. Теперь является возможность оставить доктора Натинга при околотке, и потому Раздольнинская земская управа покорнейше просит врачебный отдел Никольск-Уссурийской Земской Управы изыскать возможность оставить доктора Натинга при Околотке Раздольнинской земской управы»²⁰. Нужно полагать, что Георгий Фридрихович с готовностью отказался бы от кочевой военной жизни, но судьба сложилась иначе.

В июле 1921 г. Г.Ф. Натинга перевели в 4-й Омский полк 2-го корпуса генерала И.С. Смолина. В составе

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

полка ему пришлось пережить и Хабаровский поход, и бои за станции Ин и Ольгохта, и Волочаевку, и тяжелое отступление назад в Приморье в суровую зиму 1921–1922 гг. До конца своих дней доктор вспоминал, как *«через его перевязочный пункт под Ольгохтой проносили и проходили десятки–сотни покалеченных и обмороженных; среди них много почти детей-добровольцев – юнкеров и кадет, приехавших на фронт из Владивостока, как последний резерв белых»*²¹.

После кровопролитных сражений, понеся большие потери, белые начали проводить сворачивание частей, и Г.Ф. Натинг получил назначение во 2-ой Московский кавалерийский полк 2-го корпуса, который участвовал в боях за Приморье осенью 1922 г. С ним, после падения Приморья, он и ушёл в Китай. Перешедшие границу были разоружены китайскими властями и интернированы в лагеря. Доктор Натинг оказался в лагере у города Гирина. Здесь, оставаясь врачом своего полка, он не только оказывал медицинские услуги соратником, но и 4 месяца служил в качестве доктора в Диспансере Западного лагеря Американского Красного Креста (АКК), который обслуживал все лагеря для интернированных. Когда диспансер прекратил свою работу, начальник Гиринаского комитета АКК дал лестную характеристику молодому доктору: «В течение этого времени он блестяще работал в интересах русских беженцев» (см. рис. 7). В 1923-м Гиринский лагерь закрылся, и его обитатели были предоставлены собственной судьбе, перейдя на положение эмигрантов.

²¹ Архив Г.Г. Натинга.

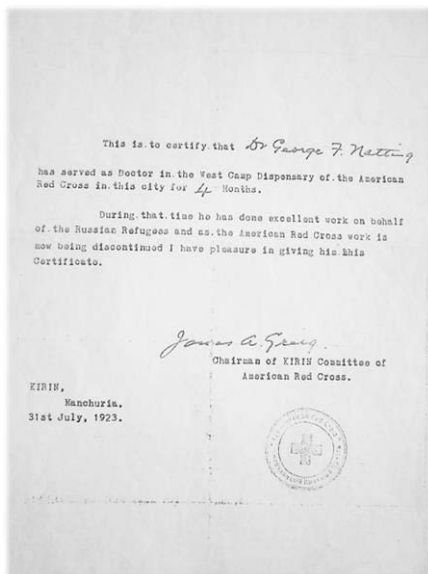

Рис. 7. Удостоверение о службе Г.Ф. Натинга в Диспансере Западного лагеря АКК. Гирин, 31 июля 1923 г.²².

Сведения о дальнейшей жизни Г.Ф. Натинга противоречивы и расходятся у разных авторов. Сын доктора в своей биографии пишет: «Родился я 16 сентября 1938 года в Харбине. Родители Георгий Фридрихович и Александра Григорьевна русские. Из Харбина наша семья переехала в Тяньцзинь, где с 1938 г. у отца был врачебный кабинет на 33а Диксон стрит»²³. Австралийский автор В. Смолина, выражая благодарность Г.Г. Натингу за помощь в подготовке статьи, повторяет ту же версию²⁴. Однако никаких сведений о жизни Г.Ф. Натинга в Харбине никто из них не приводит, не сохранились, видимо, и документы этого периода.

²² Там же.

²³ Натинг Г.Г. История с географией // Австралиада. 2006. № 44. С. 38.

²⁴ Смолина В. Русский доктор // Единение. 23.10.2017. URL: <https://www.unification.com.au/articles/3924/>

Другая версия жизни доктора после Геринского лагеря представлена в некрологе, опубликованном сразу после его смерти газетой «Единение» в 1957 г. и перепечатанном в 2005 г. в журнале «Австралиада», где сообщается: «В октябре 1923 г. д-р Натинг выехал в Тяньцзинь, где и начал свою частную врачебную практику, зарегистрировавшись в О-ве русских врачей»²⁵. А редакция журнала в качестве иллюстрации к некрологу поместила фотографию из переданного ей Г.Г. Найтингом архива с надписью: «Тяньцзинь, 1927 год. Д-р Натинг вблизи своей приемной в Английской концессии. С того места практиковал с 1923 по 1953 год»²⁶.

Рис. 8. Доктор Натинг. Тяньцзинь, 1927 г.²⁷.

²⁵ Красноусов Е. Указ. соч. С. 22-24.

²⁶ Врач Г.Ф. Натинг. С. 23.

²⁷ Там же.

Есть и еще свидетельства того, что в 1920–1930-е гг. Георгий Фридрихович жил в Тяньцзине. Одно из них – письмо 1927 г. из Латвии от брата его отца Якова Натинга. В шутиливой форме дядя советовал холостому племяннику «подыскать хорошенькую англичанку», явно руководствуясь особенностью места его пребывания – английская концессия Тяньцзиня²⁸. А австралийский историк Шейла Фицпатрик, утверждая, что к 1930-м годам в Тяньцзине сложился русско-еврейский средний класс, среди наиболее успешных его представителей называет и доктора Натинга²⁹.

В начале XX в. в Тяньцзине, который являлся морскими воротами столицы Китая – Пекина, существовали восемь иностранных концессий, имевших статус экстерриториальности. Одной из них была и российская, ставшая важным центром русского присутствия в Поднебесной, от которой советские власти отказались в 1920 г. С началом Гражданской войны в России беженцы, стали прибывать не только в Харбин, но и в Тяньцзинь, где успешно устроенная русская община оказывала им благотворительную помощь. В 1927 г. численность русских в городе составляла 3–4 тыс. человек³⁰. Материальное положение русской колонии Тяньцзиня во все периоды ее существования были лучше, чем у соотечественников из других районов Китая. Недаром в переводе с китайского Тяньцзинь значит «райское пристанище». Многие русские проживали на территории английской концессии, самой крупной и благоустроенной, где было больше шансов найти работу и жилье³¹.

²⁸ Натинг Яков – Г.Ф. Натингу от 20 октября 1927 г. // Архив Г.Г. Натинга.

²⁹ Fitzpatrick, Sheila. White Russians, Red Peril: A Cold War History of Migration to Australia. La Trobe University Press, 2021. P. 104.

³⁰ Восточные ветви российской диаспоры. Том 4. История и современность: (Коллективная монография). М.: ИВ РАН, 2021. С. 228–229.

³¹ Нэш, Гэри. Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых. СПб.: «Лики России», 2011. С. 66.

В английской концессии Тяньцзиня поселился и открыл свой врачебный кабинет и Г.Ф. Натинг. Возможно, первоначально жизнь в Китае его не особенно устраивала, и у него появились планы переезда в «свободную Латвийскую республику», где, основываясь на примере его дяди, открывались большие возможности. Якову Натингу тоже пришлось немало пережить. В Первую мировую войну на фронт он не попал и работал на военном строительстве. Затем из оккупированной Германией Латвии бежал в Россию и был мобилизован в Красную армию. Вернувшись в Ригу в 1920 г., Яков открыл строительную контору и продолжил обучение в вузе для получения диплома инженера. В 1927 г. он писал племяннику, что поступил на государственную службу на должность уездного инженера с окладом 400 лат, что, при дешевой жизни в Латвии, его устраивает и он собирается жениться³². Отвечая на просьбу племянника выяснить условия получения въездной визы в Латвию, Я. Натинг сообщал в 1931 г.: «...препятствий для тебя к получению въездной визы не предвидится», и советовал для переезда выбрать маршрут: Шанхай – Сан-Франциско – Гамбург – Рига. Дядя выразил готовность помочь и с деньгами на билет. Он предупреждал: «На государственную службу, конечно, сразу нельзя будет поступить, т. к. для этого обязательно знание латышского языка, но частные профессии, за редким исключением, все свободны»³³. Но по неизвестным причинам переезд Г.Ф. Натинга в Латвию не состоялся.

С годами положение его становилось все более стабильным и обеспеченным, он женился, родился сын, росла его популярность, особенно у русских, которые считали его «своим доктором» и тепло отзывались о нем в оставленных ими воспоминаниях. Так, И. Ивашков (Гэри Нэш), не без юмора описывая поведение американских солдат-

³² Натинг Яков – Г.Ф. Натингу от 20 октября 1927 г. // Архив Г.Г. Натинга.

³³ Натинг Яков – Г.Ф. Натингу от 17 июня 1931 г. // Архив Г.Г. Натинга.

победителей, вошедших в Тяньцзинь в 1945 г. и пренебрегавших правилами непривычного для них левостороннего движения, пишет: «В результате нашему дорогому доктору Натингу прибавилось много работы с пострадавшими в авариях»³⁴.

Доктор Натинг всегда безвозмездно помогал бывшим соратникам, лечил нуждающихся за скромную плату, под его опекой находилась Первая российская гимназия в Тяньцзине. В 1946 г. в одном из благодарственных писем в его адрес директор гимназии писал: *«Вы всегда честно выполняли долг врача, следя за физическим развитием подрастающего поколения, врачую больных, борясь с эпидемическими заболеваниями и предупреждая болезни у здоровых. Вы, не считаясь с занятостью и состоянием своего здоровья, ежедневно принимали больных учащихся, а в случае необходимости – навещали их на дому, и никогда не брали за это никакого гонорара. Даже перевязочные средства и медикаменты для амбулаторного лечения никогда не ставились Вами в счёт ни гимназии, ни родителей. <...> За все это Вам РУСКОЕ СПАСИБО и низкий поклон»*³⁵.

Но после Второй мировой войны ситуация для российских эмигрантов в некогда гостеприимном Китае резко изменилась. После взятия Тяньцзиня войсками Народно-освободительной армии Китая численность русских в городе заметно сократилась за счет эвакуации в Шанхай и репрессий, а с образования КНР китайские власти стали побуждать иностранцев покинуть страну. Но для российских эмигрантов сложно было получить въездную визу, да и китайские чиновники чинили немалые препятствия для выезжавших, затягивая получение разрешения на выезд, чтобы таким образом подтолкнуть эмигрантов к репатриации в СССР. Отъезжающим запрещалось брать с собой ценные вещи, драгоценности и деньги, багаж был лим-

³⁴ Нэш, Гэри. Указ. соч. С. 185.

³⁵ Письмо директора Первой российской гимназии в Тяньцзине – Г.Ф. Натингу от 09 августа 1946 г. // Архив Г.Г. Натинга.

тирован. Если в начале 1950-х гг. разрешалось вывозить 50 американских дол. на взрослого и 25 на несовершеннолетнего, то позднее – только 10 дол. на человека³⁶.

Сын доктора Натинга подробно описал обстоятельства выезда семьи из Тяньцзиня. «Возвращаться в Советский Союз мы не могли, так как мой отец военный врач и офицер царской армии был бы расстрелян» – вспоминал он³⁷. Помог бывший пациент доктора, живший в Гонконге, который в 1953 г. оформил Натингам визу на постоянное жительство в Бразилию. Хотя перед отъездом врачебный кабинет и все имущество было продано, китайские власти на троих членов семьи разрешили вывезти только 30 долл. Благодарные пациенты и многочисленные друзья устроили «своему доктору» трехдневный прощальный «обед» и прямо из ресторана доставили его на пароход, уходящий в Гонконг. Уже в дороге стало известно, что Натингам разрешен въезд в Австралию, куда они и прибыли 21 ноября 1953 г. через порт Сидней³⁸.

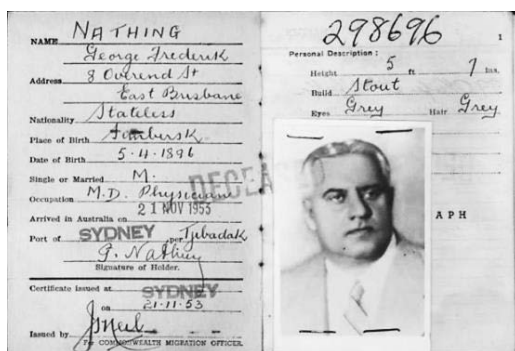

Рис. 9. Паспорт Г.Ф. Натинга, с которым он прибыл в Австралию 21 ноября 1953 г.³⁹.

³⁶ Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: ДВФУ, 2010. С. 167–169.

³⁷ Натинг Г.Г. История с географией // Австралиада. 2006. № 44. С. 39.

³⁸ Там же.

³⁹ Из архива Г.Г. Натинга.

На пятом континенте семья Натингов поселилась в Брисбене, где в то время было много белоэмигрантов с китайским прошлым. Александра Григорьевна (1915–1966) устроилась на работу, пятнадцатилетний сын Геннадий пошел в школу. Что касается доктора Натинга, врача с многолетним стажем, то на врачебную практику в Австралии не приходилось рассчитывать. По мнению Ш. Фицпатрик, врачам, по сравнению с иммигрантами других профессий, наиболее трудно было найти работу по специальности, так как они «встретили неприветливый прием со стороны Австралийской медицинской ассоциации, которая не желала принимать иностранные дипломы»⁴⁰.

Но в Брисбене слух о приезде врача, хорошо известного в Китае, быстро распространился среди русских. Они стремились найти совет и помощь именно у «своего доктора», и он по-прежнему помогал всем, кто в этом нуждался, в короткий срок заслужив признательность и уважение русской диаспоры Брисбена. Однако Георгию Фридриховичу не суждено было долго прожить в «счастливой Австралии». Через четыре года после приезда он скоропостижно скончался 18 октября 1957 г. Можно сказать, что он умер на посту, возвращаясь домой после того, как сделал очередной укол одному из своих пациентов – известному в Брисбене священнику о. Валентину Антоньеву (см. рис. 1).

Анализ документов, отразивших непростой жизненный путь доктора Г.Ф. Натинга, позволяет сделать вывод, что на всех этапах жизни, куда бы ни забросила его судьба, он всегда добросовестно выполнял долг лекаря, проявив себя как типичный представитель старой русской врачебной школы.

⁴⁰ Fitzpatrick, Sheila. Op. cit. P. 167.

Глава. СЕМЬЯ ИВАШКЕВИЧЕЙ: ПОЛВЕКА В МАНЬЧЖУРИИ¹

О семье генерала А.В. Ивашкевича не так много известно, хотя каждый член этой семьи был по-своему уникален. Существует ряд статей, посвященных Борису Анатольевичу Ивашкевичу (1889–1936) – ученому-лесоводу² и Вере Анатольевне Ивашкевич (1890–?)³, однако, их биографии необходимо вписать в историю семьи Ивашкевичей на широком историческом фоне. Представляется важным то, что судьбы всех членов семьи были объединены особым географическим местом – Маньчжурией, преломлены через историю России и Китая первой половины XX века.

Жизнь семьи Ивашкевичей была полна событиями и как будто списана с романов Фенимора Купера, Редьярда Киплинга, Лидии Чарской и др., полных приключений и экзотики, – здесь и дикая природа, и уникальный быт, и ориентальный колорит, и страсть к путешествиям. События первой половины XX века втянули ее в водоворот событий, связанных с Китаем. Патриотично настроенные, все члены семьи Ивашкевичей, несмотря на польские и украинские корни, считали себя русскими, были яркими

¹ **Сведения об авторе:** Кротова Мария Владимировна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории СПбГЭУ, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mary_krot@mail.ru.

² Колесников Б., Соловьев К. Памяти проф. Б.А. Ивашкевича (1889–1936) // Вестник ДВФ АН СССР. 1937. № 22. С. 133; Манько Ю.И. Выдающийся исследователь лесов Дальнего Востока (к 120-летию Б.А. Ивашкевича) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 3. С. 134–140.

³ Кротова М.В. Вера Анатольевна Ивашкевич: дочь генерала, жена писателя // Люди и судьбы Русского Зарубежья / Отв. ред. А.Б. Ефимов, Е.М. Миронова. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 116–133; Позина Н.С. Пленительная сила женщин // Словесница искусств: культурно-просветительский журнал. Хабаровск, 2012. № 1(29). С. 130–132.

личностями, обладали литературными талантами, оставили свой след в изучении Северо-Восточного Китая.

Семейная история Ивашкевичей интересна тем, что может рассматриваться в разных ракурсах: она отражает имперскую и военную историю России, деятельность русской эмиграции в Маньчжурии, особенности жизненных сценариев российской интеллигенции, гендерный аспект (роль женщины в семье и обществе, женский взгляд на те или иные события).

Работа основана на различных неопубликованных документах – в первую очередь, автобиографиях и личных делах членов семьи из различных архивов – РГИА, РО ИРЛИ, ГАПК, ГАРФ, ГАХК, ЦГАЛИ, ЦГИА СПб, а также мемуарах и дневниках эмигрантов, переписке, материалах прессы.

История семьи

Глава семьи генерал Анатолий Викторович Ивашкевич (1863–1940) происходил из дворян Ковенской губернии. Он родился в Омске, и согласно семейной легенде, был из семьи поляка, сосланного в Сибирь за участие в польском восстании 1863 г.⁴ А.В. Ивашкевич окончил курс в Сибирской военной гимназии в Омске в 1880 г., после чего вступил в службу 9 августа 1880 г. в 3-м Александровском училище. Однако из младшего класса училища он по собственному желанию поступил на действительную службу в 17-й Туркестанский линейный батальон рядовым на правах вольноопределяющегося 2 разряда в г. Ташкенте, в 1882 г. выдержал экзамен на производство в 1-й офицерский чин при штабе Туркестанского военного округа. 28 апреля 1882 г. был произведен в унтер-офицеры, в декабре 1882 г. – в прапорщики⁵. В 1884 г. А.В. Ивашкевич

⁴ Об этом упоминали и Борис, и Вера Ивашкевичи в своих автобиографиях, однако документальных подтверждений этому не найдено.

⁵ Послужной список А.В. Ивашкевича // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Л. 16.

был прикомандирован к взводу саперного Туркестанского полубатальона для практических занятий. Участвовал в походе 1884–1885 гг. при занятии Мерва⁶. В 1886 г. он был переведен в Туркестанскую конную милицию с переименованием в корнета и с зачислением по армейской кавалерии. 9 декабря 1887 г. Ивашкевич был назначен командиром Мервской сотни Туркменской конной милиции. Туркменская милиция была создана в 1885 г., состояла из туркмен и подчинялась начальнику Закаспийской области⁷. Это был конный военный дивизион (300 человек), который не только исполнял полицейские обязанности, но и охранял строившуюся Закаспийскую железную дорогу, а также границы империи с Персией и Афганистаном. Так что функции Туркменской конной милиции были в чем-то схожи с казачьей службой⁸. 26 апреля 1889 г. А.В. Ивашкевич был переведен в 3-й Закаспийский стрелковый батальон, который дислоцировался в Асхабаде. В 1890 г. он получил чин подпоручика и занял должность временно исполняющего обязанности начальника строевого отделения штаба Закаспийской области⁹.

В июне 1888 г. Анатолий Викторович женился на Анне Кирилловне Петриченко (1865–1941). Ее отец – Кирилл Никифорович Петриченко (1822–1895) был контр-адмиралом, мать – Мария Ивановна происходила из польской аристократической семьи. Анна Кирилловна родилась 3 марта 1865 г. в д. Воробьевка Киевской губернии в родовом поместье отца, но ее детство прошло на острове Ашур-Аде в Каспийском море, где находился сторожевой

⁶ 6 ноября 1897 г. награжден бронзовой медалью «в память за походы в Средней Азии 1853–1895 гг.»

⁷ Закаспийская область в составе Российской империи была учреждена только в 1881 г. и занимала огромное пространство от Уральской области на севере до Персии и Афганистана на юге.

⁸ Волков И.В. Организация и деятельность «туземной» милиции в русском Туркестане // Власть. 2018. № 6. С. 165–166.

⁹ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Л. 17.

пост русского флота, и отец служил начальником Астрабадской станции¹⁰. В своей автобиографии для словаря русских писателей С.А. Венгерова Анна Кирилловна сообщила о своей семье: *«Отец адмирал, родом из запорожцев, потомок по прямой линии известного гетмана Наливайко. Дед его, убежав из родительского дома еще мальчиком в Астраханское войско, получил фамилию от атамана Петриченко, которая за ним и осталась, не имея сыновей, продолжателей рода, о возобновлении фамилии не хлопотали. Мать – полька из старинного рода Грабовский. <...> Я воспитывалась до 13 лет дома, большие под влиянием отца, боевого моряка. <...> Детство провела в Персии, на островке Каспийского моря, где отец командовал эскадрой. Росла среди боевой морской обстановки, рассказов старых военных – кавказцев и моряков. Время было боевое: борьба с туркменами, хивинские походы – все проходило перед глазами»¹¹.*

Вся семья была «пишущей»: отец Анны Кирилловны публиковался в «Морском сборнике», мать переводила статьи для технических и литературных журналов, в конце жизни (она умерла в Ницце в 1885 г.) работала преимущественно в периодических изданиях Петербурга. Старшая сестра Эмилия Кирилловна Пименова (1854–1935) была известной писательницей и переводчицей, популяризатором работ по географии и истории путешествий, автором книг для детей и юношества¹². В 1878 г. семья переехала в Санкт-Петербург, где Анна Кирилловна окончила немецкую гимназию Св. Анны (Анненшуле) в 1883 году. Она хорошо знала французский, английский, немецкий и латинский языки, затем преподавала языки в

¹⁰ О детстве, полном экзотики и приключений, оставила воспоминания старшая сестра: Пименова Э.К. Дни минувшие. Воспоминания. М.-Л.: Книга, 1929. 196 с.

¹¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ). Ф. 377. Оп. 7. Д. 1621. Л. 1.

¹² Николаева М.А. Пименова Эмилия Кирилловна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 604–606.

различных учебных заведениях Петербурга, давала частные уроки, делала переводы с немецкого.

Анна Кирилловна познакомилась с Анатолием Викторовичем благодаря сестре Екатерине, которая была замужем за военным инженером Е.Г. Воронцом (1846–1903). С 1886 г. Евстафий Григорьевич Воронец служил заведующим инженерной частью Закаспийской области, сестры с отцом приезжали к ним погостить в Асхабад, где общество было невелико, все друг друга знали. Вскоре после свадьбы Ивашкевичей в Асхабаде родились дети: Борис – 4 апреля 1889 г. и Вера – 30 ноября 1890 г.¹³ 3 ноября 1891 г. А.В. Ивашкевич был переведен на службу в 47-й пехотный Украинский полк, который дислоцировался в Каменец-Подольске.

В августе 1893 г. А.В. Ивашкевич с семьей выехал в Санкт-Петербург для учебы в Николаевской академии Генерального штаба, которую он окончил в 1895 г. В Петербурге Анна Кирилловна благодаря старшей сестре начала заниматься журналистикой, переводила с немецкого и английского статьи для журнала «Мир Божий», постоянно сотрудничала с детским журналом «Всходы». Надо сказать, что сестра Анны Эмилия Кирилловна Пименова была незаурядной женщиной, окончившей акушерские курсы в Петербурге. Она вдохновлялась идеями эмансипации женщины, высшего женского образования, самостоятельного женского труда, которые повлияли не только на Анну Кирилловну, но и на Веру. Э.К. Пименова входила в петербургский круг писателей-демократов, в числе которых были Н.К. Михайловский, Г.И. Успенский, В.Г. Коро-

¹³ Дети были крещены в церкви 3-го Закаспийского стрелкового батальона в Асхабаде, причем одним из восприемников был отставной контр-адмирал Кирилл Никифорович Петриченко, дедушка со стороны матери / РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Л. 4; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 449. Оп. 3. Д. 178. Л. 1.

ленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.Ф. Анненский и др., познакомила с ними сестру.

В сентябре 1895 г. А.В. Ивашкевич отправился к месту службы в 47-й пехотный украинский полк. Однако он прослужил там недолго, так как в 1897 г. произошло событие, повлиявшее не только на карьеру Анатолия Викторовича, но и навсегда перевернувшее жизнь всей семьи. В связи со строительством Китайской Восточной железной дороги в мае 1897 г. Правлением Общества КВЖД для защиты строителей дороги было решено создать специальную Охранную стражу, которая формально состояла из «вольнонаемных чинов запаса армии» и подчинялась Министерству финансов. Однако офицеров набирали из регулярных частей с зачислением их в запас, с сохранением всех преимуществ военной службы¹⁴. 1 августа 1897 г. А.В. Ивашкевич был зачислен на службу в Охранную стражу КВЖД командиром 3-й сотни, которая состояла в основном из терских казаков. 26 декабря 1897 г. он прибыл во Владивосток, после чего был командирован в г. Цицикар.

«Первопроходцы» Маньчжурии

Вместе с мужем в далекую Маньчжурию отправилась супруга с детьми. Эти события нашли отражение в книге «Русские дети в Маньчжурии: Рассказы из пережитого на Дальнем Востоке в 1897–1900 гг.»¹⁵. В ней Анна Кирилловна подробно описала, как в 1897 г. семья вместе с казачьей сотней выехала на пароходе «Воронеж» из Одессы на Дальний Восток через Босфор и Дарданеллы (с остановкой в Стамбуле и Порт-Саиде), Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан, о. Цейлон, Сингапур, Японию

¹⁴ Казанцев В.П. Формирование административно-полицейской системы КВЖД (1896–1905) // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 36.

¹⁵ Ивашкевич А.К. Русские дети в Маньчжурии: Рассказы из пережитого на Дальнем Востоке в 1897–1900 гг. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1912. 316 с.

(Нагасаки), добравшись наконец до Владивостока. Какое-то время жена и дети, проводив отца в Маньчжурию, оставались во Владивостоке. Отец просил их пожить какое-то время там, пока он не устроится, не желая рисковать детьми. Но Анна Кирилловна твердо решила, что семье «надо быть вместе», и в июне 1898 г. она с детьми отправилась к нему в Цицикар: сначала до станицы Иман, оттуда на пароходе по рекам Иману, Уссури, Амуру (через Хабаровск), Сунгари до Харбина (собственно, города еще не было, на его месте находился только ханшинный завод), а дальше на волах и лошадях до Фуляэрди, стоявшему на берегу р. Нонни, 45 верст ниже Цицикара. Поход из Владивостока в Цицикар в 1 800 верст длился 6 недель. В этой книге Анна Кирилловна дала портреты детей – рассудительного Бориса и отважной, «живой как ртуть» Веры, которых вдохновляла идея похода в неведомую страну.

О первых годах жизни семьи в Маньчжурии можно судить по корреспонденциям Анны Кирилловны в столичные газеты и журналы. Так, в одной из статей она замечала: *«Тихо, уютно и как-то душевно тепло жилось скромным труженикам на далекой чужбине, среди чуждого народа, чуждых обычаев, нравов и верований. Тесно сплотившись дружной семьей, создав себе свой особый мирок родных интересов, вдали от родины, семейства служащих на постройке сумели так устроиться, что время шло незаметно, скучать было некогда... Близость такого крупного центра, как Цицикар, столица Хейлуцзянской провинции, местопребывание цзяньцзюня (генерал-губернатора), всегда заставляла местные русские власти быть на чеку, дипломатично дружить с китайскими сановниками, самим к ним ездить и еще чаще принимать их у себя, радушно угощая желтокожих, церемонных вельмож, стараясь ни в чем не переступить правил их сложного и для нас, русских, подчас курьезного этикета»*¹⁶.

¹⁶ Ивашкевич А.К. Последние дни в Маньчжурии. Из личных воспоминаний // Русское богатство. 1900. № 10. С. 143–168.

В статьях она описывала колониальный быт, знакомство и первые контакты с местным населением, их традициями, отдавая должное коммерческим талантам китайцев, а также их способностям в освоении русского языка, в то время, как «русские даже за год пребывания в Китае не уловили ни звука из их, правда, отчаянно трудного языка»¹⁷. Она отмечала первые признаки враждебности, слухи о «большом кулаке», ощущение тревоги и опасности. Интересен женский взгляд на события 1900 г. – «боксерского восстания», точнее, эпизода защиты КВЖД, так что заметки А.К. Ивашкевич могут являться важным источником по изучению этого периода русско-китайских отношений.

«Восстание ихэтуаней»¹⁸ нарушило мирный ход жизни русских служащих и строителей. Летом 1900 г. во время волнений семья вместе с инженерами и строителями – служащими Цицикарского участка – вынуждена была отступать от Фуляэрди к Харбину. Анна Кирилловна заметила, что несмотря на враждебность, всегда находились китайцы, настроенные дружелюбно к русским, которые предупреждали их об опасности, оказывали посильную помощь. Семьи (женщины и дети) в августе 1900 г. были эвакуированы на пароходе «Одесса» из Харбина в Хабаровск. Во время поездки пароход был обстрелян китайцами, дочь Вера была ранена в ногу (был прострелен большой палец левой ноги), после чего стала героиней. В сентябре семья добралась до Петербурга, но сведений об оставшемся отце не было. Позднее Анна Кирилловна называла этот период наиболее значительным в своей жизни, полным событиями: *«Поход вглубь Маньчжурии в 1898 г. с двумя маленькими детьми в сопровождении отряда казаков и китайского конвоя, затем тяжелые дни, пережитые*

¹⁷ Там же. С. 144.

¹⁸ Восстание было направлено против засилья иностранцев в Китае и получило свое название от «ихэтуань» – «отряды справедливости и мира» и «ихэцзоань» – «кулак во имя справедливости и согласия». Его называли также «боксерским восстанием».

во время боксерского восстания, отступление под огнем китайских войск, тяжелое ранение маленькой дочери и затем чуть не смертельная рана мужа, которого она долго считала убитым, за полным отсутствием сведений с театра войны»¹⁹.

А.В. Ивашкевич был ранен 20 августа 1900 г. в бою у Хуланчена ружейной пулей в голову с раздроблением левой нижней челюсти²⁰. После драматических событий А.В. Ивашкевич в марте 1901 г. получил звание капитана, с мая по сентябрь 1901 г. находился на лечении на Кавказских минеральных водах. В 1902 г. за походы в Китай 1900–1901 гг. он был награжден серебряной медалью. В апреле 1902 г. был определен в 47-й Украинский пехотный полк командующим 13-й ротой. Он подготовил рукопись о событиях 1900 года, которую предложил в журнал «Исторический вестник»²¹, однако его воспоминания, к сожалению, не были опубликованы.

Петербург

В сентябре 1903 г. А.В. Ивашкевич был переведен в Петербург на должность столоначальника Главного штаба. В 1905 г. он получил чин подполковника. В послужном списке А.В. Ивашкевича было указано: «Имущества никакого не имеет»²². Однако в 1903 г. семья решила обзавестись собственным домом, и на имя Анны Кирилловны был куплен участок земли с домом и постройками площадью 335,54 квадратных саженей (1 527,5 кв. м) в Лесном,

¹⁹ РО ИРЛИ Ф. 377. Оп. 7. Д. 1621. Л. 3об.

²⁰ Послужной список А.В. Ивашкевича // РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Л. 20.

²¹ А.К. Ивашкевич в письме С.Н. Шубинскому от 5 января 1902 г. сообщала об этой рукописи: «Муж мой не писатель, и, верно, немало литературных недостатков найдется в его воспоминаниях, но он много работал там, в Маньчжурии, много наблюдал за свое четырехлетнее пребывание, а главное, искренен». / Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 874. Оп. 1. Д. 89. Л. 445.

²² Послужной список А.В. Ивашкевича // РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Л. 20.

близ железнодорожной станции Удельная (тогда пригород Петербурга) по ул. Рашетовой, дом 17²³.

Переезд в Петербург был связан с необходимостью образования детей. Борис еще в 1900 г. поступил в Тенишевское училище – одно из лучших учебных заведений, где он, по его словам, учился «на льготных условиях, благодаря литературным связям и знакомствам моей матери»²⁴. Училище он окончил в 1906 г. и поступил в Императорский лесной институт²⁵. Вера в 1903 г. поступила сначала в Патриотический институт²⁶, как дочь раненного военного, где училась на казенный счет. В 1906 г. перешла в Литейную женскую гимназию, которую окончила с отличием в 1907 г.²⁷. Окончание гимназии давало право получить свидетельство от Министерства народного просвещения на звание домашней учительницы, однако Вера в 1908 г. поступила на Высшие женские курсы (Бестужевские).

Как сообщал потом в автобиографии Борис, «семья жила особенно не нуждаясь, но и не богато»²⁸. Дети с 1905 г. начали работать в качестве репетиторов, давая частные уроки. Например, Вера в 15 лет давала уроки французского языка детям профессора лесоводства Г.Ф. Морозова, будущего научного руководителя Бориса в Лесном институте. Борис с сентября 1907 г. по май 1908 г. был лаборантом восьмиклассного коммерческого училища в Лесном, в 1908 г. исполнял обязанности ассистента по

²³ РГИА. Ф. 596. Оп. 9. Д. 436. Л. 1–2.

²⁴ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 20 об.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 5. Д. 306. Л. 1.

²⁶ Женский Патриотический институт был учреждён в 1822 г. в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове для детей погибших или раненых офицеров.

²⁷ В свидетельстве об окончании гимназии сказано: «Имела бы право на награждение золотой медалью, если бы число наград не было ограничено Уставом женских учебных заведений ведомства императрицы Марии». / ЦГИА СПб. Ф. 449. Оп. 3. Д. 178. Л. 2.

²⁸ ГАПК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 20.

ботанике при профессоре В.Н. Сукачеве на Петербургских высших сельскохозяйственных курсах. Позже в автобиографии он сообщал, что был «знаменитым» репетитором, умевшим «возвращать человеческий образ безнадежным тупицам»²⁹.

Анна Кирилловна с 1902 по 1905 гг. работала над подготовкой энциклопедического словаря под руководством С.Н. Южакова, где ею были написаны статьи по иностранной литературе, отдельные биографии русских артистов и художников, занималась переводами для газет и журналов. В 1905 г. она перевела с немецкого книгу Германа Онкена «Лассаль»³⁰.

Вся семья придерживалась демократических и либеральных взглядов, в период революции 1905–1907 гг. почувствовала восставшим. Борис в одной из своих автобиографий отметил «народнический» характер его семьи: *«Отец – сын ссыльного поляка – себя считал народником. Лучшие знакомые матери – критик Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, В.Г. Короленко и другие были народниками»*³¹. Борис с 1906 г. состоял членом партии эсеров, погрузившись в революционную работу «с юношеским романтизмом», перевозил нелегальную литературу, вел кружковую пропагандистскую работу на заводах в Выборгском районе, организовывал студенческие забастовки. Вера, скорее всего, была близка к брату по убеждениям. Известно, что многие «бестужевки» придерживались либеральных, даже радикальных левых взглядов (например, «бестужевкой» недолгое время были Надежда Константиновна Крупская, сестры В.И. Ленина).

Известный писатель Вс.Н. Иванов, познакомившись с Верой в Петербурге в 1910 г., был очарован семьей Ивашкевичей: *«Особенной была эта семья. ...По отцу они были в*

²⁹ ГАПК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 20об.

³⁰ Онкен Г. Лассаль / пер. с нем. А. Ивашкевич. СПб: О.Н. Попова, 1905. 356 с.

³¹ ГАПК. Ф Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 20об.

каком-то родстве с литовским или польским родом Ивашкевичей, в котором тоже были литературные имена, мать была украинка, из рода гетмана Наливайко. Была в них и некая персидская кровь. <...> Вся семья держалась прогрессивных взглядов – близких к эсеровским, и в то же время была семьей военной, с крепкими национальными убеждениями. То была передовая семья безупречно культурных русских деятелей на Дальнем Востоке, которые работали тогда в Китае не ради “захвата”, не ради наживы, а продолжая культурное дело подъема Сибири и Востока, начатое нашими землепроходцами более трех веков назад. <...> В этой семье на меня, как из открытого окна пахнуло чем-то огромным»³².

Опять Маньчжурия

В августе 1907 г. А.В. Ивашкевич был назначен начальником штаба Заамурской железнодорожной бригады Пограничной стражи, и семья вновь отправилась в Маньчжурию, в Харбин. В 1909 г. Ивашкевич получил звание полковника³³. В Харбине они жили на Маньчжурском проспекте, угол с Пекинской улицей, в доме 29. Анна Кирилловна продолжала писать и посылать статьи и корреспонденции в столичные газеты и журналы, называя свою семью «аборигенами Маньчжурии». Вера в 1907 г. выехала с родителями в Маньчжурию, в Харбин, где жила до 1908 г. В дальнейшем, поступив на Бестужевские курсы, она с матерью и братом жила в Петербурге, но лето проводила с семьей в Маньчжурии.

Борис, еще будучи студентом Лесного института, летом 1909 г. принял участие в экспедиции на Большой Хинган, организованной Управлением КВЖД для обследования лесных массивов, на которые предполагалось получить концессии от китайского правительства. В дальней-

³² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 446. Оп. 1. Д. 38. Л. 74–78.

³³ Список полковников по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб.: Военная типография имп. Екатерины Великой, 1914. С. 447.

шем он с увлечением отдавался работе по своей специальности – лесоводство. 30 января 1911 г. он женился на Надежде Павловне Северовой³⁴, в Харбине родились его дети: 21 февраля 1912 г. – Ирина, 17 сентября 1913 г. – Андрей. Так как ему необходимо было содержать семью, то по просьбе правления Общества КВЖД его с 1 июля 1911 г. взяли штатным служащим (помощником производителя работ) Земельного отдела КВЖД с окладом 3 000 руб. в год.

Параллельно Борис готовил дипломную работу под руководством профессора Г.Ф. Морозова «Типы насаждений Лесной дачи Шитоухэцзы КВЖД». В прошении об отпуске в Маньчжурию в совет Лесного института 30 июня 1911 г. Борис Ивашкевич подчеркнул, что «КВЖД обладает несколькими десятками тысяч десятин леса, который до сих пор не только не устроен, но не приведен хотя бы в приблизительно известность. Я должен организовать съёмочные таксационные работы в лесной концессии КВЖД между станциями Шитоухэцзы и Ханьдаохэцзы на восточной линии площадью 68 тыс. десятин, <...> изучить один из интереснейших и наименее исследованных лесных уголков земного шара с его своеобразной реликтовой третичной флорой, исследовать почвы и типы насаждений, ход роста леса, разобраться в причудливой и пестрой смеси арктических и субтропических растительных форм»³⁵. Ему дали отпуск в институте на один год для выполнения дипломной работы. В 1913 г. Борис Анатольевич подготовил работу «Очерк лесов Восточной горной Мань-

³⁴ О Надежде Павловне известно немного: родилась в 1884 г. в семье статского советника П.В. Северова, окончила педагогический класс при Императорском обществе благородных девиц (Смольный институт) в 1901 г., Высшие женские (Бестужевские) курсы. / Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. В 3-х т. Т. 3. СПб.: Государственная типография, 1915. С. 653.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 994. Оп. 5. Д. 306. Л. 17.

чжурии»³⁶, получил диплом о прохождении полного курса Лесного института, и 27 марта 1913 г. был удостоен звания ученого-лесовода 1 разряда.

В сентябре 1911 г. семья предприняла поездку из Харбина в Порт-Артур и Дальний, которую Анна Кирилловна описала в статье «У недавних победителей»³⁷. Здесь она заметила: *«Вся наша семья давно и хорошо знает этот край. Еще в 1897 году прибыли мы сюда на постройку дороги и прожили почти пять лет, пережив боксерское восстание и многие невзгоды, выпавшие на долю первых пионеров. Во время трудного похода из Владивостока в Цицикар не раз приходилось останавливаться в китайских городах, а потом, живя уже на постройке, бывать часто у китайских властей на обедах и приемах, в их фанзах. Вся обстановка их быта, обычаи и привычки были нам хорошо знакомы. В 1902 году служба загнала нас обратно в Россию, и только спустя пять лет пришлось снова попасть в этот край и встретить много старых знакомых китайцев, с которыми и возобновить прежние дружеские отношения»*³⁸.

В статье много замечаний об особенностях китайской и японской культур, но центральное место занимает описание русского кладбища и памятника погибшим русским воинам в Порт-Артуре, установленного японцами: *«Каменная ограда окружает ряды чугунных крестов на каменных плитах. Каждая из их прикрывает собой братскую могилу. Тут собраны останки со всех фортов и батарей. На кресте надпись по-японски, с какого именно форта и батареи взяты тела погибших. Это единственный указатель для русского, приехавшего сюда поклониться праху близкого, отдавшего свою*

³⁶ Его дипломная работа была впоследствии опубликована: Ивашкевич Б.А. Очерк лесов Восточной горной Маньчжурии. Пг.: типография М.П. Фроловой, 1916. 70 с.

³⁷ Ивашкевич А.К. У недавних победителей (Риоюн (Порт-Артур), Дайрен (Дальний) // Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 3. Январь-март. С. 992–1005.

³⁸ Там же. С. 992.

жизнь во славу родины. И этот указатель японский! Посреди братских могил возвышается белый мавзолей. К нему ведут широкие ступени. На передней колонне вверху русская надпись: "Здесь покоятся бранные останки доблестных героев, павших при защите крепости Порт-Артура". Внизу: "Памятник сей поставлен японским правительством в 1907 году". С трех сторон надписи японские. Кладбище содержится в полном порядке. Выметено, чисто. Подавленные, в безмолвии долго стояли мы перед этим памятником, среди этих безмолвных могил! Не горе по павшим пришибло душу, пригнуло головы книзу! Пасть за родину великое дело. Слава павшим! Нет! Стыд, мучительный стыд и обида за них. Что сделала Россия для своих защитников, чем почтила память своих геройских борцов на месте их страданий? Чужие, вражеские, торжествующие руки собрали их тела, воздвигли им памятник, убирают, держат в порядке места их последнего успокоения»³⁹.

Статья имела большой резонанс. Даже в докладе генерала С.А. Добронравова в Комитет по увековечению памяти русских воинов сухопутной армии, павших на войне 1904–1905 гг. от 15 августа 1912 г. замечено: «Перед моими глазами брошюра Ивашкевич, которая описывает свою поездку в Дальний и Порт-Артур – брошюра, очень распространенная среди проживающих на Дальнем Востоке. Здесь высказывается большое негодование и ропот по адресу русских, забывших своих доблестных воинов, героически погибших в минувшую войну. При своем объезде Дальнего я видел насмешливые улыбки на лицах японцев и иностранцев, которые как бы говорили мне о том же самом»⁴⁰. В какой-то мере именно статья А.К. Ивашкевич стала катализатором приведения в порядок могил русских воинов, павших в русско-японской войне.

Лето 1912 и 1913 гг. Анна Кирилловна и Вера провели в Японии, навсегда влюбившись в страну и ее культуру. Анна Кирилловна регулярно посылала «письма из Япо-

³⁹ Ивашкевич А.К. У недавних победителей. С. 1003.

⁴⁰ РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 258. Л. 174–175.

нии» в газету «Голос Москвы» («Японская деревня», «Неделя в Токио», «Японская Москва», «Внутри Японии» и др.)⁴¹. Помимо этого, очерк А.К. Ивашкевич «Лето в японской деревне» был опубликован в журнале «Вокруг света»⁴². Они познакомились близко с бытом японцев, в 1913 г. полтора месяца жили в японском доме в рыбацкой деревне на берегу Токийского залива, предпринимая поездки в окрестности. В текстах Ивашкевич сквозит внимательное и доброжелательное отношение к чужой культуре, стремление ее понять и «ничему не удивляться в этой удивительной стране». Однако их все-таки поразила японская деревня, в которой «отсутствовало все то, что мы, русские, привыкли соединять с понятием о деревне»: чистые, шоссированные улицы, чистенькие лавочки, электрическое освещение, отсутствие кабаков, уютные домики, всегда имеющие ванну при себе и необходимые удобства, школа с площадкой для игр, больница, завод для выделки искусственного льда, необходимого в рыбном промысле и др.⁴³. Так как немногие русские достигали Японии, корреспонденции А.К. Ивашкевич в популярной форме знакомили русскую публику с этой загадочной страной.

В письме С.А. Венгерову 3 октября 1913 г. из Харбина Анна Кирилловна сообщала: «Жизнь моя проходила так разнообразно бурно, и судьба так бросала меня по свету, что и работы мои носят характер случайный и разбросанный»⁴⁴. В этот период Анна Кирилловна написала одну из самых своих значительных работ – «Русские дети в Маньчжурии», посвященную первому периоду (1898–1900 гг.) жизни семьи в Маньчжурии, о котором уже упоминалось. В этой книге для детей Анна Кирилловна постоянно возвращалась к важной мысли о возможности сосуществова-

⁴¹ РО ИРЛИ Ф. 377. Оп. 7. Д. 1621. Л. 3об.

⁴² Ивашкевич А. Лето в японской деревне // Вокруг света. 1913. № 19. С. 306–310; № 20. С. 324–328.

⁴³ Там же. С. 308.

⁴⁴ РО ИРЛИ Ф. 377. Оп. 7. Д. 1621. Л. 1.

ния разных культур на основе понимания и уважения. Рассказывая детям о китайцах, она замечала, что они обладают национальной гордостью, не прощают оскорблений своего национального чувства: «Теперь нам придется близко сталкиваться с ними, быть может, даже жить в их среде, и вы всегда должны уважать в них эту черту самолюбия и гордости»⁴⁵.

В письме писателю А.В. Круглову из Харбина от 18 декабря 1912 г. с просьбой дать отзыв на книгу в московской прессе Анна Кирилловна сообщала: *«В книге нет ни слова неправды, ни капли фантазии, все переживалось, пережило нами и нашими детьми... Все действующие лица живы, изменены лишь имена мое и мужа. Боря ныне, окончив Лесной, находится на службе в Маньчжурии, работает в тайге, там, где бывал и переживал так много ребенком. Дочь Вера кончает высшие женские курсы в Петербурге и мечтает о работе в той же дорогой им Маньчжурии. Мне было бы глубоко ценно Ваше мнение. Все о славе мечтают, я лишь о том, чтобы эта книга, мое третье дитя, прочиталась возможно большим кругом детей, а это будет только в том случае, если ее заметят литературные авторитеты. За смертью друга моей семьи Мамина-Сибиряка у меня не осталось никого близкого среди "генералов от литературы"»*⁴⁶. Книга, прекрасно иллюстрированная, имела большой успех. Интересно, что эта книга – «Русские дети в Маньчжурии» – находилась в списке книг библиотеки при Храме Христа Спасителя в Мукдене среди религиозной литературы – возможно, как вдохновляющий пример истинного патриотизма⁴⁷.

1 января 1913 г. Анна Кирилловна, которой было уже 48 лет, взяла на воспитание подкинутого ребенка, сироту, и удочерила ее, назвав Анной. В личном деле В.А. Ивашкевич есть метрическая выпись, выданная причтом Св. Иверской госпитальной церкви Харбина о кре-

⁴⁵ Ивашкевич А.К. Русские дети в Маньчжурии. С. 67.

⁴⁶ РО ИРЛИ. Ф. 139. Д. 137. Л. 2.

⁴⁷ РГИА. Ф. 552. Оп. 1. Д. 263. Л. 158.

щении: «была подкинута к дому полковника Заамурской железнодорожной бригады А.В. Ивашкевич 19 декабря 1912 г., была крещена Анной 13 января 1913 г.»⁴⁸. В личном деле Анны Анатольевны дата рождения указана как 1 января 1913 г.⁴⁹.

Между тем жизнь детей шла своим чередом. Борис после окончания Лесного института и получения диплома продолжал работать на КВЖД, был зачислен на государственную службу в корпус лесничих 19 сентября 1913 г., занимал должность заведующего лесоустроительными работами в дачах КВЖД при станциях Шитоухэцзы и Гаолинцзы⁵⁰. Участвовал в экспедиции по изучению лесов хребта Большой Хинган в Маньчжурии. Он продолжал научную деятельность, подготовив ряд работ, которые сделали его имя известным в научных кругах. В 1915 г. опубликовал монографию «Маньчжурский лес», в которой обобщил опыт лесоустроительных работ, проводимых Земельным отделом КВЖД на Восточной линии⁵¹.

Вера в 1910 г. на вечере курсисток-бестужевок в Петербурге познакомилась со своим будущим мужем Всеволодом Никаноровичем Ивановым⁵². В своих воспоминаниях, написанных на склоне лет в 1966 г. в Хабаровске, он писал: *«Увидел девушку, сыгравшую большую роль в моей жизни, брюнетку, с большими черными глазами, невысокая, сильная,*

⁴⁸ Там же. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1973. Л. 17.

⁴⁹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17851. Л. 1.

⁵⁰ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Л. 2.

⁵¹ Ивашкевич Б.А. Маньчжурский лес. Вып. 1. Описание Восточной лесной концессии общества КВЖД и план хозяйства на нее. Харбин: типография КВЖД, 1915. 503 с.

⁵² **Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971)** – журналист, публицист, писатель. Окончил в 1912 году историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Участник белого движения, с 1920 г. в эмиграции в Харбине. В 1935 г. перешел на просоветские позиции, переехал в Тяньцзинь, затем в Шанхай. В 1945 г. вернулся в СССР, жил в Хабаровске.

энергичная, с звучным голосом. <...> Вера Ивашкевич – была такой отличной, особенной из всех девушек, наполнявших залы в этот вечер. Бестужевка, она училась в Петербурге, а приезжала сюда из Китая, из Харбина. <...> Её отец был полковник русских железнодорожных войск на КВЖД, и я с жадностью слушал в тот памятный навсегда вечер рассказы о Востоке»⁵³. Вера для Всеволода Иванова стала символом «удивительного Востока»: «Смотря на бронзовый загар рук, шеи, плеч, лица Веры – я понимал, это – загар или солнце Японии, что красным шаром висит над завихренными в белую пену синими волнами Тихого океана на шелку картин Кокусая, то ярко-белого солнца Китая с синего неба, обжигającego в золотой цвет кожу народов вечной, тихой и умудренной Азии. <...> Всё в ней – и в цвете кожи, и этой уверенности в действиях, в речи, в жестах – здесь проступило все то, что потом – в таком далеком тогда для меня будущем, а теперь в таком далеком для меня прошлом заставило написать в одной из моих первых книг формулу: в Азии мы дома!»⁵⁴.

Смутные времена

Первая мировая война и революция изменили жизнь семьи Ивашкевичей. В Маньчжурии остался только Борис, который продолжал работать в Земельном отделе КВЖД. Анна Кирилловна выехала в Петроград к дочери и сестре. Анатолий Викторович с первых дней войны с частями Заамурского округа отбыл в действующую армию, на Западный фронт в качестве командира 3-го Заамурского железнодорожного батальона. С 1916 г. он командовал 5-й железнодорожной бригадой, 6 декабря 1916 г. был произведен в генерал-майоры. В феврале 1918 г. Ивашкевич был демобилизован, вернулся к семье в Петроград. Сохранился документ – акт освидетельствования состояния его здоровья от 8 апреля 1918 г. в заседании комиссии Центрального отдела по назначению пенсии от казны военно-

⁵³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 446. Оп. 1. Д. 38. Л. 74–75.

⁵⁴ Там же. Л. 79–80.

увечным при народной комиссии Государственного призрения: *«Бывший генерал-майор 5 железнодорожной бригады Ивашкевич А.В., 56 лет от роду, проживает в Петрограде: ул. Рашетова, д. 17. Одержим артериосклерозом, невралгией тройничного нерва, болезненными рубцами на щеке после ранения. Описанные выше увечья и заболевания, полученные вследствие обстоятельств, связанных с прохождением военной службы, ограничивают трудоспособность в степени 80%, делают его к труду ограниченно способным. Комиссия постановляет Ивашкевича имеющим права на пенсию от казны с 1 марта 1918 г. (по нов. ст.) Пожизненно»*⁵⁵.

Неизвестно отношение А.В. Ивашкевича к новой власти, однако в октябре 1918 г. он был мобилизован и назначен в Центральное управление военных сообщений в Москве, занимал должность начальника штаба железнодорожных войск РСФСР. Анна Кирилловна с дочерью Анной переехали в Москву. А.В. Ивашкевич в 1920 г. был заместителем председателя центрального управления военных сообщений (ЦУПВОСО). В 1921 г. он был уволен по болезни из военной службы, в 1921–1922 гг. служил в Высшем Совете народного хозяйства (ВСНХ) по вопросам узкоколейных железных дорог и подъездных путей. В августе 1922 г. Анатолий Викторович с женой и дочерью Анной выехали во Владивосток к сыну и дочери, однако добрались до Владивостока только в январе 1923 г. (на какое-то время они «застряли» в столице Дальневосточной республики (ДВР) Чите, где Анатолий Викторович поступил на Забайкальскую железную дорогу, и даже участвовал в организации железнодорожного техникума в Чите).

Вера после окончания Бестужевских курсов в 1913 г. была оставлена при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, сдала экзамены на степень кандидата исторических наук при Императорском

⁵⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1116. Оп. 1. Д. 893. Л. 1.

государственном университете. Но после начала войны она получила звание медицинской сестры и в ноябре 1914 года ушла на фронт в качестве сестры милосердия. Участвовала в боевых действиях на Западном, Южном и Северном фронтах на передовых позициях, «работала под огнем», в 1915 г. в Галиции была ранена в ногу⁵⁶. За проявленное мужество была награждена Георгиевскими медалями «За храбрость» III, IV степени, Анненской золотой медалью II степени и Владимирской серебряной «За усердие»⁵⁷. Всеволод Никанорович писал о ней в воспоминаниях об этом периоде: «Сильная, энергичная, особенная»⁵⁸. Летом 1916 г. Вера выехала в Петроград, в ноябре поступила на службу в Министерство торговли и промышленности делопроизводителем. Служивший там в это время М.М. Пришвин оставил запись в своем дневнике от 5 декабря 1916 г., которая относится к Вере: *«Беспокойство от сестры св. Георгия: в тихое дремлющее бюро нашего ведомства она внесла со своим появлением шум, в ее движении, в ее голосе слышался нам скрип обозных телег, крики погонщиков, стрельба и суета возле раненых, и среди всего этого хаоса сама она, с надтреснутым сердцем, болезненно стремящаяся вперед и ничего не понимающая»*⁵⁹.

Узнав, что Всеволод Иванов в Перми (он служил там в чине подпоручика начальником учебной команды унтер-офицерской школы), Вера переехала в мае 1917 г. в Пермь, где вышла за него замуж. 18 марта 1918 г. у Ивановых родился сын Григорий. В Перми Вера работала в уездной продовольственной управе, потом во внешкольном отделе губернского отдела народного образования и в

⁵⁶ Фотографии, удостоверения и некоторые личные документы В.А. Ивашкевич времен Первой мировой войны находятся в Военно-медицинском музее министерства обороны РФ в Санкт-Петербурге.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 510. Л. 30б-6.

⁵⁸ Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые». Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1993. № 10. С. 100.

⁵⁹ Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917 гг. СПб: Росток, 2007. С. 526.

библиотеке⁶⁰. Вс.Н. Иванов вспоминал это время: «Вставала Вера, наводила на себя красоту, кормила Гришу, валила его в детскую коляску и гвардейским шагом, как всегда, решительная, шагала, катя ее перед собой, на работу»⁶¹.

В январе 1919 г. Всеволод Никанорович был мобилизован на военную службу Омским правительством, а весной того же года вызван в Омск для работы в Русском бюро печати, пропагандистском органе правительства А.В. Колчака. Когда началось отступление Белой армии, Вера последовала за мужем вначале в Омск, потом в ноябре 1919 г. в Томск. В декабре 1919 г. Вера Анатольевна выехала в качестве сестры милосердия с эшелоном генерала А.Н. Пепеляева в Харбин, но в ночь с 6 на 7 января 1920 г. под Красноярском на разъезде Бугач эшелон попал в плен красным, Вера была задержана, затем ее отпустили, и она работала какое-то время в Красноярске в совете народного хозяйства, затем учительницей в Томске до лета 1920 г. В июне 1920 г. она выехала к родителям в Москву, где служила делопроизводителем на областном эвакуационном пункте Главного санитарного управления (Главсанупра) до мая 1921⁶².

Борис, будучи в Маньчжурии, восторженно принял Февральскую революцию. В 1917 г. в Харбине оживилась работа партии эсеров, и Борис принял активное участие в ее деятельности. Летом 1917 г. Борис в Харбине выпустил брошюру «С кем идти?» с подписью «Харбинская организация партии социалистов-революционеров»⁶³. Брошюра была посвящена выборам в Учредительное собрание и объясняла платформу эсеров. В ней подчеркивалась «высшая святость человеческой личности», политических свобод, прав человека, необходимость уничтожения нера-

⁶⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1973. Л. 3.

⁶¹ Позина Н.С. Указ. соч. С. 131.

⁶² РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 582. Л. 5.

⁶³ Ивашкевич Б. С кем идти? Харбин: типография КВЖД, 1917. 60 с.

венства и частной собственности на средства производства. Судя по этой брошюре, социализм Борис понимал, как извечную тоску по «правде-истине и правде-справедливости»⁶⁴.

В сентябре 1917 г. Борис Ивашкевич был избран в Главный исполнительный комитет союза рабочих и служащих КВЖД (ГЛИК), который готовил забастовку железнодорожных служащих. Об этом периоде он сообщал в автобиографии 1925 г.: *«Октябрьский переворот я принял с чувством ужаса за революцию: серьезно думал, что она потонет. Ездил от железнодорожников на Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд (23 декабря 1917 – 21 января 1918 гг.), расколовшийся по вопросу об Учредительном собрании. ...Вернувшись в Харбин, застал рост самой гнусной белогвардейщины, кричавшей о походе на большевиков, стал к ней в резкую оппозицию, утверждая, что вооруженной борьбы с большевиками быть не может. ...Большевики были устранены Хорватом, и силою вещей я стал во главе борьбы железнодорожного союза против белогвардейщины и Хорвата, навлекши на себя ненависть управленских служащих, не понимавших, как может человек с 400-рублевым жалованьем “возиться с революцией”. Борьба для меня кончилась организацией железнодорожной забастовки-протеста против насилий офицеров-белогвардейцев и бездеятельности Хорвата против них 16 мая, после чего в числе 13 товарищей членов ГЛИК я был выслан из полосы отчуждения»*⁶⁵.

После увольнения со службы и высылки из полосы отчуждения КВЖД Борис Анатольевич Ивашкевич больше не бывал в Маньчжурии, хотя его жизнь в дальнейшем была связана с российским Дальним Востоком. От политической работы он отошел, и в 1919 г. вышел из партии эсеров. С июля до октября 1918 г. служил в Приморской лесоустроительной партии в должности младшего таксатора. С октября 1918 г. до 1 июля 1920 г. работал на Сучан-

⁶⁴ Ивашкевич Б. С кем идти? С. 15.

⁶⁵ ГАПК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 21-21об.

ских каменноугольных копях в должности заведующего лесным отделом; одновременно заведовал заготовками и лесопильным заводом. В 1920 г. у него родилась еще одна дочь Татьяна, и семья переехала во Владивосток, где он был назначен ревизором лесоустройства. Как он писал в своей автобиографии 15 мая 1925 г., к смене властей во Владивостоке оставался равнодушен: *«Не будучи связан ни с партией, ни с рабочей массой, в момент меркуловского переворота⁶⁶ я, как и многие другие интеллигенты оказался оторванным от всего и одиноким. Большая семья из 7 человек, отсутствие не только сбережений, но и вообще сколько-нибудь достаточных средств и уверенность, что “меркуловицина” долго не продлится, а начатое дело исследования лесов прекратится зря, я оставался некоторое время на службе в Лесном отделе, совершенно сторонясь каких бы то ни было административных вопросов»⁶⁷.*

Борис Анатольевич продолжал заниматься публицистической, литературной, педагогической и научной деятельностью. С июля 1920 г. работал в школе II ступени на Седанке – пригороде Владивостока. В начале 1920-х гг. он печатался во владивостокских газетах «Далекая окраина», «Дальневосточная трибуна», «Красное знамя», журнале «Творчество». В 1922 г. Борис издал биобиблиографический сборник «Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг.»⁶⁸. В 1922 г. он участвовал в научной экспертизе – изучал заповедник «Кедровая падь» для выяснения пригодности его в качестве лесной биологической станции Географического общества. В мае 1923 г. Центральное управление лесами при Наркомземе ходатайствовало «о назначении ученого лесовода Ивашкевича

⁶⁶ «Меркуловский переворот» был совершен 26 мая 1921 г. во Владивостоке, в результате которого власть в городе перешла к Временному Приамурскому правительству в составе братьев Меркуловых и др.

⁶⁷ ГАПК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 22.

⁶⁸ И-ц. Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. Владивосток: [б. и.], 1922. 72 с.

на должность губернского инспектора лесоустройства Приморской области» (на справке печать: приказ № 13 от 31 мая 1923 г.)⁶⁹.

На какое-то время семья Ивашкевичей ненадолго воссоединилась. Вера, узнав, что муж находится во Владивостоке, летом 1921 г. приехала вместе с сыном к Вс.Н. Иванову во Владивосток⁷⁰, работала учительницей русского языка в высшем начальном училище. Всеволод Никанорович в это время был уже известным журналистом, редактором газеты «Вечерняя газета», В.А. Ивашкевич также публиковала свои статьи в периодической печати Владивостока. Осенью 1922 г. после освобождения армией ДВР Приморья и эвакуации Белой армии из Владивостока Вс.Н. Иванов покинул страну на пароходе «Фузан-мару», выехав в Гензан, а затем в Харбин. В.А. Ивашкевич вместе с сыном осталась во Владивостоке, в 1923–1924 гг. работала счетоводом и статистиком в предприятии «Дальлес». В декабре 1924 г. Вере пришлось официально развестись с Вс.Н. Ивановым⁷¹, так как имя Ивановна как лидера Белого движения было помехой для устройства на работу, и вернуть себе фамилию Ивашкевич.

В январе 1923 г. отец, мать и 10-летняя сестра Анна добрались до Владивостока. Анатолий Викторович устроился техническим секретарем во Владивостокской конторе Сучанских угольных копей, затем работал техником в Управлении губернского инженера во Владивостоке⁷². В 1925 г. Вере удалось выехать с сыном Григорием в Китай к мужу, и в 1926 г. она смогла вызвать в Харбин родителей с

⁶⁹ РГИА. Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Л. 26.

⁷⁰ Всеволод Никанорович Иванов прибыл во Владивосток в марте 1921 г., после «меркуловского переворота» в мае 1921 г. получил должность Уполномоченного по информации, печатался в газетах.

⁷¹ Постановление народного суда 1 участка г. Владивостока от 6 декабря 1924 г. / ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17852. Л. 46.

⁷² Там же. Д. 17850. Л. 50б.

сестрой. С Борисом они больше не виделись, эмиграция навсегда разделила семью.

Борис

С 30 ноября 1923 г. Борис Анатольевич начал читать лекции по лесной таксации и лесоустройству на лесном отделении агрономического факультета Дальневосточного университета. С октября 1925 г. он был начальником экспедиции по исследованию лесов Северного Сахалина. В 1927 г. ему было присвоено звание профессора лесной таксации. В отзыве профессора В.Ф. Овсянникова о работе Б.А. Ивашкевича от 28 марта 1927 г. говорилось: *«Немало трудов было положено Борисом Анатольевичем в организации при Дальневосточном университете Лесного отделения агрономического факультета. С самого момента основания этого отделения он был избран лицом, его возглавляющим... Выработка плана преподавания, организация преподавания, основание кабинетов и лаборатории, составление смет и проектов, <...> продолжительные хлопоты по отводу учебно-опытного лесничества и организация хозяйства и управления в этом лесничестве – все это потребовало массу энергии и умения, и со всем этим Борис Анатольевич справился блестяще и обнаружил широкое понимание дела организации высшей школы и умелое практическое разрешение задач постановки преподавания в современных тяжелых материальных условиях. Будучи вовлечен в административную работу школы, Борис Анатольевич ни на минуту не забывал свою исследовательскую работу. За короткий сравнительно срок он составил для своих слушателей в литографированном виде курс своих лекций по лесному хозяйству, лесной экономике... За это же время он напечатал ряд статей по лесному хозяйству Дальнего Востока, а главное, в течение двухлетних вакаций совершил экспедицию для исследования лесов Северного Сахалина, в настоящее время занят работой по обработке материалов. Борис Анатольевич Ивашкевич еще молодой, полный сил и энергии научный работник.*

Его талант находится в стадии развития и при благоприятных условиях обещает дать несомненно крупного работника»⁷³.

В 1928 г. Б.А. Ивашкевич был командирован за границу, в Германию и Чехословакию, для ознакомления с организацией лесного хозяйства, в 1929 г. был приглашен в Стокгольм на конгресс по лесному делу (к сожалению, поездка не состоялась). Он поддерживал связи с учеными из Ленинграда, Москвы и Воронежа: академиком В.Л. Комаровым, профессорами Ленинградского Лесного института М.М. Орловым и Н.Б. Кобрановым, профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии Г.Р. Эйтингенем, профессором Воронежского сельскохозяйственного института А.В. Тюриным и др.

В 1929 г. Борис Анатольевич стал деканом созданного Лесного факультета ДВГУ. Тогда же он получил предложение от только что созданного в Москве Института древесины (Лесотехнологического института по механической обработке твердых и ценных пород древесины) заведовать отделом лесной таксации и собирался переехать в столицу. Но в сентябре 1930 г. после реорганизации Дальневосточного университета Ивашкевича назначили директором вновь созданного Дальневосточного Лесотехнического института, где он проработал до 1934 г., продолжая научную работу. Он считал себя думающим и честным интеллигентом, специалистом своего дела, исследователем и ученым, а основным принципом: «пока могу и умею – нужно сделать как можно больше»⁷⁴. С 1934 г. Б.А. Ивашкевич работал в лесотехническом институте в Воронеже, где и скончался 15 февраля 1936 г. Его деятельность было высоко оценена специалистами, как выдающегося исследователя лесов, основоположника генетической классификации типов леса и организатора высшего лесного образования на Дальнем Востоке. Ивашкевич оставил

⁷³ ГАПК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 34.

⁷⁴ Там же. Л. 22об.

большое количество научных работ, в которых отстаивал принцип «непрерывного и неистощительного лесопользования и расширенного воспроизводства леса»⁷⁵.

Семья в эмиграции в Харбине

Вера выехала в Харбин в апреле 1925 г., мать с сестрой Анной прибыли в Маньчжурию в июне 1926 г. из Владивостока, отец смог выехать только в 1927 г., так как власти не давали разрешение на выезд в Маньчжурию⁷⁶. В Харбине оставалось много старых знакомых из так называемых «старожилов» Маньчжурии. Вера по протекции давнишнего друга семьи А.А. Варпаховского, помощника начальника Земельного отдела, который знал ее по Харбину еще ребенком, была принята на КВЖД временной конторщицей Земельного отдела с 15 мая 1925 г. с жалованием 1 080 руб. в год с дополнительными 270 руб. за квартиру⁷⁷. Отец в апреле 1927 г. поступил временным конторщиком в Главную бухгалтерию Управления КВЖД, где проработал до февраля 1931 г. С 1 января 1926 г. Вера стала штатной машинисткой Лесного отдела (называла себя машинистка-переписчица). Оказавшись в Харбине, семья не хотела сжигать за собой мосты, сохранив советское гражданство. Вера получила в Генеральном консульстве в Харбине паспорт СССР от 19 июля 1926 г.⁷⁸. И у отца, и у матери были советские паспорта, которые, однако, они перестали продлевать (отец – с 1931 г., мать – с 1928 г.).

⁷⁵ Манько Ю.И. Выдающийся исследователь лесов Дальнего Востока (к 120-летию Б.А. Ивашкевича) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 3. С. 139.

⁷⁶ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17851. Л. 6.

⁷⁷ И.С. Ильин в дневнике утверждал, что Веру Анатольевну приняли на КВЖД благодаря знакомству с женой советского Управляющего А.Н. Иванова. / ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 259.

⁷⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1973. Л. 1.

Вера соединилась с мужем Вс.Н. Ивановым⁷⁹, который был журналистом, а с 1928 г. стал редактором газеты «Гун-бао» в Харбине. В этот период он много писал, практически ежедневно печатался в харбинских газетах «Русский голос», «Заря», «Гун-бао» и др., выпустил несколько книг. Возможно, это был лучший период его литературной деятельности. В произведениях Вс.Н. Иванова того времени заметно влияние семьи Ивашкевичей. В публикациях этих лет он призывает внимательно всмотреться в лик Китая, «принять великий мир – мир Азии»⁸⁰. В его заметках «По местам войны», написанных во время поездки в июле 1927 г. на юг Ляодунского полуострова с посещением Дайрена, Порт-Артура, Мукдена, он призывал к тому, что «всякий русский должен чувствовать свое кровное родство с прошлым»⁸¹.

Вс.Н. Иванов с женой снимали дом с садом в районе Модягоу. Ю.В. Крузенштерн-Петерец в своих воспоминаниях описала этот дом: «Дом был почти пуст, меблирован по-походному, но у Иванова была своя гарсоньерка – его спальня и кабинет с огромной библиотекой. <...> Вера Анатольевна принимала друзей мужа широко, радушно»⁸². Благодаря мужу В.А. Ивашкевич была близко знакома с писательскими и журналистскими кругами Харбина. И.С. Ильин в дневнике сообщал, что в 1930 г. Вера Анатольевна приняла участие в похоронах Л.Е. Ещина – талантливого поэта, сотрудничавшего с просоветскими газетами. Он умер в 32 года от гангрены легких, и сотрудники газеты решили по-

⁷⁹ В своей автобиографии в 1954 г. Вера Анатольевна писала об этом: «В 1927 г. или в 1928 он приехал в Харбин и уговорил меня возобновить семейную жизнь». / Государственный архив российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 68. Д. 2622. Л. 11.

⁸⁰ Иванов Вс.Н. Красный лик: мемуары и публицистика / сост., вст. ст. В.А. Россов. СПб.: АНО «Женский проект»: Алетейя, 2016. С. 491.

⁸¹ Иванов Вс.Н. По местам войны // Иванов Вс.Н. Красный лик: мемуары и публицистика С. 487.

⁸² Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии (Торонто). 1998. № 5. С. 75.

хоронить его по-советски, в «красном гробу», хотя он был очень религиозным человеком. Однако Вера Анатольевна, «проводив его до кладбища, посыпала прах “святой землей”, а на другой день вместо кола поставила крест и отслужила панихиду». Ильин был удивлен и восхищен «гражданским мужеством» Веры – «проделать все это, служа в управлении, с советским паспортом»⁸³. Судя по всему, Вера Анатольевна не обращала внимание на условности. Ильин в своем дневнике упоминает еще один случай как свидетельство благородства и человечности В.А. Ивашкевич: в августе 1933 г. был похищен хунхузами его шурин А.Д. Воейков. Хунхузы потребовали выкуп в 1 080 долларов, но родственники набрали только 500. Денег на выкуп не было. Тогда Вера Анатольевна помогла собрать недостающие 580 долларов, и Воейкова отпустили⁸⁴.

Во время советско-китайского конфликта 1929 г. отец и дочь Ивашкевичи остались работать на КВЖД в то время, как профсоюзы приказали всем служащим уволиться, чтобы сорвать работу китайской администрации дороги. Новая советская администрация КВЖД после окончания конфликта в 1930 г. пыталась уволить Веру «по несоответствию», но она потребовала назначить расследование о причинах увольнения, указав: «знаю языки французский, немецкий, английский, 2 года изучаю китайский». На ее заявлении стоит надпись: «перевести в другую какую-либо службу. Сделать это немедленно»⁸⁵. Неизвестно, какие рычаги и знакомства задействовала Вера Анатольевна⁸⁶, но 1 июля 1930 г. она была переведена в Коммерческую службу в отдел статистики на должность конторщицы с тем же окладом – 1 080 руб. Однако 1 января 1931 г.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 142.

⁸⁴ Там же. Д. 2. Л. 19.

⁸⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1973. Л. 41.

⁸⁶ Ильин утверждал, что ее взяли под нажимом Вс.Н. Иванова, «чтобы не ссориться» с редактором китайского официоза «Гун-бао». / ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 142.

В.А. Ивашкевич все-таки была уволена от службы за сокращением штата.

В феврале 1931 г. Вс.Н. Иванов, увлекшись драматической актрисой Зоей Казаковой, ушел из семьи. По словам Ю. Крузенштерн-Петерец, после ухода от жены Иванов «медленно увядал»⁸⁷. В 1935 г. Всеволод Никанорович уехал в Тяньцзинь, потом жил в Шанхае до выезда в СССР в 1945 г. На Веру Анатольевну легла ответственность за большую семью – родителей, сестру, сына, который учился в гимназии. Вера устроилась в январе 1931 г. сестрой милосердия в лечебницу доктора Миндлина. В 1932 г. стала членом Русского общевойинского союза (РОВС) в качестве санитарного кадра, с 1934 г. была членом Дамского кружка Союза военных инвалидов. Семья снимала частную квартиру в Харбине (3 комнаты и кухня за 24 руб. в мес.) по адресу: Модягоу, Сербская ул., 17, кв. 1. В 1932 г. Маньчжурия была оккупирована Японией, которая создала марионеточное государство Маньчжоу-Го. В советско-китайской администрации КВЖД место китайцев фактически заняли японцы. Благодаря этому обстоятельству Вера Ивашкевич опять была принята на службу на КВЖД в апреле 1932 г. по рекомендации японского генерала Хасебе, которого знала еще с 1912 г.⁸⁸, и по распоряжению Главного контролера КВЖД Лю Веня была назначена контрощицей в Центральную библиотеку КВЖД.

22 февраля 1935 г. она была опять уволена со службы за «отказ дать подписку о выезде в СССР»⁸⁹. Таким образом она была лишена выплаты так называемых «заштатных» денег. 14 марта 1935 г. В.А. Ивашкевич возбудила хо-

⁸⁷ Крузенштерн-Петерец Ю.В. Указ. соч. С. 80.

⁸⁸ Генерал Хасебе в 1932 г. возглавлял бригаду японских войск, занявших Харбин. Вера Анатольевна сообщала об этом: «Мой старый друг, узнав, что я нахожусь в Харбине, на следующий день побывал у меня и увидев мое тяжелое материальное положение, сказал, что устроит меня на службу в библиотеку КВЖД». / ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17852. Л. 34.

⁸⁹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17852. Л. 9 об.

датайство о переходе в эмигрантское состояние. В анкете Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) указала и другую свою профессию: «драматическая артистка»⁹⁰. В опросном листе от 20 марта 1935 г. указала причину перехода в эмигрантское состояние – «желание избавиться от советского гражданства». Уже после прихода Красной армии в Харбин в августе 1945 г., заполняя анкету, Вера Ивашкевич указывала другую версию «невъезда» в СССР вместе с основной массой железнодорожных служащих: *«Сперва думала выехать в Советский Союз, в город Воронеж, к брату, бывшему в то время деканом Лесного факультета Воронежского сельскохозяйственного института профессору Борису Анатольевичу Ивашкевич, но родители мои – старые и больные люди (мать была 5 лет прикована к постели) не дали мне выполнить этот мой план, т. к. везти их с собой было нельзя, оставить в Харбине – значит, обречь их на голодное существование, т. к. средств у меня не было никаких»*⁹¹. Официально В.А. Ивашкевич была лишена советского гражданства 17 августа 1936 г.⁹²

После увольнения со службы с февраля до июня 1935 г. Вера Анатольевна работала сестрой милосердия частным образом. В июне 1935 опять по рекомендации генерала Хасебе – советника ЮМЖД была принята в библиотеку Харбинского управления Государственных железных дорог (бывшую Центральную библиотеку КВЖД) с месячным окладом в 60 гоби,⁹³ на который содержала всю семью. В 1936 г. ей была предоставлена казенная квартира (4 комнаты и кухня) на Маньчжурском проспекте в Новом городе (адрес: Маньчжурский пр., дом 4, квартира 2). Жизнь была нелегкой: в одном из прошений в 3-й отдел БРЭМ 2 ноября 1936 г. В.А. Ивашкевич сообщала, что из жалованья в 60 гоби на «обязательные вычеты» уходило 6

⁹⁰ Там же. Л. 60б.

⁹¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 582. Л. 5.

⁹² Протокол ЦИК СССР № 83/70. / ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 2622. Л. 2.

⁹³ Гоби – валюта Маньчжоу-Го, приблизительно равная японской иене.

гоби 40 фен, на топливо – 19 гоби, на свет – 3 гоби. *«За время безработицы мною сделаны долги, которые я должна выплачивать, на что идет 12 гоби. Остается сумма весьма небольшая, на которую можно прожить только с трудом... Родители постоянно больны, к труду совершенно неспособны и почти совершенно беспомощны»*⁹⁴. Здесь же Вера Анатольевна указывала круг знакомых в Харбине: врач Н.М. Иващенко, директор гимназии БРЭМ С.И. Цветков, советник Государственных железных дорог В.А. Зиссерман, вдова генерала М.А. Рычкова, протоиерей о. Михаил Рогожин, доктор Чистяков, старший советник Управления дороги Фукуй, генерал Хасебе и др. Вера Анатольевна занялась японским языком. Судя по анкетам БРЭМ, она числилась драгоманом 4 разряда ЮМЖД, начала преподавать японский язык в кружке при гимназии БРЭМ в Новом городе. С марта 1936 г. она стала членом президиума женского общества при Управлении государственных железных дорог Маньчжоу-Ди-Го, в которое входили японские и русские служащие.

Сестра Анна окончила гимназию им. Достоевского в 1932 г., в 1933 г. вышла замуж за инженера Элизбара Николаевича Иващенко, из семьи старожила Маньчжурии и друга семьи Ивашкевичей⁹⁵, переехала вместе с мужем в Дайрен, где он работал на заводе «Судзуки». У них было трое дочерей: Ольга, 1933 г.р., Дарья, 1935 г.р. и Галина, 1937 г.р. Сын Григорий в 1935 г. окончил педагогическую гимназию в Харбине. Достигнув совершеннолетия, когда ему исполнилось 18 лет, в 1936 г. выехал в г. Горький. Вера Анатольевна в анкете 22 августа 1936 г. писала, что случилось это помимо ее желания и без разрешения⁹⁶. На работе она вынуждена была скрыть этот факт, сообщив, что сына

⁹⁴ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17852. Л. 22.

⁹⁵ Его отец Николай Михайлович Иващенко был врачом, служил на КВЖД с 1899 г., принимал участие в подавлении боксерского восстания, был участником русско-японской войны.

⁹⁶ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17852. Л. 10об.

отправила в Мукден, к отцу⁹⁷. В дальнейшем о Грише и его судьбе ничего не было известно. Вера Анатольевна пыталась разыскать его, но безуспешно. Судьба Григория Всеволодовича Иванова, как и многих харбинцев, вернувшихся в СССР, была трагична: он был репрессирован в 1936 г., осужден Военным трибуналом Московского военного округа за шпионаж к высшей мере наказания. Верховным судом СССР ВМН была заменена 10 годами лишения свободы⁹⁸. Григорий погиб 18 августа 1937 г. в заключении в Ухтпечлаге⁹⁹. Но семье его судьба была неизвестна.

28 июня 1938 г. супруги Ивашкевичи отметили 50-летие своего бракосочетания. В газетной заметке говорилось: *«За долгую жизнь в Харбине семья Ивашкевич завоевала симпатии среди самых разнообразных кругов русского и иностранного общества. Многие в Харбине помнят открытый гостеприимный дом Ивашкевичей. Известный писатель генерал П.Н. Краснов в одном из своих романов нарисовал эту семью, описывая, какую радость испытал русский офицер, когда на глухой станции КВЖД он попадал в их культурный и гостеприимный дом... В день золотой свадьбы Ивашкевичей, в Иверской часовне при Св. Николаевском соборе был отслужен молебен, а затем на квартире супругов состоялся скромный обед, на котором присутствовали друзья семьи: супруга покойного председателя Бюро эмигрантов генерала Рычкова М.А. Рычкова, З.П. Цветкова, доктор Н.М. Иващенко, Б.Н. Чистяков, К. Фукуй, В.А. Зиссерман и много других. <...> В кратких поздравлениях было отмечено, что семья Ивашкевичей являет собой прекрасный образец лучших русских традиций»*¹⁰⁰.

⁹⁷ Там же. Л. 17.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 2622. Л. 25.

⁹⁹ Благодарю сотрудников Гродековского музея Н. Позину и Н. Гребенкову за предоставленные сведения о судьбе Григория Иванова.

¹⁰⁰ «Золотая свадьба» в Харбине у А.К. и А.В. Ивашкевич // Харбинское время. 1938. 30 июня.

Во второй половине 1930-х гг. атмосфера в среде харбинской русской колонии была непростой и напряженной. То обстоятельство, что бывший муж Веры Анатольевны Вс.Н. Иванов уехал из Харбина и открыто заявил о своей просоветской позиции, а сын Григорий выехал в марте 1936 г. в СССР, осложняло ее положение. Ей даже припоминали, что ее брат – бывший эсер, был выслан из полосы отчуждения в 1918 г. и живет в СССР¹⁰¹, подозревали в неискренности и неблагонадежности. На ней было клеймо: «из советских». В БРЭМ поступали доносы (анонимные), что В. Ивашкевич оказалась «в эмигрантской среде по недоразумению», «основательно пропитана советским духом», «насмешливо отзывается о религии, русских больших людях и вождях», говорила, что «Ленин был большой человек»¹⁰². Ее прямо называли «активной советской политической работницей», видимо, не нравилась ее независимость и прямота. Однако даже в доносах, где приведены ее отзывы о людях, видно, что Ивашкевич больше всего ценила в людях честность, порядочность и профессионализм, независимо от политической и партийной ориентации.

Вера Анатольевна окончила в апреле 1939 г. годичные курсы японского языка при Управлении дороги. Занималась переводами с японского, «крестным отцом» своих переводов считала японоведа Михаила Петровича Григорьева, который дал ей бесценный совет: «Не держитесь слепо формальной близости к тексту, чтобы не было суконности в языке... Любите вашу работу, и тогда вы достигнете цели»¹⁰³.

¹⁰¹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17852. Л. 59–60.

¹⁰² Там же. Л. 32.

¹⁰³ *Ивашкевич В.* Памяти Михаила Петровича Григорьева // Восточное обозрение (Дайрен). 1943. Вып. 16. С. 199.

После смерти родителей¹⁰⁴, оставшись одна в Харбине, Вера Анатольевна начала искать пути выезда в СССР, чтобы разыскать сына. Во время Второй мировой войны в 1944 г. она «тайно, опасаясь японцев», обратилась в Генеральное консульство СССР в Харбине с просьбой «восстановить» советское гражданство и разрешить «въезд в СССР». Позже она сообщала о том, что в 1944 г. неоднократно встречалась с секретарем советского консульства в Харбине Деминым, вице-консулами Савченко и Логиновым и беседовала с ними¹⁰⁵. Генеральное консульство СССР в Харбине поддержало ходатайство, сообщив 26 февраля 1945 г., что «никаких возражений против восстановления советского гражданства В.А. Ивашкевич не имеет»¹⁰⁶. Ответа из Москвы не последовало.

Агенты БРЭМ под номерами Х-590 и Х-559 в донесениях от 12 апреля 1945 г. сообщали, что В.А. Ивашкевич поддерживала переписку с бывшим мужем Вс.Н. Ивановым, который вернулся в СССР, через Генеральное консульство СССР в Харбине. Они же сообщали, что Иванов посетил В.А. Ивашкевич в Харбине перед отъездом в феврале 1945 г. и дал ей обещание, что «они с сыном, который давно уже проживает в СССР, обязательно в недалеком будущем выпишут ее на родину». В донесении было подчеркнуто, что В.А. Ивашкевич не скрывает этот факт и рассказывает об этом всем своим знакомым, заказывает одежду для выезда в СССР: *«В одном месте она заказывала себе пальто, узнав, что пальто может быть готово к середине лета, она сказала, что этот срок ее не устраивает, т.к. к этому времени она предполагает выехать из Маньчжурии»*¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Анатолий Викторович Ивашкевич умер 12 марта 1940 г., Анна Кирилловна – 18 мая 1941 г. Они были похоронены на Старом кладбище Харбина.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 582. Л. 9об.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 2622. Л. 18.

¹⁰⁷ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17852. Л. 67–68.

После окончания советско-японской войны 1945 г. Вера Анатольевна вторично ходатайствовала о восстановлении гражданства СССР¹⁰⁸. Когда Красная армия пришла в Харбин, В.А. Ивашкевич в начале сентября работала в «бригаде переводчиков», которая обслуживала батальон связи в Чанчуне, восстанавливавший телефонно-телеграфную связь вдоль Китайско-Чанчуньской железной дороги (КЧЖД). Переводчик Е. Шиляев вспоминал: «В бригаде нас было 6–7 человек, “главным” у нас стала В.А. Ивашкевич, которую мы в шутку прозвали “наш матриарх”. Ее авторитет признал и советский лейтенант, который беспрекословно исполнял ее просьбы и желания, если это было в его возможностях»¹⁰⁹.

Затем Вера Анатольевна перешла на библиотечную работу в Дом Красной армии начальником библиотеки, где, по её словам, осенью 1945 г. она «имела предложение генералов К.Я. Остроглазова и И.М. Смоликова выехать с Домом Красной армии в Советский Союз. ...Мой отъезд в Союз не состоялся, т.к. в ноябре 1945 г. армия не ушла»¹¹⁰. Она работала также на местной радиостанции. В.М. Ефименко, служивший в 1945–1946 гг. в Харбине, сообщал: «В то время в моем подчинении оказалась местная большая и мощная радиостанция. Наладили мы на ней вещание на четырех языках, а кадры сотрудников были местные. И среди сотрудников, занимавшихся вещанием на русском языке, была одна дама. Она была весьма образована, знала английский, французский и японский языки. Звали ее Вера Михайловна (за точность отчества не ручаюсь). Она оказалась полезной сотрудницей. И в начале сорок шестого года, узнав, что я еду в командировку на Родину, подошла ко мне с просьбой: “Я узнала, что Вы едете домой. Там в Хабаровске живет сейчас мой муж Всеволод Никанорович Ива-

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 582. Л. 2а.

¹⁰⁹ Шиляев Е.П. Моя служба на КЧЖД // Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 173.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 582. Л. 13.

нов. Передайте ему...". Суть просьбы была деликатной, и я ее излагать не буду»¹¹¹.

После ухода Советской армии из Маньчжурии в апреле 1946 г. выяснилось, что выезд в СССР в связи со сложной политической обстановкой в Маньчжурии невозможен. С 1 мая 1946 г. Ивашкевич поступила на службу на КЧЖД старшим экономистом коммерческой службы КЧЖД. В восстановлении советского гражданства ей было отказано, и в документах она проходила как «лицо без подданства». Чтобы доказать свою лояльность советской власти и «заслужить» советское гражданство и разрешение на выезд в СССР, В.А. Ивашкевич принимала деятельное участие в общественной работе, по собственной инициативе начала организовывать литературные и «родиноведческие» кружки среди молодежи Харбина, читать доклады, «подготавливая молодежь к изучению ими Советской Родины». С декабря 1947 г. В.А. Ивашкевич, организовав инициативную группу по чтению докладов, стала работать при Советском клубе в качестве «докладчика по литературно-общественным темам». Она организовывала выставки к памятным датам, устраивала читательские конференции, «читки» новой советской литературы. В мае 1948 г. при Обществе граждан СССР (ОГС) в Харбине было организовано лекционное бюро, в котором Вера Анатольевна стала ответственным руководителем литературной секции, а также докладчиком. Помимо этого, она преподавала японский язык и делала переводы литературных произведений японских писателей.

10 октября 1947 г. В.А. Ивашкевич была назначена начальником Центральной библиотеки КЧЖД в Харбине, ее заместителем был Константин Александрович Боташев. Но и здесь, несмотря на страстное желание заслужить пра-

¹¹¹ Ефименко В.М. Трудная судьба писателя (о Всеволоде Никаноровиче Иванове) // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2009. № 3(44). С. 47.

во вернуться на родину, она проявляла независимость и самостоятельность. Харбинец Е.П. Шилаев вспоминал, что по распоряжению властей в руководимой ею библиотеке был создан «запретный фонд» из эмигрантских изданий, книги в который отбирали работники Генерального консульства СССР. Доступ к фонду имели только руководители библиотеки, книги выдавались по особым разрешениям. Но В.А. Ивашкевич выдавала неофициальным порядком «запретные» книги некоторым командированным из Москвы. Например, заместитель Управляющего КЧЖД генерал-лейтенант административной службы В.И. Седых получил таким путем книгу П.Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени», которую давно хотел прочитать¹¹².

В 1949 г. Ивашкевич в третий раз обратилась в консульство с просьбой о восстановлении советского гражданства. Управляющий Генконсульством СССР в Харбине Малинин 20 октября 1949 г. выдал В.А. Ивашкевич положительную характеристику: *«В августе 1945 г. в период освобождения Маньчжурии советскими войсками Ивашкевич принимала деятельное участие в сохранении библиотеки КЧЖД. С 1947 г. работала начальником Центральной библиотеки КЧЖД, значительно улучшила работу библиотеки. В настоящее время Ивашкевич много работает над повышением своего политического кругозора – изучает историю партии, первоисточники марксизма-ленинизма. Принимает активное участие в общественной работе: часто выступала с докладами и беседами в ОГС, КЧЖД и Харбинском политехническом институте. Ивашкевич является членом редколлегии стенгазеты Управления КЧЖД, много уделяет внимания на повышение общеобразовательного и политического кругозора служащих библиотеки КЧЖД. Среди работников КЧЖД и ОГС пользуется доверием. Генконсульство СССР в Харбине ходатайство Ивашкевич поддерживает»*¹¹³. В справке, выданной для консульства

¹¹² Шилаев Е.П. Моя служба на КЧЖД // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 230.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 2622. Л. 16.

начальником культпросветотдела КЧЖД 17 октября 1949 г., говорилось: «Тов. Ивашкевич знающий и опытный работник. Проявляя инициативу, настойчивость и свои организаторские способности, тов. Ивашкевич значительно улучшила работу библиотеки, популяризируя литературу и продвигая её в массу. Заслуженно пользуется авторитетом среди работников коллектива Центральной библиотеки»¹¹⁴. Даже сквозь канцеляризмы и трафареты бюрократического стиля официальных бумаг прорывалось искреннее восхищение неистощимой энергией Веры Анатольевны. Однако и это ходатайство было отклонено решением Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1950 г.¹¹⁵ 5 августа 1950 г. В.А. Ивашкевич была переведена в Харбинскую сельскохозяйственную академию преподавать русский язык китайцам.

21 апреля 1953 г. она вновь подала ходатайство о восстановлении в гражданстве СССР на имя Генерального консула СССР в Харбине Добашина: «С момента прихода Красной армии в Харбин я все время работала как советский человек, старательно готовя себя к великому акту – получению вновь гражданства. В 1950 г. я узнала, что мне отказано в этом. Перенеся этот моральный удар, я решила делом доказать свою лояльность и искупить свою вину перед Родиной. Я всей душой, всем сердцем предана Советской власти. Несмотря на неимение советского гражданства, я, работая активно в 4-ом местном отделении Модягоу [видимо, ОГС – М.К.], состою в редколлегии стенгазеты, веду кружок художественного чтения, состою членом лекционного бюро и выполняю все поручения райотдела Нового города и своего местного отделения. 8 лет я веду культмассовую работу. Я организовывала лекции, вела работу в кружках, читала доклады и лекции, была в 1-й инициативной группе, создавшей в городе лекционное бюро и т. д. Мою работу знают в Обществе граждан СССР и в райотделе Нового города. Спросите тов. Крохмалю, Эфроимского и др. ...Я не имею сов-

¹¹⁴ Там же. Л. 20.

¹¹⁵ Там же. Л. 14.

гражданства, но я советский человек, я передумала, перечувствовала много и сознательно [подчеркнуто в тексте – М.К.], горячо желаю получить прощение своей великой Родины»¹¹⁶.

В её деле содержится ответ из Комитета государственной безопасности на запрос МИД от 4 июня 1954 г., который объясняет многочисленные отказы в восстановлении советского гражданства: «Ивашкевич В.А., проживая в Китае, в прошлом являлась членом РОВСа (Русский общевойсковой союз), имела связь с японским генералом Хастэ [Хасебе – М.К.], который посещал ее квартиру. Муж Ивашкевич – Иванов Всеволод Никанорович в прошлом служил в органе пропаганды колчаковской армии, после разгрома которой эмигрировал в Китай. Проживал в Китае, принимал деятельное участие в ряде белоэмигрантских организаций и фашистской прессе, был тесно связан с японцами. В 1937 году Иванов Вс.Н. восстановлен в советском гражданстве, в 1945 г. прибыл на постоянное жительство в СССР. В настоящее время проживает в Хабаровском крае. Сын Ивашкевич – Иванов Григорий Всеволодович в 1936 г. был осужден Военным трибуналом Московского военного округа за шпионаж к В.М.Н. Верховным судом СССР высшая мера наказания Иванову Г.В. была заменена 10 годами лишения свободы. В 1937 г. умер в заключении. Брат Ивашкевич В.А. – Ивашкевич Борис Анатольевич с 1906 г. по 1918 г. состоял в партии эсеров. Возражений против приема в гражданство СССР Ивашкевич В.А. не имеется»¹¹⁷.

Получив долгожданный советский паспорт в 1954 г., шестидесяти четырех лет от роду, она, как и многие русские эмигранты Маньчжурии, решила вернуться в СССР и выехала на целину, в Казахстан. Сестра Анна с мужем и детьми выехали в 1954 г. из Дайрена в Алма-Ату¹¹⁸. Возможно, там же жила и Вера Анатольевна, но о ее дальнейшей судьбе достоверных данных нет. По словам писателя

¹¹⁶ Там же. Л. 3.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 2622. Л. 25.

¹¹⁸ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17863. Л. 20б.

В.М. Ефименко, после репатриации она жила и работала в Казахстане, Всеволод Никанорович Иванов поддерживал с ней переписку, помогал материально до её кончины¹¹⁹. Дата смерти ее неизвестна, но, скорее всего, она умерла до 1960 г. По свидетельству Н.С. Позиной, в письме к Л.А. Зандеру от 16 марта 1960 г. Вс.Н. Иванов сообщал, что «потерял Веру Анатольевну и Гришу».

Заключение

Семья Ивашкевичей была, с одной стороны, типичной российской интеллигентной семьей начала XX века, отличительной чертой которой было служение, а также категории долга, справедливости, достоинства. Жизнь на окраинах империи и в эмиграции сформировали у членов семьи такие качества, как смелость, человеческая солидарность, стремление помочь окружающим независимо от социальной и партийной принадлежности, практичность, предприимчивость. Для всех членов семьи были также важны профессионализм, честность, в том числе, и перед собой, любовь к Родине и стремление быть ей полезной, постоянная работа над собой, поиск смысла и содержания. Важно то, что Ивашкевичи никогда не отрекались от родины, сумели в непростые времена в эмиграции сохранить связи с Россией, отвергая политические и идеологические различия.

Отталкиваясь от истории этой семьи, можно проанализировать разнообразные аспекты как Большой, так и локальной истории: освоение новых территорий Российской империи, особенности службы на окраинах и колониального быта, взаимодействие с местным населением, стратегии выживания в эмиграции, процессы советизации внутри русской колонии в Маньчжурии. Жизнь семьи Ивашкевичей дает обширный материал для изучения го-

¹¹⁹ Ефименко В.М. Указ. соч. С. 48.

ризонтальных связей, формирования русской идентичности, сохранения связей с Россией. Таким образом, семейные истории имеют большой исследовательский потенциал, позволяют по-другому взглянуть на историю эмиграции в Маньчжурии и могут быть вписаны в широкий исторический контекст.

Abstract

Chapters of History

Chapter 1. Russian Officers' Intelligence Missions to India. Lieutenant-colonel Lavr Georgievitch Kornilov in North-West India

About the author: Tatiana N. Zagorodnikova, PhD (History),
Leading Research Fellow at the Center for Indian Studies, Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia, e-mail: TNZAG@
mail.ru

The latter half of the XIX c. was the time of the Great Game in Central Asia; and one of the methods of the game playing was intelligence. North West India, the probable battle-ground of the future war between Russian and Anglo-Indian armies, became the focal point. Each and every detail, including troops contingent, military hardware, track capacity, was of great interest for Russian War Ministry. The chapter deals with intelligence operations of Russian officers collecting information on army, society and political life. Among intelligence officers who visited India were such famous persons as N.G. Stoletov, A.Ye. Snesev, L.G. Kornilov and little-known ones: V.V. Losev and P.P. Atayev. Those were semi-official missions when Russian officers travelled under their own names and ranks and secret missions as well. The majority of their Reports were published in classified editions of the Main Headquarters. Besides military information one can find there many interesting facts about the attitude of the English towards local population, towards the Russians, etc.

Key words: N.G. Stoletov, A.Ye. Snesev, L.G. Kornilov, intelligence, the Great Game in Central Asia, North West India.

**Chapter 2. In Turkey, Between Paris and Berlin:
The Constantinople Group of the People's Freedom Party
at the Beginning of 1921**

About the author: Alexey V. Antoshin, DSc (History), Professor at the Department of Oriental Studies, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: alex_antoshin@mail.ru

The chapter is devoted to an important period in the history of the Constantinople group of the People's Freedom Party associated with its reaction to the note "What to do after the Crimean catastrophe?" prepared in Paris under the leadership of P.N. Milyukov. The article is based on the protocols of the Constantinople group of cadets for January – early February 1921. The author proves that by supporting the White Army, the Russian liberals who ended up in Turkey advocated public control over it, which did not meet with the support of the military command.

Key words: Russian liberalism, Cadets party, White movement, Russian Diaspora, "Constantinople period".

**Chapter 3. S.D. Sazonov vs N.A. Kudashev
and V.N. Krupensky:
A Polemic about the Perspective of the Work of the Russian
Diplomatic Missions in the Far East in 1920**

About the author: Elena I. Nesterova, PhD (History), Associate Professor at the Department of History and Theory of Culture, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia, e-mail: blb1@mail.ru

In this chapter, the author addresses an important topic in the context of a microhistorical analysis of the processes of formation of the Russian emigration. The object of consideration was the reaction of the heads of diplomatic missions in the Far East to the decision of the Minister of Foreign Affairs in exile S.D. Sazonov to radically reduce the number of Rus-

sian consulates and the number of employees. This measure was caused by an acute shortage of finances necessary for the maintenance of consulate institutions. During the discussion, the envoys initiated a discussion of another issue - the need to develop coordinated actions in the conditions of the imminent recognition of Soviet Russia by the governments of China and Japan. The analysis of the correspondence shows that at the individual level of understanding of the situation, there was variability in the question of the possibility of interaction with Soviet diplomats during the transfer of cases and real estate owned by Russia. However, the principles of centralism and corporate unity, which were clearly manifested in 1917, remained relevant and in 1920. The instruction compiled by S.D. Sazonov (dated March 4, 1920 for No. 307), without alternative, prescribed not to enter into contact with representatives of Soviet Russia. The closure of Russian representative offices in China and Japan was carried out in compliance with the basic provisions set out in the Sazonov's instructions, and the absolute majority of diplomatic officials who worked in these missions remained in exile

Key words: diplomatic mission in Tokyo, diplomatic mission in Beijing, N.A. Kudashev, V.N. Krupensky, S.D. Sazonov, emigration.

Chapter 4. Russian Subjects' Charitable Activity in China during the First World War

About the author: Elena N. Nazemtseva, DSc (History), Leading Researcher at the China Department, Institute of Oriental Studies, RAS; Leading Researcher at the Department of the History of the Russian Diaspora in Alexander Solzhenitsyn House of the Russian Diaspora, Moscow, Russia, e-mail: nazemtsevaele-na5535@gmail.com

The publication, based on archival material that has not been previously introduced into scientific circulation, exam-

ines the main directions and forms of charity of representatives of the Russian diaspora in China during the First World War.

Russian citizens were conscripted into the Russian army at the beginning of the war and sent from China to the front. They were mainly guards and employees of Russian consulates, the China Eastern Railway, as well as peasants from Russian settlements in the provinces bordering Russia in China.

Those who remained in China sought to ease the situation of Russian soldiers at the front, their family members in the rear and, in fact, in China. The forms of charity of the Russian community in China were different: charity balls, meetings, concerts, fairs, fundraising, warm clothes, gifts for soldiers were regularly organized. Members of Russian concessions in Hankou, Tianjin, Shanghai, Harbin collected donations. Private individuals actively donated.

The transfer of funds to Russia was carried out by the consuls through the Russian-Asian Bank. The money was sent to wounded soldiers, families in the rear, refugees from the occupied territories, children left without parental care. A significant amount of funds were sent to the Russian Red Cross Society. Part of the funds were sent to the Allies – in favor of charitable institutions of Serbia and Montenegro – at the disposal of the Serbian, Montenegrin Red Cross. In addition, sometimes charity events were organized jointly with representatives of the communities of the allies – Great Britain, France, Belgium, Serbia.

In addition, assistance was provided to the families of those called up for the war who remained in China. In particular, in Xinjiang, Russian consuls petitioned the Russian authorities in Petrograd to provide financial assistance to families of the Altai District who were left without breadwinners due to their calling to the front.

In general, the subjects of the Russian Empire who lived in China during the First World War took an active part in

helping the Russian army, relatives of soldiers and officers, as well as refugees.

Key words: Russian Diaspora, China, Russian Empire, World War I, charity, consulates.

Chapter 5. Kazakh Diaspora and Mass Repatriation from Xinjiang to Kazakhstan in the Second Half of the 1950s – early 1960s

***About the authors:** Natalya N. Ablazhey, DSc (History), Leading Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: ablazhey@academ.org*

Kulgazira N. Baltabayeva, PhD (History), Executive Director of the Alumni Association, Al-Farabi Ka-zakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: kulgazira_777@mail.ru

The Kazakh ethnic group was divided between Russia and China as a result of the demarcation of the border in the second half of the XIX century, as a result of which the territory of residence (nomads) of Kazakhs turned out to be much wider than the national-state borders that had developed by that time. The mass flight of Kazakhs to Xinjiang was the result of the national uprising of 1916 and the famine of the early 1930s.

In carrying out the repatriation, the authorities pursued economic and political goals. Part of the post-war program of repatriation of Soviet citizens was the return to the country of white immigrants, ethnic refugees of different years and their descendants. The reason for this was the campaign to grant Soviet citizenship to immigrants from the Russian Empire and the USSR. Legal support of repatriation from the People's Republic of China was assigned to the Ministry of Foreign Affairs of the USSR.

Repatriation was implemented as a planned resettlement within the framework of the program for the development of

virgin and fallow lands. Kazakhstan became one of the host regions. Repatriation was implemented in several stages and complicated the situation in Xinjiang. Migration received a pronounced ethnic character. In 1962–1963 repatriation got out of control and took the form of a mass ethnic refugee. In total, for 1954–1963 Kazakhstan accepted about 250 000 repatriates and refugees. The repatriation program had long-term consequences for both the USSR and the People's Republic of China. In particular, it led to an increase in the number of the titular nation in the Kazakh SSR, partially levelling the mass migration of the Russian-speaking population to the region.

The decision to begin repatriation was made by the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union on March 15, 1954. The State Council of the People's Republic of China has decided to facilitate the gradual repatriation of Soviet citizens. A program for the development of virgin and fallow lands was launched in the USSR, for this reason Kazakhstan was considered as the main territory for the resettlement of repatriates from China. The authorities of Soviet Kazakhstan claimed that a third of the population of the Chinese border area were immigrants from the Soviet Union.

The repatriation program had long-term consequences for both the USSR and the People's Republic of China. In particular, it led to an increase in the number of the titular nation in the Kazakh SSR, partially leveling the mass migration of the Russian-speaking population to the region. Repatriation contributed to the preservation of the Kazakh language and the national identity of the people.

Key words: Russian Empire, USSR, Kazakh SSR, People's Republic of China, Xinjiang Province, Manchuria, Xinjiang Uy-gur Autonomous Region (XUAR), Ili Kazakh Autonomous Prefecture, Kazakhs, refugees, Sovietization of emigration, repatriation.

Chapter 6. "Russian Finns" and the Russian Consular Service in Australia during the Late 19th – Early 20th Centuries (on the Materials of the Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire)

About the author: Aleksander Ya. Massov, DSc (History), Professor at the Historical and Cultural Studies Department, St. Petersburg State Marine Technical University; Professor of the Master's program "Pacific Studies" at the School of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: amassov@gmail.com

Based on documentary materials from the Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire, the chapter highlights the work of Russian consuls in Melbourne with Russian subjects-Finns, natives of the Grand Duchy of Finland, in the second half of the 19th – early 20th centuries.

The specifics of working with the "Russian Finns" was that most of them came to Australia as sailors of merchant schooners, both Finnish, sailing under the Russian flag, and merchant ships of other European countries. The consuls dealt with issues related to helping sailors whose ships were shipwrecked, assisted in the preparation of the necessary documents, and often helped the sailors financially. A special area of work with Finnish sailors was the joint search with the Australian authorities regarding the return to schooners of deserter sailors who left Finnish ships in an attempt to get hired on the ships of European shipowners with higher wages. The Russian consuls proposed a number of measures to counteract these escapes. With the advent of the first and not always successful attempts to establish Finnish settlements in Australia at the beginning of the 20th century, Russian consuls took part in alleviating the fate of Finnish settlers.

The analysis shows that work with Russian Finns was one of the most important areas of activity for the Russian consular service in Australia and served as one of the factors

for the increase in Russian consular missions in the Commonwealth of Australia. The efforts of the consuls to protect the interests of the "Russian Finns" clearly indicate that guardianship and patronage by the consular representatives of Russia extended to all Russian subjects, regardless of their nationality. This activity serves as yet another evidence of the need and importance of the Russian consular service in Australia.

Key words: Russian-Australian relations, Russian consular service in Australia, Finns in Australia, Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire.

Chapter 7. Russian Diaspora in Australia in the Funds of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Diaspora in Moscow

About the author: Natalia S. Skorobogatyh, PhD (History), Senior Fellow at the Centre for South-East Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, e-mail: arhip2212@yandex.ru

The author concerns some problems of searching for materials on the Russian diasporas history in the repositories of the Russian Federation, in particular, in libraries and archives of Moscow. The main attention is paid to the funds of the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad, established in the 1990s, where rich materials on diasporas, that were transferred to Moscow by the descendants of emigrants from Soviet Russia, are collected. The description and analysis of this collection documents originating from Australia formed the basis of this chapter.

Key words: The Commonwealth of Australia, the Russian diaspora, K.M. Khotimsky, N.M. Kristesen (Maximova), M.A. Alekseeva, G.G. Martynov, M.A. Moiseev.

Chapter 8. The Ideological and the Organizational Principles of the Zionist Movement of the 1920s in the Soviet Union and Their Export to the Jewish Yishuv of Palestine and the State of Israel

About the author: Aleksander Ye. Lokshin, PhD in History, Senior Researcher at the Department for Israel and Jewish Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia, e-mail: ale-lokshin@yandex.ru

In order to present in a relevant way the socio-political atmosphere and conditions in which lived the Yishuv – the Jewish community in Palestine in the 1920s–1930s, in which at that time many ideological and organizational features of the future State of Israel were formed, the author considered it necessary to refer to characterization of the Zionist movement in the Soviet Union in the 1920s. The chapter notes a number of features of the socio-political Soviet realities of that time. As a result of the immigration of Jewish youth to Palestine, some of them were transferred to Palestine.

This was done mainly by young Zionist socialists of various trends, to whom the Soviet authorities replaced exile and imprisonment with expulsion to Palestine in the mid-1920s. The process of “transferring” to Palestine a complex of ideological, organizational and cultural practices, which together formed the basis of Soviet political culture, was unambiguous and not simple. The transplantation of socialist Zionist ideas and organizational principles influenced the formation of the socio-political “face” of the Yishuv, and, subsequently, Israel. Despite the fact that the ideas of the Russian revolution have lost their original meaning, they remained an element consonant with the socialist rhetoric characteristic of Israel in the first decades, the tradition of May parades, the symbolism of red banners waving next to national blue and white flags. To an even greater extent, this consonance was characteristic of the culture of a number of kibbutzim, in which many members

of the Zionist socialist parties from the USSR settled. The International was performed at any suitable occasion, and on the day of May 1 it sounded first, and only after it the national anthem followed.

Key words: immigration, Israeli political parties, State of Israel, Palestine, socialist Zionist movement, Soviet Jews, Soviet Russia.

Current Issues of Russian Diaspora

Chapter 9. Digitalization of International Humanitarian Cooperation and Development of Russian-speaking Diasporas in the Countries of the East (Pakistan)

About the author: Marina V. Bakanova, writer, publicist, analyst, and independent researcher, Chief of "Dua Hospital" International Care Medical Centre, Islamabad, Pakistan, e-mail: mari-ina@mail.ru

Currently there is an active formation of the digital environment, which can certainly become one of the factors of international humanitarian cooperation. The development of digitalization and promotion of online programs in the Russian language, literature, Russian history, geography and other humanitarian disciplines, as well as the popularization of Russian culture is currently a very relevant aspect of the formation of the Russian information field. The digitalization process is especially relevant for the Russian-speaking diaspora of the countries of the East. This is due to the existence of limitedly free countries both in general and in relation to the "Russian world". The main directions for the development of digitalization can be considered, meaning: the development and creation of electronic textbooks and libraries, online courses, mobile applications with mini-lessons (including in the languages of the peoples of Russia), electronic dictionaries, educational platforms, including scientific centers, laboratories and museums, content of online games based on Russian history, geography, culture and the development of social net-

works and blogging projects in parallel languages. Also relevant are the projects of direct contacts with the Ministry of Foreign Affairs, Rossotrudnichestvo, Russian universities, and analytical platforms. Using the example of Pakistan, we can consider most of the problems that lead to the impossibility of the full development and study of the Russian language offline and prove the need for the active development of digital platforms.

Key words: digitalization, Russian language and culture, pivot to the East, restricted free countries, humanitarian diplomacy, Russian world, international relations, Rossotrudnichestvo, Russia, Pakistan.

Chapter 10. Our Compatriots in Israel: Two Decades after Immigration

About the author: Nina A. Semenchenko, Senior Researcher at the Israel and Jewish Communities Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia, e-mail: semnina2008@yandex.ru

In the second half of the 20th century our compatriots moved to Israel in two immigration waves. The first wave took place in the Soviet period coming to being after the Six-Day War of 1967. The second one happened at the junction of two periods in Russian history: in the late eighties and early nineties. It was named “Russian Aliyah” despite the fact that there were representatives of nearly all Soviet Union’s republics among those immigrants. Absorption and integration of the immigrants went in different ways. The immigrants of the 1970s were almost completely integrated according to “melting pot” concept. The migrants of the 1990s, chose “selective integration”. The author takes up their past and present situation, as well as some integration issues two decades after they arrived in Israel.

Key words: Israel, immigration, absorption, integration, “Russian-speaking” Israelis.

Chapter 11. Guam, Russian Emigration and Limited American Hospitality

About the author: Dmitrii S. Kochetkov, Junior Research Fellow at the Centre for South-East Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia, e-mail: gegen@yandex.ru

This chapter is dedicated to the unincorporated territory of the USA – the island of Guam in Mariana Islands. Due to its special status Guam has become the point of destination for lots of people from different countries, willing to immigrate to the USA in different ways, including asylum seeking. There are some Russians among those people. The events of the last decade and changes in international politics are reflected in the numbers of Russians flying to Guam and in the attitude of American authorities to them. The number of Russians on Guam and duration of their stay makes us suggest that there is a Russian diaspora being formed on the island.

Key words: Guam, Russia, USA, migration, Russia – United States relations.

Creative Work in Emigration

Chapter 12. “Russian” Poetry of Uzbekistan: Transcultural Intersections

About the author: Gulchira T. Garipova, DSc (Philology), Associate Professor, Professor of the Institute of Humanities of Moscow City University, Professor of the Department of Philology and Linguoculturology of the Kosygin Russian State University, Moscow, Russia, e-mail: ggaripova2017@yandex.ru

The chapter deals with the controversial issues of identifying the modern literature of Uzbekistan, written in Russian by writers both belonging to the Russian “diaspora” system, and not correlated with it according to classical criteria (on the

basis of national non-belonging to the Russian nation). An attempt has been made to describe various poetic phenomena of this phenomenon, designated by the author as “transcultural literature” of Uzbekistan in Russian. The formal and substantive aspects of the two most interesting vectors of “alternative literature of Uzbekistan” in Russian, presented by the Tashkent and Fergana poetic schools, are outlined. The author analyzes several individual author's principles of poetic representation of the genius loci, correlated with the meta-image “garden”. It is noted that the transcultural component of the poetry of Uzbekistan in Russian is multicultural in nature due to a special form of polyhome of the authors. Understanding the multicultural component of the Russian literature of Uzbekistan as a transcultural phenomenon makes it possible to find manifestations of the “Russian ethos” in completely different authorial artistic systems, which at the same time are facts of the Uzbek, Russian literary processes, and sometimes other “interliterary communities”.

Key words: alternative literature of Uzbekistan, Tashkent poetic school; Ferghana poetic school; transcultural literature; multiculturalism; genius loci.

Chapter 13. Transculturation Case: The Fate of the Russian Artist in Central Asia

About the author: Eleonora F. Shafranskaya, PhD in Linguistics, Professor at the Department of Russian Literature, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, e-mail: shafranskayaef@mail.ru

The work contains one of the facets (transcultural) of the biography of the Russian artist Alexander Vasilievich Nikolaev (1897–1957). In 1920, the Soviet government sent him to Central Asia, to Samarkand, to restore ancient monuments (to Samkomstaris). The meeting with another culture became a fateful one for the artist: the change of name to Usto Mumin,

the emergence of new themes in painting, life to the end in Central Asia.

Key words: Usto Mumin, bachi, transculturation, repressions, Central Asia.

Chapter 14. Creative Activity of Russians in the Pacific States: 19th – Early 21st Century

About the authors: Maria N. Ignatieva, independent researcher, Moscow State University, named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia, e-mail: mariyaignatieva@mail.ru;

Ilya V. Shcherbakov, editor of the Military-historical magazine "Oryol Military Herald", Oryol, Russia, e-mail: kefirino625@mail.ru

The chapter tells about the first contacts of Russian people with the world of the South Pacific Ocean and the inhabitants of its islands, about the attitude towards Oceania and the perception of it by Russian people of the 19th century. The authors dwell in detail on the contribution to the study of Oceania made by the famous Russian explorer and traveler N.N. Miklukho Maclay. In addition, the chapter also examines the activities of another famous Russian from the 20th – 21st century – Mishutushkina N.N. – an artist and a great lover of Oceania, who lived here most of his life, and who contributed to the development of scientific and cultural relations between Vanuatu and the USSR (and subsequently with the Russian Federation).

Key words: Oceania, Vanuatu, N.N. Miklukho-Maklay, artist, traveller, N.N. Mishutushkin, A. Pilioko.

Personalia

Chapter 15. One of Many (to the Centenary of the Exodus of the White Army from Russia)

About the author: Galina I. Kanevskaya, DSc (History), Far Eastern State University, Vladivostok, Russia, g.i.kanevskaya@gmail.com

October 2022 marked the 100th anniversary of the exodus of the remnants of the White Army from Russia. One of the participants in this event was Doctor Georgy Fridrikhovich Nating (1896–1957), on whose fate, typical of many thousands of Russian white emigrants, one can trace their path to abroad. Personal documents of G.F. Nating, testifying to the main milestones of this path and about life in China and Australia, was preserved by his son Gennady Georgievich Nating. These documents became the basis for the author to write the chapter.

Key words: Exodus of the White Army, Russian emigration in China and Australia, Doctor G.F. Nating.

Chapter 16. The Ivashkevich Family: Half a Century in Manchuria

About the author: Maria V. Krotova, DSc (History), Professor at the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: mary_krot@mail.ru

The family of General A.V. Ivashkevich has been closely connected with Manchuria since 1898, the period of construction and then operation of the Chinese Eastern Railway (CER). Each member of this family was unique in its own way. So, the General's wife Anna Kirillovna was a journalist and writer, from her articles the Russian public got acquainted with the life of China and Japan. Son Boris was a famous scientist, a forester, a researcher of the forests of Manchuria and the Far

East; daughter Vera was not just the wife of a writer Vsevoloda Ivanova, but also an extraordinary woman. The Ivashkevich family was both typical and unique for its time. Closely connected with China for more than half a century, the Ivashkevichi considered themselves "aborigines" of Manchuria, knew it and its inhabitants well. Studying the history of this family, it is possible to analyze various aspects of both Big and local history: the development of new territories of the Russian Empire, the peculiarities of colonial life, service on the outskirts of the empire, interaction with the local population, survival strategies in emigration, the formation of Russian identity. The article is based on various unpublished documents - first of all, autobiographies and personal files of family members from various archives, as well as memoirs and diaries of emigrants, correspondence, press materials.

Key words: General A.V. Ivashkevich, military history, family history, Manchuria, Harbin, China, CER, emigration.

Избранная библиография

Архивные документы

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147.
Оп. 485. Д. 951; Ф. 155 (II Департамент, I-5). Оп. 408. Д. 1274. Д. 1355; Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 692. Д. 779. Д. 820. Д. 859. Д. 890. Д. 951. Д. 1004. Д. 1076. Д. 1314; Ф. 256 (Генконсульство в Лондоне). Оп. 555а. Д. 1104. Д. 1146. 1191.
- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 100.
Оп. 34. П. 132. Д. 48; Оп. 40а. П. 266. Д. 38; Оп. 47. П. 383. Д. 42; Оп. 48. П. 398. Д. 49; Оп. 49. П. 206. Д. 17; Оп. 51. П. 435. Д. 33; Оп. 52. П. 446. Д. 30; Оп. 53. П. 457. Д. 30; Оп. 54. П. 470. Д. 32; Оп. 55. П. 484. Д. 29.
- Архив Дома Русского зарубежья (ДРЗ). Ф. 1. Оп. 1. Ав. 1. Д. 169. Ав. 2. Д. 291. Ав. 3. Д. 49. Ав. 5. Д. 263. Ав. 14. Д. 208. Оп. 2. Д. 69 (Головки И.П.); Фонд 91. Каталогный номер: 0091. Ф. 91. Оп. 1. 7 ед. хр.; 1916–2007. 7 документов. Оп. 1. Ед. хран. 1, 4, 5, 6; Ф. 241. Мартынов Георгий Георгиевич (1921–2006) – председатель Сиднейского отдела Союза чинов Русского корпуса. Каталогный номер: 0241. Ф. 241. Оп. 1. 19 ед. хр.; 1922–2011. – 19 документов. Оп. 1. Ед. хран. 1, 7, 8, 15, 18, 19.
- Архив Г.Г. Натинга.
- Архив Г.И. Каневской.
- Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 6; Оп. 29. Д. 355; Оп. 30. Д. 1663; Оп. 36. Д. 1508; Оп. 48. Д. 49.
- Всероссийская мемуарная библиотека (ВМБ). Каталогный номер: 0001. Ф. 1. Оп. 1–2. 643 ед. хр.; 1918–2008.
- Государственный архив Алматинской области (ГААО). Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 33.
- Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 1–П. Оп. 1. Д. 7260; Ф. 788. Оп. 1. Д. 91.
- Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. Д. 8. Д. 10. Ф. 7523. Оп. 68. Д. 2622. Ф. 7747 [ЦК Всероссийской трудовой организации «Ге-Халуц»]. Оп. 1. Д. 8.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 17850. Д. 17851. Д. 17852. Д. 17863.
- Дневник Д. Шор. Записи от 11 марта и 16 июня 1925 г.: Архивный фонд семьи Шор. Отдел рукописей в Национальной и Университетской библиотеке в Иерусалиме. 1521/449/6; 1521/2/450.
- Записка Центрального комитета Организации русских сионистов, адресованная наркому финансов Н. Крестинскому / РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 233. Лл. 7–7об.

- Национальный архив Великобритании / Public Record Office.
London (PRO). FO371/10491. Материалы Еврейского теле-
графного агентства (ЕТА).
- Отдел рукописей Национальной и Университетской библиотеки в
Иерусалиме. [Архивный фонд семьи Шор]. Дневник
Д. Шора.
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).
Ф. 874. Оп. 1. Д. 89.
- Российский государственный архив социально-политической исто-
рии (РГАСПИ). Ф. 17 [ЦК КПСС, Секретный отдел и Бюро
Секретариата]. Оп. 84. Д. 44. Д. 748; Ф. 76. Оп. 3. Д. 326; Ф. 82.
Оп. 2. Д. 1259; Ф. 445 [Центральное бюро еврейских коммуни-
стических секций при ЦК ВКП (б)]. Оп. 1. Д. 40. Д. 86. Д. 119.
Д. 167.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7803. Оп.
7. Д. 335. Д. 392.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Ф. 846. Оп. 2. Д. 127. Ф. 409. Оп. 1. Д. 183444. Ф. 2000. Оп. 1. Д.
3709. Д. 3712.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323.
Оп. 9. Д. 1973. Оп. 13. Д. 582. Ф. 387. Оп. 24. Д. 3967. Ф. 552. Оп.
1. Д. 258. Д. 263. Ф. 596. Оп. 9. Д. 436.
- Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский
дом) (РО ИРЛИ). Ф. 139. Д. 137. Ф. 377. Оп. 7. Д. 1621.
- Специальный государственный архив Комитета национальной без-
опасности Республики Казахстан. Ф. 1. Оп. 28. Арх. № 201.
- Специальный государственный архив Департамента Комитета
национальной безопасности Республики Казахстан по Павло-
дарской области (СГА ДКНБ РК по Павлодарской области).
Ф. 9. Оп. 40. Арх. № 1948. Арх. № 1960. Арх. № 1964. Арх.
№ 2070. Арх. № 2088. Арх. № 01916/16. Арх. № 01916/46.
- Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской
области (ЦДНИ ВКО). Ф. 652. Оп. 2. Д. 67.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА
РК). Ф. 1955. Оп. 2пр. Д. 266. Д. 280. Д. 569; Оп. 2. Д. 345.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА
СПб). Ф. Р-1116. Оп. 1. Д. 893.
- Центральный государственный архив литературы и искусства
Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 446. Оп. 1. Д. 38.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-
Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 403. Оп. 1. Д. 510. Ф. 449. Оп. 3. Д.
178. Ф. 994. Оп. 5. Д. 306.
- Шор Д.С.* Воспоминания. Архивный фонд семьи Шор (1521), Отдел
рукописей в Национальной и Университетской библиотеке в
Иерусалиме. Folder 449/6.

Литература и источники

- Абдуллаев Ш.* Двойной полдень (рассказы, эссе). СПб.: Борей-Арт, 2000. 250 с.
- Абдуллаев Ш.* Другой юг. М.: Носорог, 2020. 240 с.
- Аблажей Н.Н.* Казахская диаспора Синьцзяна: история и перспективы этнической миграции в Казахстан // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 48–52.
- Аблажей Н.Н.* Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. 2 изд., испр. Новосибирск: Б. изд., 2015. 254 с.
- Аблажей Н.Н.* Резмиграционная программа СССР во второй половине 1940-х гг. // Вестник Пермского университета. 2018. № 3(42). С. 116–124.
- Аблажей Н.Н.* С Востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
- Аблажей Н.Н., Балтабаева К.Н.* Репатриационная политика России и Казахстана (1991–2014 гг.) // ЭКО. 2016. № 4. С. 165–172.
- Абросимова Е.А.* История законодательного регулирования создания и деятельности российских благотворительных организаций // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 89–94.
- Австралиада.* История русских в Австралии. Т. I. Сидней, 2004. 297 с.; Т. II. Сидней, 2008. 271 с.; Т. III. Сидней, 2010. 287 с.
- Агапов М.* Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920–1930-е гг. Тюмень: Вектор бук, 2011. 322 с.
- Адаменко Е.А.* Благотворительность и милосердие: рубеж XIX–XX вв. СПб.: Лики России, 2000. 247 с.
- Адлер Ш.* Программы профессиональной переквалификации новых репатриантов в Израиле // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. Сборник статей. / под ред. Эпштейна А.Д. и Федорченко А.В.; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; Иерусалимский ун-т; Открытый ун-т Израиля. М., 2000. С. 90–104.
- Александров С.А.* Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М.: АИРО-XX, 1996. 152 с.
- Антошин А.В.* Русские либералы в Турции после Крымской катастрофы: Константинопольская группа кадетской партии в конце 1920 г. // Восточные ветви российской диаспоры. Т. 5. Из прошлого в настоящее: коллективная монография. / Ин-т востоковедения Росс. акад. наук, Лаб. по изуч. росс. диасп. в странах Востока [отв. ред. Д. С. Панарина]. М.: ИВ РАН, 2022. С. 108–120.

- Аристов Н.А.* Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Маев Н.А. Материалы для статистики Туркестанского края / Туркестанский статист. комитет. СПб., 1873. Вып. 2. 583 с.
- Аронов А.А.* Золотой век русского меценатства. М.: Изд-во Московского государственного института культуры, 1995. 112 с.
- Астафьев Г.В.* Казахи Синьцзяна: (этногенез, история, заселение, родовой состав, положение в период русско-китайского разграничения и в 50-е годы XX в.). М.: Наука, 1971. 148 с.
- Афанасьев В.Г., Соколов А.Р.* Благотворительность в России: историографические аспекты проблемы. СПб.: Нестор, 1998. 102 с.
- Бабаян А.В.* Благотворительность в отечественном образовании середины XIX – начала XX вв. Ульяновск: Зебра, 2015. 168 с.
- Баканова М.В.* Русскоговорящая диаспора в Пакистане. Сложности сосуществования // Восточные ветви российской диаспоры. Том 5. Из прошлого в настоящее: коллективная монография / Ин-т востоковедения Росс. акад. наук, Лаб. по изуч. рос. диасп. в странах Востока [отв. ред. Д. С. Панарина]. М.: ИВ РАН, 2022. С. 178–199.
- Баканова М.В.* Феминистское движение в Пакистане: вчера, сегодня, завтра // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1 (ч. 2). С. 306–314. DOI: 10.28995/20736401-2021-1-306-314
- Баканова М.В.* Формирование религиозной и национальной идентичности в интернациональных семьях как фактор противодействия радикализации молодежи // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2. С. 86–94.
- Баранова Ю.Г., Джандусов А.У.* О вынужденной миграции и переходе в российское подданство различных групп мусульманского населения Кульджинского края Синьцзяна // Туган Олке (Родной край). Историко-краеведческий и архивный журнал. 2006. № 1(6). С. 70–86.
- Баранцевич Е.М.* Значение общества Патронат во время войны и народных бедствий. Томск: тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1915. 112 с.
- Басханов М.К.* «У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. СПб.: Нестор-история, 2015. 328 с.
- Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-история, 2018. 629 с.
- Баутдинов Г.А.* Морозовы: предприниматели и благотворители. М.: Журнал Аполло, 2017. 151 с.
- Бахтикереева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: ЦБОиМИ, 2009. 259 с.
- Бахтикереева У.М.* Русофон – русофонный – русофония – русофонная литература – слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021.

- Т. XVIII. Вып. 1. С. 11–17. DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-11-17
- Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1(45). С. 92–97.
- Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБОиМИ», 2009. 259 с.
- Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 1. С. 14–19.
- Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Токарева Н.А.* На «Агоре» сегодня: подходы к изучению транслингвальной литературы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6(2). С. 263–273. DOI: 10.20339/PhS.6-21.263
- Бачелет М.* Права человека в цифровую эпоху: какую роль играют права человека в цифровой век? Основное выступление Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет, Японское общество, Нью-Йорк, 17 октября 2019 г.
- Белкина М.С.* Русские харбинцы в Австралии: сохранение традиций и связь с молодым поколением соотечественников // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: Материалы Второй межд. науч.-практич. конференции, посвященной русской истории города Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. Харбин, 18–20 сентября 2020 г. / Отв. ред. Ли Яньлин; приветствие В.П. Ощепкова, А.И. Денисова, А. Буякова и др. / Отв. за выпуск С.Ю. Еремин. Харбин, Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2022. С. 40–50.
- Бережанская И.Ю.* Сионистские социалистические молодежные организации в Советской России 1920-х гг. (по документам российских и зарубежных архивов) // Память о прошлом – 2018. VII историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России: сб. ст. / Сост.: О. Н. Солдатова (отв. сост.), Г. С. Пашковская. Самара: Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив в г. Самаре». Самара, 2018. С. 277–282.
- Блок Г.Э.* В старой Москве: как хозяйничали купцы и фабриканты: материалы и документы. М.: Моск. рабочий, 1939. 287 с.
- Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. 262 с.
- Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. 187 с.
- Брук С.И.* Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // Советская этнография. 1956. № 2. С. 89–94.

- Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии / Пер. с нем. З.Д. Голубевой; под ред. В.А. Ромодина; предисл. В.А. Ромодина. М.: Восточная литература, 2003. 320 с.
- Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020). М.: Новое литературное обозрение, 2021. 336 с.
- Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Киргизии (1917–1920 гг.): документы и материалы. Фрунзе: Киргосиздат, 1957. 428 с.
- Веред, Мор.* Мэгилат герот. Масаан шел митгайрот [Исповедь женщин, прошедших гиюр. Их путь к принятию иудаизма]. Иерусалим, 2010. (на иврите).
- Взаимодействие как источник обогащения национальной литературы: Коллективная монография. Ташкент: Akademiya, 2007. 272 с.
- Власов П.В.* Обитель милосердия. М.: Московский рабочий, 1991. 301 с.
- Волков И.В.* Организация и деятельность «туземной» милиции в русском Туркестане // Власть. 2018. № 6. С. 162–168.
- Волохова Т.В., Шафранская Э.Ф.* Среднеазиатские социальные типажи как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьева // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 44–59. doi: 10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59.
- Восточные ветви российской диаспоры. Том 4. История и современность: (Коллективная монография). М.: ИВ РАН, 2021. 594 с.
- Врач Г.Ф.* Натинг // Австралиада. Русская летопись. 2005. № 44. С. 22–24.
- Вызго Т.* Алексей Козловский. М.: Музыка, 1966. 152 с.
- Галили З.* Сионизм в Советском Союзе в период от революции до Второй мировой войны // История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза. Т. 3. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2017. С. 110–144.
- Галили З.* Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину // Ab Imperio. 2003. № 4. С. 329–376.
- Ганелин Р.* Сталин и Гитлер (встречались ли они, какую роль играл в создании их союза еврейский вопрос?) // Барьер. Антифашистский журнал. 2000. № 1(6). С. 31–90.
- Гарипова Г.Т.* Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хамида Исмаилова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре: Сб. науч. статей. СПб.: Свое изд-во, 2018. С. 71–86.
- Гарипова Г.Т.* Полилингвизм и транслитературность в контексте метафигуральных стратегий Хамида Исмаилова // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 1. С. 78–87. doi: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-78-87.

- Гарипова Г.Т. Специфика социокультурной модели узбекской литературы в постсоветскую эпоху // Проблемы распада и наследия СССР в современном публичном пространстве: Сб. науч. ст. М.: Книгодел, 2021. С. 105–116.
- Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение. Современные тенденции русской литературной компаративистики. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 125 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Центральная Азия. М.: Издательский сервис, 2002. 780 с.
- Гвати Х. Киббуц: Так мы живем. Иерусалим: Библиотека-алия, 1987. 263 с.
- Гогель С.К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1908. 145 с.
- Головко И.П. Мой путь в Австралию = My travel to Australia: мемориальные записки одного из эмигрантов Австралии / И.П. Головко. Chippendale: Unification Printers & Publishers, 1986. 57 с. (на англ. яз.).
- Головко И.П. Мой путь в Австралию. Мемориальные записки одного из эмигрантов Австралии. Брисбен, Австралия: Типография «Единение», 1986. 57 с.
- Гумеров Р. Шамшаду Абдуллаеву // ARK: Литературно-художественный альманах. Ташкент: Постоянное пред-во Респ. Татарстан в Узбекистане, 2009. № 4. С. 207–210.
- Давишан А.Н. Азия в русской литературе XX века. Ташкент: Mumtoz so'z, 2011. 126 с.
- Декель-Хен Й., Хиллиг Г. В поисках рая: О еврейском землеустройстве в Крыму. Симферополь: Изд. центр БЕЦ «Хесед Шимон», 2004. 120 с.
- Духовский М.В. О личной деятельности в общественной благотворительности. М.: Б.и., 1887. 12 с.
- Еврейское Агентство. Заявление по поводу «Белой книги» Макдональда 1939 г. // Евреи в современном мире. Т. I. С. 583–584.
- Ежегодник министерства иностранных дел. 1897 год. СПб., 1897. 889 с., с разд. паг.
- Ежегодник министерства иностранных дел. 1898 год. СПб., 1898. 771 с., с разд. паг.
- Ежегодник министерства иностранных дел. 1899 год. СПб., 1899. 892 с., с разд. паг.
- Ежегодник министерства иностранных дел. 1907 год. СПб., 1907. VIII, XXVIII, 326 с.
- Ежегодник министерства иностранных дел. 1912 год. СПб., 1912. 314 с., с разд. паг.
- Ежегодник министерства иностранных дел. 1913 год. СПб., 1913. [6], XI, 224, [7], 89 с.

- Ежегодник министерства иностранных дел. 1916 год. Петроград, 1916. XXXVIII, 165 с.
- Ефименко В.М. Трудная судьба писателя (о Всеволоде Никаноровиче Иванове) // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2009. № 3(44). С. 46–54.
- Жаботинский В. Слово о полку. История Еврейского легиона по воспоминаниям их инициатора. Вступит. статья и ком. А. Локшина. М.: Текст, Книжники, 2012. 251 с.
- Завьялов С. Реализм обыденности, реализм маленьких происшествий // Дословно (сборник). М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 5–19.
- Загородникова Т.Н. Вильям Оскарович фон Клемм (1861–1938). Письма русского дипломата-восточника // Восточные ветви Российской диаспоры. Т. 2. Сквозь века и страны. М.: ИВ РАН, 2020. С. 28–53.
- Загородникова Т.Н. И.П. Минаев и военное ведомство // Минаевские чтения. Материалы научной конференции. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2010. С. 81–93.
- Занозина В.Н. Благотворительность и милосердие в России: страницы истории. СПб.: Проект-2003, 2015. 272 с.
- Звягельская И. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 359 с.
- Зернова Р. Иная реальность. Новосибирск: Свиныин и сыновья, 2013. 572 с.
- Зернова Р. Это было при нас. Иерусалим: LEXICON Publishing House, 1988. 245 с.
- Иванов В. Русские сезоны театра «Габима». М.: «Артист. Режиссер. Театр», 1999. 318 с.
- Иванов Вс.Н. «...Минуты роковые». Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1993. № 10. С. 67–113.
- Иванов Вс.Н. Красный лик: мемуары и публицистика / сост., вст. Ст. В.А. Россов. СПб.: АНО «Женский проект»: Алетейя, 2016. 672 с.
- Иванова Л.А. «Русский Полинезиец» Алои Пилиоко (к 75-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 167–180.
- Иванова Л.А. Русский след в Вануату: содействие Н.Н. Мишутушкина в развитие российско-вануатянских связей во второй половине XX века // Российская диаспора в странах Востока: история и современность. Сборник статей по материалам I–III ежегодных международных научных конференций «Российская диаспора в странах Востока» / Отв. ред.: к.и.н. Николаев В.П., ред.-сост.: к.и.н. Пале С.Е. М.: ИВ РАН, 2013. С. 123–131.
- Ивашкевич А.К. Лето в японской деревне // Вокруг света. 1913. № 19. С. 306–310; № 20. С. 324–328.

- Ивашкевич А.К.* Последние дни в Маньчжурии. Из личных воспоминаний // Русское богатство. 1900. № 10. С. 143–168.
- Ивашкевич А.К.* Русские дети в Маньчжурии: Рассказы из пережитого на Дальнем Востоке в 1897–1900 гг. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1912. 316 с.
- Ивашкевич А.К.* У недавних победителей (Риоюн (Порт-Артур), Дайрен (Дальний) // Исторический вестник. 1912. Т. 127. № 3. Январь–март. С. 992–1005.
- Ивашкевич Б.* С кем идти? Харбин: типография КВЖД, 1917. 60 с.
- Ивашкевич Б.А.* Маньчжурский лес. Вып. 1. Описание Восточной лесной концессии общества КВЖД и план хозяйства на нее. Харбин: типография КВЖД, 1915. 503 с.
- Ивашкевич Б.А.* Очерк лесов Восточной горной Маньчжурии. Пг.: тип-ия М.П. Фроловой, 1916. 70 с.
- Ивашкевич В.* Памяти Михаила Петровича Григорьева // Восточное обозрение (Дайрен). 1943. Вып. 16. С. 197–200.
- Измозик В. Ф.Э.* Дзержинский, ОГПУ и сионизм в середине 20-х годов // Вестник Еврейского университета. 1995. № 1(8). С. 141–146.
- Ильин А.Н.* Русофобия Запада: сущность и причины. Известия высших учебных заведений // Социология. Экономика. Политика / Тюменский индустриальный университет. 2021. № 2. С. 19–33.
- И-ч.* Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. Владивосток: [б. и.], 1922. 72 с.
- Казанцев В.П.* Формирование административно-полицейской системы КВЖД (1896–1905) // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 33–43.
- Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.): монография – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 372 с.
- Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: ДВФУ, 2010. 372 с.
- Каневская Г.И.* «Я – бездомный, но зато на воле...»: русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток: ДВФУ, 2005. 232 с.
- Кафтанов Н.Н.* Общественная благотворительность в России к 1889 г. М., Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1888. 80 с.
- Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док. В 2 т. Т. 2: Друг и союзник нового Китая / сост. Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев; под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники ист. мысли, 2010. 526 с.*
- Климанова Е.С.* Благотворительность в российской провинции в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Столетие Первой мировой войны: итоги, уроки, перспективы: материалы

- конф. Вязьма: Филиал Московского государственного индустриального университета в г. Вязьме, 2013. С. 64–68.
- Ключевский, Василий.* Записные книжки. СПб.: ЗАО «Издательство “Пропаганда”», 2003. 206 с.
- Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сборник документов / Отв. ред. Л. Милокова. М.: РОССПЭН, 2007. 995 с.
- Когда мир был широк: российские моряки и путешественники в Австралии: документы, письма, воспоминания / Ред. и сост. Е. Говор и А. Массов. Канберра: Алчеринга, 2007. 315 с.
- Кожекина М.Т.* «Для Англии ... несомненно выгоднее ... иметь соседом великую державную Россию». Итоги разведывательной миссии генерал-лейтенанта Н.С. Ермолова в Индию в 1911 году // Военно-исторический журнал. 2000. № 4. С. 3–11.
- Кожекина М.Т.* Миссия генерала Н.С. Ермолова в Индию (1911 г.). Предварительный анализ секретных документов // Восточный архив. 1999. № 2–3. С. 72–85.
- Козловская Г.Л.* Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание. М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2016. 555 с.
- Колесников Б., Соловьев К.* Памяти проф. Б.А. Ивашкевича (1889–1936) // Вестник ДВФ АН СССР. 1937. № 22. С. 133.
- Коренева-Кулинич О.С.* Русские женщины в Австралии. Сборник первый. Мельбурн: Мельбурнский университет, 1992. 42 с.
- Корчагин К.* «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 448–470.
- Костырченко Г.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. 779 с.
- Костырченко Г.* Тайная политика Сталина. Новая версия Часть I. От царизма до победы во Второй мировой войне. М.: Международные отношения, 2015. 503 с.
- Кравцов А.Н.* Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 303 с.
- Красноусов Е.* Памяти д-ра Г.Ф. Найтинг // Австралиада. Русская летопись. Сидней. 2005. № 44. С. 22–24.
- Краткий отчет о поездке в Индию Генерального штаба подполковника Серебренникова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Добавление № 8. СПб.: Воен. тип., 1905. С. 91–130.
- Кротова М.В.* Вера Анатольевна Ивашкевич: дочь генерала, жена писателя // Люди и судьбы Русского Зарубежья / Отв. ред. А.Б. Ефимов, Е.М. Миронова. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 116–133.
- Крузеништерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания // Россияне в Азии. Тонренто, 1998. № 5. С. 25–83.

- Крылов-Толстикович А.* Придворный календарь на 1915 год. Комментарии. М., 2015. 763 с.
- Кузнецов Н.* Австралия – далекая и близкая. Все об Австралии 1788–2002. Мельбурн: Тип. State Library of Victoria, 2002. 535 с.
- Купцова И.В.* Благотворительность интеллигенции в годы Первой мировой войны // Ученые записки Российского государственного социального университета: Проблемы развития отечественной культурологии: сб. ст. Вып. 1(45). М.: Б.и., 2005. С. 120–124.
- Кутман Ц.* Ярцевская коммуна // Мы начинали еще в России. Воспоминания. Иерусалим: «Библиотека-алия», 1983. С. 121–125.
- Кучина Г.И.* Минувшее разворачивает свиток. Рассказ о жизни русской австралийки из Китая. СПб.: Нестор-история, 2007. 478 с.
- Ларкина Л.Л.* Уральские казаки в Квинсленде. Брисбен: Австралийская лампада, 2011. 376 с.
- Лебедев В.В.* Благотворительная деятельность Омского Епархиального Братства во время Первой мировой войны // Этнокультурные процессы в Сибири, роль русского этноса: история и современность: сб. ст. Ханты-Мансийск, 2005. С. 163–170.
- Лексикон* нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с.
- Листиков С.В.* Мир без России: представительство белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 1(4). С. 15–29.
- Лихачева Т.Н.* Вклад Великой княжны Татьяны Романовой в благотворительность в годы Первой мировой войны // Династия Романовых: 400 лет в истории России: материалы конф. СПб.: ИПЦ Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (СПГУТД), 2013. С. 191–194.
- Локишин А.Е.* Организация сионистской учащейся молодежи «Геховер» в России в 1917–1923 гг. // Восточный архив. 2021. № 2(44). С. 40–43.
- Локишин А.Е.* Рецензия на: From Europe's East to the Middle East Israel's Russian and Polish Lineages Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021 // Восточный курьер. 2022. № 4. С. 252–263. DOI: 10.18254/S268684310023816-5
- Лысенко Ю.А.* Процесс возвращения беженцев – участников Туркестанского восстания 1916 г. из Китая органами советской власти в 20-е гг. XX в. // Народы и религии Евразии. 2020. № 4(25). С. 112–122. DOI: 10.14258/nreur(2020)4-08
- Макдональд М.* «Белая книга» 1939 г. // Евреи в современном мире. Т. I. С. 577–582.
- Максимов Е.Д.* Очерк земской деятельности в области общественно-го призрения. СПб., 1895. 105 с.
- Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. 808 с.

- Манько Ю.И. Выдающийся исследователь лесов Дальнего Востока (к 120-летию Б.А. Ивашкевича) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 3. С. 134–140.
- Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим: «Библиотека-алия», 1977. 451 с.
- Массов А.Я. Коллекция документальных материалов по истории русской иммиграции в Австралии в библиотеке Квинслендского университета // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 11–12. СПб., 2009. С. 66–69.
- Массов А.Я. Польское восстание 1863–1864 гг. и проявление антирусских настроений в Австралии // Роман с Клио. Сборник научных статей и юбилейных материалов, посвященный 60-летию С.Н. Полторака. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2016. С. 124–133.
- Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб.: Б.и., 1998. 239 с.
- Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов членов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во Московского государственного открытого университета (МГОУ), 2004. 106 с.
- Меир Г. Автобиография. Иерусалим: Библиотека-алия, 1989. Кн. I. 272 с.
- Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», «P.S.», 1990. 210 с.
- Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. Алматы: Ғылым, 1997. 264 с.
- Мендикулова Г.М., Атантаева Б.Ж. История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг. Алматы: СаҒа, 2008. 232 с.
- Меньшевики в большевистской России, 1918–1924. Меньшевики в 1919–1920 / Под ред. З. Галили и А. Ненарокова. М.: РОССПЭН, 2000. 936 с.
- Микунис С. Прозрение. Из воспоминаний бывшего генерального секретаря коммунистической партии Израиля // Время и мы. 1979. № 48. С. 148–171; 1980. № 49. С. 140–157.
- Мирза-Ахмедова П.М. Ферганская русскоязычная поэтическая группа и проблема модернизма // Взаимодействие как источник обогащения национальной литературы: Коллективная монография. Ташкент: Akademiya, 2007. 272 с.
- Миронова Е.М. «Мы, признанные союзниками представители России...» Деятельность русской небольшевистской дипломатии в период гражданской войны (1917 – конец 1920 г.) // Россия XXI. 2015. № 1. С. 114–143.
- Моисеев М.А. Былое (M.A. Moiseeff. Byloe) 1894–1980. San Francisco: "GLOBUS PUBLISHERS", 1980. 187 с.

- Морозов Б.* Высланные в Палестину (из истории борьбы с сионизмом в советской России, 1924–1937 гг. // Диаспоры. 2003. № 2. С. 202–228.
- Мушинский К.А.* Устройство общественного призрения в России. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1862. 64 с.
- Мы начинали еще в России.* Воспоминания. Иерусалим: «Библиотека-алия», 1983. 409 с.
- Набоков В.Д.* Плотские преступления по проекту Уголовного Уложения // Вестник права: Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1902. № 9–10. С. 129–189.
- Наземцева Е.Н.* Миграционный кризис на российско-китайской границе в 1917–1920-х гг.: региональный аспект глобальных миграционных процессов XX века // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2021. № 2. С. 96–112.
- Нарежный А.И., Пятикова М.В.* Благотворительная деятельность ведомства путей сообщения в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год: материалы конф. М.: Изд-во Международного независимого эколого-политологического университета (Академия МНЭПУ), 2016. С. 357–367.
- Натинг Г.Г.* История с географией // Австралиада. Русская летопись. Сидней, 2006. № 48. С. 38–40.
- Неизвестная Россия XX век.* М.: Историческое наследие, 1992–1993. Книги I–IV.
- Ненароков А.* К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов: 1917–1924 гг. М.: Наука, 1991. 270 с.
- Непролетарские партии России: Урок истории* / под общ. ред. И.И. Минца. М.: Мысль, 1984. 566 с.
- Нехоран Б.* Коммуна «Мишмар – ХА – Волга» // Мы начинали еще в России. Воспоминания. Иерусалим: «Библиотека-алия», 1983. С. 104–106.
- Николаева М.А.* Пименова Эмилия Кирилловна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 604–606.
- Николаева Н.И.* На благо страны и общества: зарождение и развитие благотворительности в России. М.: ЭСКО, 2018. 272 с.
- Носкович Н.А. (Лекаренко).* Воспоминания «придурка» / Публ. и вступ. ст. Н.Р. Либерман // Нева. 2001. № 4. С. 165–183.
- Нэш, Гэри.* Потерявшие родину. Семейная сага Тарасовых. СПб.: «Лики России», 2011. 296 с.
- Олтаржевский В.П.* Первые постоянные представители России в Австралии и Новой Зеландии // Россия и страны Востока в середине XIX – начале XX вв. Иркутск, 1984. С. 45–52.

- Онкен Г. Лассаль / пер. с нем. А. Ивашкевич. СПб.: О.Н. Попова, 1905. 356 с.
- Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 17–26.
- Отчет есаула Д.И. Ливкина о командировке в Индию // Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1990. С. 173–234.
- Отчет о поездке в Индию в 1905–1906 гг. 1-й Туркестанской артил. бригады поручика Лосева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Дополнение № 9. СПб.: Воен. тип., 1908. С. 1–144.
- Отчет о поездке в Индию генерального штаба капитана Половцова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Дополнение № 9. СПб.: Воен. тип., 1908. С. 145–176.
- Отчет П.П. Атаева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 87. СПб., 1914. С. 1–122.
- Отчет полковника Генерального штаба Лавра Георгиевича Корнилова о поездке по северо-западной Индии // Русские в Индии в конце XIX – первой половине XX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: ИВ РАН, 2022. С. 110–210.
- Пале С.Е. Российские интересы в Океании // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 207–221.
- Пале С.Е. Русские в Океании // Сборник материалов III ежегодной научной конференции Российская диаспора в странах Востока. М.: ИВ РАН, 2013. С. 126–132.
- Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 408 с.
- Петербургское славянское благотворительное о-во. Последние 10 лет первого двадцатипятилетия существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшимся в 1883–1893 гг. / [В. Аристов]. СПб.: С.-Петерб. слав. благотвор. о-во, 1893. 560 с.
- Петриковская А.С. Культура Австралии XIX–XX вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 251,[2] с.
- Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX века). М.: ИВ РАН, 2002. 199 с.
- Пименова Э.К. Дни минувшие. Воспоминания. М.–Л.: Книга, 1929. 196 с.
- Пименова Э.К. Жизнь и приключения Арминия Вамбери. Л.: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1928. 154 с. и др.
- Пинес Д. Ге-халуз и революция // Мы начинали еще в России. Воспоминания. Иерусалим: «Библиотека-алия», 1983. С. 37–43.

- Подалко П.Э. Деятельность российских дипломатов в Японии в 1918–1924 гг. // Россия и АТР. 2000. № 1. С. 65–80.
- Позина Н.С. Пленительная сила женщин // Словесница искусств: культурно-просветительский журнал. Хабаровск, 2012. № 1(29). С. 130–132.
- Попов Ф.В. Закрытие российского посольства в Китае в контексте политико-идеологической борьбы на Дальнем Востоке России (1920) // История: факты и символы. 2016. № 4 (9). С. 122–133.
- Предложение Генеральной ассамблеи рабочих Страны Израиля // Евреи в современном мире. История евреев в Новое и Новейшее время / сост. Флор М. и Рейнхарц Й. М., Иерусалим, 1995. Т. II. С. 533–535.
- Пришивин М.М. Дневники. 1914–1917 гг. СПб.: Росток, 2007. 608 с.
- Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. Т. 4. Май 1920 – июнь 1921. М.: Прогресс-Академия; РОССПЭН, 1996. 544 с.
- Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 гг.). СПб.: Владимир Даль, 2021. 813 с.
- Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.: Наука, 1948. Т. 8. С. 441–490.
- Пятигорский А.М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М.: Языки русской культуры, 1996. 280 с.
- Рахимов Т.Р. Судьбы неханьских народов в КНР. М.: Мысль, 1981. 157 с.
- Российская консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. (Сборник документов). М.: Международные отношения. 2014. 352 с.
- Российские моряки и путешественники в Австралии: [Сборник] [Сост. Е.В. Говор, А.Я. Массов]. М.: Наука: Восточная литература, 1993. 301, [1] с.
- Рубакин Н.А. Приключения знаменитых путешественников. Среди опасностей: Вамбери. СПб.: Просвещение, 1913. 231 с.
- Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М.: Наука, 1991. 191 с.
- Русские в Австралии / Составители И.Л. Аполлонова, Т.С. Гартунг, Г.П. Косицин и др.; худ. оформление Г.П. Косицына; обращение С.В. Лаврова; вступ. слово И.К. Савицкого. Сидней: Австралиада, 2008. 230 с.
- Русские в Австралии. Сидней, Австралия: Изд. Copiworld, 2008. 230 с.
- Русские в Индии в конце XIX – первой половине XX в. Сборник архивных документов и материалов / отв. ред. М.Р. Рыженков. М.: ИВ РАН, 2022. 338 с.

- Русские женщины в Австралии = Russian women in Australia: [Сб.] / Ред. серии N. Christesen. Вып. 1.: / Сост. О.С. Копенева-Кулинич; вступ. Слово от сост-ля. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1992. 47 с.
- Русские женщины в Австралии = Russian women in Australia: [Сб.] / Ред. серии N. Christesen. Сб. 2. Серия: Russians in Australia. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1994.
- Русские харбинцы в Австралии: Юбилейный выпуск к 100-летию основания города Харбина 1898–1998 КВЖД / Общ. ред. Н.А. Мельниковой. Сидней: Б.и., 1999. 93 с.
- Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Книга 4, 1993. СПб.: «Logos», 1993. 363 с.
- Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература РАН, 1999. 527 с.
- Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Восточная литература РАН, 1997. 285 с.
- Рыженков М.Р. Командировка Д.И. Ливкина в Индию в 1898–1899 гг. // Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. М.: Наука, 1990. С. 173–234.
- Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 496 с.
- Сборник архивных документов и материалов. М.: ИВ РАН, 2022. С. 110–210.
- Семенченко Н. Иммиграция 1990-х годов в Израиль: некоторые особенности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002. № 3. С. 97–104.
- Семенченко Н. Наши соотечественники в Израиле – кто они? // Восточные ветви российской диаспоры. Том 2. Сквозь века и страны: (Коллективная монография). / отв. ред. и сост. Д. С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. С. 161–188.
- Семенченко Н. Некоторые аспекты израильской политики абсорбции: от прошлого к настоящему // Миграционные процессы и их влияние на израильское общество. Сборник статей. / под ред. Эпштейна А.Д. и Федорченко А.В.; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Иерусалимский ун-т, Открытый ун-т Израиля. М., 2000. С. 72–89.
- Семенченко Н. О языковой политике в Израиле и русском языке // Государство Израиль: Путь длиною в 70 лет. Монография. / под ред. Т.А. Карасовой, А.В. Федорченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Ин-т междунар. исследований; Ин-т востоковедения РАН. М.: МГИМО-Университет, 2019. 237 [2] с.
- Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1876–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии.

- М.: Т-во научн. изданий КМК, серия Сфера Евразии. 2016. 454 с.
- Серебряников И.К.* Индо-британская армия. Вып. 1-2. Ташкент: штаб ТуркВО, 1903-1908.
- Сионистские партии и организации в СССР, 1920-е гг. / сост. З. Галили, В.Ю. Васильев и др. М.: РОССПЭН, 2019. Кн.1. 1038 с. Кн. 2. 855 с.
- Скидан А.* Сумма поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 45-46.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. 364 с.
- Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1924-1937. 1934. Вып. 1.
- Сперкач А.И.* Кадеты в столице Германии и террор против них // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 547-553.
- Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.
- Список полковников по старшинству. Составлен по 1 марта 1914 г. СПб.: Военная типография имп. Екатерины Великой, 1914. 1439 с.
- Сыроежкин К.Л.* Казахи в КНР: Очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы: Институт развития Казахстана, 1994. 118 с.
- Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: Дайк Пресс, 2003. 736 с.
- Сыроежкин К.Л.* Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 1998. 157 с.
- Тезисы 14-й Всероссийской научной конференции с международным участием «Восточные ветви российской диаспоры», 18 мая 2023, Москва / Ин-т востоковедения РАН. 74 с.
- Тимашева О.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2014. 192 с.
- Тихонов Н.С.* Вамбери: Повесть для юношества. Л.: Гос. изд., 1926. 58 с.
- Глостанова М.В.* Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 400 с.
- Трумфельдор И.* "Гехалуц", его сущность и ближайшие задачи. Пг.: «Кадима», 1918. 16 с.
- Туленбаев Б., Осипов В.* С точки зрения исторической действительности // Социалистический Казахстан. 1989. 14 января. С. 3. (на каз. яз.).
- Уголовный кодекс Узбекской ССР. Ташкент: Юридич. изд-во НКЮ УзССР, 1926. 46 с.

- Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи: XIX – нач. XX в. М.: Наука, 2005. 402 с.
- Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1999. 510 с.
- Усто Мумин (А. Николаев): Альбом / Авт. текста и сост. Р.В. Еремян. Ташкент: Изд-во литер. и иск. им. Гафура Гуляма, 1982. 136 с.
- Уфимцев В.И. Говоря о себе: Воспоминания. М.: Сов. художник, 1973. 172 с.
- Френкель И. Пророчество и политика. Социализм, национализм и русские еврейство. 1862–1917. М.-Иерусалим: Мосты культуры, 2008. 847 с.
- Фролова М.Д. Русские в Австралии: История и современность / Предисловие: О.А. Донских / Вступ. слово: автора / Ред. серии: N. Christesen. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1996. 215 с.
- Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 429 с.
- Хаскин А. Иммигранты-неевреи в Израиле: формирование еврейской и израильской идентичности // Золото Галута. Духовная и культурная интеграция русских евреев в Израиле. Москва-Иерусалим: Гешарим, 2009. С. 101–127.
- Хили Д. Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование социально-гендерного диссидентства. М.: Ладомир, 2008. 620 с.
- Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. 384 с.
- Хистадрут ха-Овдим ха-Клалит ха-Хадаша // Краткая Еврейская Энциклопедия. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1999. Т. 9. Стлб. 832–843.
- Хотимский К.М. Русские в Австралии. Мельбурн: Единение, 1957. 33 с.
- Цыбульский, Марк. Владимир Высоцкий в Полинезии // Газета «Ветер». Вып. № 56. Окленд, 2001. С. 9.
- Чевеков М.С. «Будет ужасная внутренняя война...»: Дневник Михаила Чевекова // Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / Авт.-сост. Н.В. Суржикова, науч. ред. Н.В. Суржикова; Авт.-сост. М.Б. Ларионова, Е.Ю. Лебеденко, и др. М.: РОССПЭН, 2017. С. 112–131.
- Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764–1914. В 3-х т. Т. 3. СПб.: Государственная типография, 1915. 754 с.
- Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. 366 с.

- Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Время, 2007. Т. 2. 912 с.
- Чуковская Л.К. Прочерк: Повесть. М.: Время, 2009. 560 с.
- Чухович Б. «Любовь, дружба, вечность» Усто Мумина. Прага: Artguide s.r.o, 2023. 432 с.
- Шалев М. Русский роман. М.: Текст, 2006. 637 с.
- Шаронова В.Г. Провинция Цзянси в русско-китайских торговых отношениях в конце XIX – начале XX вв. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII. / Сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 363–375.
- Шаронова В.Г. Чень Кайке Русская концессия в Ханькоу // Русское Зарубежье: История и современность. Сборник статей. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 153–159.
- Шафранская Э.Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И.В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.
- Шафранская Э.Ф. Каразин! Азия! // Каразин Н.Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / подгот. Э.Ф. Шафранская; отв. ред. Б.Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. С. 525–596. (Серия «Литературные памятники»)
- Шафранская Э.Ф. О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе // Новое литературное обозрение. 2020. № 1(161). С. 291–306.
- Шафранская Э.Ф. Современная русская проза: Мифопоэтический ракурс. М.: Ленанд, 2015. 216 с.
- Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 304 с.
- Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Бачи в русской культурной рецепции // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. № 1. С. 36–49. doi: 10.22363/2618-897X-2022-19-1-36-49.
- Шиляев Е.П. Моя служба на КЧЖД // Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 169–218; 2000. № 7. С. 199–258.
- Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. Изд. 2-е. 272 с.
- Эйдельман Н.Я. Павел Иванович Бахметьев. Воспроизведено по изданию: Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука, 1965. Т. IV. С. 387–398.
- Элазари Э., Афек И. История еврейского национального движения. 1914–1949. Иерусалим: Библиотека-алия, 1993. 249 с.: ил.
- Altshuler M. Ha-Evseksiia be-Brit ha-Mo'atzot, 1918–1930. Tel Aviv, 1981. 423 pp.
- Baizer M., Izmozik V. Dzerzhinskii's Attitude toward Zionism // Jews in Eastern Europe. Spring 1994. Vol. 25. Pp. 64–70.
- Benson L. The Ili Rebellion Muslim Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949. Armonk: New York; London, 1990. 265 pp.

- Cohen N.* The Americanization of Zionism, 1897–1948. Hanover and London: Brandeis University Press, 2003. 261 pp.
- Dor N.* Korot Tnu'at ha-Avoda ha-Tziyonit Tze'irei Tzion-Hit'achdut be-Rusia ha-Sovyetit. Tel Aviv, 1945. 243 pp.
- Finkel S.* Scholarly Transgressions: The Expulsion of Intellectuals and the Politics of Culture in Soviet Russia, 1920–1924. PhD. dissertation, Stanford University, 2001.
- Fitzpatrick, Sheila.* White Russians, Red Peril: A Cold War History of Migration to Australia. La Trobe University Press, 2021. 350 pp.
- Frankel J.* Prophecy and Politics. Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge, 1981. 686 pp.
- From Europe's East to the Middle East. Israel's Russian and Polish Lineages. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2021. 399 pp.
- Gitelman Z.* Jewish Nationality and Soviet Politics. The Jewish Section of the CPSU, 1917–1930. Princeton: Princeton University Press, 1970. 574 pp.
- Goldstein J., Cahan A.* Jewish Socialists in the United States: The Cahan Debate, 1925–1926. Sussex Academic Press, 1998. 259 pp.
- Halutzim Hayinu be-Rusia. Erez Y. (Ed.). Tel Aviv, 1976. 512 pp.
- Hechalutz be-Rusia. Le-toldot Hechalutz ha-Bilti-Legali (ha-Le'umi-Amlani). Tel Aviv, 1932. 296 pp.
- Igrot Ben Gurion. Erez Y. (Ed.) Vol. 2 (1920–1928). Tel Aviv, 1973. 452 pp.
- Koivukangas O.* An Attempted Finnish Utopian Settlement in Queensland // Journal of the Royal Australian Historical Society. March 1972. Vol. 56. Pt. 1. Pp. 55–63.
- Koivukangas O.* Finns in the Southern Hemisphere – A Comparative Approach // Scandinavian and European Migration to Australia and New Zealand: Proceedings of the Conference Held in Stockholm, Sweden, and Turku, Finland, June 9–11, 1998. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy., 1999. P. 186. P. 185–214.
- Koivukangas O.* Sea, Gold and Sugarcane. Attraction versus Distance: Finns in Australia 1851–1947 // Annales Universitatis Turkuensis. Ser. B. T. 173. Turku: Turun yliopisto, 1986. [2], 400 pp.
- Laskov Sh.* Trumpeldor, Sipur Chayav. 2-nd edition. Jerusalem, 1982. 198 pp.
- Leshchinski Y.* Ha-Yehudim be-Rusia ha-Sovyetit mi-Mahapekhat Oktober ad Milchemet ha-Olam ha-Shniya. Tel Aviv, 1943. Pp. 69–78.
- Levite L.* Bereshit va-Saar. Edut Ishit. Tel Aviv, 1977. 251 pp.
- Ma'or Y.* Ha-Tnu'a ha-Tziyonit be-Rusia me-Reshita ve-ad Yameinu. Jerusalem, 1973. 442 pp.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923– 1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 528 pp.

- Mezhvinsky A.* Prisoner Andersen. 2003. Рукопись. Личный архив А.Я. Массова. 9 pp.
- Mintz M.* Illegal Zionist Organizations in Ukraine // *Jews in Eastern Europe*. Winter 1996. № 3(31). Pp. 58–67.
- Pines D.* Hechalutz be-Kur ha-Mahapekha. Korot Histadrut Hechalutz be-Rusia. Tel Aviv, 1938. 190 pp.
- Radkey O.* The Elections to the Russian Constituent Assembly of 1917. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1950. 179 pp.
- Refaeli A.* (Tzentziper). Ba-Ma'avak li-Ge'ula. Sefer ha-Tsiyonut ha-Rusit mi-Mahapekhat 1917 ad Yameinu. Tel Aviv, 1956. 324 pp.
- Regev M., Seroussi E.* Popular Music and National Culture in Israel. Berkeley: University of California Press, 2004. 308 pp.
- Ritov I.* Prakim be-toldot "Tzerei Tziyon". Tel Aviv, 1965. 178 pp.
- Sefer TsS.* Le-korot ha-Miflaga ha-Tziyonit-Sotzialistit u-Brit No'ar TsS be-Brit ha-Mo'atzot. Erez Y. (Ed.) Tel Aviv, 1963.
- Shapira A.* 'Black Night – White Snow': Attitudes of the Palestinian Labor Movement to the Russian Revolution, 1917–1929 // Reinharz J. and Shapira A. (Eds.). *Essential Papers on Zionism*. New York and London, 1996. Pp. 509–543.
- Shapira A.* Berl, Tabenkin u-Ben Gurion ve-Yechasam le-Mahapekhat Oktober // *Ha-Halikha al Kav ha-Ofek*. Pp. 258–292.
- Stockdale M.* Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880–1918. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1996. 378 pp.
- Tzachor Z.* Le-Moskva ve-chazara – Melhoma shel Brit ha-Mo'atzot ba-Smol ha-Yisra'eli // *Alpayim*. 2003. Vol. 24. Pp. 65–74.
- Tzentziper A.* Eser shnot redifot. Tel Aviv: Brit "Kibuts Galuyot", 1930. 121 pp.
- Watson G.J.* Finnish Emigration in Australia: A Bitter-Sweet Decision // *Siirtolaisuus-Migration*. 1997. No 3. Pp. 3–14.
- Zerubavel Y.* *Recovered Roots. Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*. Chicago: Chicago University Press, 1994. 360 pp.
- Zhongguo 2010 nian Renkou pucha fen minzu renkou ziliao*. Beijing: Publishing House of Nationalities, 2013. 1044 pp. (на кит. яз.).

Периодические издания

- Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. 12 ноября.
- Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. 30 января.
- Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. 30 апреля.
- Делегация палестинских рабочих в Озете // *Трибуна*. № 1–2(10–11), январь–февраль 1928. С. 26.
- Диманштейн С.* Из Палестины в Биробиджан (к приезду палестинской группы переселенцев // *Трибуна ОЗЕта*. 1932. № 21. Август. С. 1.

- «Золотая свадьба» в Харбине у А.К. и А.В. Ивашкевич // Харбинское время. 1938. 30 июня.
- Синьцзян няньцзянь, 1990.
- Affray at Port Adelaide. A Seaman Killed. An Arrest Made // Chronicle. 1 January 1898. P. 21.
- Anarchists in Australia // Examiner. 3 June 1909. P. 3.
- Barque Glenbank Wrecked // Daily Commercial News and Shipping List. 11 February 1911. P. 4.
- Charge with Murder. A Port Adelaide Case. Details of the Crime. Seaman Arrested in Newcastle // Newcastle Morning Herald and Miners' Advocate. 18 January 1898. P. 5.
- Concerning People // The Register. 4 June 1908. P. 4.
- Consul for Russia // Victoria Government Gazette. 22 January 1897. P. 150.
- Death at Hospitals // The Advertiser. 7 August 1908. P. 9.
- Easter Morning Tragedy // The Advertiser. 20 April 1908. P. 5.
- How the Glenbank Capsized // The Sun. 13 February 1911. P. 2.
- Port Adelaide Shooting Case // Observer. 6 June 1908. P. 36.
- Port Adelaide Tragedy // The Express and Telegraph. 21 April 1908. P. 4.
- Supreme Court – Criminal Sittings. Charges of Murder // South Australian register. 24 February. P. 7.
- The Case of Zaphiridis. Petition to the Governor // Evening Journal. 16 June 1908. P. 1.
- The Loss of the Fides // The South Australian Advertiser. 9 June 1860. P. 3.
- The Ocean Monarch Tragedy // Kalgoorlie Western Argus. 9 June 1908. P. 30.
- The Port Stabbing Fatality. Johann Andersen Committed for Trial // The Advertiser. 1 February 1898. P. 7.
- The Wreck of the Fides // South Australian Register. 9 June 1860. P. 3.
- Tragedy at Port Adelaide // The Register. 20 April 1908. P. 4.

Интернет-источники

- 30-летию со дня кончины генераль-майора Казачьяго стана Митрофана Алексѣевича Мойсеева. 06.10.2014. URL: <https://dobrov999.livejournal.com/52136.html>
- Абдуллаев Ш. Окраина // Митин журнал. Самиздат. Вып. 42 (ноябрь-декабрь 1991). Редактор Дмитрий Волчек, секретарь Ольга Абрамович. С. 10–15. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj42/abdullaev.html>
- Абдуллаев Ш. Характеристика «ферганской школы» // Ферганский альманах. О школе. URL: <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm>
- Александр Дехтерев. Биография. URL: <http://facecollection.ru/people/aleksandr-dehterev>

- Алексий (Дехтерев Александр Петрович), архп. Виленский и Литовский. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Часть 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/russkie-pravoslavnye-ierarhi-perioda-s-1893-po-1965-gody-chast-1/48
- Алексий (Дехтерёв): биография. URL: <https://www.peoplelife.ru/7763>
- Алтаэр, Магди. Собрание утонченных (Роман, на русском языке) // Собрание утончённых: современная узбекская литература. URL: <https://library.ferghana.ru/uz/>
- Антибольшевистская Россия (1917–1947). Диск. / Сост. и редактор С.В. Карпенко. РГГУ, 2004. URL: https://www.antibr.ru/reader/ah_prav_k.html
- Архив ДРЗ. Ф. 241. Мартынов Георгий Георгиевич (1921–2006) – председатель Сиднейского отдела Союза чинов Русского корпуса. URL: <https://www.domrz.ru/collection/guide/fond-241-martynov-georgiy-georgievich-1921-2006-predsedatel-sidneyskogo-otdela-soyuza-chinov-russkog/>
- Архив ДРЗ. Ф. 91. Коровников Дмитрий Николаевич. Алексеева Марина Анатольевна. URL: http://www.bfrz.ru/?mod=arhiv&fond_id=407
- Базанов, Сергей. Право умереть за родину // История. 1-15.11.2008. № 21(861). URL: <https://his.1sept.ru/article.php?ID=200802104>
- Баканова М.В. Иерархическая модель привлекательности России для стран ЦА. Аспекты Евразийского ислама // Блог на площадке РСМД, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/marina-bakanova/ierarkhicheskaya-model-privlekatelnosti-rossii-dlya-stran-tsa-aspekty-e/>
- Бекман З. Моя родина – забытая коммуна Война-Нова // Литературный Иерусалим. 2021. № 25. URL: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/moya-rodina-zabytaya-kommunavoyo-nova>
- Борисов О.Б. Некоторые вопросы истории советско-китайских отношений: Доклад на науч. конф. в Ин-те Дальнего Востока АН СССР (ноябрь 1978 г.). URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/politologiya/39-pek.in>
- Бурда, Эдуард. Казачье зарубежье в послевоенное время / Агентство политических новостей (АПН). 29.04.2013. URL: <https://www.apn.ru/publications/article29047.htm>
- Выступление С.В. Лаврова «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни» международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения 2022» // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/1809294/

- Ганин А.В. Воспоминания и стихи А.О. Приданникова как источник по истории Гражданской войны. С. 332–338. URL: <http://orenkazak.narod.ru/PDF/Pridannikov.pdf>
- Голомолзин, Евгений. Гуам. На краю Марианской впадины // Персональный сайт. 03.11.2012. URL: <https://foto-travel.net/2012/11/guam-na-krayu-marianskoj-vpadiny/>
- Гражданство США – остров Гуам // Elma Global. URL: <https://honorarconsul.ru/index.php?an=us-citizenship-guam>
- Дочь амурского капитана основала русское отделение в университете Австралии // Амурская правда. 26.05.2020. URL: <https://ampravda.ru/2020/05/26/096308.html>
- Женис Н., Кыинова Ж.К. Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. 2018. URL: <https://articlekz.com/article/23746>
- Закиров Х. Взгляд с некоторого расстояния. Попытка комментария к тому, что называют «ферганской поэтической школой» // Ферганский альманах. URL: <https://library.ferghana.ru/almanac/hamdam9.htm>
- Из Австралии с любовью. 17.06.2008. URL: <https://www.msun.ru/ru/news/id-2098>
- Из Архива Русского географического общества. URL: <https://www.rgo.ru/ru/photo/risunki-n-n-mikluho-maklaya>
- Исмаилов Х. Календарь Москвы заражён Кораном или Советская империя в поэзии Бродского URL: <https://library.ferghana.ru/uz/br.htm>
- Каждой ночью мне родина снится – незабываемый, тревожный сюжет... // Единение. 24.12.2010. URL: <https://www.unification.com.au/articles/806/>
- Казаков, Алексей. Русский архимандрит в египетском плену. Как священнослужитель с советским паспортом оказался жертвой шпионской войны // НГ религии. 20.11.2018. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2018-11-20/15_454_people.html
- Калашиникова, Вера. Triple anniversary of Nina Mikhailovna Christesen // Единение. 09.11.2021. URL: <https://www.unification.com.au/en/articles/1635747485/>
- Ким М. В закатный час среди цветущих вишен // Русское слово. Литературный сайт совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан. URL: <http://slovo.nx.uz/marta-kim>
- Ким М. Счастье ищите в себе // Русское слово. Литературный сайт совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан. URL: <http://slovo.nx.uz/marta-kim>
- Климович Л.В. Праздники российской эмиграции как отражение исторического кода дореволюционной России (1920–1930-е гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 356–368. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-11-356-368>

- Колода, Яна. Русский язык на пятом континенте // Единение. 06.07.2020. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1594025650/>
- Коровников Дмитрий Николаевич. URL: https://руни.рф/index.php/Коровников,_Дмитрий_Николаевич
- Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятое в 1815–1818 гг. на корабле «Рюрик». СПб., 1821–1823. URL: https://russvostok.ucoz.ru/publ/1815_1818_quot_rjurik_quot_kocebu_o_e/kocebu_o_e_puteshestvie_v_juzhnyj_okean_i_beringov_proliv/puteshestvie_v_juzhnyj_okean_i_beringov_proliv_glava_xiii_plavanie_ot_ostrova_sv_lavrentija_k_ostrovam_radak_i_k_marianskim_ostrovam/109-1-0-498
- Кузьмин, Владимир. Всегда стараюсь узнать что-то новое // Единение. 16.02.2009. URL: <https://www.unification.com.au/articles/67/>
- Кузьмин, Владимир. Харбинцы и их друзья отмечают 60-летие прибытия в Австралию // Единение. 12.09.2017. URL: <https://www.unification.com.au/articles/3862/>
- Кулешов А. Русские исследователи Океании. URL: https://salik.biz/articles/28320russkieissledovateliokeanii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
- Мария Фролова. URL: <https://theoryandpractice.ru/presenters/21945-mariya-frolova/seminars/>
- Минаев Дмитрий Николаевич. Русская эмиграция на стороне Третьего Рейха и его союзников. Генералы. URL: http://samlib.ru/m/minaew_d_n/rus_emig_1_2.shtml
- Митрофан Алексеевич Моисеев. Хронос. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/moisevmial.php
- Моисеев Митрофан Алексеевич. URL: <https://memuarist.com/ru/members/1382.htm>
- Н.Н. Миклухо-Маклай в Полинезии (1871 г.) // Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.ru/n-n-mikluho-maklaj-v-polinezii-1871-g/>
- Наталья Грачёва-Мельникова // Единение. 05.12.2014. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1151/>
- Незабываемые могилы // Журнал Кортик. URL: <https://kortic.borda.ru/?1-19-0-00000106-000-180-0-1679571165>
- Однополым семьям запретили усыновлять российских детей // GARANT.RU. July 3, 2013. URL: <https://www.garant.ru/news/481856/>
- Осадченко В. Летящий остров. Стихи // Дружба народов. 2011. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2011/7/letayushhij-ostrov.html>

- Подалко П.Э. «...новые поколения поднимут факел, выпавший из наших рук». Д.И. Абрикосов штрихи к портрету // Известия Восточного института. 1997. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-pokoleniya-podnimut-fakel-vypavshiy-iz-nashih-ruk-d-i-abrikosov-shtrihi-k-portretu>
- Подготовка к отцовству: как Юлия Савиновских стала Френсисом // Известия. 05.06.2019. URL: <https://iz.ru/885319/anastasiia-chepovskaia/podgotovka-k-ottcovstvu-iuliia-savinovskikh-reshila-smenit-pol>
- Полански, Патриция. Библиотекосведение на побережье Тихого океана: собиратели русских материалов о Дальнем Востоке. // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. 2002. № 3. С. 60–72. URL: https://library.by/portalus/modules/libraries/readme.php?subaction=showfull&id=1532438856&archive=&start_from=&ucat=&
- Портал Дамира Шамарданова. URL: <https://www.shamardanov.ru/arhiv-russkoy-revolutsii-polnostyu-vse-toma-skachat.html>
- Посольство США перестанет выдавать визы россиянам. Американские дипломаты объяснили свое решение российскими санкциями // Lenta.ru. 30.04.2021. URL: https://turbo.lenta.ru/brief/2021/04/30/posolstvo_ssha/
- Прием в Генеральном Консульстве России в Честь Празднования Нового Года и Рождества Христова // Сводно-казачья станция в Австралии. URL: <http://cossack.net.au/en/news/priem-v-general-nom-konsul-stve-rossii-v-chest-prazdnovaniia-novogo-goda-i-rozhdestva-khristova/>
- Программа «Ведомственная программа цифровой трансформации Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству на 2022 год и плановый период 2023–2024 годов». URL: <https://ppt.ru/docs/programma/277415?ysclid=lh49q5wt26816571071>
- Прот. Александр Киселев. Облик генерала Власова. Записки военного священника // Put' Zhizni, St. Seraphim Foundation, Inc. 322 West 108 Street New York, N.Y. 10025, U.S.A. Library of Congress Catalog Card № 76-50910 Printed in U.S.A. by Computo-print Corporation 335 Clifton Ave., Clifton, N.J. URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/is/elev.htm
- Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным. М.: Мысль, 1965. URL: http://az.lib.ru/g/golownin_w_m/text_0020.shtml
- Путь к успеху. История кинофестиваля «Русское Возрождение» в Австралии // Русское географическое общество – Общество изучения Амурского края. 18.03.2019. URL:

- <http://оиа.рф/news/2019-03-18/put-k-uspekhu-istoriya-kinofestivala-russkoe-vozrozhdenie-v-avs>
- Романова, Ольга. Взгляд на остров Гуам, как на остров русских. Русские на Гуаме // Владмама. 21.12.2014. URL: <https://vladmama.ru/puteshestviya-za-rubezh/1419157888/vzglyad-na-guam-kak-na-ostrov...-russkih>
- Росстат – Туризм / Въездные и выездные туристские поездки / Въездные и выездные туристские поездки (с 2014 г.). Файл XLSX, 125.16 Кб, 10.05.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>
- Русское слово. Литературный сайт совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан. URL: <http://slovo.nx.uz/marta-kim>
- Смолина В. Русский доктор // Единение. 23.10.2017. URL: <https://www.unification.com.au/articles/3924/>
- Смородкин, Сергей. Отблеск пожара. Дневник гимназиста. 1917 год // Гудок. Вып. 06.01.2004. 10 полоса. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=764860>
- Союз чинов Русского корпуса (СЧПК). URL: <http://whiterussia1.narod.ru/EMI/SOUZRUSCOR.htm>
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы, в 2 кн. М.: Вузовская книга, 2006. URL: http://royallib.com/read/supotnitskiy_mihail/ocherki_istorii_chumi_kniga_ii_chuma_bakteriologicheskogo_perioda.html#455284/
- Татьяна Гартунг получила награду России // Единение. 23.07.2019. URL: <https://www.unification.com.au/articles/1563423530/>
- Теликовка. Саратовская область. URL: <https://outdoors.ru/russiaoutdoors/index9.php?id=27550>
- Туркестанское восстание 1916 г.: история в документах и современные мифы. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=12094374@cmsArticle>
- Фамилия Алексеев // Центр генеалогических исследований. URL: https://rosgenea.ru/familiya/alekseev/page_25
- Фролова Мария Дмитриевна. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/experts-archive/1995/>
- Харбинцы и их друзья отмечают 60-летие прибытия в Австралию // Посольство Российской Федерации в Австралии. URL: <https://australia.mid.ru/harbincy-i-ih-druz-a-otmeca-60-letie-pribytia-v-avstraliu>
- Чуваков В.Н. Незабываемые могилы. Т. 6. Кн. 3. X-Я / Рос. гос. б-ка; Сост. [В.Н. Чуваков]; Под ред. Е.В. Макаревич. М., 2007. 704 с. URL: https://pomnirod.ru/assets/files/nekropol/nezabutie_mogili/Незабытые%20могилы%20Чуваков%20В.Н.%20гос.б-ка%20Х-Я.pdf
- Шафранская Э.Ф. Усто Мумин: превращения. Издательская программа Музея «Гараж», 2023. URL:

- <https://www.litres.ru/book/leonora-shafranskaya-32553877/usto-mumin-prevrascheniya-69164932/chitat-onlayn/>
Coming to America: Russian asylum-seekers build new lives in Bayfield
// APG Wisconsin. February 9, 2023. Найдено в Интернете
поиском «Russian Diaspora Guam».
- Jojo, Santo Tomas*. Russian nationals on Guam, seeking asylum, rally for
action // Pacific Daily News. November 13, 2020. URL:
<https://www.azcentral.com/story/news/local/2020/11/13/hagatna-guam-us-government-asylum-russian-nationals-rally/6289906002/>
- Lavers, Michael K.* Russian LGBTQ asylum seekers stranded in Guam // Washington Blade. April 7, 2021. URL:
<https://www.washingtonblade.com/2021/04/07/russian-lgbtq-asylum-seekers-stranded-in-guam/>
- Lissitsa S., Peres Y.* Criteria of Sociocultural Adjustment: The Case of the Russian Community in Israel since 1989 // International Journal of Intercultural Relations. 2011. No. 35. Iss. 2. Pp. 205–212. DOI:10.1016/j.ijintrel.2010.09.002
- Matanane, Sabrina Salas*. Russians on Guam protest conflict in Ukraine, demand peace // KUAM News. February 28, 2022. URL:
<https://www.kuam.com/story/45962467/russians-on-guam-protest-conflict-in-ukraine-demand-peace>
- O'Connor, John*. Russian asylum seekers plan hunger strike // The Guam Daily Post. February 21, 2021. URL: https://www.postguam.com/news/local/russian-asylum-seekers-plan-hunger-strike/article_20fbf5d6-728a-11eb-b9f5-0387035e8bdb.html
- Prashizky A.* Ethnic Fusion in Migration: The New Russian-Mizrahi Pop-culture Hybrids in Israel // Ethnicities. 2019. Vol. 19. Iss. 6. Pp. 1062–1081. <https://doi.org/10.1177/1468796819827452>
- Rasmussen C.* From Tourists to Asylum Seekers: Russian Citizens in Guam, 2012–2021. C. 191. URL: https://www.uog.edu/_resources/files/schools-and-colleges/college-of-liberal-arts-and-social-sciences/pai/v12/10.Rasmussen_revisions.MS_PRINT_READY.REVISED_on_9.27.21.pdf
- Remennick L.* Russian-Speaking Israelis in the Ethno-Social Tapestry of Israel // Handbook of Israel: Major Debates. Ed. by Eliezer Ben-Rafael, Julius H. Schoeps, Yitzhak Sternberg and Olaf Glöckner. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2016. Pp. 201–216. <https://doi.org/10.1515/9783110351637-017>
- Remennick L., Prashizky A.* Generation 1.5 of Russian Israelis: Integrated but Distinct // Journal of Modern Jewish Studies. 2019. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 263–281. DOI:10.1080/14725886.2018.1537212.
- Remennick L., Prashizky A.* Russian Israelis and Religion. What Has Changed after Twenty Years in Israel? // Israel Studies Review. 2012. Vol. 27. Iss. 1. Pp. 55–77. DOI: 10.3167/isr.2012.270104

- Ridgell, Clynt.* Two More Russian Bombers Circled Guam on December 13th // PNC News First. December 23, 2014. URL: <https://www.pncguam.com/two-more-russian-bombers-circled-guam-on-december-13th/>
- Romanes, Roselle.* Popular Travel Blogger from Russia Shares How Russian Travelers View Guam // PNC News First. November 20, 2014. URL: <https://www.pncguam.com/popular-travel-blogger-from-russia-shares-how-russian-travelers-view-guam/>
- Salo A.H.* The Kalevan Kansa Colonization Company, Limited: A Finnish-Canadian Millenarian Movement in British Columbia. A Thesis... for the Degree of Master of Arts. Univ. of British Columbia. Vancouver, 1978. 418 pp. URL: <https://open.library.ubc.ca/soa/cIRcle/collections/ubctheses/831/items/1.0094444>
- Taitano II, Joe.* China-Russia bomber patrol near Guam // Guam Daily Post. July 14, 2023. URL: https://www.postguam.com/news/local/china-russia-bomber-patrol-near-guam/article_dbc6fc9c-08ee-11ee-9231-873485b35af7.html
- Toves, Jolene.* Student forum tackles illegal immigration // Marianas Variety. April 23, 2023. URL: https://www.mvariety.com/news/student-forum-tackles-illegal-immigration/article_d1bd7700-e178-11ed-8814-a70cc4707d6e.html
- Zubida Hani, Lavi Liron, Nakash Ora et al.* Home and Away: Hybrid Perspective on Identity Formation in 1.5 and Second Generation Adolescent Immigrants in Israel // Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation. 2013. No. 1. URL: https://glocalismjournal.org/wp-content/uploads/2020/03/harper_gjcpi_2013_1.pdf. DOI: 10.12893/gjcpi.2013.1.6

СПИСОК АВТОРОВ

- Аблажей Наталья Николаевна*, доктор исторических наук, вед. науч. сотр., Институт истории Сибирского Отделения РАН, Новосибирск, Россия.
- Антошин Алексей Валерьевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.
- Баканова Марина Владимировна*, главный врач «Dua Hospital» Международного медицинского центра, писатель, публицист, аналитик, независимый исследователь, Исламабад, Пакистан.
- Балтабаева Кулгазира Нурановна*, кандидат исторических наук, Исполнительный директор Ассоциации выпускников, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан.
- Гарипова Гульчира Талгатовна*, доктор филологических наук, доцент, профессор института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, профессор кафедры филологии и лингво-культурологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия.
- Загородникова Татьяна Николаевна*, кандидат исторических наук, вед. науч. сотр. Центра индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия.
- Игнатьева Мария Николаевна*, независимый исследователь, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Каневская Галина Ивановна*, доктор исторических наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
- Кочетков Дмитрий Сергеевич*, мл. научн. сотр. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.
- Кротова Мария Владимировна*, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, медиа-логии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия.

Локшин Александр Ефимович, кандидат исторических наук, вед. науч. сотр. Отдела Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Массов Александр Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета; профессор магистерской программы «Исследования Тихоокеанского региона» факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, вед. науч. сотр. Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, вед. науч. сотр. Отдела истории Русского зарубежья, Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия.

Нестерова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Семенченко Нина Абрамовна, ст. науч. сотр. Отдела Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Скоробогатых Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, ст. науч. сотр. Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Шафранская Элеонора Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Щербаков Илья Владимирович, редактор военно-исторического журнала «Орловский Военный Вестник», Орел, Россия.

Научное издание

ВОСТОЧНЫЕ ВЕТВИ РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

Том 6

Коллективная монография

Редактор: *Д. С. Панарина*
Оформление: *Е. М. Астафьева*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 12.12.2023. Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 32. Уч.-изд. л. 21,8

Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)

Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*

107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных
в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной
почты izd@ivran.ru